

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА КАРЕЛИИ

Русские
эпические
песни Карелии

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ» 1981

ББК 82.3Р
РФ
Р89

КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Издание подготовила
Н. Г. Черняева

Научный редактор
доктор филологических наук
Б. Н. Путилов

Утверждено к печати
Ученым советом
Института языка,
литературы и истории
Карельского филиала.
АН СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник составлен по материалам, собранным в 1930—60-е годы на территории КАССР и хранящимся в архиве Карельского филиала АН СССР (далее — архив). В сборник вошли былины, баллады и «старшие» духовные стихи, большинство из которых по типу сюжетов и по поэтике близки былинам и до сих пор встречаются на Русском Севере.

По предварительным данным в архиве хранится более 250 неопубликованных былин, 200 с лишним баллад и около 100 духовных стихов, записанных в основном в Карелии. Архив пополняется за счет экспедиционных материалов последних лет. В сборник включено 54 текста: 36 былин, 8 баллад и 10 духовных стихов. Все тексты публикуются впервые.

Принципы отбора текстов обусловлены целями издания. Составитель сборника стремился представить по возможности максимальное количество сюжетов, бытовавших и бытующих в Карелии, учитывая также качество того или иного варианта — его полноту, каноничность. Исключением из этого являются редкие сюжеты, например, «Голубиная книга», «Саул Леванидович». В этом случае важен сам факт их публикации, которая, быть может, будет полезна для ряда фольклористических исследований. При подборке текстов была поставлена и другая задача — ввести в науку имена новых исполнителей, заслуживающих внимания своим репертуаром и манерой исполнения (И. А. Степанова, А. А. Портнягин, К. Е. Ремизова, А. С. Логинов). Наряду с ними в сборнике есть и знакомые имена прославленных сказителей Карелии: И. Т. Фофанова, А. М. Пашковой, А. Ф. Трухавой, П. Г. Горшкова, М. Е. Самылина и др. Сборник предоставляет новый материал фольклористам, интересующимся проблемами вариативности эпических текстов, типологией сказительского искусства. Задачи эти вовсе не частные. Самым непосредственным образом они связаны с вопросами поэтики фольклорных текстов, механизмом их запоминания и функционирования в традиционном крестьянском быту. Публикация вариантов фольклорных произведений уже известных науке сказителей дает возможность сопоставить записи разных лет и сделать более четкие выводы об исполнительском

типе певца, его репертуаре и «учителях». Последнее обстоятельство принималось во внимание при выборе сказителей, которые публикуются впервые, но источники эпического знания которых известны. В случае, если есть записи от «учителей», также можно установить характер варьирования былинных текстов. Разумеется, не всегда это удается. О некоторых исполнителях не осталось даже точных паспортных данных, не говоря уже о других сведениях (например об А. А. Портнягине, А. С. Логинове). Однако довольно интересный репертуар этих певцов, их незаурядный талант несомненно заслуживают внимания.

Согласно давней и хорошей традиции русской фольклористики, сборник построен по историческим регионам Карелии (Заонежье, Пудож, Карельское Поморье) и по сказителям. В архиве эти эпические центры представлены наиболее полно. В паспортных данных учитывалось современное районирование КАССР, укрупнение населенных пунктов.

При подготовке сборника составитель ориентировался в первую очередь на «Былины Севера» А. М. Астаховой¹, издание, которое по праву считается образцовым в нашей фольклористике в силу полноты материала, удобства его расположения и высокого научного уровня комментариев. Конечно, в таком жанре, как например заметки о сказителях, трудно соперничать с А. М. Астаховой, которая прекрасно знала материал и каждого сказителя. В наших небольших очерках нет теплоты непосредственного общения со сказителями — большинства из них уже нет в живых, поэтому заметки кратки и чисто информационны. Лишь некоторые исполнители оставили свои автобиографии, сохранившие безыскусность и искренность разговорной речи, и немногие собиратели написали о своих впечатлениях от знакомства со сказителями. Однако мы благодарны собирателям за их нелегкий труд: ведь в 30-е и первые послевоенные годы записывали от руки, без магнитофонов, и каждому фольклористу понятно, насколько это тяжело и сколько профессиональных собирательских навыков требует такая работа.

В заметках об исполнителях даны биографические сведения о них, об источниках их былин, если они известны, о фольклорном репертуаре. В конце заметки приводится литература о сказителе, о публикациях его былин.

В комментарии входят: краткое описание сюжета, библиография исследований его, перечень опубликованных вариантов. При составлении библиографии сюжетов и вариантов ссылка часто делалась на последнее издание былин, в котором наиболее полно представлены эти сведения. Например в двухтомном

¹ Былины Севера. Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой. Т. I. Мезень и Печора. М.—Л., 1938; т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. М.—Л., 1951.

издании «Былин Севера» дан подробный перечень и анализ довоенных и советских исследований по сюжетам, а также указаны все опубликованные варианты. Мы дополнили эти данные последними работами по былинам, балладам и духовным стихам, вышедшим в Советском Союзе и за рубежом. В комментарии включены и новейшие публикации вариантов. Сюжеты расположены как в сборнике «Былины Севера». Толкование сюжета дается по возможности краткое, особенно если он хорошо изучен и не слишком дискуссионен, или, напротив, обойден вниманием в науке. В ряде случаев составитель сборника высказывал и свои предположения о том или ином сюжете в тех пределах, которые допустимы в издании подобного типа.

Тексты сборника сохраняют названия, данные им сказителями. Если же таких нет или по ним невозможно понять, что это за былина, то в скобках дается ее название, принятое в науке, а также указываются элементы контаминации, если она не велика. Первая цифра дроби означает номер коллекции, вторая — единицу хранения. Все рукописные материалы хранятся в фонде I, опись I архива. Буквой «ф» обозначена фонотека Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

Впервые в былиноведении сделана попытка установить тип сюжета и типы мотивов, составляющих его¹, по указателям Томпсона, Аарне — Томпсона, Аарне — Андреева². Здесь возникло много сложностей. Во-первых, в этих указателях не всегда дифференцируется понятие сюжета и мотивов как его компонентов. Во-вторых, в указателе Томпсона славянский материал представлен слабо. Распределение сюжетов по индексам легче всего удавалось в тех случаях, когда былины, баллады и духовные стихи сохранили «чистую» фольклорную схему, при этом, как правило, архаичную и международную и не подверглись заметной исторической трансформации и воздействию других сюжетов и жанров. Многое зависело от того, есть ли в современной науке устойчивая, академическая концепция того или иного сюжета.

Публикуемые варианты снабжены необходимыми паспортными данными: в них указан собиратель, время записи, фамилия, имя, отчество сказителя, его возраст в момент исполнения, место записи и регион, а также место постоянного жительства, иногда — место рождения. Сообщается и о других вариантах

¹ Заслуживает внимания в этом плане опыт издания сб.: *Finnish folk poetry epic*, I. An anthology of Finnish and English. Helsinki, 1977.

² Thompson S. Motif-index of folk-literature:— FFC. N 106—109, 116—117. Helsinki, 1932—1936; Thompson S. The Types of the Folktale. S. Thompson — A. Аагпе.— FFC, vol. LXXV, N 184. Helsinki, 1964; Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

текстов, записанных от этого сказителя, опубликованных или хранящихся в архиве.

Текст исполнения характеризуется с точки зрения полноты, состава, если это контаминация — влияния других сюжетов, типичности текста для данного региона, каноничности. Особое внимание уделяется степени варьирования текста исполнителем. Приводятся и варианты других сказителей, наиболее близкие данному. При характеристике вариантов немалую роль играют сведения об их источниках, об условиях записи, об оценке произведения самим сказителем, о том, пел он или рассказывал. Все полученные из архива данные такого рода также публикуются либо в заметке о сказителе, либо в комментарии к варианту.

Привлечение и текстологическая обработка записей разных лет, сделанных разными собирателями, каждый из которых выработал свой принцип фиксации текста,— задача трудоемкая. Подавляющее большинство текстов записано от руки, а не на магнитофон, и следует помнить, что собиратели не всегда успевали записать все полностью, прибегали к сокращениям самых распространенных формул и слов. Расшифрованные фрагменты текста даны в скобках. Обычно, если указывалось только начало слова (слог или буква) и конец или лишь начало, выбирался наиболее употребительный в данном тексте вариант слова или формулы. Некоторые тексты записаны сплошь, без разделения на строки, и не потому, что стих перешел в прозу, а по причине сложных полевых условий. В таких случаях разделение строк проводилось по нашему усмотрению. Прозаизированные фрагменты текста вынесены за строку влево, пояснения сказителя к тексту, сделанные в процессе исполнения, даны курсивом в скобках.

Судя по записям, большинство собирателей руководствовалось орфографическим принципом фиксации текстов, только отдельные звуки (ј — э) или фрагменты записаны фонетически. Наши наблюдения показывают, что полевые условия, необходимость послать за сказителем, может быть, недостаточно продуманные принципы записи, непоследовательность в их реализации на практике отразились на качестве записей текстов: некоторые из них с трудом поддаются прочтению.

Публикуемые тексты даны в орфографическом виде с передачей большинства фонетических особенностей диалекта. Пунктуация пересмотрена, тексты представлены в соответствии с современными грамматическими правилами и с учетом поэтических особенностей материала.

Основные принципы текстологической работы свелись к следующему:

1. Общерусские слова в общерусском произношении передаются в обычном литературном написании. Не фиксируются: оглушение согласных на конце слова; ассимиляция согласных

по звонкости и глухости; «ы» вместо «и» после шипящих и «ц»; «яканье» как очень редко встречающееся в записях (за некоторым исключением), редуцированные гласные в подавляющем большинстве случаев; окончания глаголов -тца, -тца, -тса, -тце заменяются на -тся, -тсе; «шч» на «щ» (еще вместо еще).

2. Сохраняются: удвоенные согласные, непроизносимые согласные, мягкость в середине слова, если она имеет диалектную природу (церькви, цядо, царьство), мягкость на конце слова (прощеньца, Муромца); оканье (раздернуть, рассыпать); еканье (соберал, деван, на перу); «ё» в словах, произношение которых отлично от литературного (ён, синё морё); «у» неслоговое (растоунулись); выпадение слогов и гласных при ускоренной речи (грит, т. е. говорит, вид'ли); цоканье во всех его видах.

Замена «е» на «и» в окончаниях существительных, прилагательных и местоимений иногда обусловлена смешением падежей и относится к грамматическим особенностям диалекта, которые сохраняются (к матушки, говорит Добрынушки Никитичу, ср. фонетические особенности, которые также обычно фиксируются: шелковый, завидущий).

В справочный аппарат включены список сюжетов и вариантов, опубликованных в сборнике, список исполнителей, список сокращений, а также словарь диалектных и старинных слов, составленный автором вместе со старшим лаборантом сектора фольклора и этнографии В. П. Кузнецовой.

О БЫЛИННЫХ СКАЗИТЕЛЯХ КАРЕЛИИ

«Русская школа» фольклористики выработала классическую форму издания сборников былин по сказителям, со вступительной статьей о них и с характеристикой не только сюжетов, но и вариантов. Тип такого издания оказался очень устойчивым. Это обусловлено тем, что творчество сказителей было непреходящей темой нашего былиноведения.

Ею занимались собиратели XIX века, начиная с П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, а также советские фольклористы — Б. М. и Ю. М. Соколовы, А. М. Астахова, В. И. Чичеров и другие. Изучение сказительского искусства, типов исполнительства сопровождалось параллельным исследованием поэтики былинного текста, поскольку этого требовала сама методика сравнения вариантов. Наиболее простые и продуктивные приемы анализа вариантов предложила А. М. Астахова в известном вступлении к первому тому «Былин Севера». Сопоставление текстов проводилось на сюжетно-композиционном и «стилевом» уровнях. А. М. Астахова классифицировала исполнителей по тому, как они воспринимают былины и передают их. Результатом явилось выделение трех типов сказителей: 1) сказители-передатчики, «перенявшие тексты совершенно или почти точно в таком же виде их передающие»; 2) сказители, которые усвоили «общий остав» и в процессе исполнения выработали свой текст; 3) сказители-импровизаторы.

Классификация А. М. Астаховой во многом оправдала себя в приложении к богатому былинному материалу Заонежья, Пудожа, Печоры и Зимнего Берега. Ценность ее выходит за пределы частного вопроса. Перед нами одна из попыток разобраться в механизме передачи и существования эпических текстов как текстов фольклорных, отличных по структуре и способу функционирования от привычных нам литературных, авторских текстов.

И все же в работе А. М. Астаховой о сказителях чувствуется инерция литературоведческого подхода к фольклору. Современная теория художественного текста уже не довольствуется прежними положениями и конкретными приемами членения канонических фольклорных текстов. Основываясь на известной

в структурной лингвистике аналогии между языком и фольклором, американские исследователи М. Пэрри и А. Б. Лорд использовали более строгие лингвистические методы анализа эпических текстов, сочетая их с традиционным подходом¹. Внимание сосредоточивалось не только и не столько на повествовании, но и на словесных компонентах — «эпических формулах» и «формульных выражениях». Были открыты способы их варьирования по законам «формульной грамматики». Сущность ее заключается в том, что словесные элементы текста заменяются друг на друга и сочетаются с другими по принципу фольклорной синонимии, которая ставит определенные границы варьированию. Обучение сказительству как раз и сводится к усвоению правил этой «формульной грамматики» на опыте, а затем к совершенствованию этих навыков, если созданы благоприятные условия для творчества.

Учитывая общие положения структуральной теории текста, можно и следует скорректировать методики А. М. Астаховой и М. Пэрри — А. Б. Лорда. Для сопоставления былинных вариантов может быть предложена следующая типологическая шкала: 1) уровень повествовательных единиц — мотивов (сюжетно-композиционный); 2) уровни словесных единиц: а) строф или сверхфразовых единиц, объединяющих группы строк (фраз) по ряду признаков; б) строк (фраз) — их компонентов, которые, в свою очередь, включают в) «эпические формулы» (словосочетания устойчивого типа), г) «эпические лексемы» (слова). В пределах «эпических лексем» варьируют д) морфемы и фонемы. Таким образом расширяется круг признаков, по которым сопоставляются тексты. Для определения типа исполнителя важно учитывать не только диапазон и приемы варьирования текста, но и материал для варьирования. Им бывает «эпический запас», присущий данной былине, общеэпический фонд, другие фольклорные жанры и их тексты. Традиционность былин сказителей также является типологическим определителем их творчества².

Объем и жанр вступительной статьи ограничивают анализ сказительского искусства на всех предложенных уровнях. Специальное исследование с элементами статистики сделает это намного лучше и точнее. Наша задача скромнее: хотя бы по наиболее главным признакам — сюжету, композиции и строке — выяснить характер исполнения и сгруппировать сказителей, представленных в сборнике, по типам.

Изучение эпического сказителя и носителя фольклора вообще по сути дела сводится к анализу правил запоминания текстов, количественного и качественного учета этих приемов. При

¹ Lord A. B. *The singer of Tales*. Cambridge — Massachusetts, 1960.

² Черняева Н. Г. Проблемы типологии искусства северорусского былинного сказителя. АКД. Минск, 1977.

этом речь идет не о памяти в общепринятом понимании, а о жанровой памяти на данный тип фольклорных текстов, обладающих своей организацией и своими закономерностями бытования в традиционном крестьянском быту.

Структура былинной, шире — эпической, памяти отражает структуру былинного текста. Именно поэтому эпическую память можно определить как способность сказителя отбирать, хранить и воспроизводить те или иные элементы эпического текста в их взаимосвязях друг с другом, в результате чего и рождается былина как целое.

Все эти рассуждения становятся осозаемыми, когда начинается сопоставление текстов учителя и ученика и повторных записей от одного исполнителя. Законы «формульной грамматики» объясняют лишь общие закономерности эпического творчества, не выделяя в нем подтипов. Подтип эпической памяти (или типы ее) характеризуется рядом черт: количественной стороной — диапазоном варьирования, выбором преобладающих для данного типа способов запоминания текстов; качественной — созданием текста, который в разной степени «удален» от «первоисточника» — текстов учителя или других вариантов сказителя; каноничностью семантических категорий (пространства и времени, поведения персонажей и т. д.) и структурных уровней.

В предисловии уже говорилось о том, что в сборник включены былины известных науке сказителей и тех, с которыми встречаемся здесь впервые. Такая публикация облегчает работу над творчеством сказителей: появился новый и доступный всем материал для сравнения текстов, записанных от сказителей в разное время. На его основе есть возможность более определенно высказаться о типе того или иного исполнителя.

Начнем с тех, кого А. М. Астахова назвала сказителями-«передатчиками». Эти исполнители фиксируют конкретные текстовые единицы, их набор, связи и последовательность в тексте. Близость вариантов их настолько велика, что иногда создается впечатление заученности текста. Модели почти не используются в их сказительской практике. Былины этой группы сказителей, как правило, строго эпичны, они почти всегда поются — не зря А. М. Астахова называла их стиль «классическим». К таким исполнителям принадлежит А. Ф. Трухавая из Заонежья. Былины ее впервые опубликованы А. М. Астаховой во втором томе «Былин Севера» (№ 148—151). Уже тогда собирательница отметила «твердое знание текста» сказительницей и высокие художественные достоинства большинства ее былин. Повторные записи Е. П. Родиной в 1938 году позволяют отнести А. Ф. Трухавую к первому типу исполнителей.

Сравним фрагмент «Первый бой Добрыни со змеем» из былины о Добрыне и змее (Аст., № 148, сб., № 16). Обозначим цифрами набор мотивов из записи А. М. Астаховой: 1 — Добрыня

просит мать отпустить его к Пучай-реке, 2 — мать не дает ему разрешения, 3 — Добрыня нарушает запрет матери, 4 — Добрыня седлает коня, 5 — Добрыня едет к Пучай-реке, 6 — формула времени, 7 — Добрыня приезжает к Пучай реке, 8 — Добрыня слезает с коня, 9 — Добрыня ныряет в реку, 10 — Добрыня благополучно выплывает из реки, 11 — Добрыня вспоминает наказ матери, 12 — появляется змей, 13 — змей нападает на Добрыню, 14 — Добрыня пугается, 15 — Добрыня берет шапку «земли греческой», 16 — Добрыня бьет змея шапкой, 17 — змей просит Добрыню побрататься с ним, 18 — змей кладет запрет на себя, 19 — змей кладет запрет на Добрыню, 20 — змей и Добрыня разъезжаются. Тот же набор мотивов характеризует и опубликованный в нашем сборнике вариант. Сюжетно-композиционная схема обоих вариантов выглядит так:

Аст., № 148	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Сб., № 16	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Аст., № 148	15	16	17	18	19	20								
Сб., № 16	+	+	+	+	+	+								

При повторном исполнении А. Ф. Трухавая в точности воспроизвела как набор мотивов, так и последовательность их во фрагменте.

Разумеется, даже у сказителей 1-го типа подобное буквальное повторение сюжетно-композиционного уровня текста встретишь не всегда. Такой максимальной стабильностью обладают лишь отдельные, хотя и довольно крупные фрагменты (см., например, примечания к былине о Добрыне и змее, № 16, о Дюке Степановиче, № 18, о Ставре, № 17). А. Ф. Трухавая пропускает или включает несюжетообразующие мотивы или такие сюжетообразующие, присутствие которых в былине не приводит к заметным смысловым сдвигам в повествовании, а сохраняет быльну в пределах прежнего варианта.

Сказанное относится и к словесным уровням текстов А. Ф. Трухавой. Правда, как и у всех без исключения исполнителей, словесная сторона текстов гораздо подвижнее, изменчивее, нежели повествовательная. В анализируемых двух отрывках из былины о Дюке подчеркнем несовпадающие словесные компоненты стихов (Аст., № 149, сб., № 18):

Как поехал ведь боярин Дюк Степанович,
Положил-то он заветы крепкие:
Что ведь дома-то стоять заутреню,
А во Кеев-град поспеть надоть к обеденки.
Перва застава приходит а ѹ великая:

Пришли горушки-то потолкучии,
Только горушки растоунулись — не стоунулись.
Всё ли Бурушка-Кавурушка проскакивал,
Уж он маленький косматенький провёртывал,
Берега-то вси озёра промеж ног спускал,
С горы на гору да с холмы на холму.
И другой застава приходит да й великая:
Пришли птиценьки-то тут да й поклевучии.
Не успели птицы крылышков расправливати,
Всё ли Бурушка-Ковурушка проскакивал,
Всё ли маленький косматенький провёртывал,
Берега-то вси озёра промеж ног спускал,
С горы на гору да й с холма на холму,
Третья застава приходит да й великая:
И пришли змеи-то ведь тут да й поедучии.
И не успели эмей хобутов расправити,
Всё ли Бурушка-Ковурушко проскакивал,
Всё ли маленький косматенький провёртывал,
Берега-то вси озёра промеж ног спускал,
С горы на гору да с холмы на холму.

(Сб., № 18.)

Ср.:

Как поехал ведь боярин Дюк Степанович,
Положил-то он заветы крепкии,
Что дома-то стоял заутрену,
А во утро-то поспеть во Кеев-град, к обеденке.
Как приходит-то перва застава великая:
Пришли горушки да тут да потолкучии,
Только горушки растолнулись не столнулись,
Все ли горушки-то бурушка проскакивал,
Все ли маленький косматенький порвертывал,
Берега-то все озёра промеж ног спускал,
С горы на гору да с холма на холму.
Друга застава приходит да великая:
Пришли птиченьки да тут да поедучии.
Не успели птицы крылушки расправливать,
Все ли бурушка-кабурушка проскакивал,
Маленький косматенький провёртывал,
Береги-то вси озёра промеж ног спускал,
С горы на гору, с холмы на холму.
Третья застава приходит-то великая:
Пришли змеи-то да поклевучии.
Не успели эмей хобутов расправивать,
Все ли бурушка-кабурушка проскакивал,
Маленький косматенький провёртывал,
Берега-то вси озёра промеж ног спускал,
С горы на гору да с холмы на холму.

(Аст., № 149.)

Сказительница полностью воспроизвела все строки отрывка, изменения, и то минимально, лишь компоненты строк: вспомогательные слова (да, -то, ведь, всё ли и т. д.), морфемы (стоял — стоять, расправливать — расправити), некоторые фонемы (а—о, б—в). Реже опускались эпические лексемы или включались в строку новые. А. Ф. Трухавая также заменяла одни эпические лексемы на другие, синонимичные (птиченьки поедучии — поклевучии). Синтаксис строк оставался неизменным.

Приведенные примеры показательны для творческой манеры А. Ф. Трухавой. Ее эпическая память фиксировала конкретные текстовые единицы, их связи, последовательность в тексте. Былины сказительницы традиционны, в них выдержаны стих, семантика. Исключение составляют именно те фрагменты текста (например в «Ставре» или в «Михайле Потыке»), которые сказительница несколько позабыла и сказывала, а не пела, поскольку ей тяжело было петь всю былину до конца. Былину о Ставре она, очевидно, помнила неважно, поэтому местами просто пересказывала содержание. Такие примеры встречаются и у других сказителей 1-го типа. Кажется, что перед нами совсем другой певец: повествование свернуто, строчки и строфы плохо организованы, размер стиха нарушен. По-видимому, ориентированность сказителей 1-го типа на текстовую конкретность, с одной стороны, позволяет им при благоприятных условиях воспроизводить тексты очень эпичные и стабильные, а с другой, лишает их творческой самостоятельности, способности использовать весь имеющийся у них эпический запас и конструировать на материале его модели.

В сборнике мы впервые знакомимся с другой заонежской сказительницей — Ириной Андреевной Степановой. Хотя былины записывали от нее более сорока лет назад, но они до сих пор лежали в архиве, несмотря на то, что репертуар сказительницы, его хорошая сохранность явно заслуживали публикации.

Сведений об учителях И. А. Степановой явно недостаточно, чтобы составить цельное впечатление о ней, да и нет повторных записей, за исключением большой контамированной былины об Илье Муромце. Варианты Ирины Андреевны близки былинам заонежских сказителей А. Е. Чукова (былина о Дюке), И. А. Касьянова (былины о Дюке и о Добрыне), К. Романова (былина о Волхе) и др. Сказительница усвоила былины не только из устной традиции, но также из книг (см. заметку о ней).

Сравнение двух контамированных былин об Илье Муромце (сб., № 6, 7) в той части, которая сопоставима, позволяет сказать несколько слов об исполнительском типе И. А. Степановой. В репертуаре ее есть и другие контаминации: «Вольга Всеславьевич», «Про Добрыню». Неясно, усвоила ли сказительница их в таком виде или это результат ее собственной импровизации. Скорее, первое, поскольку все эти тексты имеют всегда достаточно точные параллели. О том же свидетельствует

и неожиданно высокая устойчивость сюжета и композиции былины об Илье Муромце (см. об этом в примечаниях к № 6, 7).

Сравним два словесных пассажа:

В старину было в стародавнюю,
Когда княжил князь Владимир в Киеве.

Близ города близ Мурома,

В селе Карабарови

Жил старичок Иван Тимофеевич

Со своей старушкой Анной Ивановной.

Даровал им бог детище,

Ильюшу сына Ивановича.

Он тридцать лет сидел сиднём на печки на муравленой,
Без рук сидел, без ноженек.

Мать его кормила досыти,

Вином поила допьяна.

Проходило время оное,

Тридцять лет изменой миновалосе.

Отец с матерью пошли поработать, позабавиться,

За работушкой расправиться.

Приходили к дому Ильи Муромца

Старьщи старый, усталый,

(*В то время господь ходил с апостолами по земли*),

Просят у Ильи старьци напитися.

Илью-то старицыки разжалали.

«Рад дать вам, старицыки, напитися,

Да тридцать лет сижу на печки на муравленой,

Тридцать лет с излишкою».

(Сб., № 6).

Ср.:

В старину было в стародавнюю,
Когда княжил князь Владимир в Киеви.

Близ города близ Мурома,

Во сели да в Корочарови

Жил старичок Иван Тимофеевич

Со своей старушкой Анной Ивановной.

Даровал бог им детище,

Ильюшу сына Ивановича.

Он двадцать лет сидел сиднем на печки на муравленой,
Он без рук сидел да без ноженек,

Не имел детище ног у себя.

Мать его кормила досыти,

Вином поила вполпьяна.

Проходило время оное,

Тридцать лет излишка миновалоси.

Отец с матерью пошли поработать, позабавиться,

Да за работушкой расправиться.

Приходили к дому Ильи Муромца

Люди бедные, хожалыи,
Старцы старыи, усталый,
Просят у Ильи напитиси.
Илью-то старички поразжалили.
«Рад я бы вам напитися, старички, да не могу:
Тридцать лет излишку сижу на печки на муравленой,
Без рук сижу, без ноженек».

(Сб., № 7.)

Стабильность строк почти такая же, как у I-го типа: лишь некоторые из них не совпадают, но и они являются повтором уже известных по данному фрагменту или по былине в целом строк и формульных выражений. Правда, былина не поется, а сказывается, поэтому стих часто укороченный, что снижает эстетическое качество текста и некоторых других былин И. А. Степановой. Былины Ирины Андреевны записывались по ее просьбе со слов, а не с голоса, так как сказительница была занята работой по дому (см. заметку о ней). Явно, что бытовые помехи не могут полностью оправдать факт сказывания былин. Вероятно, Ирина Андреевна принадлежала к тем исполнителям, которые прекрасно знали былины, но предпочитали их сказывать либо из-за отсутствия голоса, либо потому, что учились у сказителей-«рассказчиков» или тех, которые по тем или иным причинам старины сказывали.

Тексты И. А. Степановой очень полные. Исполнительница обладала хорошим чувством эпического стиля. В особенности это относится к былинам о Дюке и о Добрыне. И все же было бы преждевременным отнести сказительницу к I-й группе исполнителей: для этого у нас слишком мало текстовых доказательств.

Сказители II-го типа по А. М. Астаховой уже обнаруживают стремление к импровизации, особенно на стадии обучения, затем их тексты стабилизируются. Добавим, что эпическая память певцов II-го типа нацелена не только на конкретные образцы (эта тенденция доминирует), но и на модели, которые используются в ограниченном объеме. В сферу варьирования включаются не только элементы различных уровней, «обслуживающие» варианты одной былины, но и эпическая система в целом. Импровизация неизбежно сопутствует нарушение эпического канона, дающее о себе знать как в текстах сказителей II-й, так и IV-й группы.

Показательной для II-го типа является творческая манера пудожской сказительницы А. Л. Фадеевой, известной по сборнику «Былины Пудожского края».

Сопоставим варианты фрагмента былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике (Парил.— Сойм., № 53, сб., № 32). Набор и последовательность мотивов в варианте Парил.— Сойм., № 53 выглядят следующим образом: 1 — Илья Муромец просит

у матери разрешения отправиться в путь, 2 — мать дает разрешение, 3 — Илья Муромец седлает коня, 4 — Илья Муромец отъезжает, 5 — Илья Муромец едет во «чисто поле», 6 — Илья Муромец видит вражескую силу, 7 — Илья Муромец размышляет, что ему делать, 8 — Илья Муромец рвет дуб и бьет им силу, 9 — Илья Муромец побеждает татар, 10 — Илья Муромец едет в Смолягин, 11 — Илья Муромец заходит в церковь, 12 — Илья Муромец кладет поклоны, 13 — Илья Муромец спрашивает, зачем горожане молятся, 14 — горожане сообщают, что собираются на войну, 15 — горожане говорят, что город окружена врагом, 16 — Илья Муромец сообщает, что прибил силу, 17 — горожане бегут смотреть, 18 — горожане видят, что сила уничтожена, 19 — горожане высматривают имя-отчество героя, 20 — Илья Муромец называет себя, 21 — горожане предлагают ему города с приселками, 22 — Илья Муромец отказывается, 23 — Илья Муромец спрашивает про дорогу прямоезжую на Киев, 24 — горожане рассказывают о трех заставах.

В варианте нашего сборника появляются мотивы, которых нет в «Былинах Пудожского края»: 25 — горожане молятся в церкви, 26 — горожане собираются на войну, 27 — горожане предлагают Илье остаться в Смолягине, 28 — Илья Муромец отказывается жить в Смолягине.

Получается следующая схема варьирования:

Парил.— Сойм., № 53 Сб., № 32	1 + + + + + + + + + + +	2 + + + + + + + + + + +	3 + + + + + + + + + + +	4 + + + + + + + + + + +	5 + + + + + + + + + + +	6 + + + + + + + + + + +	7 + + + + + + + + + + +	8 + + + + + + + + + + +	9 + + + + + + + + + + +	10 + + + + + + + + + + +	11 + + + + + + + + + + +
Парил.— Сойм., № 53 Сб., № 32	25 26 + + + + + + + + + +	12 26 + + + + + + + + + +	13 26 + + + + + + + + + +	14 26 + + + + + + + + + +	15 26 + + + + + + + + + +	16 26 + + + + + + + + + +	17 26 + + + + + + + + + +	18 26 + + + + + + + + + +			
Парил.— Сойм., № 53 Сб., № 32	27 28			19 20 21 22 23 24					+ +		

Варьирование происходит за счет пропуска или вставки мотивов, не играющих важную роль в повествовании. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что некоторые из мотивов не являются строго эпическими (Илья Муромец спрашивает, зачем горожане молятся).

Теперь сравним словесные фрагменты вариантов:

Натягивал ён свой да тугой лук,
Кладал стрелоцку ён точеную,
Стрелке ён да приговаривал:
«Ты лети, стрелка, да не на воду,
Ты не на воду лети, стрела, не на землю,

**Лети к Соловью птице рахматому,
Упади-ка, стрелка, во право плечо,
Сбей-ко Соловья да на сырь землю».
Летела стрелоцка не на воду,
И не на воду и не на землю,
Упала во право плецо
И сбила Соловья да на сырь землю.**

(Парил.— Сойм., № 53.)

Ср.:

Натягивал он только тугой лук,
А тугой он лук со налуцником,
Кладал стрелочку ён точеную,
Тоценую-то ён, золоцёную,
А стрелоцки-то ён приговаривал:
«**Лети-ко ты, стрела, уж не на воду,**
Не на воду, не на землю,
Лети-ко Соловью под право крыло,
А рви-ко Соловья ты на сырь землю».
Слетела стрелоцка не на воду,
Соловью-то уж под право крыло.

(Сб. № 32.)

Даже в таком маленьком отрывке чувствуется раскованное отношение сказительницы к тексту: меняются не только морфемы или вспомогательные слова, но и набор эпических лексем и формул. Некоторые из них чередуются с синонимичными: **упади-ко** — **лети-ко**, **рви-ко** — **сбей-ко**, **во право плечо** — **под право крыло** и т. д. Ряд строк не совпадает. Они являются либо вариациями уже известных по былине строк, либо взяты из общеэпического запаса (например «**А тугой он лук со налуцником**» — сб., № 32).

Заметное варьирование наблюдается и на уровне строф, которые опускаются, меняются местами, присоединяют к себе новые. Как правило, былины А. Л. Фадеевой сохраняются в пределах вариантов, поскольку импровизация все же не приводит к существенным качественным переменам в тексте. «По-видимому, Фадеева принадлежит к тем исполнителям, которые стремятся к точному усвоению и сохранению редакций былин, служивших непосредственным источником их знаний», — спрашивали писали Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов об усвоении былин А. Л. Фадеевой (Парил.— Сойм., с. 39). Тем не менее сказительница тяготела к созданию контаминаций (см. из неопубликованных былин: «Илья Муромец и Соловей-разбойник, Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром, Илья Муромец, Ермак и Калин-царь» (20/77) и «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь» (8/52)). Правда, контаминации эти традиционны и вполне могли быть усвоены А. Л. Фадеевой уже в сложившемся виде.

Как и у сказителей I-го типа, ориентация на конкретные текстовые образцы продолжает преобладать в творчестве А. Л. Фадеевой, подчиняя собственно импровизационные приемы создания новых строк по эпическим и разговорным моделям.

И еще несколько слов о каноничности текстов сказительницы. Сказывание былин в ряде моментов заметно дезорганизовывало былинную строку и стих. Эпическая память А. Л. Фадеевой, нацеленная на конкретные единицы текста по преимуществу, не способствовала полноценному воспроизведению тех былин, которые по разным причинам пелись редко и вследствие этого забывались (например «Дюк»).

И все же первые собиратели былин А. Л. Фадеевой увидели в ней незаурядную творческую натуру, наделенную художественным чутьем (Парил.— Сойм., с. 39).

Ко II-му типу исполнителей принадлежит и пудожская сказительница А. Я. Малышева, знакомая нам по сборнику «Онежские былины». Записи Н. Н. Алексеева 1938 года от Анастасии Яковлевны позволили сравнить варианты «Соловья Гудимировича» и «Старины про удалого молодца» с публикациями Ю. М. Соколова и В. И. Чичерова. Конечно, материал для обобщений не велик, но и он говорит о том, что А. Я. Малышева стремилась не только придерживаться сюжета, композиции и словесной стороны своих вариантов, но и находила свежие художественные решения. По сравнению с А. Л. Фадеевой она делала это реже, отдавая все же предпочтение выработанному самой относительно стабильному тексту.

Многими особенностями II-го типа исполнения отмечены и тексты поморских сказительниц А. В. Ивановой и А. И. Ефремовой. Их варианты публиковались в сборнике «Русские народные песни Карельского Поморья». Сюжетно-композиционный уровень их былин и баллад стабильнее, чем словесная сторона (см. примечания к текстам исполнительниц). Сравнение вариантов показывает, что, несмотря на определенные импровизационные склонности сказительниц, тексты их остаются в пределах уже выработанных вариантов. Отсутствие напева в ряде былин (например в «Потыке сыне Ивановиче» А. В. Ивановой) сказывается на былинном стиховом размере, строки становятся слишком короткими или слишком длинными.

А. В. Иванова и А. И. Ефремова знают в основном баллады, то есть относительно малые по объему тексты, которые у всех типов сказителей обычно стабильнее, нежели былины. Но даже в балладах прослеживается тенденция опускать одни мотивы, включать новые, повторять мотивы, менять их местами, нарушая в целом композиционное построение текста. У А. В. Ивановой и А. И. Ефремовой вариация всегда проходит в пределах запаса былинного знания, характерного для данного текста сказительниц. Гораздо реже привлекается общебылин-

ный фонд мотивов, строк, строф и словесных компонентов — формул, лексем.

Группа сказителей II-го типа оказалась самой многочисленной и, несмотря на типологическую общность, в ней есть индивидуальности.

Любопытна в плане сравнения с исполнителями II-го типа фигура замечательного заонежского сказочника и сказителя П. Г. Горшкова. Репертуар его велик и частично отражен в «Былинах Севера». Учителями Петра Григорьевича были отец и дед, но былины от них не записаны, так что нет возможности изучить процесс обучения сказителя искусству сказывания. Дополнительные варианты сказителя, опубликованные в нашем сборнике, могут лишь уточнить его манеру воспроизведения собственных текстов.

А. М. Астахова посвятила много строк творчеству П. Г. Горшкова. Он удивлял тем, что стиль и стих его не являлись строго эпичными и заставляли видеть в сказителе разрушителя традиции и очевидного импровизатора. В действительности передача П. Г. Горшковым текстов оказывалась «очень уверенной». Переход от пения к сказыванию, к созданию былинных строк, имеющих только дактилические окончания, а в остальном сильно нарушающих канон, позволили А. М. Астаховой считать П. Г. Горшкова сказителем-«рассказчиком». Исполнительскую манеру сказителя исследовательница объясняла влиянием книг и сказок. Вместе с тем, полной картины творчества Петра Григорьевича не возникало, и сама А. М. Астахова не решалась отнести его к какому-нибудь типу, противопоставив по стилю рассказчика сказителям с «классической» манерой исполнения (1-й тип).

Обратимся, однако, к самим текстам. Сопоставим два фрагмента былины о женитьбе Дуная и князя Владимира, записанной от П. Г. Горшкова в разное время (Аст., № 158, сб., № 2). Набор мотивов в варианте А. М. Астаховой следующий: 1 — пир у Владимира, 2 — Владимир похаживает по горнице, 3 — Владимир просит богатырей найти ему невесту, 4 — гости пугаются, 5 — Бермята встают из-за стола, 6 — Бермята рассказывает о двух дочерях Литовского короля, 7 — Дунай встает из-за стола, 8 — Дунай сообщает, что служил у короля в Литве, 9 — Дунай рассказывает о двух дочерях Литовского короля, 10 — Владимир наливает чару «зелена вина», 11 — Владимир подносит чару Дунаю, 12 — Владимир просит выпить чару, 13 — Владимир приказывает Дунаю достать ему невесту, 14 — Владимир предлагает войско и казну, 15 — Дунай пьет вино, 16 — Дунай отказывается от войска и казны, 17 — Дунай просит дать ему в помощь Добрыню, 18 — Дунай просит приготовить жеребцов, 19 — Дунай просит писать «ярлыки скорописчаты», 20 — Дунаю готовят жеребцов, 21 — Добрыня и Дунай подходят к ним, 22 — Добрыня и Дунай уезжают. В нашей публикации есть также

мотивы, которые отсутствуют в варианте А. М. Астаховой: 23 — князь Владимир подносит вино Добрыне, 24 — Владимир приказывает Добрыне ехать с Дунаем за невестой, 25 — Добрыня и Дунай выходят на двор.

Аст., № 158	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Сб., № 2	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Аст., № 158	14	15	16	17							18	19	
Сб., № 2	+	+	+	+	‘	10	23	24	25	—	+	+	
Аст., № 158	20	21	22										
Сб., № 2	+		+										

Фрагмент варьирует за счет изменения набора некоторых несюжетообразующих мотивов: подношения чары «зелена вина» Добрыне, выпивания вина Добрыней, появления героев на дворе. Приказ князя Владимира ехать Добрыне за невестой является повтором известного мотива — приказа достать невесту князю Владимиру. Эти изменения не вносят новых смысловых оттенков в текст.

Довольно устойчивы сюжет и композиция другой былины Петра Григорьевича — «Ставра Годиновича» (см. анализ вариантов в примечаниях к тексту № 3).

Что касается словесной стороны текстов П. Г. Горшкова, то высоко стабильные пассажи в них чередуются с довольно мобильными. Вот показательный пример:

Говорит тут Дунай Иванович да к Настасьи-королевичне:
 «Ты пойдем-ко со мной во чисто полё,
 Стрелять из туга лука».
 Тут вить вышли они во чисто поле.
 Как поставила Настасья-королевична Дуная Ивановича,
 Как столоп стоять.
 Положила ему кольцо на голову,
 И в кольце вставила перочинный ножичек,
 И отмерила от него пятьсот шагов.
 Натянула свой тугий лук,
 Положила калену стрелу.
 И как ударила калена стрела
 Прямо в остре ножичка,
 Раскололось на две половиночки,
 Раскололось, хоть на вес положь.
 Тут отмерил Дунай сын Иванович
 Пятьсот шагов от Настасьи-королевичны,

Он ведь первый раз стрелил — перестрелил,
Он второй раз стрелил — не дострелил.
Третий раз стрелил — стрелу найти не могли.
(«Женитьба Дуная и князя Владимира», Аст., № 158.)

Ср.:

Тут Дунай да свет Иванович ведь рассержается:
«Ты пойдём на стрельбище со мной, Настасья-королевична,
Кто у нас окажется из туга лука стрелок — ты аль я?»
Вот как вышла вся свита княженецкая во чисто поле.

Тут Настасья-королевична

Поставила Дуная свет Ивановича как столб стоять.
И положила кольцо на голову,
И вставила в кольцо перочинный нож,
И отмеряла от Дуная свет Ивановича пятьсот шагов.
Как натянула свой тугой лук
И наложила калёну стрелочку пернатую,
Свыла тетива шелковая,
Полетела калена стрела пернатая,
Она ударила в остреё ножовое,
Разлетелось на дви половиночки,
Хоть на вес клади.

Тут положил Дунай да свет Иванович
Настасье-королевичной кольцо на голову
И приставил перочинный ножичек.
Он отмерил от ей ведь пятьсот шагов.
Первый раз стрелиу — перестрелил,
Другой раз стрелиу — недострелиу,
Третьей раз стрелиу — стрелы не нашли.

(Сб., № 2.)

Формы варьирования строк очень разнообразны: здесь и замена морфем, фонем, вспомогательных слов, чередование синонимичных эпических лексем и формул (раскололось — разлетелось, второй раз — другой раз и т. д.), пропуск их или вставка новых, изменение синтаксиса строк («Ты пойдем-ко со мной во чисто полё./Стрелять из туга лука», ср.: «Ты пойдём на стрельбище со мной, Настасья-королевична,/Кто у нас окажется из туга лука стрелок — ты аль я?»). Аналогичные метаморфозы произошли и с набором строк: ряд из них пропущен, но это компенсируется появлением других строк, большинство из которых представляют собой повторы уже известных строк и созданы по эпическим образцам.

Большая подвижность строк и внутренних их компонентов наблюдается в былине о Ставре, текст которой хуже организован метрически и потому, видимо, более изменчив, особенно в конце. Не случайно А. М. Астахова отмечала, что «ни одна былина не допевается им (П. Г. Горшковым.— Н. Ч.) до конца»

(Аст., т. II, с. 332). Стабильнее всего те пассажи, которые принаследуют к категории «общих мест». На их фоне специфические мотивы и формы их выражения выглядят значительно изменчивее.

Тексты П. Г. Горшкова нельзя назвать очень каноничными. Импровизационные способности исполнителя не всегда удачно материализуются: в былинах П. Г. Горшкова можно встретить и неэпическую синтаксическую конструкцию, и неэпическую лексему или формулу. Эмпирическое переосмысление повествования и способов его выражения объясняется импровизационными тенденциями в творчестве сказителя. Обычно исполнители импровизационного плана заметно расширяют текст. Размеры былин П. Г. Горшкова увеличиваются или уменьшаются совсем незначительно, а некоторые из них, напротив, обнаруживают стремление сказителя к свертыванию рассказа («Ставр Годинович», «Женитьба Дуная и князя Владимира»). Несмотря на индивидуальные особенности манеры П. Г. Горшкова, его следует отнести ко второму типу сказителей по характеру воспроизведения своих текстов. Его эпическая память выделяет как конкретные текстовые единицы, так и модели, но первая тенденция доминирует. Варьирование осуществляется в основном на базе эпического запаса данной былины, в меньшей степени — всего былинного фонда и эмпирической действительности. Изменчивость текстов не приводит к созданию новых редакций и версий — это также показатель относительной стабильности текстов П. Г. Горшкова.

Некоторые черты исполнения П. Г. Горшкова — стремление в ряде случаев свернуть повествование, нарушить былинный размер — становятся определяющими у заонежского сказителя М. Е. Самылина и пудожской сказительницы К. Е. Ремизовой, вдовы Н. А. Ремизова.

Из былин М. Е. Самылина дважды записана лишь былина о Ставре (Аст., № 161, сб., № 13). В варианте А. М. Астаховой больше прозаизации, чем в нашем варианте. Сказитель minimally варьировал набор мотивов: лишь в одном месте он изменил их состав и последовательность — Настасья состязается в стрельбе из лука, Настасью испытывают в бане. Ср. наш вариант: Настасья состязается в стрельбе из лука, борется с богатырями, ее испытывают в бане.

Интересно сравнить словесные отрывки из двух записей:

Как во славном городе во Киеве,
Как у славного у князя у Владимира,
Был-то собранный да почетный пир,
На многие на князи да на бояра,
На сильных могучих богатыри,
Да на многие на гости на торговыи.
Они все на пиру наедалиси и напивалиси,

Они пьяным-то разумом да порасхвастались.
Князи-бояры хващаются заслугою и богачеством, и конями,
Сильные могучие богатыри силою,
А Ставёрст сын Годинович ничем не хвастает.
Тут преговорит Владимир-князь солнышко таковы слова:
«Что же ты, Ставёр, ничем не хвастаешь?»
Тут проговорит Ставёр да таковы слова:
«Ай же солнышко Владимир столно-киевский,
Еще умный-то хвастат отцом-матерью,
А безумный-то хвастат молодой женой
(Он себя вроде безумным называет):
У меня у Ставра у Годиновича
Есть молодая Василиста Никулична,
Она весь Киев-град с ума сведет,
А князя Владимира в полон поведет».
(Аст., № 161.)

Ср.:

Как во славном во городе во Киеве,
У стольного князя Владимира
Был-то собран да почетный пир,
На многие на князи и на боера
И на многие да на гости на торговые,
И на многие на сильные могучие богатыри.
Наедалиси и напивалиси,
И да допьяным-то разумом порасхвастались.
Князья и боера хващаются конями.
А гости торговые хващают торговлею,
Что заморские товары были дороги,
А сильные могучие богатыри хващаются силою.
Князь Владимир говорит таковы слова:
«Что же ты, Ставер сын Годинович, нечим не хвастаешь?»
Говорит тут Ставер таковы слова:
«Нечем мне похвастать, Ставрусочку Годиновичу.
Отцом-матерью похвастать —
В живых нет у меня, у Ставра сына Годиновича,
Хвастать — не хвастать молодою женой —
У меня, у Ставра сына Годиновича,
Есть молодая Василиста Никулична.
Она Киев-град весь с ума сведет,
А князя Владимира в полон проведет».
(Сб. № 13.)

В приведенном отрывке стабильные по составу и синтаксису строки сочетаются с заметно измененными. Некоторые строки пропущены, другие взяты из общеэпического запаса, ряд строк повторяется. Есть и строки явно неэпические, но построенные

по традиционным былинным образцам: «А гости торговые хвас-
тают торговлею, Что заморские товары были дороги».

Сжатость изложения былин, разрушенный стих, перешед-
ший местами в прозу, объясняются забыванием старин М. Е.
Самылиным, который их «пел смолоду», но запамятовал. Ве-
роятно, редкое исполнение былин ускорило процесс их распада.
В текстах Самылина сохранены сюжетообразующие, ключевые
мотивы повествования («Добрыня и Алеша», № 11, «Женитьба
Дуная и князя Владимира», № 12).

Тенденции к свертыванию повествования и переходу к про-
зе особенно показательны для былин К. Е. Ремизовой. По
словам Ксении Егоровны, былины она выучила в основном от
мужа, Никиты Антоновича Ремизова, знаменитого пудожского
старинщика. Однако сравнение их вариантов свидетельствует
и о других источниках былинного знания К. Е. Ремизовой. Ска-
зительница сообщила, что первыми ее учителями были скази-
тели с Купецкого озера, откуда она родом. Это подтверждается
и анализом текстов Ксении Егоровны (см. комментарии к ее
былинам). Разнородность и неизвестность ряда источников ее
былин препятствует детальному изучению ее творчества. Репер-
туар Ремизовой велик, но большинство текстов сказывалось или
сбивалось на прозу. Былины передавались Ремизовой, как пра-
вило, в сильно сокращенном виде. В них присутствовали только
ключевые сюжетообразующие мотивы (см., например, из опуб-
ликованных «Добрыня и Алеша», «Алексей человек божий»).
Создается впечатление, что сказительница не очень хорошо зна-
ла былины, а со временем и вовсе стала их забывать.

М. Е. Самылин и К. Е. Ремизова относятся к III-му типу
исполнителей. Их эпическая память фиксирует в основном те
сюжетообразующие мотивы, которые актуальны для повествова-
ния, следствием чего является свертывание текста. Сказители
этой группы слабо владели конкретными текстовыми единицами
и, разумеется, не способны были создавать эпичные строки,
строфы, группы мотивов по известным былинным образцам.
В их текстах заметно проникновение эмпирических представле-
ний и разговорных синтаксических конструкций, неэпической
лексики. Былины в их исполнении часто становились побываль-
щинами или простым пересказом, чему способствовала потеря
мотива и былинного размера, который даже в отсутствие на-
пева обычно сохраняет свою формообразующую функцию (см.,
например, в былинах П. Г. Горшкова, И. А. Степановой,
А. Л. Фадеевой).

Среди представленных в сборнике сказителей обращает на
себя внимание Анна Михайловна Пашкова. Имя ее известно
специалистам и по былинам, и по причтаниям. В каждом из
жанров Анна Михайловна проявила себя как высокоодаренная
исполнительница. Былинный репертуар ее обширен, но, к со-
жалению, повторных записей мало: «Молодец и королевична»

(Парил.— Сойм., № 12, сб., № 24), «Дюк Степанович» (Парил.— Сойм., № 10, сб., № 23). Сказительству Анна Михайловна научилась в молодости, слышала былины от различных старинщиков, а также знала их по книгам (см., например, «Дюк Степанович», «Садко»).

Сравним фрагменты двух вариантов из былины о Дюке. Набор мотивов в публикации Парил.— Сойм., № 10 следующий: 1—Дюк Степанович живет во Индии богатой, 2—Дюк просит у матери разрешения поехать в Киев, 3—мать уговаривает его не ехать, 4—Дюк настаивает на своем, 5—Дюк выходит из палаты, 6—Дюк седлает коня, 7—мать выходит к сыну, 8—мать спрашивает, куда он едет, 9—мать просит Дюка помочься и поесть на дорогу, 10—мать разрешает ему ехать, 11—Дюк идет в гридню, 12—Дюк выполняет просьбу матери поесть на дорогу, 13—Дюк прощается с матерью, 14—Дюк отправляется в путь, 15—Дюк замешкался в дороге, 16—Дюк подъезжает к Киеву. В нашем варианте есть дополнительные мотивы: 17—Дюк идет на двор, 18—Дюк идет в конюшню, 19—Дюк привязывает коня к столбу, 20—Дюк любуется конем, 21—Дюк слушается мать, 22—мать спрашивает Дюка, когда и откуда его ждать, 23—Дюк отвечает, 24—мать сообщает о трех заставах, 25—Дюк молчит, 26—Дюк снаряжается, 27—Дюк молится Спасу-образу, 28—Дюк перескакивает на коне через стену, 29—Дюк уезжает, 30—Дюк едет прямоеездей дорогой, 31—Дюк подъезжает к первой заставе; 32—угроза на заставе, 33—конь пугается, 34—Дюк бьет коня, 35—Дюк ругает коня, 36—Дюк бьется палицей, 37—Дюк преодолевает заставу, 38—Дюк подъезжает ко второй заставе, 39—застава угрожает ему, 40—Дюк бьет плеткой коня, 41—конь убивает змей, 42—Дюк подъезжает к третьей заставе, 43—застава угрожает ему, 44—конь спотыкается, 45—Дюк удивляется, 46—Дюк преодолевает заставу, 47—Дюк заезжает на двор князя Владимира.

Сравнение двух сюжетно-композиционных схем выглядит следующим образом:

Парил.— Сойм., № 10 Сб., № 23	1	2	3	4	5		6		7
	+	+	+	+		17	18	+	19 20 +
Парил.— Сойм., № 10 Сб., № 23	8	3	9	10			11	12	13
	+		+	+	21		+	+	+
									22
Парил.— Сойм., № 10 Сб., № 23							14	15	16
	23	24	25	26	27		+		
Парил.— Сойм., № 10 Сб., № 23	28	29	30	31	32	33	34	40	

Варьирование фрагмента былины о Дюке А. М. Пашковой заметно отличается от тех типов варьирования, о которых уже шла речь. Во-первых, поражает размах импровизации: в тексте нашего сборника набор мотивов увеличился в два раза, появились не только несюжетообразующие мотивы (этикет, интеллектуальные и эмоциональные реакции персонажей), но и главные, сюжетообразующие (мотивы трех застав и их преодоления Дюком). Во-вторых, А. М. Пашкова создала ряд неэпических мотивов (мать просит Дюка помолиться на дорогу и поесть, Дюк выполняет ее просьбу, Дюк удивляется испугу коня и т. д.). В-третьих, вследствие изменения набора мотивов последовательность их также варьировалась. Результатом подобной импровизации А. М. Пашковой явилось то, что вариант приобрел черты версии.

Теперь обратимся к словесной стороне былины:

Как по утрушки да по раннему,
Как встает вдова благочестивая
Да Наталья свет Тимофеевна,
Доносят слуги ее верные,
Что стоит на двори богатырский конь,
На котором уехал Дюк Степанович.
Тута Дюкова матушка
Горючими слезами заливается,
На свою судьбу обижается.
«Как возrostила я одного единого,
Своего ли сынушка любимого,
Как заносливо дитятко уродилося, захвастливо,
Чем-нибудь да, верно, порасхвастался,
Положил он буйную головушку.
Ах вы слуги мои верные,
Расседлайте коня богатырского,
Уберите доспехи молодецкие».
Как снимают седельшко черкасское,
Под седельшком увидели писемышко.
Получила письмо родна матушка,
Распечатала да горько плакала,
Она плакала слезами радости.
Прочитала письмо поскорёшенько,
Собирала платьица цветных,
Положила в сундуки во тяжелый
Все она доспехи богатырские,
Чтоб хватило ему да на три года,
Чтобы в каждый день были платьица сменные.
Всё поклали на коня богатырского,
Отправляли обратно во Кеев-град.
(Парил.— Сойм., № 10.)

Ср.:

А во тую ли да пору-времечко
Как сидела Дюкова матушка
Во своей ли гридни во столовую,
А смотрела в трубочку подзорную,
Куда уехал чадочко родимое.
Видит, в полюшки да только пыль пылит,
Без седока да Дюков конь бежит.
Прибежал на тот боярский двор.
Выходила Дюкова тут матушка,
Та честна вдова Мамельфа Тимофеевна,
Горючими слезами заливалася.
Говорит она да таковы слова:
«Ой, не в добрый час я чадочко спородила,
А заносливо был дитятко, захвастиливо,
Чем-нибудь во Киеве расхвасталсе,
Положил он, верно, буйную головушку».
Говорит она да таковы слова:
«Уж вы, парубки мои любимые,
Расседлайте вы да коня доброго,
Поставьте в стойла лошадиные
Да насыпьте вы пшены белояровой».
Тут-то парубки ее любимые
Начали коня да раскольчуживать.
Под седельышком да под черкальским
Видят ярлыки да скорописчатые.
Тут честна вдова Мамельфа Тимофеевна
Распечатала да горько плакала,
Во слезах словечушко промолвила:
«Верно нет в живых да чадочка родимого».
А прочитала — взродавалася.
Та честна вдова Мамельфа Тимофеевна
Скоро брала золоты ключи,
Укладала цветны платьица,
А во тей ли да тяжелы ларцы
Наложила платья самолучшие.
«А хватило бы ему да на три года».
Привязала к седельышку черкасскому.
(Сб., № 23.)

Сохранив общий смысл фрагмента — «помощь матери Дюку» — Анна Михайловна сильно изменила состав мотивов и, соответственно, способ их выражения. Совпадающих строк крайне мало, многие взяты из эпического запаса, «обслуживающего» данную былину сказительницы, многие принадлежат общеэпическому фонду: например строки, относящиеся к мотиву глядения в трубочку подзорную, строки, которые обычно используют при описании расседлевания коня, строка «Скоро

брала золоты ключи» и многие другие. Ряд строк вообще нельзя назвать эпическими ни по смыслу, ни по конструкции, ни по лексическому их наполнению: «На свою судьбу обижается», «Уберите доспехи молодецкие», «Получила письмо родна матушка» (Парил.— Сойм., № 10), «Куда уехал чадочко родимое», «Без седока да Дюков конь бежит», «А прочитала — взродавалася» (сб., № 23). Строки эти возникли на основе применения эпических и неэпических моделей:

Уберите доспехи молодецкие

(Парил.— Сойм., № 10.)

Ср. образец:

Расседлайте вы да коня доброго
(Сб., № 23.)

Или:

Доносят слуги ее верный

(Парил.— Сойм., № 10.)

Ср. образец:

Говорит Мамельфа Тимофеевна

(Или все прочие строки, базирующиеся на конструкции «Говорит...» + название персонажа).

Все перечисленные способы варьирования текста являются доминантными для А. М. Пашковой. Они сочетаются с такими приемами, которые делают текст не столь изменчивым, как у А. М. Пашковой, и присущи трем другим типам исполнительства: это введение и пропуск вспомогательных слов, эпических лексем в строке, замена их на синонимичные (слуги верный — парубки любимые, конь богатырский — конь добрый, писёмышко — ярлыки скорописчаты).

Баллада «Молодец и королевична» А. М. Пашковой, хотя и мала по объему, но также претерпела значительные для такого текста изменения (о них см. в примечаниях к № 24).

Сказительница сама сознавала текучесть своих текстов: «Не много слыхала, а остальное сама» (Парил.— Сойм., с. 24). Импровизационные навыки А. М. Пашковой как причитальщицы, стремление к психологическому мотивированию поступков, характерное для жанра причитаний, оказали несомненное воздействие на тип воспроизведения былин, на их каноничность. По справедливому замечанию Г. Н. Париловой и А. Д. Соймолова, «она принадлежит к числу сказителей-творцов, у которых индивидуальное начало проявляется особенно сильно» (Парил.— Сойм., с. 24). Эпическая память сказительницы отмечена

ярко выраженным «грамматизмом», то есть способностью легко манипулировать единицами различных уровней, соединять их друг с другом в единый текст. Для А. М. Пашковой актуальны смысловые и структурные доминанты текста — сюжетообразующие мотивы, строфы и строки, являющиеся носителями этого основного смысла, а в строках — опорные в смысловом и структурном отношении эпические лексемы. Материалом для импровизаций служат не только эпические, но и общефольклорные и бытовые познания сказительницы. Итогом подобного свободного отношения к текстам явилось возникновение новых редакций и версий сюжетов. Одним из доказательств импровизационной природы искусства А. М. Пашковой следует считать создание продуманных и мотивированных контаминаций, которые в основном принадлежат ей самой (см. былины в нашем сборнике в сборнике «Былины Пудожского края»). А. М. Пашкова, безусловно, более традиционна, нежели, например, знаменитая Марфа Крюкова, однако наряду с такими сказителями, как Г. А. Якушов, П. С. Пахолова, сестра Марфы Крюковой, И. Т. Фофанов и другие, она принадлежит к IV-му, импровизационному типу исполнителей.

В сборник включены и былины пудожских сказителей А. С. Логинова, А. А. Портнягина, которые знали по нескользкую довольно редких былин («Наезд литовцев» А. А. Портнягина, «Иван Годинович» А. С. Логинова). Тексты этих исполнителей отличаются хорошей сохранностью сюжета и композиции, несмотря на то, что они не пелись, а сказывались. Хотя стилистика текстов и позволяет сделать некоторые наблюдения над манерой их восприятия и воспроизведения, отсутствие повторных записей от сказителей затрудняет исследование их творчества.

Нами опубликованы неизвестные ранее былины И. Т. Фофанова, духовные стихи и баллады С. С. Фофановой, которые по своим эстетическим достоинствам заслуживают быть обнародованными.

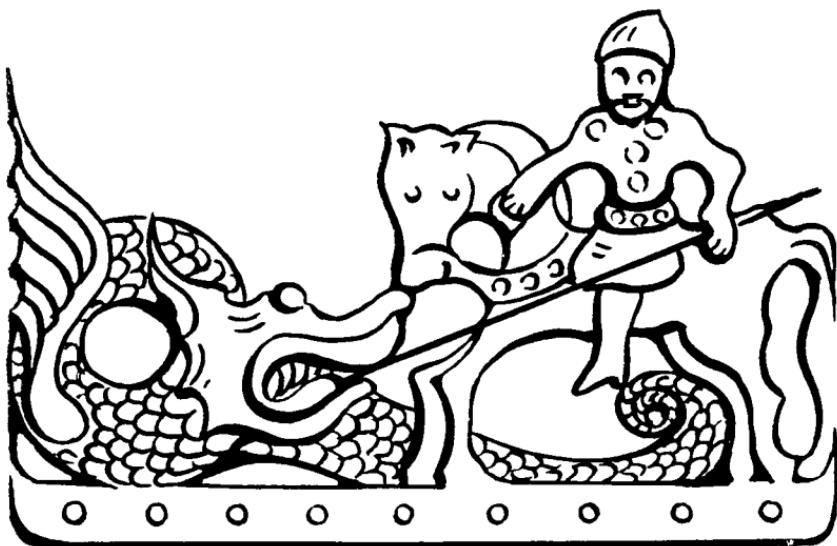
Расширилось и наше представление о районах бытования некоторых сюжетов. Из всего объема русских эпических песен, имеющихся в Научном архиве Карельского филиала АН СССР, большая часть записей былин приходится на Пудожский район и Заонежье. Здесь былинная традиция была гораздо богаче и разнообразнее, чем в Поморье. Наиболее распространенными являлись героические былины. В записях из Поморья преобладают духовные стихи, былины новеллистического характера, баллады. Среди них выделяются по своему содержанию духовные стихи неэпического склада. Они посвящены описанию жизни монахов и пустынников, философским размышлениям о жизни и смерти. По-видимому, большое влияние на развитие этих жанров в Поморье оказало старообрядчество. Таким образом, тот архивный материал, который послужил основой для

настоящего сборника, еще раз подтверждает вывод А. М. Астаховой о неравномерном распространении эпической традиции, состава и характера эпических репертуаров на Русском Севере¹.

Привлечение новых материалов из архива Карельского филиала АН СССР открыло нам имена новых сказителей Карелии, которые незаслуженно забыты, хотя их репертуар и его художественные достоинства несомненно вызывают интерес. Расширилось и наше представление о районах бытования некоторых сюжетов. Публикация вариантов былин уже известных фольклористике сказителей способствовала выяснению типологических характеристик их творчества и места в севернорусской былинной традиции.

¹ А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, с. 215.

Задонежье



ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ ГОРШКОВ

В своей автобиографии Петр Григорьевич сообщает, что родился 27 августа 1875 г. в д. Демидово Заонежского района (нын. Медвежьегорский р-н) (122/14). П. Г. Горшков известен фольклористам не только как исполнитель былин, но и как замечательный сказочник. Причем, сам сказитель предпочитал сказки. «Былинному искусству он научился от отца — Григория Павловича и деда — Павла Перфильевича» (Аст., т. II, с. 333).

В архиве содержатся неопубликованные тексты П. Г. Горшкова: 1) Контаминированная былина «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Чернигов-град», «Илья Муромец и Идолище», «Илья Муромец и Святогор», «Три поездки Ильи Муромца», «Илья Муромец и сын» — 70/1, опубл. вариант: Аст., № 157; 2) «Иван Грозный и сын» (70/2).

Творчество сказочника П. Г. Горшкова охарактеризовано И. В. Карнауховой (Карнаухова, 1927, с. 81). О былинном искусстве сказителя см.: Аст., 1927, с. 81—87, 102, а также Аст., т. I, с. 85—86; т. II, с. 332—333 (здесь же и биография).

I. ДОБРЫНЯ И ОЛЁША

¹ Как пришел Добрыня со пира со княжецкого к своей матушки.

«Ты послушай-ко, моя да родна матушка,
Ты честна вдова Марферфа Тимофеевна,
Ты зачем меня спородила богатыря,

⁵ Ты б спородила меня да синим камешком,
Уж ты бросила б меня до во синё морё,
Чтоб добры людюшки не зарились,
Князья-бояре не завидовали.

Вот отправил меня солнышко Владимир-князь
да стольне-киевской

¹⁰ На застави на-турецкие».

Утром рано тут ранешенько
Стал справляться тут Добрынюшка Никитинич.

- Он выводит как с конюшен коня до богатырского,
Он стал седлать да коня доброго,
- 15 Он положил войлучки,
А на войлучки положил потнички,
А на потнички седельце черкацкое,
Стал с молодой женой прощатися,
Что с молодой женой Настасьей да Микуличной,
- 20 Стал молодой жены наказывать:
«Ты послушай-ко, Настасья свет Никулична,
Ты сиди да у окна, да й в окно гляди,
Ты ведь год да жди,
Да жди и три году,
- 25 Если не вернется Добрынюшка Никитич
Да через три года да со чиста поля,
То хоть вдовой живи да хоть замуж поди,
Только не ходи ты замуж за Олешку Поповича,
А Олешка Попович мни крестовой брат».
- 30 Вот прошло уж тому времечки ровно три годы,
Тут ведь начал Олешка Попович подхаживать,
Он ведь начал Настасью Микуличну подсватывать.
А Настасья Микулична все отказывала,
Не хотела она выйти замуж за Олешку Поповича.
- 35 А миновало тогда времечко уж пять-то лет,
А от Добрынюшки Никитича
Нет письма, нету ни грамотки,
Никакого нет известия.
Написали тут письмо подложное,
- 40 Что Добрынюшки Никитича уж в живых нет,
Его ручки-ножки порасстрелены,
Буйна голова под кустышком.
Тут ведь сам-то солнышко Владимер-князь
- да стольне-киевский
- Начал сам с Олешкой Поповичем подхаживать
- 45 И Настасью Микуличну подговаривать.
Тут послушалась Настасья Микулична князя Володимера,
Согласилась идти замуж за Олешку за Поповича.
Тут назначили пир да свадебку.
- 50 А в эту пору в это времячко
Что не пыль столбом стоит —
Со чиста поля молодой казак катит.
Тут ведь ехал-то Добрынюшка Никитинич,
Он узнал, что творится во Киеве,
- 55 Он приехал как на свой, грит, боярский двор.
Через пять-то лет Микита бородой оброс
- да приобретел,
- Не узнаёт да его родна матушка,
Не узнаёт да не надеется.
Говорит он своей матушке да таковы слова:

«Ты послушай-ка, честна вдова Марферфа Тимофеевна,
60 Я привез тебе ответ от сына нерадостной:
Его в живых нет,
Ручки-ножки порасстрелены,
Буйна голова под кустышком.
Он велел тебе отомнуть да кованы ларцы
65 И подать мни на память гусли звонкие».
Как получил он гусли звонкие,
Он поехал на княженецкой двор, на пир, на свадебку.
Там mestечка были все да попризаняты,
Одно mestечко не занято, на кирпичной печеньки.
70 Как сел Добрыня Никитич на кирпичну печеньку,
Он ведь начал играть да в гусли звонкие,
Он от Киева до Чернигова,
От Чернигова да до Царя-града.
Как услыхала тут игру Настасья свет Никулична,
75 Она велела тут позвать да игрока да ко столу
да ко дубовому,
Она смотрит во ясны очи Добрынюшки Никитичу.
Через пять-то лет Добрынюшка Никитинеч
Он бородой оброс да приобрматерел,
Сразу не могла узнать Настасья Микулична
Добрынюшки Никитича.
80 Как узнала она Добрынюшку Никитича,
Говорит она да таковы слова:
«Вы послушайте, князья-боярове,
Удалы добры молодцы,
А не тот мой муж, что со мной сидит,
85 А тот мой муж, что у стола стоит».
У стола стоит Добрынюшка Никитинеч.
Она выходит с-за дубова стола
И с Добрынюшкой здоровается,
И ему да извиняется,
90 Что не послушала наказа и совету Добрыни Никитича.
Тут схватил как Добрынюшка Никитинеч
Олешку Поповича да за желты кудри,
Как вытащил его с-за стола дубового
И начал его дубиной подорожной похаживать,
95 А сам начал приговаривать:
«Аще всякой черт женится,
Да не всякому женитьба удавается».
Он ведь взял Настасью Микуличну да за белы руки,
За перстни золоченыи
100 И целовал-то во уста да во сахарные.
Потом пошли да поехали на боярский двор к своей
матушки.
Тут нельзя, грит, описать радости Марферфы
Тимофеевны,

Что вернулся сын с женой домой.
Тут и конец.

2. ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА (Женитьба Дуная и князя Владимира)

Как во стольном было в городи во Киеви,
Как у ласкового князя у Владимира
Был почетный пир да столованьице.

На перу вси гости наедалися,
⁵ На перу вси гости напивалися.

Тут солнышко Владимир-князь да стольне-киевский стал
навесели,

Он по светлой горнице запохаживал,
Он желтыма кудрямы запотряхивал.

«Вы послушайте, князья-бояре,

¹⁰ Удалы добры молодцы и сильные могучие богатыри,
Вы-ты все, грит, переженены,
Вси красны девицы замуж выданы,
Один я-то, солнышко Владимир-князь да

стольне-киевской,

Не женат хожу, холостым слыву.

¹⁵ Вы приберите-ко мне невесту хорошую,
А хорошую-то да пригожую,
Чтоб была умом сверстна и лицом красна,
Плечом со мной наровни».

Все гости призамолкли,

²⁰ Старшей прячется за младшего,
А от младшего ответа нет.

У того стола конца у нижнего

Там сидел-то старый Вермята сын Васильевич.

Как стаёт Вермята на резвы ноги,

²⁵ Говорит Вермята таковы слова:
«Ты послушай-ко, солнышко Владимир-князь да

стольне-киевской,

У короля в Литвы, у короля да у Литовского

Есть дви дочери, дви белых лебеди:

Старша дочь-то Настасья-королевична —

³⁰ Тая за тебя замуж не пойдет,

И тебе, грит, ей не владать,

А вторая дочь Опраксия-королевична —

Она действительнё умом сверстна да ѹ лицом красна,

А плечом с тобой будет наровни».

³⁵ Как у того стола конца нижнего

Там сидел ведь молодой Дунай да свет Иванович.

Как скочил Дунай да на резвы ноги,

Говорит Дунай таковы слова:

- «Ты послушай-ко, солнышко Владимир-князь
 стольнё-киевский,
- ⁴⁰ Правду говорит Бермята сын Васильевич:
 У короля в Литвы да у Литовского
 Девять лет я служил верой-правдою,
 Я три года служил конюхом,
 Я три года служил ключником
- ⁴⁵ И три года служил стольником,
 Хорошо я знаю королевичну.
 Действительно, Настасья-королевична
 Ездит во чистом поли полякует,
 Ищет себе поединщиков.
- ⁵⁰ А вторая дочь Апраксия-королевична —
 Она лицом красна и плечом с тобой буде наровни,
 Будет нам кому да поклонитися». Тут наливает солнышко Владимир-князь да
 стольнё-киевский,
- Наливат чару зелена вина,
⁵⁵ Он не малую стопу, да полтора ведра,
 Он подносит как Дунаю да Ивановичу.
 «Выпей, выкушай, Дунай сын Иванович, чару зелена вина.
 Ты умел как мне невесту повыхвалить,
 Ты умей невесту повысватать.
- ⁶⁰ Поезжай-ка ты да к королю в Литву да ко Литовскому,
 Ты бери-ка войско сорок тысячей,
 Золотой казны — сколько надоно».
 Принимает чару единой рукой Дунай свет Иванович,
 Он выпивает чару на единой дух,
- ⁶⁵ И говорит он князю Володимеру да стольнё-киевскому:
 «Ты послушай-ко, солнышко Владимир-князь,
 Мне не надо войска сорок тысячей,
 Золотой казны бесчтноеи,
 Только дай мни, грит, удалого товарища Добрынюшку
 Никитича.
- ⁷⁰ Он роду есть боярского,
 Он умеет речь вести,
 А силой со мной наровне.
 Мы вдвоем поедем к королю в Литву ко Литовскому,
 Мы сосватаем Апраксию-королевичну».
- ⁷⁵ Тут наливает солнышко Владимир-князь чару зелена
 вина,
 Он подносит да Добрынюшки Никитичу.
 «Поезжай-ка ты с Дунаем да Ивановичем
 В Золоту Орду к королю в Литву да ко Литовскому
 Вы за добрым делом да за сватовством».
- ⁸⁰ Принимает чару тут Добрынюшка Никитинич единой
 рукой,
 Выпивает чару за единой дух,

Говорит он князю Володимеру:
«Ты послушай-ко, солнышко Владимир-князь да
стольнё-киевской,
Чтоб утром рано тут было нам приготовлено
85 Два жеребца неезженых,
На них положено два седельца черкасских
неезженых,
И пиши ярлыки золотой строкой,
Ты пиши да не умаливай».
Утром рано тут ранешенько
90 Как выходят тут на двор княженецкий
Два удалых добра молодца —
Дунай да свет Иванович и Добрынюшка Никитич.
Как на том двори княженецкоем,
Как у тех столбов у точеных,
95 Как у тех кольцов золоченых,
На чумбурах на шелковых
Привязано два жеребца неезженых,
На них положено два седельца недержаных.
Только видели молодцов сядучи,
100 А не видели их поедучи.
Только во поли пыль столбом стоит,
Да мать сыра земля колыблеется.
Долго ль коротко оны ехали,
В Золоту Орду оны приехали.
105 Тут Дунай да свет Иванович
Он скочил да со добра коня
Да ѹ дает коня в повод Добрыни Никитичу
И говорит ему таковы слова:
«Ты послушай-ка, Добрынюшка Никитич,
110 Ты езди по двору да королевскому,
Не пущай в палаты белокаменны ни конного ни пешего,
Бейте всех с головы на голову,
А только сам да приговаривай:
«Скоро-наскоро давайте нам Опраксию-королевичну,
115 То в живых в орды не оставим ни единого».
А Дунай-то ведь свет Иванович
Он ведь знает порядки вси литовскии,
Он у ворот не спрашиват приворотников,
У дверей не спрашиват придверников,
120 Он бежит ведь прямо в гридни королевскии,
А батюшко король сидит за столом.
«Многолетно здравствовать, батюшко король Золотой
Орды!
Как тебя да государя бог да милует?»
«Ах добро, добро пожаловать, Дунай свет Иванович,
125 Ты чего, грит, в Орду да к нам пожаловал?
Ты служить по-старому, верой-правдою по-прежнему?»

«Ты послушай, батюшко король Золотой Орды,
Я приехал к вам за добрым делом, за сватовством,
Сватать Опраксию-королевичну

130 Как за нашего за солнышка Володимера».

Он положил ярлыки на дубовый стол
Королю Золотой Орды.

Как берет он да в руки ярлыки,
Говорит Дунаю Ивановичу таковы слова:

135 «Ты послушай-ка, Дунай да свет Иванович,
Если б не служи ты у меня да верой-правдою ровно
девять лет,

За такие поступки, грит, невежливые

Посадил бы я тебя в погреба глубокии:

Ты приехал сватать младшу дочь через старшую.

140 Если б приехал сватать Калин-царь Калинович,
Я бы то подумал, дать аль нет».

И бросает ярлык о дубовый пол.

Разгорелось тут как сердце богатырскоё,

Он здынул кулак да выше головы,

145 Он ударил кулаком о дубовый стол,
Стол на щепки разлетается,
Вся посуда на пол валится.

Тут скочил как с-за стола дубового,

Он накинул кунью шубу себе на голову,

150 И бежит он на крыльце королевское,
Он кричит да зычным голосом:
«Ой вы гой еси, да слуги верные,

Вы бежите-ка в покой королевские,

Вы вяжите-ко Дуная Ивановича

155 И посадите в погреба глубокие
На овес да его на воду».

А слуги на двори да вопом вопят:

«Ты послушай-ка, батюшка король Золотой Орды,
Неужель да из-за девки нам всим погибнуть?

160 Как на том двори на королевском
Ездит там удалой доброй молодец,
Он коня-то водит в поводи,
Он побил люду несметное количество,
А сам только приговаривает:

«Скоро-наскоро давайте нам Опраксию-королевичну,
А то в живых в Орды да не оставим ни единого».

Тут бежит король да Золотой Орды

Он в свои гридни королевские,

Говорит он Дунаю да Ивановичу:

170 «Ты послушай-ко, Дунай да свет Иванович,
Ты уими-ко на дворе товарища,
Чтоб не был он люду литовского,
Бог, грит, с вами, с Апраксией-королевичной!»

175 Но Дунай да свет Иванович
Не бежал на королевский двор,
Он бежал ведь в терема высокие,
Где находилась Опраксия-королевична,
Он ведь двери со стойками выдергивал.
Как вбежал он в терема высокии,
180 Там только стала Опраксия-королевична со сна
грядущего
В своей тонкой ночной рубашки.
«Многолетно здравствуй, государыня Опраксия-
королевична!
Как тебя, да государыня, бог милует?»
«Ах добро, добро, грит, пожаловать, Дунай да свет
Иванович.
185 Ты чего, грит, к нам в Орду пожаловал?
Ты служить ли верой-правдою?»
«Вы послушайте, Опраксия-королевична,
Я приехал к Вам да со сватовством,
А ведь сватать Вас за нашего солнышка за князя
за Владимира».«
190 «Вы послушай-ка, Дунай да свет Иванович,
Я три году богу руському молилася,
Чтоб быть замужем за солнышком за князем
за Владимиром».«
«Ты послушай-ка, Опраксия-королевична,
Ты умывайся-ко белешенько,
195 Одевайся-ко скорешенько,
Вы поедемте-ко с нами на святую Русь».«
Тут Опраксия-королевична
Умываласи белешенько,
Одеваласи скорешенько.
200 Оседлали ей коня доброго.
Только видели их сядучи,
А не видели поедучи.
Во поли, грит, пыль столбом стоит.
Бот долго ль, коротко оны ехали,
205 Настигла на дороги ночка темная.
Росседлали оны добрых коней, отреножили
И спустили во чисто поле.
Войлучки положили под себя,
А сидёлышки клали в головы,
210 Апраксию-королевичну клали в серединочку,
А самы легли по крайчикам.
И утром рано тут ранешенько
Как выходит Дунай да свет Иванович
Посмотреть добра коня,
215 Он ведь видит во чистом поли
Да мать сыра земя колыблеется,

- Пыль столбом да поднимается.
Он скоро-наскоро вбегает в бел шатер,
Говорит он Добрынюшки Никитичу:
220 «Ты послушай-ка, Добрыняшка Никитич,
Ты вставай-ка ведь скорешенько,
Да седлай-ко ты добрых коней,
Да поезжайте с Опраксией-королевичной в Киев-град,
А я поеду на обратный путь,
225 Есть за нами ведь погоня Золотой Орды».
Тут Добрыня Никитич
Скоро-наскоро оседлау добрых коней,
Поскакау с Опраксией-королевичной во Киев-град,
А Дунай да свет Иванович
230 Поскакау да и в обратный путь.
Недолго пришлося ехать Дунаю свет Ивановичу
в обратный путь.
Как увидел он, навстречу едет удалый добрый молодец,
Как увидел Дуная он Ивановича,
Закричал он зычным богатырским голосом:
235 «Ах вы воры, воры киевски,
Вы ведь воровски увезли Опраксию-королевичну!
Докажу я ворам киевским,
Как воровать вам девок в Золотой Орды!»
Тут съехались оны на поединочек.
240 Как ударили себя да копьями булатними,
Дунай да свет Иванович
Он сидел в седли, не покачнулся,
А удалой добрый молодец
Он слетел с коня, как овсяной сноп.
245 Повернуу копье острым концом
Дунай да свет Иванович,
Наступил на удалую поленицу.
Схватиу да за острый копья,
Говорит Дунаю таковы слова:
250 «Вы послушай-ка, Дунай да сын Иванович,
Я три года во чистом поли езжу поляющую,
И завет у'меня положен:
Кто меня с седла сшибет,
За того я и замуж пойду.
255 Я есть не удалая поленица,
А Настасья-королевична».
Соскочиу как тут Дунай да свет Иванович со добра
коня,
Он берет Настасью-королевичну за руки белые,
Он целует ю во уста сахарные.
260 Тут Настасья-королевична
Зашла в шатер да переделаси,
И поскакали оны в Киев-град.

- Долго ль, коротко оны ехали,
В Киев-град приехали.
- 265 Тут Дунай Иванович спросил у бояр да киевских:
«А что твóрится во Киеви?»
Бояре отвечают Дунаю да Ивановичу:
«Солнышко Владимир-князь да стольнё-киевский
Он поехал в собор Софieвской
- 270 Венчаться с Опраксией-королевичной».
Поскакали вслед Дунай да свет Иванович
Со своей Настасьей-королевичной.
На церковных тут ступенях дви сестрицы сходятся,
В одной купели сестрицы крестилися,
- 275 В одном собори, грит, и повенчалися.
Тут ведь солнышко Владимир-князь да стольно-киевский
Он ведь сделал пир на семь дней.
На пиру вси гости наедалися,
На пиру вси гости допьяна напивались.
- 280 Тут Дунай да свет Иванович
Он подвыпил, стал навесели,
Он по светлой горнице княженецкой запохаживал,
Да стал и Дунай да свет Иванович похвастывать:
«Вы послушайте, князья-боярове,
- 285 Удалы добры молодцы и сильные богатыри,
Как найдется ли такой еще добрый молодец
Дунай да свет Иванович?
Он ведь съездил к королю Литовскому,
Он ведь высадил оттуда дви белых лебеди,
- 290 Одну лебедь взял да за себя,
Другу лебедь за солнышко за князя за Владимира».
Тут стает как Настасья-королевична
За дубовым столом на резвы ноги,
Говорит Настасья-королевична таковы слова:
- 295 «Ты послушай-ко, Дунай сын Ивáнович,
Я недолго в Киеви побыла,
Но я много в Киеви увидела:
Нет ведь краше солнышка князя Володимера,
Нет сильнее Самсона богáтыря,
- 300 Нет хвастливее Олёшки Поповича,
А на походку ист щапливее Чурилы Пленковича,
А из лука стрелять нет метче Настасьи-королевичной».
А Дуная свет Ивановича ничем не выхвалила.
Тут Дунай да свет Иванович ведь рассержается:
- 305 «Ты пойдем на стрельбище со мной, Настасья-
- королевична,
Кто у нас окажется из туга лука стрелок — ты аль я?»
Вот как вышла вся свита княженецкая во чисто поле.
Тут Настасья-королевична
Поставила Дуная свет Ивановича как столб стоять

- 310 И положила кольцо на голову,
 И вставила в кольцо перочинный нож,
 И отмеряла от Дуная свет Ивановича пятьсот шагов.
 Как натянула свой тугой лук
 И наложила калёну стрелочку пернатую,
- 315 Свыла тятива шелковая,
 Полетела калёна стрела пернатая,
 Она ударила в остреё ножовое,
 Разлетелось на дви половиночки,
 Хоть на вес клади.
- 320 Тут положил Дунай да свет Иванович
 Настасье-королевичной кольцо на голову
 И приставил перочинный ножичек.
 Он отмерял от ей ведь пятьсот шагов.
 Первый раз стрелиу — перестрелил,
- 325 Другой раз стрелиу — недострелиу,
 Третьей раз стрелиу — стрелы нé нашли.
 Тут разгорелось сердце богатырское,
 Он подходит ко Настасьи-королевичной на три шага,
 Он натягиват как тугой крепкой лук,
- 330 Он полóжил калену стрелу пернатую,
 А сам стрелы да приговаривают:
 «Ты лети, стрела, не нá воду, не нá землю,
 Ты лети, стрела, а лети Настасьи-королевичне
 Прямо во белую грудь».
- 335 Свыла тятива шелкóвая,
 Полетела каленá стрела
 Настасьи-королевичной прямо во белую грудь,
 Тая пала на землю мертвa-окровавлена.
 Тут подходит Дунай да свет Иванович,
- 340 Он подходит к Настасьи-королевичной на единой шаг,
 Он выдергиват свой ножище-кинжалище,
 И говорит он таковы слова:
 «А где, грит, пала лебедь белая,
 Тут пади, грит, ясён сокóл!»
- 345 Ткнул ножом себя во белую грудь,
 Окровавлен пал на Настасью-королевичну.
 Тут им и часовенку построили.

(Старики да старушки ходили туда богу молиться.)

3. О СТАЛОВЁРСТЕ ГАРДИНОВЕ

Как во стольном было городи во Киеви,
 Как у ласкового князя у Владимира
 Был почетный пир да столованьице.
 На пиру вси гости наедалися,

5 На пиру вси гости допьяна напивалися,

- На пиру вси гости поросхвастались.
Умной хвастает да отцом-матерью,
Безумной хвастает да молодой женой,
Инной хвастает добрым конем,
- 10 Инной ведь хвастает золотой казной,
Кто ведь хвастает острым мечом,
Кто ведь хвастает силой могучею.
У того стола, стола конца у верхнего
Сидеу, грит, молодой Столовёрст сын Гардинович.
- 15 Он сидел, ничим не хвастался.
Как подходит к ёму солнышко Владимир-князь,
Говорит он ему да таковы слова:
«Ты послушай-ка, Столовёрст да сын Гардинович,
Почему, грит, ты сидишь, ничим не хвастаешь?
- 20 Неужель у вас в Чернигови нечим хвастать?»
Тут стает как Столовёрст да сын Гардинович,
Он стает да на резвы ноги,
Говорит Столовёрст таковы слова:
«Ты послушай-ко, солнышко Владимир-князь стольне-
- киевский,
- 25 Уж как хвастать мни не хвастать отцом-матерью —
Их двенадцать лет как живых нет.
Уж как хвастать мни не хвастать добрым конем —
Как у меня, грит, во Чернигови
На конюшнях на стоилах
- 30 Стоит триста кобылиц,
Кажен год несут по жеребцу,
Которы получше — сам держу,
А которые похуже — вам князьям-боярам повыprodам.
Как у меня сидит триста портных мудрых мастеров,
- 35 Год ведь круглый шьют да все снова-наново,
Я которо платье лучше — сам ношу,
А которо хуже — вам князьям-боярам выпродам.
У меня, грит, сидит триста чоботных мастеров,
Шьют вси чоботы снова-наново,
- 40 Которы, грит, лучше — сам ношу,
А которы хуже — вам князьям-боярам повыprodам.
Уж как хвастать мне не хвастать молодой женой,
У мя есть, грит, молода жена Василиса дочь
- Микулична —
- Она Киев-град купит-продаст да й взад отдаст,
- 45 Всех, грит, вас киевских князей-бояр с ума сведет». Тут ведь солнышко Владимир-князь
На Столовёрста рассержается.
Приказал он своим слугам верным
Посадить Столовёрста Гардинова
50 Во погреба глубокие за речи неумильные,
За речи неумильные, за слова за такие дерзкие,

Посадить его да на хлеб, на воду.
Как выводят Сталовёрста Гардина из терема высокого,
Как говорит он слугам княжецким:
55 «Вы послушайте, грит, слуги княжески,
Дайте написать письмо мни молодой жены
Да во Чернигов-град».
Как написал письмо Сталовёрст Гардинович,
Положил письмо коню под седельце
60 И спустиу коня во чисто поле.
Скрылся добрый конь да во чистом поли,
Прискакау как конь да во Чернигов-град,
Во Чернигов-град да во двор Сталовёрста Гардина.
Как заржал тут конь да зычным голосом,
65 Как услышала ржаньё коня Василиста Микулична,
Она выходит, грит, на боярской двор,
На двори, грит, увидела коня Сталовёрста Гардина.
Во поту, во пены желтоей.
Расседлала она коня доброго,
70 С-под седла, грит, коня доброго
Свалилось на землю письмо Сталовёрстово.
Скоро-наскоро письмо
Василиста дочь Микулична прочитывает:
«Как мне выкупить, грит, Сталовёрста Гардина
75 Да от князя от Владимира?
Золотой казной, грит, не выкупить,
Надо выкупить мне догадкамы женскими».
Она прибрала себе да тридцать девицев
И устрягла у всех волосы.
80 И наделись вси мужчинами,
И поскакали оны в Киев-град.
Как подъехали ко граду ко Киеву,
Раскинули белы шатры,
Она велела поместиться своим воинам во белы шатры,
85 А сама одна поехала во Киев-град.
Она приходит в покой княженецкие,
Бьет челом да князю Володимиру.
«Ты послушай-ко, Владимир-князь киевский,

(*Не назвала его солнышко.*)

Я приехал, грит, от Калинá-царя,
90 Я племянник есть, грит, Калина-царя —
Василий свет Буслаевич.
Я приехал с вас требовать
Дани-выплаты за двенадцать лет.
Я приехал к вам с условием,
95 Если выдашь за меня, грит, племянницу dochь

Путятичну».

Тут Владимир соглашается.

- Приказал прийти племянницы
Посмотреть да ей, грит, сужена.
А Путята была очень хитрая и догадлива,
100 Она осмотрела со всех сторон Василья Буслаева,
И говорит она солнышку Володимиру:
«Ты послушай-ко, дядюшко мой князь стольно-киевский,
Это есть, грит, не мужчина, а женщина:
У ней есть все похматки женских,
105 Ручки мягкие, пальчики коротенькие,
На деван садится без опасности».
Как узнать-то князю Володимеру,
Что не мужчина, а есть женщина?
«Вы послушайте-ко, Василий Буслаевич,
110 Не угодно ль вам сходить, грит, побороться
С нашими борцами киевскими?»
«Ах, грит, Владимир-князь да стольно-киевский,
Есть борцы у меня да во чистом поле оставлены,
Любил я сам, грит, смолода бороться
115 С борцами Калина-царя.
Вы введите, грит, борцов на княженецкой двор».
Тут выходят как борцы киевски на княженецкий двор,
И выходит сам Василий Буслаевич на тот на двор на
княженецкий,
Где дожидали его борцы киевски.
120 Как подходит Василий Буслаевич
Он к борцам да ко киевским,
Как схватил ведь двух он за ворот,
Сдвинул вместо — на две стороны раскидывают.
Покатились на сырь землю борцы киевски, как
овеяны снопы.
125 Удивились князья-боярова
Силы-ухватки Василья Буслаева.
«Не угодно ли тебе, да Василий Буслаевич,
С нашими стрелками пострелять в чистом поле?»
«Есть стрельцы да у меня во чистом поле оставлены,
130 Но и сам я был охоч стрелять смолода,
Вы пойдемте во чисто поле».
Он поставиу во чистом поле богатыря киевского,
Он поставил кольцо на голову,
А в кольца, грит, ножичек.
135 Отмеряу от него пятьсот шагов.
Он пустиу, грит, калену стрелу,
И попала калена стрела в острие ножичек,
Раскололась на две половиночки.
Все князья-бояра удивилиси,
140 А киевски богатыри никто стрелять не вызвался.
Тут пошли оны в палаты белокаменны,
Сели за столы дубовые,

Стали угощатися.

Говорит князь за столом Василью Буслаеву:

145 «Не угодно ли вам, Василий Буслаевич,

Сыграть со мной в шашки-шахманки».

«Мы давай играть с тобой, Владимир-князь,

да не попусту,

Ты, грит, на кон став Киев-град,

А я, прит, на кон поставлю дани-выплаты за двенадцать

лет».

150 Тут выстроили шашки-шахманки,

Как тут начали стрелять да в шашки-шахманки

Солнышко Владимир-князь да Василий свет Буслаевич.

Как Василий да Буслаевич он ведь ход ступиу —

позаступиу,

Другой ход ступиу — да князю ступить некуды.

155 Рассердеуся князь — и шашки пód доску.

Приказал, грит, пировать да свадьбу веселую,

Вот тут свадьба разгуляласи.

А Василий сын Буслаевич музыкантов требует,

Музыканты все ему не нздравятся.

160 Говорят тут слуги князю Владимиру:

«Вы послушайте-ко, Владимир-князь да стольне-киевской,

У вас, грит, в погребе глубокоем

Сидит там Столовёрст Гардинович,

Он горазд играть на музыки».

165 Приказау тут Володимер-князь

Привести Столовёрста Гардинова в терема княженецкие

На честной, грит, пир да на свадебку.

Как приходит Столовёрст да сын Гардинович

На честной он пир да и на свадебку,

170 Начал он играть на музыке.

Как узнала игру Василиста дочь Микулична

Столовёрста Гардинова,

Говорит она князю Володимеру:

«Дайте-ко мне этого игрока

175 Свозить да во чисто поле

Мне потешить свою братию».

Как поехали оны во чисто поле

Ко тем шатрам да полотняным,

Где оставлена дружина Василиста Микуличной.

180 Она зашла, грит, в бел шатер,

А Столовёрста Гардинова оставила у бела шатра,

Переделась она в платье женское.

И поехали, грит, во Киев-град

Ко князю ко Владимиру.

185 Как увидау тут Владимир-князь,

Что это была Василиста Микулична,

И весьма он, грит, удивляется.

Тогда сказал он Сталовёрсту Гардинову:
«Что правду ты сказал про молоду жену,
¹⁹⁰ Поездяйте с молодой женой в Киев-град».
Распростиуся тут Сталовёрст Гардинович
И уехали в Чернигов-град.

4. КУДРИЯНИЩЕ

(Мучения Егория, Егорий и змей)

Наезжал царище Кудриянище,
Многоверного князя Федора во полон склониу
Да голову срубил.

⁵ Оставалоси оставленьице,
Что Егорий-свет да он семнадцать лет.
Начали Егория мучити
Разнымы мукамы разноличными.

(Забыл.)

Начали Егорья на огни ведь жечь,
Он на костри стойком стоит,
¹⁰ Он стихи поет херувимских,
Славит славу богатырскую
Самому Христу распятому.
Ничто Егорью не деяло,
Ничто святому не подеяло.
¹⁵ Рассердиуся тут царище Кудриянище,
Он велел Егорья во котлы варить.
Во котлы вода ключом кипит,
А Егорей стойком стоит,
Он стихи поет херувимских,
²⁰ Славит славу монастырскую.
Рассердиуся тут царище Кудриянище,
Он велеу тут выкопать яму глубокую
И бросить его в яму глубокую,
И зарыть его лозьями-колодьями
²⁵ И пескамы желтыма.
Ничто Егорью не деяло,
Ничто святому ни подеяло.
Как поднялись тут ветры буйныя,
Курганы огромныя,
³⁰ Растишило все пески желтыя,
Все лозьё-колодье разворочало.
Выстал с ямы тут Егорий свет да храбрый.
Бежит тут со чиста поля
Белый добрый конь.
³⁵ Сел Егорий на добра коня,
Он уехал во чисто поле.

Как Содом-город сквозь землю прошел,
А на славное да царство Рахлынское
Напустил господь змея лютого,
40 Змея лютого да бесшерстного.
Стал ведь змей с моря сходить,
Пролетать царство Рахлынское,
Пожирау он людей и скот.
Стало царство в опасности,
45 Стали жертвы высылать да по синю морю,
Стали дуть, метать тут жеребы,
Кого отдать змею да на съедение.
Тут ведь раз выпал жеребий
На самого царя Агапита.
50 Тут ведь царь да закручиниуся да запечалиуся,
Он ведь быу женат да на второй жены.
Как от первой жены да осталась дочь Олисафия,
У ей мать-то была руськая,
Она веровала веры православные.
55 Тут говорит жена царю Агапиту:
«Ты чего, грит, царь, печалишься?
Ты чего, грит, царь, кручинишься?
У тебя, грит, есть да кем ведь заменитися,
У тебя есть ведь дочь единая,
60 Дочь единая нелюбимая,
Она веры нашей не верует,
Ты отдай змей на поедение,
Да бесшерстному на пожрение».
Объявил тут царь Агапит своей дочери:
65 «Поезжай-ко ты да на святую Русь,
На святую Русь тебя замуж требуют».
Вот царевна Олисафия
Умыласи белещенько,
Оделаси скорешенько.
70 Она вышла, грит, на царской двор,
У подъезда стоит карета черная,
Кучеришко, грит, черной.
Прослезилась, села в карету Олисафия.
И повез ее кучеришко черной ко синю морю,
75 Он привез ю к берегу ко синю морю,
Он открыл ведь двери во карету черную.
Тут ведь видит Олисафия сине море.
Она пошла по круту бережку,
Невдалечу завидла часовенку.
80 Тут подходит как к часовенки,
Садится на лавочку,
Плачет, бьется, убивается.
Она видит, со чиста поля
Бежит доброй белой конь,

- 85 На кони сидит добрый молодец.
Он подъехал к Олисафии,
Остановиу добра коня, ю спрашивает:
«Ты чего, девица, плачешь, убиваешься?»
Объяснила ему Олисафия,
- 90 Как чего она привезена.
«Ты не плачь, грит, не горюй, красна девица,
Я приехал ведь тебя спасать.
Поищи-ка у меня да в буйной головы.
Как пристала тут искать да Олисафия
- 95 У Егорья святохраброго да в буйной головы,
Он заснуу ведь крепким богатырским сном.
Вдруг ведь море сколыхалоси,
Да вода с песком смешаласи,
Оказауся как с моря змеище-пещерище.
- 100 Как ведь начала будить Олисафия
Егорья святохраброго,
А Егорий не просыпает(ся),
А змей все ближе, ближе все двигается.
Закричау как змей тут зычным голосом:
- 105 «Слава богу, слава господу,
Буду сыт ведь я, не голоден,
Мне ведь прислано три головы».
Тут заплакала Олисафия горючими слезмы,
Тут скатилась горюча слеза
- 110 На лицо Егорью святохраброму,
От чего Егорей пробуждается,
Он скочиу как на резвы ноги.
Змей на землю опускается.
Он змахнул мечом,
- 115 Отрубиу змею два головы.
Змей кроток-смирен стал,
Как у хозяина скотинина.
Отвязау он пояс шелковой,
Привязал змея да на шелков пояс,
- 120 Говорит змею:
«Ты будь кроток, смирен
И слушай Олисафию».
И говорит он Олисафин да таковы слова:
«Ты веди, царевна Олисафия, лута змея
- 125 Ты во царство во Рахлынское,
Ты постав змея среди города,
Вызываи народ царства Рахлынского.
И скажи народу таковы слова:
«Вы примите, грит, веру православную,
- 130 Я уведу змея да во чисто поле
И разрублю змея да на мелки куски,
А если вы не примете веры православной,

То спущу змея на Рахлынь-город,
Прикажу ему истребить все царство Рахлынское».
135 Тут все перепугалися,
И вси приняли веру православную.
А царевна Олисафия увела змея к Егорью святохраброму.
Разрубиу Егорий змея да на мелки куски,
Отпустил он в город Олисафию,
140 А сам поехал по белу свету.

ИРИНА АНДРЕЕВНА СТЕПАНОВА

Ирина Андреевна родом из д. Подъельники Заонежского района (нын. Медвежьегорский)¹, неграмотная. В 1940 г. ей было 78 лет. Бывала в Сенногубской волости, знала семью Рябининых, но старин от них не усвоила. В полевом дневнике сообщаются и другие интересные сведения о сказительнице.

«Былины знала еще до замужества, слышала их от людей. Когда дети ее подросли немного и научились читать, они прочли ей былины из книги (И. А. было тогда около 29—30 лет). Книга эта была с рисунками, ее формат — около двух вершков в длину и полтора в ширину. И. А. запомнила былины, которые ей прочли дети. Таким образом, былины Ирины Андреевны можно разделить на две группы: былины, которые она слышала от людей, или, говоря условно, былины, которые знала до книги, и былины, которые Ирина Андреевна узнала из книги и запомнила. Первая группа состоит из следующих названий: 1) «Кострюк Черкашенин»; 2) «Про Чурилушку»; 3) «Про Ставра Годиновича»; 4) «Про Казань-город»; 5) «Про пашицу»; 6) «Про Софеюшку»; 7) «Соломан царь Давыдович и Василий Окульевич». Былину про Ставра записать не удалось, т. к. Ирина Андреевна сейчас помнит ее плохо, но зacin знает твердо, при желании, конечно, может вспомнить эту былину. Историческую песню о Соломоне Ирина Андреевна знает не твердо, в середине сбивается со стиха на рассказ. Все остальные былины может петь.

Вторая группа состоит из следующих названий: 1) «Про Добрыню» — весь цикл былин; 2) «Илья Муромец» — весь цикл; 3) «Дюк Степанович»; 4) «Вольга Всеславьевич»; 5) «Соловей Будимирович»; 6) «Про Буслава». Список этот, видимо, не окончен. Вероятнее всего, что он может быть продолжен, как и список былин первой группы. Былины второй группы Ирина Андреевна также поет. Она рассказывает, что сейчас не знает, поет ли былины второй группы в том виде, в каком они были в книге, или она книжные тексты контаминировала

¹ В записях 1940 года ссылка дана на д. Пяльму Пудожского района, где в это время, очевидно, жила сказительница.

с текстами былин, слышанных от людей. Ответ на это может дать только сличение записанных былин с книжным текстом. Большое количество записываемого от Ирины Андреевны материала в крайне малое время (условия экспедиции не позволяют работать с одним исполнителем 10—15 дней) заставило нас отказаться от мысли записывать былины с голоса. Сама Ирина Андреевна просила нас записывать не с голоса, и ее желание мы вполне разделяли: домашние условия, при которых проходила запись, не позволяли говорить о пении» (8/131).

Судя по репертуару и его качеству, Ирина Андреевна заслуживает внимания фольклористов. Сказительница знала также песни и сказки.

В архиве есть записи исторических песен и былин: 1) «Кострюк» (8/135); 2) «Гришка-расстрижка»; 3) «Соломан и Василий Окулович» (8/134); 4) «Чурила и Катерина» (8/136).

5. ВОЛЬГА ВСЕСЛАВЬЕВИЧ (Волх Всеславьевич, Вольга и Микула)

Спорождался на свет Вольга Всеславьевич,
Земля-мать сколыбаласи,
Индейско царство вздрогнуло.

- Заяци попрятались по ельницькам,
⁵ Птиця поднималась под облаку,
Рыба в морё попряталась.
Прошел час от родін,
Говорит Вольга, как гром гремит:
«Ой ты, матушка Всеславьевна,
Не пеленай ты меня в пелены шелковыи,
Не пойсай мягким поясом,
Дай мне шлём на буйну голову,
Дай мни в руки пáлицю свинцовую,
Три аршина, стопудовую».

- ¹⁵ Как стал Вольга семи годков,
Стал обучать так всякой хитростью.
Как стал Вольга двенадцать лет,
Соберал дружину храбрую,
Тридцать парней без единого,

- ²⁰ Сам Вольга тридцатый.
Говорит Вольга Всеславьевич:

- «Дружина моя храбрая,
Отамана слушай старшаго!
Вей веревочки шелковыи,
²⁵ Ставьте пасточки дубовые,
Ловите-излавливайте
Соболей и куниць и чернобурых лисиць,
И заячком не брёзговать».

- Ловили ребятушки три дни и три ноченьки,
30 Не могли словить ребятушки заячка.
Говорит Вольга Всеславьевич:
«Вы дружина моя храбрая,
Есть ли из вас таких молодчи:
Обвернуться лёвом,
- 35 И назаворачивать соболей, куниць, чернобурых лисиць
И заячком не брёзговать?»
«Нет из нас таких молодцев,
Как ты сам, Вольга Всеславьевич».
Обвернулся Вольга левом,
- 40 Назаворачивал соболей, куниць, чернобурых лисиць
И заячком не брёзговал.
Говорит Вольга Всеславьевич:
«Ой дружина моя храбрая,
Отамана слушай старшого!
- 45 Вей веревочки шелковыи,
Ставьте пасточки дубовыи,
Ловите-излавливайте гусей-лебедей
И мелкой пташечкой не брёзговать».
Ловили ребятушки три дня и три ноченьки
- 50 И не могли словить ни единой мелкой пташечки.
Говорит Вольга Всеславьевич:
«Ой дружина моя храбрая,
Есть ли из вас таких молодци:
Овернуться навой-птичиной,
- 55 Подыматься под облако
И назаворачивать гусéй-лебедéй
И мелкой пташечкой не брёзговать?»
Говорят дружина храбрая:
«Нет из нас таких молодцов,
- 60 Как ты сам, Вольга Всеславьевич».
Овернулся Вольга Всеславьевич навой-птичиной,
Заворачивал гусей-лебедей
И пташечкой не брёзговал.
Говори Вольга Всеславьевич:
- 65 «Ой дружина моя храбрая,
Отамана слушай старшого!
Невода вяжи шелковыи,
Кладите плуживья серебряны,
Тетивочки шелковыи,
- 70 Ловите-излавливайте
Семўжину с белўжиной,
Восетрину рыбу ценную
И щучку хичную с плотичкой не брёзговать».
Ловили ребятушки три дня, три ноченьки,
- 75 Не могли словить ребятушки и щучки хичной с плотичкой.
«Ой дружина моя храбрая,

Есть ли из вас таких молодчи:
Обернутися щукой хичною
И назаворачивать семужины с белужиной
80 И осетрину рыбу ценную,
И щучку хичную с плотичкой не брёзговать?»
Говорит дружина храбрая:
«Нет из нас таких молодцев,
Как ты сам, Вольга Всеславьевич».
85 Овернулся Вольга Всеславьевич щучкой хичною,
Назаворачивал семужины с белужиной,
Осетрину рыбу ценную
И щучку хичную с плотичкой не брёзговал,
Накормил дружину храбрую.
90 Говориу Вольга Всеславьевиць:
«Ой дружина моя храбрая,
Ести ли из вас таких молодци:
Обвернуться птицей-турицей,

(Так говорит.)

Поскакать в землю Индейскую,
95 Отведать там доподлинно,
Что царь с царицею бисёдует?»
Говорит дружина храбрая:
«Нет из нас таких молодцев,
Как ты сам, Вольга Всеславьевич».
100 Обернулся Вольга Всеславьевич птицей-турицей,
Один раз скочиу — даc версту махнуу,
Прискакал в землю Индейскую.
Обвернулся жавороночком,
Сел на наличничек.
105 Там царь с царицею беседует,
Говорит Салтык Ставрульевич:

(Ой не могу.)

«Ай же ты, Евзяковна,
Я пойду на Русь великую,
Завоюю девять сёл с приселками,
110 Одарю тебя шубейкою».
Говорит ему Евзяковна:
«Ай же ты, Салтык Ставрульевич,
Не взять тебе девять сел с присёлками,
Не дарить меня шубейкою,
115 Мни ночесь-то сон привиделся:
Налетела мелка пташечка,
Разнёсла злых воронов по перышку».
Тут Салтык Ставрульевич
Бил Евзяковну по белу лицу,
120 Пролил кровь понапрасну.

- Тут Вольга Всеславьевич
Овернулся горносталиком,
Заходил в подвалы глубокии,
Перегрыз вси веревоцьки.
- 125 Тут Вольга Всеславьевич
Обвернулся птицей-турицей,
Поскакал он в свои стороны.
Там спит дружина храбрая.
«Ай дружина моя храбрая,
130 Мы пойдем во Индию,
Завоюём на каждого по десять коровушок».
Пришли в Индию к стены белоей,
Говорит дружина храбрая:
«Не пройти нам этой стенки белой,
- 135 Положить нам головушки на этой стенки белой,
А в город-то ворота вырязныи,
Только проплыть мелкой мурашецьки».
Обернул Вольга Всеславьевич
Всю дружины мелкой мурашецькой,
- 140 И сам Вольга Всеславьевич
Обернулся мелкой мурашецькой.
Как зашли оны в город,
И пошли онывойной,
А индейцы схватилися,
- 145 У них оружъи перегрызены, нечем воевать.
(Или каки оружъя были, нынъ ребята такима играют.)
- Ну, оны завоевали на каждого по девять коровушок.
Вольга Всеславьевич был князю Владимиру любимоей
племянницёк.
- Отправили ёго в города за полуцкамы:
В город во Ореховец,
150 В другой во Кресъяновец.
Поехал он со своёй дружиной храброй.
Ехали-поехали и слышат:
Пахарь пашет,
Пахарь понукиват,
155 Сощка поскрьпливает,
Омешики о камешки почиркивают.
Ехали целой день до вечера.
Пахарь пашет,
Кобылка у него соловая,
160 Сощка кленовая,
Ремешки серебряны,
Присошок золочёной,
Рогач сохи тожо золочёной.
Говорит Вольга Всеславьевич:
- 165 «Бог помоць, ратай-ратайшко,

- С краю в край гнать бороздочки!»
«Нада божья помоць!
Ты далече ль поехал, Вольга Всеславьевицъ?»
«Я поехал в города за полуцькамы:
170 В город во Ореховець,
В другой во Кресъяновець».
«Я бывал в том городи,
Возил я соль крупную.
Там мужики-ты подорожныи
175 Прося деньги подорожныи».
«А ты поедям-ко с намы, ратай-ратаюшко».
Ратай-ратаюшко кобылку выстягнул,
Сел на кобылку и говорит:
«Гля всякого проезжего
180 Сошка с бороздочки выдернуть,
Пыль с омешиков повытряхнуть
И за ракитов куст сошку зашвыривать».
Говорит Вольга Всеславьевич:
«Возьмите два богатыря,
185 Выньте сошку с бороздочки».
Сошку вёртя, вёртая,
А выдернуть с бороздочки не могут два богатыря.
Подъехал ратай-ратаюшко,
Схватил сошку зá обжу,
190 Пыль с омешиков повытряхнул,
За ракитов куст зашвыривал.
Поехал ратай-ратаюшко впереди,
След за им Вольга Всеславьевич скоком-скоком.
Стал Вольга Всеславьевич покрыкивать,
195 Колпаком своим помахивать:
«Ты постой, ратай-ратаюшко,
Твоя кобылка шустрая как коньком бы была,
Дал бы я полтысячи».
Ой ты, глúпой Вольга Всеславьевич!
200 Я с-под матушки полтысяци выплачивал,
Моя кобылка шустрая коньком бы была,
Ей цены бы не было».
«Ты скажи, ратай-ратаюшко,
Как тебя звать по имени,
205 Величать по отечству?»
«А съездим мы в город во Ореховець,
А в другой во Хресъяновець,
Выпашем мы нéву хлебную
И наварим мы пива.
210 Станут мужицьки пить да покрякивать
И меня станут покликивать:
«Ты Микула Селяникович!»

6. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

- В старину было в стародавнюю,
Когда княжил князь Владимир в Киеве,
Близ города близ Мурома,
В селе Караварови
5 Жил старичок Иван Тимофеевич
Со своей старушкой Анной Ивановной.
Даровал им бог дётище,
Ильюшу сына Ивановича.
Он тридцать лет сидел сиднём на печки на муравленой,
10 Без рук сидел, без ноженек.
Мать его кормила досыти,
Вином поила допьяна.
Проходило время оное,
Тридцать лет изменой миновалосе.
15 Отец с матерью пошли поработать, позабавиться,
За работушкой расправиться.
Приходили к дому Ильи Муромца
Старьцы старые, усталые,

(В то время господь ходил с апостолами по земли.)

- Просят у Ильи старьцы напитися,
20 Илью-то старицы разжалали.
«Рад дать вам, старицы, напитися,
Да тридцать лет сижу на печки на муравленой,
Тридцать лет излишко».
Говорят старьцы божии:
25 «Илья, ты нас не омманывай,
А стань поди на ноженьки».
Встал Илья на ноженьки,
Пошел, как быдто встрёпанный,
Наливал Илья ведерышко,
30 Подносил старьцам божиим,
А не пьют оны прохожие,
А велят испить Ильи самому.
Испивал Илья ведерышко без устали.
Говорят старьцы божии:
35 «Ты многа ль, Илья, почуял в себи силушки?»
«Во мне сила, во мне полная:
Как бы был в земли-матушки столоп до небушка,
В столби кольцё червонное —
Дак повернул бы святоруську».
40 Просят у Ильи старьцы напитися.
Наливал Илья еще ведерышко,
Подносил старьцам божиим,
А не пьют оне прохожий,
А велят испить Ильи самому.

- 45 Испивал еще Илья ведерышко без устали.
Говорят старьци божии:
«Ты много ль, Илья, почуял в себи силушки?»
«Во мне силы половинушка».
Говорят старьци божии:
50 «Дай-ка, Илья, нам напитисе».
Заходил Илья в кладовушку,
Не в большую, заповедную,
Наливал вина зелёного,
Пенистого, стоялого, заморьского,
55 Подносил старьцам божиим.
А не пьют оне прохожий,
Угощают Илью Муромца.
Говорят старьци божии:
«Ты не живи-ка дома, не работай-ко,
60 Русь-матушку побороть хотят,
На всё-то твоя силушка надобна,
Стой за вдов и за сирот и за церкви божии».
Говорят тут старьци божии:
«Купи у соседа жеребёночка-одногодочка,
65 В струби выдержи три месяца,
Пшеницей выкармливай,
Святой медвяницеей выпаивай,
В три росы ёго выкатывай,
В три зари ёго выезживай,
70 Подведи к тыну высокому,
Дак перескочит как в обе стороны —
Так поезжай куда захочется».
Дали Ильи калеки лук
Да пáлицю девяносто пуд.
75 «На бою тебе смерть не сказана».
Тут как воск оны потаяли.
Пошел Илья на улицю,
Как сокол добрый молодец.
Как увида красны девушки — так приужахнутся,
80 А как увида молодушки — так подбекренются.
Пошел Илья к отцю-матери.
Отець с матерью поработали, отыхать полегли.
В то время взял Илья косу вострую,
Сена накосил, стогов наметал,
85 Косу вострую воткнул в землю-матушку до того глубоко,
Что никому той косы не вытащить,
Сам Илья сел за кустышек.
Отець с матерью пробуждаются,
Тому чуду дивуются:
90 «Это кто нам напроказил,
Накосил и стогов намётал?»
Выходил Илья с-за кустышка.

- «Это я так накосил и стогов намётал,
Косу вострую с земли-матушки вытащил».
- 95 Говорит отец с матерью:
«Слава богу, господь дал нам большого работника». Купил Илья у соседа жеребёночка-одногодочка, В струби выдержал три месяца, Пшеницёю выкармливав,
- 100 Святой медяницею выпаивал, В три росы его выкатывал, Три зари его выдерживал, Подводил к тыну высокому, Перескочил он в оби стороны.
- 105 Тут Илья Муромецъ Воскресный день простоял заутрену. Просит у отца с матерью прощеньяcia Ехать в Киев-град.
- Говорит ёму отец:
110 «На добрые дела благословленье есть, А на худые дела благословленья нет. Поедешь дорогою, не помысли на татарина, Тем пуще на крестьянина».
- Говорит ёму родима матушка:
115 «Эх ты, цядо мое милое, Утешь ты мою старость беспомошную, Останься-ко во своем дому. Ты потеряшь свою буйну голову Не за денёжку не за медную:
- 120 Ведь в Киев-град дороги прямоезжей нет, Там в засаду сел разбойник, Розбойник сын Рахмантьевицъ, Не пропускает ни конного ни пешего». Ну тут дал с отцём-матерью прощеньца.
- 125 Вид'ли Илья как на коня-то сел, Не вид'ли, куда поездку дал. Не снежки билые забелили в чистом поле, А белея под Ильюшенькой белой конь, А хвостом-то конь поля устелал.
- 130 Приехал Илья на перекрестьку, На перекрестьки лежить беу-горюць камень, На камёшки подписано:
«Вправо ехать — богатому быть, А влево ехать — жонатому быть,
- 135 А в прямоезжую дорогу ехать — дак убитому быть». «А поеду я в дорогу прямоезжою, Снять-то с меня нечого И убить меня не за что: Кушачок у меня стоит пятьсот рублей,
- 140 А шубка стоит тысячу».

Поехал Илья дорогой прямоезженой,
А настрету к нёму идут мужицьки церниговски
И лихую беду думают:
«Под Церниговом стоит три царевица,
145 И с каждым силы по три тысячи».
Тут Ильи жаль показалось Цернигова
И с отцём-матерью заповеди разрушить не хотелось.
Вырвал дуб с пеньями, с кореньями,
Стал по силушки поезживать,
150 Стал по силушки помахивать,
Куды махне — падут улицьмы,
Поворотит — чисты площиади.
Добился до трех цяревицёв.
«Ой вы, горя три цяревица!

155 Головы вам снести —
Напрасно кровь пролить,
А в полон мне взять —
У меня хлебы трудбовый, завозныи.
А поезжайте-ко вы по своим домам,
160 Скажите-ко своим людям,
Что Русь-матушка не пуста стоит,
На Руси есть могучий богатыри».

Говорят три цяревица:
«Ой ты еси, добрый молодець,
165 Как тебе звать по имени,
Велицать по отечестве?
Что послал господь нам посланницька,
Оцистил нашу отчину».

«А зовут меня Илейкою,
170 А велицают Ивановицем».
«А ты поедем-ко к нам, к нашему воеводи
Хлеба-соли откушати».
«А не поеду я к вашому воеводи
Хлеба-соли откушати.

175 А покажите-тко мне дорогу прямоезжою во Киев-град».
«А дороги прямоезжой в Киев-град нет,
Залёгла дорога ровно тридцать лет,
А дорога по полям и по липушкам цветным».

(Цветы, видно, какие.)

Говорят мужицьки церьниговски:
180 «Как звать вас по имени,
Велицать по отечестви?»
«А зовут меня Илейкою,
Велицают Ивановичем».
«Ты поедем-ко к нам в Цернигов-град
185 Жить воеводою,
Кормить мы будем досыта,

- Вином поить польяна».
«А не поеду я к вам жить воеводою,
Покажите-ко мне дорогу прямоезжо.
- 190 Прямо в Киев-град».
«А прямоезжой дороги в Киев-град нет».
Поехал Илья дорогой прямоезжой.
Одной рукой коня вел,
А другой рукой дубки рвал
195 Да мосты мостили.
Приехал к рецьки ко Смородинки.
Захотелоси ёму позавтракать,
Сварил себи кашецыки, позавтракал,
Стал сон держать.
- 200 Лёг Илья, клал возли себя лук да палицию,
Коня спустил травы пощипать.
Не ясной сокол вылётыват,
Не млад вороненок выпархиват,
А выпархиват Сбут-королевич.
- 205 У нёго брови как ёрного соболя,
Очи как ясного сокола,
Шея у Сбута как билой снег.
У коня-то хвост, гривá золочёныи,
У сёдла-то подпруги булатныи,
- 210 Кругом сёдла все золочёное.
Увидеу возли Ильи лук да палицию девяносто пуд,
Розгорелось у Сбута серъцо богатырьское,
Стал он тугой лук натягивать,
Калену́ стрелку направливать.
- 215 Хотел он угодить Ильи в руку в правую,
А угодил в серьеце ретивое.
А у Ильи-то на серыци был чудесный крест,
А от креста стрела переломиласи,
Тут Илья со сна пробуждается.
- 220 «Ой ты, чадо несмышленое,
Что ты бьешь меня сонного как мертвого!
Не знаешь ты, с ким схватываешься,
А теперь мы с тобой побратаемся».
Тут Илья взял Сбута-королевича,
- 225 Выкинул выше лесу стоячого,
Ниже облака ходячого,
Поднял на руки.
Тут Сбут-королевич стал молить Илью и просить,
Чтобы пощаду дал для родимой матушки.

(*Не мешай, поди.*)¹

- 230 Тут Илья спомнил свою родиму матушку

¹ Реплика, очевидно, адресована кому-нибудь из присутствовавших при записи.

И говорит Илья:

«Поезжайте-ко по своим домам

И скажите своим людям,

Русь-матушка не пуста стоит,

235 На Руси есть могучие богатыри».

Поехал Илья.

Соловей-разбойник услышал топот конской,

Ряхнул по-звериному,

Свистнул по-соловьиному —

240 Под Ильюшой конь на колена пал.

Бьет Ильюша коня по крутым ребрам.

«Ах ты, волчий корм, травяной мешок!

Неужжоли ты не бывал в темном лесу,

Не слыхал крику звериного, свисту соловьиного?»

245 Тут Илья Муромец стал разрушивать

С отцем-матерью заповедь,

Тугой лук натягивать,

Калену стрелку направливать,

Стрелки приговаривать:

250 «Не пади, стрелка, не на воду, не на землю,

А пади разбойнику в правой глаз».

Не пала стрелка не на воду, не на землю,

А пала разбойнику в правый глаз,

Пал разбойник комом на землю.

255 Подхватил Илья разбойника,

Привязал к праву стрёмяну.

Заслышала дощка Соловьина старшая,

Поглядела в трубку подзорную.

«Наш-то батюшко едет,

260 Мужицу-деревенщину в стремене везет».

Друга дощка посмотрела в трубку подзорную.

«Наш-то батюшка едя,

Мужицу-деревенщину в стремене везет».

Третья дощка посмотрела в трубку подзорную.

265 «А еде мужища-деревенщина,

Нашего батюшка в стремене везет».

А зятевá задумали худую думу:

Овёрнуться птицами со железными носами.

А жона Соловьина вышла,

270 Клада мису золота

И стала молить-просить:

«Не убей ты матери от птенцов».

«А мне, крестьянскому сыну, казна золота не надобна,

А с деткамы жить не удумано,

275 Не спущу я Соловья».

Приехал Илья в Киев-град,

Прямо к князю ко Владимиру на широкой двор,

Ставил коня к дубову столбу,

- Вязал коня к золоту кольцу,
280 А Соловья-разбойника привязал к столбу
Веревками крепко-накрепко,
Сам Илья пошел в горницю.
За столом сидя все князи-бояры
И все руськи могучи богатыри.
- 285 Тут Илья крест кладé по-писáному,
Поклон ведé по-ученому,
Князю со княгиною поклон веде в особину.
Князь Владимир наливаает тут чару зелена вина,
Подносит Ильи Муромцу
- 290 Подкрепиться с дороженьки.
Говориу князь Владимир:
«Как тиба звать по имени,
Величать по отечестви?
По имени можно место дать,
- 295 А по отечестви пожаловать».
«Зовут меня Илейкою,
Величают Ивановичем,
Я из города из Мурома,
Из села Карабарова.
- 300 Домаостоял заутрену,
А сюда попал к обеденки,
Да дорогой призамешкался».
Вси князи-боярá, руськи могучи богатыри
Вси подмолвили:
- 305 «А детина-то завирается,
Ведь дороги прямоезжой в Киев-град нет».
Говорит Илья князю со княгиною:
«Пойдемте-ко на широкой двор.
Не возьмите во гнев, князь с княгинушкой,
- 310 Я тебя возьму под пазушку,
Княгинушку под другую,
Поглядите моей добычи богатырьской».
Говориу Илья Муромець:
«Соловей-разбойник, ряхни по-звериному,
- 315 Свистни по-соловыиному,
А вполголоса, не в челый голос».
Он ряхнул по-звериному,
Свистнул по-соловыиному в челяй голос.
Князи-бояра вси на карачках плывут,
- 320 А князь со княгиною еле жив стоит.
«А пойдемте-ко мы в горницю
Хлеба-соли кушати,
А эты шутки нам не надобно».
Говорит князь Владимир Илье Муромчу:
- 325 «Садись за стол на перво место возлý меня,
А на дрúго место супротив меня,

А третье место сам повыбери».
Сел Илья напротив на скамеечку,
А княгиня потчуэт Ильюшу медом сычёным со своих рук.

330 За досаду пало Олёши Поповичу,

Взял в Илью ножиком кинул,
Илья ножик на лету захватил.

«Лучше мы с тобой крестами поменяемся,
Станем братьями крестовыми,

335 Станем вместе есть да пить».

Олёшу стыд взя́й.

И тут оны поели, попили,
И вси как песок рассыпались,
Розъехались все богатыри кто куда.

Прошло время, и стали они собираться ко князю Владимиру
на широкий двор.

340 Уж стол-то был во полустоли,
А пер-то был в полупере.

Приехал Илья Муромец позденько уж,
Весь в пыли, весь в поту,
Поседел, как лунь побелел.

345 Говорит князь Владимир:

«Ну, старый казак Илья Муромец,
Приехал позденько,
Все местечка перезаняты,
Есть местечка с краю».

350 Говорит Илья Муромец:

«Ну ладно, как ты меняешь ворона с воронятами,
Не заслужил я у тебя места большого,
Посижу у тебя за твоим столом и с краичка».

Поели, попили,

355 Князь Владимир стал всех дарить:

Кого золотом, кого серебром, кого жемчугом,
Кого приселками, кого городами,
А Илью Муромца, старого казака,
Ничем не подарил.

360 Говорит княгинушка:

«Что же ты, князь Владимир,
Всих ты подарил, пожаловал,
Одного старого казака Илью Муромца
Ничем не подарил».

365 А говорит князь Владимир:

«А есть у меня шубка бусарманьска,
С бусарманина снята».

Той подарил.

Илья Муромец взял шубку за один рукав,

370 Стал похлыстывать о кирпивчатый пол.

«У меня бусурманьско отплодье все переколоцено».

Вси князя-бояра подмолвили:

«Нам всим подароцьки по любви пришли,

А одному Ильи Муромцу не по люби пришли».

375 Тут князь Владимир закрыцял зыцьным голосом, что

зверь:

«Возьмите ёго под руки два богатыря

И ведите ёго в погрёб».

А махнул Илья левой руцькой —

Богатыри без памяти лежат.

380 «Возьмите по два богатыря под руку».

Взяли по два богатыря под руку,

Илья махнул рукой правою —

Богатыри без памяти лежат.

Говорит Илья Муромець:

385 «До сих пор меня никто под руки не водил.

А дайте мне книгу Евангелия,

Чтобы было мне зачим душа спасать,

Я и сам пойду».

Дали Ильи Евангелие,

390 И он пошел.

Клали его в погрёб,

Решетками задвинули,

Песком засыпали.

А княгинушка была догадлива:

395 Сделала сбоку подкопы,

Кормила его досыта,

Вином поила вполпьяна.

Прошло этого времени три года,

Приезжаєт от Калинова царя посланник,

400 Войну открывает.

Князь Владимир собирает всех богатырев.

«Кто бы съездил к Калинову царю,

Свез бы подарки Калинову царю

Да просил бы строку на три году».

405 А передний тулится за середнёго,

А середний тулится за заднёго,

А от заднёго и ответу нет.

Говорит князь Владимир:

«Нету Ильи Муромца, живого защитника».

410 А говорит княгинушка:

«Може жив, ну, давайтЯ посмотримтЯ».

Песок отрыли,

Решетку отдинули —

Илья Муромец жив.

415 Князь Владимир Ильи Муромцу в ноги пал,

Илья Муромец с ног здымает и говорит:

«Недостойный я, чтобы ты у ног лежал».

Илья Муромец говорит:

- «Давайте первым делом сходим в церковь божию,
420 Помолимся Спасу со пречистою».
Есть народ в городи, славу творит:
«Слава богу, господь нам дал
Зашитничка Илью Муромца».
Сел Илья на коня,
425 Сам князь Владимир провожает,
Цяроцку вина поднёс на дороженьку,
Поехал Илья Муромець.
«На всякой слуцай ворота заприте крепко-накрепко
в город».
- Подарки-то Калин-царь взял
430 И старым псом обозвал,
Строку не дал,
Только дал на три дни.
Илья ездил по темному лесу, по чистому полю,
А никто на зыцьной голос
435 Ему голоса не отдал.
Тут стал Илья по силушки поезживать,
По силушки помахивать,
Куда махнё — улиця,
А поворотится — цисты плошади.
440 Ездил он по два дня.
Говорит ему конь:
«Завтрашний день есть у Калинова царя три подкопа,
Два я перескоцю,
А в третью я упаду».
- 445 А он говорит:
«Что ты, волчий корм, травяной мешок!»
Поехали, два окопа он перескоцил,
А в третей пал.
Конь выскоцил и убежал.
- 450 Говорят в Киеви:
«Видно нет Ильи Муромца в живых,
Что конь один прибежал».
А Ильи татары ноги сковали, руки связали.
Ну, Илья лежит да думает:
- 455 «А ведь смерть мне-ка на бою не сказана».
Стал сподлоба поглядывать, отмуриваться.
Развязал себи руки,
Развязал себи ноги,
Ну и вышел из ямы.
- 460 И думает, что делать.
Взял татарина позавесистей, позаплечистей,
Стал по силушки похаживать,
Стал по силушки помахивать.
На тую пору к ему заспел Самсон-богатырь,
- 465 И вдвоем оны покончили всих,

- Съездили, Калинова царя убили,
А ничего оны там нё взяли,
Никакого богатства.
- Самсон-богатырь поехал опять в чисто поле,
470 А Илья Муромец пешочком отправился в Киев-град.
Говорит Илья Муромець:
«Во всех краях побывано,
А Святогорушка не видано».
- Поехал Илья Муромец в Святогорушку.
475 Встретились они,
Поменялися они крестами,
Стали братыща крестовыи.
Приехали — лежит гроб на дороги.
Говорит Святогорушка:
- 480** «Кому гроб этот буде впору?»
Илья Муромец соскочил с коня,
Лёг в гроб,
Гроб ёму большой.
Святогорушка соскочил с коня,
- 485** Лег в гроб,
Гроб ёму впору,
Гроб и захлопнулся.
Стал конь копытами бить гроб,
Что раз ударит — то обруць станет,
490 Стал Илья Муромец палицей ударять,
Что раз ударит — то обруць станет.
Говорит Святогорушка:
«Ну, Илья Муромец, тут мне смерть.
Съезди к моему батюшку,
- 495** Попроси прощения».
Приехал Илья Муромец к батюшку,
Стал просить прощенъица.
А говорит Ильи:
«Ты убил моёго Святогорушки».
- 500** А он ёму рассказал все, как было,
А отец ёму дал прощеньё,
И привез Святогорушку прощеньё».
Распростились, поехал Илья Муромец.
И наказал ему Святогорушка:
- 505** «Е в таком месте ток капли,
И ты не выпей лишней капли,
Я как выпил лишнюю каплю,
Меня конь не носил по земле, по мягким местам,
А я ездил все по борам да по горам».
- 510** Ну, Ильи Муромцю захотелось пешечком походить, погулять.
Встретился ёму калека Иванища,
У калеки сумки рыта бархата,
Клюка девяносто пуд,

- Шапка девяносто пуд.
515 «Здравствуй, Илья Муромець».
«Здравствуй, калека Иванища.
Где ты был, калека Иванища?»
«А был я в Киеви,
Помолился Спасу пречистоей,
520 Приложился святым мощам».
«А что там в Киеви?»
«А в Киеви сидит у князя у Владимира
В горнице промеж князем Владимиром и княгиною
Чудо Идолище страшное,
525 Голова с пивной котел,
Промёж ушами пяданы с локотью,
Сидит да похваляется:
«Церкви божии на дым спущу,
А князя со княгиною в полон возьму».
530 Говорит Илья Муромец:
«Дай-ка ты, калека Иванище, клюху и шапку».
Думал-подумал:
«Не дать мни, он все равно силой возьмет».
Взял клюку,
535 Выкинул выша лесу стоячого,
Ниже облака ходячого.
А Илья Муромец подхватил клюку
И пошел в Киев-град.
Пришел ко князю Владимиру в горницу.
540 Говорит чудо Идолище страшное, говорит:
«Знаешь ли ты Илью Муромца?»
Илья Муромец говорит: «Знаю».
«Большой ли он ростом?»
«А выглянь на меня, какой я, такой и он».
545 «Он эдакой большой, дак много ли хлеба ест?»
«По три калацика».
«Много ли вина пьет?»
«По три рюмоцкii».
«Что же эдакой большой мало ест да пьет?»
550 А как я, Чудо Идолище страшное,
По ковриге кладу за щеку,
Белу лебедь на закусочку,
Два ведерка вина на запивочку».
А говорит Илья:
555 «Была у моего батюшка блинобрюхая корова,
Ила-йла, да и лопнула».
А это ёму не прилюбилось,
Взял в Илью Муромца ножиком бросил.
А Илья Муромец осторонился,
560 Ножик в липину стал.
(В двери, в дверях есть.)

- Взял Илья Муромець шапку,
Ударил чуда Идолища в голову,
Рассёк ёго до пояса.
Все богатыри собралися,
565 Чтоб не проехал никто их заставы богатырской.
Ну, в одно время богатыри
Каравулили свою заставу богатырскую:
Васютка-полы волчия,
Гришка роду боярьского.
570 Олёша Поповиць, Добрыня Никитиць, Илья Муромець.
В одно время Олёша Поповиць
Пошел в Киев-град.
Добрыня Никитиць уехал на охоту,
Илья Муромець спал в шатри на лавоцьки.
575 В то время ехал нахвальщина
Через их заставу богатырскую,
Одной рукой палицию выкидывал,
Саблю выметывал выша лесу стояцого,
Нижка облаки ходяцей,
580 А другой рукой подхватывал.
Ну и говорят, кому ехать на нахвальщину:
«А ехать Васютки-полы долги,
На борьбы полы заплётутся,
Погине напрасно.
585 Ехать Гришки роду боярьского,
Глаза у него боярские завидущие,
А оглядитсѧ на нахвальщину
И погине напрасно.
Ихать Олёши Поповичу,
590 У него глаза поповськие завидущие,
Оглядитсѧ на нахвальщину
И погиня напрасно.
Ехать Добрыни Никитицу,
Тот парень славный».
595 Поехал Добрыня Никитиць,
Поглядел в трубку подзорную,
Увидел в поле церькезенку
И поехал на церькезенку,
Там увидел нахвальщину,
600 Одной рукой палицию выкидыват,
Саблю выметыват,
Другой рукой подхватыват.
Говорит Добрыня Никитиць:
«Где я не езжival,
605 Такого чуда не нахаживал.
Унеси мяня Спас со пречистою
От собаки от нахвальщины».
Поворотился и взад поехал,

А настрету ёму едет Илья Муромець.

610 Илья Муромець поглядел в кулак молодецької,
Увидел в поле церькезенку
И поехал на церкезенку,
Увидел там нахвальщину,
Нахвальщина одной рукой палицю выкидывая, саблю
вымётывая,

615 Другой рукой подхватывая.
«Иде я не хаживал, иде я не езживал,
Такого чуда не нахаживал».

Вот сразились оны:
С гор пески посыпались,
620 С морь вода полилась.
Сразились оны палицьми:
Палици погнулись,
Друг друга не ранили.
Сразились оны саблями:

625 Сабли зазубрились,
А друг друга не ранили.
Пошли оны на рукопашную:
Илья Муромець замахнулся рукой правою,
А через леву ногу упал наземь.

630 Тут нахвальщина сел на груду Ильи Муромцу,
Хочет туманить очи ясные
Да пороть груди белыи.
И говорит: «Ты бы построил по край дороги кёлейку
И собирал бы себе милостинку,

635 А не заменял бы моло́дых».

А Илья думает:
«А ведь мне на бою смерть не писана».

Стал сподлоба поглядывать,
Выкинул нахвальщина выша лесу стоячого,

640 Нижа облаки ходячей,
Пау нахвальщина на землю.
Сел Илья Муромець на груди,
Недосуг было спрашивать,
Туманил очи ясныи

645 Да порол груди белыи,
Взял его саблю вострую
И отрубил нахвальщина голову,
Голову клал на штык
И поехал в Киев-град.

После этого он стал делать церкви божии Спасу со пречистоей,
и за этой церковью не окаменел.

(Церковь он не достроил. Так уж быть, видно, такая смерть.)

7. ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

В старину было в стародавнюю,
Когда княжил князь Владимир в Киеви.
Близ города близ Мурома,
Во сели да в Корочарови

5 Жил старичок Иван Тимофеевич
Со своей старушкой Анной Ивановной.
Даровал бог им детище,
Ильюшу сына Ивановича.

Он двадцать лет сидел сиднем на печки на муроженой,
10 Он без рук сидел да без ноженек,
Не имел детище ног у себя.
Мать его кормила досыти,
Вином поила вполпьяна.

15 Проходило время оное,
Тридцать лет излишка миновалоси.
Отец с матерью пошли поработать, позабавиться,
Да за работушкой расправиться.
Приходили к дому Ильи Муромца

20 Люди бедные, хожалыи,
Старцы старыи, усталыи,
Просят у Ильи напитиси.
Илью-то старички поражалили
«Рад я бы вам напитися, старички, да не могу.

25 Тридцать лет излишку сижу на печки на муроженой,
Без рук сижу, без ноженек».
Говорят старцы божии:
«Ты, Илья, нас не омманывай,

30 Стань поди на ноженьки».
Встал Илья на ноженьки,
Пошел, как будто встрепанный,
Наливал Илья ведерышко,
Подносил старцам божиим,

35 А не пьют они прохожий,
А велят испить Ильи самому.
Испивал Илья ведерышко без устали.
Говорят тут старцы божии:
«Ты много ли, Илья, почуял в себе силушки?»

40 «Во мне сила, во мне полная:
Как бы был столоп в земли-матушки до небушка
Да в столби кольцо червонное —
Дак повернул бы святоруськую».
Говорят тут старцы божии:

45 «Дай-ко, Илья, нам напитисе».
Наливал еще Илья ведерышко,
Подносил старцам божиим,
Велят испить Ильи самому.

- Испивал еще Илья ведерышко без устали.
50 Говорят тут старцы божии:
«Ты много ли, Илья, почуял в себе силушки?»
«А во мне силы половинушка».
Говорят тут старцы божии:
«Дай-ко, Илья, нам напитисе».
55 Заходил Илья в кладовушку,
Не в большую, заповедную,
Наливал вина зелёного,
Пенистого, стоялого, заморьского,
Подносил старцам божиим,
60 А не пьют оне прохожий,
Угощают Илью Муромца.
Испивал тут Илья ведерышко без устали.
Говорят старцы божии:
«Ты много ли, Илья, почуял в себе силушки?»
65 «А во мне сила, во мне полная».
«Дак не живи-тко дома да не работай-ко,
Ведь Русь-то матушку побороть хотят,
Дак на все твоя силушка надобна.
Ты стой за вдов и за сирот, и за церковь божию.
70 И на все-то твоя силушка надобна,
А на бою тебе смерти не сказано.
Ты купи-ко у соседа жеребёночка-одногодочки
И в струбе выдержи три месяца,
Пшеницею выкармливай,
75 Сытой медяницеей выпаивай,
Три росы его выкатывай,
Три зари его выезживай
И подведи к тыну высокому,
Как перескочит в обы стороны —
80 Дак поезжай куда захочется».
Дали Ильи калики в руки палицу девяносто пуд,
И как воск оны потаяли.
Как пошел Илья на улицу что ясным соколом,
Как увидят красны девушки — дак приужахнутse,
85 А как увидят молодушки — дак подбекренятse.
Пошел Илья к отцу-матери.
Отец с матерью поработали, отыхать полегли.
Илья тут брал косу острую,
Сена накосил и стогов наметал,
90 А косу острую воткинул в землю-матушку таково глубоко,
Что той косы никому не вытащить,
А сам Илья сел за кустышок.
Отец с матерью пробуждаются,
Тому чуду дивуютse:
95 «Это кто нам так напроказил,
Накосил и стогов наметал

- И косу острую в землю воткнул таково глубоко,
Что этой косы нам не вытащить?»
Выходил Илья с-за кустышка.
- 100 «Это я так накосил и стогов намётал,
Косу острую воткнул таково глубоко,
Что этой косы вам не вытащить».
Отец с матерью говорят:
«Славу богу, как господь дал большого работника».
- 105 Как купил Илья (у) соседушка жеребёночка-одногодочка,
Пшеницею выкармливал,
Сытой медвяницей выпаивал,
В сруби выдержал три месяца,
В три росы его выкатывал,
- 110 В три зари его выезживал,
Подводил к тыну высокому —
Перескочил он в обе стороны.
В воскресной деньостоял в церкви заутрению,
Ну и просит у отца с матерью благословленыца
- 115 Ехать во Киев-град,
Послужить князю Владимиру.
А отец и говорит:
«На добры дела дак и благословленье есть,
А на худые дела и благословленья нет.
- 120 Как пойдешь, дак не помысли на татарина,
Тем пуще на хрестьянина».
А говорит ему родимая матушка:
«Ой ты, чадо мое милое,
Утешь-ко мою старость беспомощную,
- 125 Останьс-ко во своем дому,
Ведь в Киев-то град дороги прямоезжай нет,
Уж тридцать лет как дорога замерла в Киев-град,
В засаду сел разбойник Соловей Дохманович,
Не пропускает он ни конного, ни пешаго,
- 130 А ты потеряешь буйну голову
Не за денежку, не за медную».
Утирает он своей матушке слезы горькие.
«Рад бы, рад бы я остаться во своему дому,
Утешить твою старость беспомощную,
- 135 Так ведь мне самим господом назначено,
У апостолов написано».
Илья тут дал прощеныце с отцом-матерью.
Вид ли, как на коня тут сел,
А не вид ли, куда поездку дал.
- 140 Не белы снежки забелили в чистом поли,
А белеет под Ильюшенькой белый конь,
А хвостом-то конь все поля остёгал.
Приехал Илья на перекресточку.
На перекресточке лежит бел-горюч камень,

- ¹⁴⁵ На камушки подписано:
«В леву ехать — дак женату быть,
В праву ехать — дак богату быть,
А в прямоезжую ехать — дак убиту быть».
- ¹⁵⁰ Убить-то меня не за что:
Кушачок-то стоит пятьсот рублей,
А шубка стоит целу тысячу,
А богатства крестьянскому сыну не надобно,
А с женою мне жить не удумано,
- ¹⁵⁵ А поеду я в дорогу прямоезжаю».
Как поехал-то дорожкой прямоезжеей,
А настрету ему идут мужички черниговски,
Лихую беду думают:
«Под Черниговым стоит три царевича,
- ¹⁶⁰ С каждым силы по три тысячи».
А Ильи показалось жаль Чернигова,
А заповеди разрушати отца-матери не хочется,
Белых рук не кровавити.
Взял Илья вырвал пень с пеньями, с кореньями
- ¹⁶⁵ И стал он по силушки поезживать,
Стал он по силушки похаживать,
Куды махнет — падут улицмы,
Поворотит — чисты площади.
Добилсе до трех царевичей.
- ¹⁷⁰ «Ой вы, горе три царевича!
Головы вам сносить —
Напрасно кровь пролить,
А в полон вас взять —
У меня хлебы завозные, трудовые.
- ¹⁷⁵ А поезжайте-ко вы по своим домам,
А скажите-ко вы по своим домам,
А скажите-ко вы своим людям,
Что Русь-матушка не пуста стоит,
На Руси есть могучии богатыри».
- ¹⁸⁰ Говорят тут три царевича:
«Ой ты, ой еси, добрый молодец,
Скажи-тко, как тебя звать по имени,
Величать по отечестви?
Что господь послал нам посланичка,
- ¹⁸⁵ Что очистил наши отчины».
«Звать меня Ильёю,
А величают Ивановичем».
«Дак ты поедем-ко к нам,
У нашего воеводы хлеба-соли откушати».
- ¹⁹⁰ «А не поеду я к вам
Вашего хлеба-соли откушати,
А покажите-ко мне дорожку в Киев-град прямоезжую».

«А прямоезжей дороги в Киев-град нет,
Надо ехать по полям да по липушкам цветным».

195 Говорят мужички черниговски:
«Ой ты, ой еси, добрый молодец,
Как тебя звать по имени,
Величать по отечестви?

Ты поедем-ко к нам во Чернигов-град,

200 К нам жить воеводою,
Кормить-поить мы будем досыта,
А вином поить вполнъяна».

«А зовут меня Илейёю,
А величают Иванович.

205 А не поеду я к вам жить воеводою,
А покажите-ко мне дорожку прямоезжую во

Кiev-град».

«А в Kiev-град прямоезжей дороги нет».

210 Тут Илья Муромец одной рукой коня вел,
А другой рукой дубки рвал да мосты мостили.

Приехал Илья к речки Смородинки.
Захотелось ему позавтракать,
Сварил себе кашички, позавтракал,
Сам стал сон держать,

215 А коня спустил травы пощипать.
Клал он возли себя лук да палицу.
Не ясный сокол вылетыват,
Не млад вороненок выпархиват,
Выпархиват Сбут-королевич.

220 У Сбута очи как ясного сокола,
Брови как черного соболя,
А шея как белый снег,
А у коня-то хвост, грива золочёныи,
Седельшка, подпруга булатнии — все золочёныи.

225 Увидал возле Ильи лук да палицу,
Разгорелось сердце богатырское,
Стал тугой лук натягивать,
Калену стрелу направливать.

Хотел угодить в праву руку,

230 А угодил прямо в ретиво сердце.

А у Ильи-то на сердце был чудесный крест,
От креста стрела переломиласи,
Со сна Илья пробуждается.
«Что ты, чадо несмышленое,

235 Бьешь ты меня сонного как мертвого,
А не знаешь, с кем связзываешься».

Взял Илья Сбута-королевича на руки,
Выкинул выше лесу стоячего,

Ниже облаки ходячин,

240 А на руки он подхватил.

Стал Сбут-королевич молить-просить,
Для родимой матушки пощады просить.
Спомнил Илья тут Муромец свою родиму матушку

и говорит:

«Поезжайте-ко своим домам

245 И скажите-ко своим людям,

Что Русь-матушка не пуста стоит,
На Руси есть могучии богатыри».

Тут поехал Илья Муромец дорожкой.

Услышал Соловей-разбойник коньской топот,

250 Соловей-разбойник как ряхнул по-звериному,
Свистнул по-соловьиному —

Под Ильюшой конь на колена пал.

Бьет коня Ильюша по крутым ребрам.

«Ах ты, волчий корм, травяной мешок!

255 Неужоли ты не бывал в темном лесу,

Неужоли ты не слышал крыку звериного, свисту
соловьиного?»

Под Ильюшой конь исправилсе.

Тут стал Ильюша с отцом-матерью заповедь разрушать,

Тугой лук натягивать,

260 Калену стрелу направливать

И стрелке приговаривать:

«Не пади-ко, стрелка, не на воду, не на землю,

А пади-ко, стрелоцка, во правой глаз».

Не пала стрелоцка не на воду, не на землю,

265 А пала стрелоцка разбойнику во правый глаз,

Тут пал разбойник комом на землю.

Подхватил Илья разбойника,

Привязал к праву стремяну.

Соловьина старша дочка

270 Поглядела в трубку подзорную.

«Наш-то батюшко едет,

Мужицищу-деревенщину во стремени везет».

Друга поглядела в трубку подзорну.

«Наш-то батюшко едет,

275 Мужицищу-деревенщину во стремени везет».

А третья дочка поглядела в трубку подзорную.

«Нет, едет мужицищо-деревенчино,

А нашего батюшко о стремени везет».

Задумали зятева худую думу:

280 Обернуться птицами с носами со железными,

Росклевать его с жеребчиком,

А мать их задумала

Давать золото да серебро да звать в гости.

Стала его просить гля детей пощады дать:

285 «Не убей матери от птенчиков».

«Ай мне, крестьянскому сыну, денег не надоно,

А не спущу я Соловья,
А повезу князю Владимиру на показание».

(И поехал.)

- Приехал Илья во Киев-град,
290 Прямо к князю ко Владимиру на широкой двор,
Поставил коня к дубову столбу,
Привязал коня к золоту кольцу,
А Соловья-разбойника привязал к столбу крепко-накрепко,
А сам пошел в горницу к князю ко Владимиру.
- 295 Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Бьет челом, поклоняется,
На две, на три на сторонушки,
А князю Владимиру в особину со княгинушкой.
- 300 300 Здесь Владимир спрашиват:
«Откуда, добрый молодец?
Как тебя звать по имени,
Величать во отечестви?
По имени можно место дать,
- 305 А по отечестви пожаловать».
«Я из города из Мурома,
Из села да Карабарова,
А зовут меня Илейкою,
А величать по отечству».
- 310 310 Князь Владимир наливает чарочку зелена вина
Подкрепиться с дороженьки.
Выпил Илья цароцкую зелену вина,
Говорит он:
«Я домаостоял заутреню,
- 315 А сюда попал к обеденки,
А дорогой призамешкался».
А князи-бояра все подмолвили:
«А детина завирается,
Ведь в Киев-град дороги прямоезжей нет».
- 320 Он и говорит:
«Ой же князь Владимир красно солнышко,
Пойдемте-ко с нами на широкий двор
Посмотрети моей добычи богатырской:
Я привез вам Соловья-разбойника на показание.
Уж князь Владимир красно солнышко, во гнев не возьми,
- 325 Я тебя возьму под пазушку,
А княгинушку под другую».
Пришли на широкий двор, он и говорит:
«Ай же ты, Соловей-разбойник сын Дохмантьевич,
Крикни вполголоса
- 330 И свистни вполголоса».
А разбойник не послушался,

А рявнул в целой голос
И свистнул в целой голос.
Все князя-бояра на караках плывут,
335 А князь Владимир еле жив стоит.
«Ну ладно, пойдем-ко мы в горницы,
А эти шутки нам не надобны».

(*Вот и пришли.*)

Князь Владимир и говорит:
«Садись-ко, Илья Муромец,
340 На перво место возле меня,
А на другое место супротив меня,
А третье место сам повыбери».
А Илья Муромец не садился на перво место,
А сел супротив князя на скамеечку.
345 Стали есть да пить,
А княгинушка Илью потчует
Медом сытным со своих рук.
А Олеше Поповичу за досаду стало,
Взял в Илью Муромца ножиком кинул.
350 А говорит Илья Муромец:
«Что ты в меня ножиком кидаешь?
Лучше мы с тобою побратаемся,
Станем вместе есть да пить».
Олешу Поповича стыд взял.
355 Попили, поели, все розъехались,
Княза-бояра поразошлись,
Как песок рассыпались.

8. БОЯРИН ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Во славной Индии,
Во городи во Галичи
Жила вдовушка,
У ей был сын Дюк Степанович.
5 На мори собирали девушки перышки,
Она собирала эти перышки
И давала не по сотни, а по тысячи
За каждо платила,
А он их расстреливал.
10 У креста Леванидова
Не березка к земли клонится,
Не листоцик ли расстилается,
Расстилается сын перед матушкой,
Просит прощенъиця ехать во Кеев-град,
15 Говорит: «Ведь во всех краях побывано,
А во Киеве не бывано,
Князя светлаго Владимира не видано».

- «Да ведь в Киев-град на дороги три заставы:
Перьва застава — горы высокии раздвинутся
- ²⁰ Да вместе сблизятся».
- «А не поспеют вместе сблизиться,
Я проскочу с жеребчиком».
- «А друга застава — птицы с носами железными,
Росклюют тебя с жеребчиком».
- (Можа взять поболя.)*
- ²⁵ «Не поспеют расправить крыльышков,
А я проскочу с жеребчиком».
- «А третья заставушка — змей Горынишо о двенадцати
хоботах».
- «А не поспеет расправить тяжелых хоботов,
А я проскочу с жеребчиком».
- ³⁰ Говорит ёму матушка:
- «Если бог судйт тебе быть в Киеви,
Видеть светлого князя Владимира —
Дак ты не хвастай животинкамы вдовскими, сиротскими».
- Приехал боярин Дюк Степановицъ
- ³⁵ В Киев-град к князю Владимиру на широкой двор,
А князя Владимира дома не случилоси,
Был в церькви божией.
Пошел Дюк Степанович в церькву божию,
Там стоит князь Владимир,
- ⁴⁰ По одну сторону стоит князь черниговской,
А по другу-то сторону Щурила Щаплёнкович.
Говорит князь Владимир:
«Это не посол ли чужой земли,
Не сватух на моёй племянницы?»
- ⁴⁵ А говорит Щурила Щаплёнкович:
- «Ай же ты, князь Владимир красно солнышко,
Ведь он говорит да подлыгаетсе,
Да над тобою насмехаетсе,
Он холопина деревенская,
- ⁵⁰ Век саног не видывал».
- Пошли с церькви божией,
Говорит он: «У вас, я вижу, все не по-нашему:
У вас церькви деревянные,
Крыши сосновые,
- ⁵⁵ Кресты заштывные¹.
- Говорю я вам, не хвастаю:
Как у нас в богатой Индии,
Во городе во Галиче,
У моей у милой матушки

¹ Жестяные, обитые жестью (неясно: примечание собирателя или сканителя).

- 60 Церькви забелёны извёсточкой,
Крышечки крашены,
Кресты и кумпы позолочёны».
Пошли по улицы.
Говорит Дюк Степанович:
- 65 «У вас, я вижу, все не по-нашему,
А говорю я вам, не хвастаю:
Как у нас во городи во Галици,
У моей у милой матушки
Мостовые призамощоны,
- 70 Песоцьком призасыпаны,
От росы посыпано дожичком».
Пришли ко князю Владимиру к воротам.
Говорит боярин Дюк Степанович:
«У вас, я вижу, все не по-нашему,
- 75 Говорю я вам, не хвастаю:
Как у нас в богатой Индии,
Во городи во Галици,
У моей у милой матушки
Над воротами икон семь десятков с пятерицею,
- 80 А у князя у Владимира и десятка нет».
Зашли на широкой двор.
Говорит боярин Дюк Степановицъ:
«Я вижу, у вас всё не по-нашему,
Говорю я вам, не хвастаю:
- 85 Как у нас во городи во Галици,
Говорю я вам, не хвастаю:
У моей у милой матушки
На дворе е пометельщики,
На дворе е посуконщики.
- 90 Говорю я вам, не хвастаю:
Как у нас в богатой Индии,
Во городи во Галичи,
У моей у милой матушки
На ней платьница не носятся.
- 95 От того у ней не носятся,
Что портье не выводятся,
Не ушла толпа рассчитанных —
Другая в терем просится».
Ну, сели оны за стол,
- 100 Клали им по калачику.
- Боярин Дюк Степанович
Корку нижнюю отламывал,
Корку верхнюю отбрасывал.
Говорит князь Владимир:
«Что-то ты, боярин Дюк Степановицъ,
- 105 Корку нижнюю отламывал,
Корку верхнюю отбрасывал?»

- «Не могу я есть ваших калациков,
У вас на воды месятся калации,
Пецыки-то у вас кирпицьни,
110 Дровца-то у вас еловыи,
А помялышки сосновыи,
У вас пахнут калации.
Говорю я вам, не хвастаю:
Как у нас во городи во Галици,
115 У моей у милой матушки
Калацик ешь — а другой хоцется,
А другой ешь — по третьем плацется.
У нас на медах месятся калации стоялые,
У нас пецыки изразцовыи,
120 Дровца дубовыи,
Помялышки шелковыи».
Поднесли им по рюмоцки.
Боярин Дюк Степанович рюмку выкинул.
Говорит князь Владимир:
125 «Почему ты, Дюк Степанович, рюмку выкинул?»
«А не могу я ваших пить напиточек,
У вас бочоночки дубовыи,
А обруци еловыи,
В погрябах стоят глубокии,
130 У вас задохли напитоцки.
А говорю я вам, не хвастаю:
Как у нас во городи во Галици
Рюмку пьешь — а другу хоцетя,
Другу пьешь — по третьей плацется.
135 У нас боценоцки серебряны,
Обруци золоцены,
На чепях висять серебряных.
Как завеют ветры буйныи,
Загоргочат эти боцецыки,
140 Быдто лебеди на заводы».
Говорит князь Владимир:
«Боярин Дюк Степанович,
Не хоцешь ли с нашим Шурой Щаплёнковичом
позакладываться?
Не об сотнях, не об тысячах,
145 А о буйных головах:
С нашим Шурой Щаплёнковичем
Ездить три года на конях не на сменных?»
Ну и позакладались.
Боярин Дюк Степанович писал письма длинные,
150 Положил в сумку и привязал на коня
И говорит коню:
«Бежи, Каур-Каурушка,
И выручай хозяина из полона».

- Прибежал конь.
155 Мать увид'ла и говорит:
«Прибежал один конь,
Видно нет живого Дюка Степановича».
А увид'ла как сумку на кони.
«Наверно расхвастался животинками вдовськима, сиротскими». Но что он писал, что надо, в сумку положила и сумку привязала и сказала:
«Бежи, Каур-Каурушка,
160 Выруцай хозяина из полона».
Щурилы коней нагнали из Цернигова, из Киева.
Боярин Дюк Степанович
Встанё утром ранёхонько,
Коня по росы прокатит,
165 Конь шерсть переменит
И за коня пойдет за другаго.
Говорит князь Владимир стольно-киевский:
«Кого отправить в Индию
Описать Дюково богасьво?
170 Как послать Васютку-полы долгие,
Полы долги заплетутся,
Погине напрасно.
Как послать Гришку роду боярского,
У него глаза боярские завидущие,
175 Заглядится на богасьво,
Там и останется.
Послать Олешу Поповича,
У него глаза поповськи завидущии,
Заглядится на богательство,
180 Там и останется.
Послать Добрыню Никитица,
Он парень славный, грамотной, вострой».
Поехал Добрыня Никитец в Индию.
Приехал, думает, что Индия горит.
185 Приехал в город Галич,
Поставил коня к дубову столбу,
Привязал коня к золоту кольцу
Есть пшено белояровой,
Зашел в терем, богу помолился.
190 Сидит жона матерая,
Шелку нет, а вся в золоти, поклонился.
«Здравствуй, Юкова матушка».
«Я не Юкова матушка, я ёго мамушка».
В другой терем зашел,
195 Богу помолился.
Сидит жона матерая,
Шелку нету, вся в золоти.
«Здравствуй, Юкова ты матушка!»

- «Я не Юкова матушка, я ёго калачница.
200 Его матушка ушла в церькву божую».
Пошел Добрыня,
А идет Юкова матушка с церькви божией:
На ней платье — шелку нет, а все в золоти,
От росы покрыто бархатом.
- 205 Ведут ю дёвици и вдовици,
А впереди стелют бархат,
А сзади оберают.
Пришли, сели обедать,
Клали по калачику.
- 210 Калачик ешь — а другой хочется,
Другой ешь — по третьём плацётся.
Поднесли по рюмошки.
Рюмку пьешь — а другу хочется,
Другу пьешь — по третьей плацётся.
- 215 Так Добрыня Никитиць тут поел-попил,
Отвели ёго в почевальню,
И он спал трои суточки.
Ну, потом выстал и говорит:
«Я приехал Юково богасьво описывать».
- 220 И говорит Юкова матушка:
«Поезжай, скажи князю Владимиру,
Пусть продаст Цернигов-град на цернила,
А Киев-град на бумагу
И потом мое богасьво опишет.
- 225 У мя есть три погреба,
Дак на один погреб Киев выкуплю».
Шурила Щаплёнкович ездили по городу,
Последний день ездя по городу,
Кто перяскоча через Непру-реку в обы стороны.
- 230 Шурила поехал —
Да и середки реки в воду втопался.
А боярин Юк Степанович
Церез реку склонил — и взад поворотился
И Шурилу выташил.
- 235 Говорит боярин Дюк Степанович князю Владимиру:
«Кому ты повелиши рубить буйну голову?»
Говорит-то князь Владимир:
«Оставь-ко ты нам Шурилушки для памяти».
- 240 Говорит Дюк Степанович:
«Князем Владимиром упрошенный,
Киевскими бабами уплаканный»¹.
Говорит снова князь Владимир:
«Не хочешь ли с нашим Чурилушкой позакладаться?

¹ Очевидно, певец пропустил строку. См. аналогичные строки в конце былины (стр. 85).

- Не об сотнях, не об тысячах,
245 А об буйных головах:
Кто лучше оденется в церьку божию?»
Щурилушки надел саножки:
Носки плоски, пятки востры,
А скроль подошвы хоть сыч промчи,
Хоть воробей пролети.
Надел шубку:
На одной полы девушки,
На другой молодци.
Как застенется — дак поцелуются,
255 А как растенется — дак обоймутся.
Шапоцьку надел ушистую-пушистую:
Спереди с-под шапки оцей не видать,
А сзади с-под шапки белой шейки.
А боярин Юк Степанович
260 Обул лаиотики с семи шелков плетеных,
И заплетены яхонтовы каменья,
И каждый камень стоит Киева.
Шубку одел соболиную:
На одной полы звери,
265 На другой змеи.
Как застенется — дак зашипят,
А как растенется — дак заревут.
А шапочку надел земли гречецкой,
А заплетены каменья яхонтовые,
270 Каждый камень стоит Киева.
Князь Владимир обернулся, хотел сказать:
«Посмотри-ка, как наш Щурила Щапленкович оделся».
А боярин Юк Степанович лучше оделся.
И говорит боярин Дюк Степанович:
275 «Князь Владимир, кому ты повелишь рубить буйну
голову?»
Говорит-то князь Владимир:
«Оставь ты нам Щурилушки гля памяти».
«Князем Владимиром упрощенной,
Киевскими бабами уплачанный,
280 Ну, пусть останется».
Говорит князь Владимир:
«Останься у нас, Дюк Степанович,
Жить во Киеви».
«А приехал — вы меня не очёстовали,
285 А теперь вы меня не будете учёстовать,
А я поеду в богату Индию,
Во город Галич,
К своей милой матушки».

9. ПРО ДОБРЫНЮ

Спорождался на святой Руси Добрынушка Никитьевич,
Почуял Скимян-зверь,

На нем шёрсточка булатная,
Голова по-звериному,

5 А хвост по-змеиному.

Он побежит ко Пучай-реке,
И он на дыбы становится.

Ну, стал Добрынушка как семи годков,
Стал в чисто поле похаживать

10 На ту гору Сороченскую,

Стал змеенышев потаптывать.

Как стал Добрынушка на возрасте,
Головушка на разуми;

Стал Добрынушка двенадцать лет,

15 Стал в чисто поле поезживать,

Стал змеенышев потаптывать.

Говорила мать родимая,

Говорила сыну милому:

«Что-то часто ты зачастил во чисто поле

20 На ту гору Сорочинскую.

Побойся-ко купаться во Пучай-реки,

Ведь Пучай-река спесивая,

На ту струйку зайдешь — дак огонь горит,

А на дружную ставаешь — так искры сыплются,

25 А на третию зайдешь — так чад ставае с горючим

пламенем».

А Добрыня не послушался,

Поехал ко Пучай-реки.

«Говаривала мать родимая,

Что Пучай-река спесивая,

30 А река стоит тиха-смирна,

А будто лужица от дождичка».

На одну струйку и зашел — там огонь горит,

На другую зашел — искры сыплются,

А на третию зашел — дак чад ставае с горючим пламенем.

35 Не темна тученька затемнила —

Накрыл змия Горынище о двенадцати хоботах,

Говорил ему по-вражецки:

«Ты в моих руках, Никитьевич,

Задушу тяжелым хоботом,

40 Нет, так съем тебя с жеребчиком,

А то затоплю во Пучай-реки».

«Ай же ты, змия проклятая,

Не теперь меня захватывать!»

Спустился во Пучай-реку,

45 А взад-то как испятился —

Нет как нет коня могучего
И оружья богатырского.
Тут Добрынушка снял с головы шапочку земли греческой,
Зачерпнул он песку желтого,
50 Замахнулся на Горынищу,
Снес проклятых три хобота,
Пал змея Горынище комом на землю,
Говорил ему по-вражецки:
«Ай же ты, Никитьевич,
55 Скажом заповедь великую:
Тебе не ездить во чисто поле
На ту гору Сорочинскую
И змеенышев не таптывать,
Не выручать людей из полона,
60 А мне не летать бы на святую Русь».
Тут Добрынушка Никитьевич
Пешочком отправился во Киев-град.
А в тую пору, в тую времячко
Поднялся змея Горынище над Киев-град.
65 А в тую пору, в тую времячко
Гуляла Забава Путятинча
В зеленом саду в березовом.
Змея Горынище захватил Забавушку в тяжелыи
во хоботы,
Уносил в нору глубокую.
70 Тут князь Владимир красно солнышко
Собирал всех князей-бояров
И русских могучих богатырей,
Призывал к себе волшебников.
«Кто бы выручил Забавушку из полонá,
75 Княжную племянницу Путятинчу?»
Передний тулится за середнего,
А середний тулится за заднего,
А от заднего и ответу нет.
Говорит Олешенька Попович сын:
80 «Ай же ты, солнышко князь Владимир стольно-киевский,
Ведь у Добрынушки с Горынище заповедь положена,
Он возьмет Забавушку без борьбы, без кроволития».
Говорит Владимир-солнышко, князь стольно-киевский:
«Ай же ты, Добрынушка Никитьевич,
85 Наложу я на тебя службу дальну, позаочную:
Тебе съездить во чисто поле,
Выручить Забавушку из полымя».
Тут пошел Добрыня, закручинился,
Пошел Добрыня, запечалился,
90 Повесил буйну голову на правую на сторону.
Стретала мать родимая,
Стретала сына милого.

- «Уж ты что идешь, Добрынушка, невеселый,
Головушку повесил?
- 95 Верно, место было не почетное,
Али чарой тебя обнесли,
Али словом обесчестили?»
«Место мне было почетное,
И чарой меня не обнесли,
100 И словом не обесчестили —
Дураки меж намы там не водятся.
А наложил мне князь Владимир красно солнышко
Службу дальни, позаочную:
Мне-ка съездить во чисто поле
- 105 На ту гору Сорочинскую,
Выручить Забавушку из полона».
«Ну, ладно, утро вечера мудренее.
У нас есть еще конь дедковской,
Дверь по пояс занавожена,
- 110 По колену ноги в навоз зарощены».
Тут Добрынушка Никитьевич
Ставал утрышком ранехонько,
Одевался хорошихонько,
Уж он брал коня могучего
- 115 На уздечку на тесмянную,
Он седлал коня могучего,
Клад он войлоки на войлоки,
Да подпруги на подпруги,
Седельшко черкальское.
- 120 Провожала мать родимая,
Провожала сына милого.
На прощенье плетку подала,
Не простую — шенахинскую,
Семи шелков плетеную,
- 125 На прощенье слово молвила:
«Как съедешь, мой Добрынушка, в чисто поле,
Станешь по полю погуливать,
Подточат ты змееныши
У лихого коня щеточки,
- 130 Ты бери-ко в руки плеточку,
Ударяй-ко промеж уши Бурушка,
Ударяй да приговаривай.
Стане по полю конь помахивать
Да змеенышев отряхивать».
- 135 Тут Добрынушка Никитьевич
Стал он по полю погуливать
Да змеенышев потаптывать.
Подточили ты змееныши
У лихого коня щеточки,
- 140 Уж он брал в руки плеточку,

- Ударял промеж уши Бурушка,
Ударял да приговаривал.
Стал по полю конь помахивать
Да змеенышев отряхивать,
¹⁴⁵ Потоптал всих до единого.
Выходил змеля Горынищо
Со той норы глубокой,
Говорил ему по-вражецки:
«Ай же ты, Никитьевич,
¹⁵⁰ У нас ведь заповедь была положена:
Тебе не ездить во чисто поле
На ту гору Сорочинскую
Да змеенышев не таптывать,
Не выручать людей из полона».
¹⁵⁵ «Ай же ты, змеля проклятая,
Зачем шел ты на Киев-град,
Зачем взял ты княжную племянницу?
Дак ты отдай-ко мне Забавушку
Без борьбы, без кроволития!»
¹⁶⁰ А Горынищо заупрямился,
Поднял драку он великую.
Уж дрались трои суточки,
Не мог побить змей проклятои.
Лишь хотел домой отправиться,
¹⁶⁵ Только слышит голос с облака:
«Ай же ты, Никитьевич,
Дрался трои суточки,
Аще три часу поратайси,
Ты побьешь змело проклятую».
¹⁷⁰ Еще три часу поратался
И побил змело проклятую.
Кровь стоит целым озером,
Той крови мать-земля не приняла.
Уж он ждал трои суточки.
¹⁷⁵ Л лишь хотел домой отправиться,
Только слышит голос с облака:
«Ай же ты, Никитьевич,
Возьми свое копье отточено,
Ударяй в мать сырь землю,
¹⁸⁰ Ударяй да приговаривай:
«Росступись-ко, мать сырь земля,
Прибери ты кровь змеиную».
Тут Добрынюшка Никитьевич
Брал свое копье отточено,
¹⁸⁵ Ударял в мать сырь землю,
Ударял да приговаривал:
«Росступись-ко, мать сырь земля,
Прибери ты кровь змеиную».

Росступилась мать сыра земля,
190 Прибрала кровь змеиную.
Тут Добрынушка Никитьевич
Заходил в нору глубокую,
Там было много пленников.
Всем давал он волю вольную,
195 А за собою взял Путятичну,
И садился на добра коня,
И за собою взял Путятичну.
Говорит ему Путятична:
«Назвала бы тебя батюшком —
200 Да назвать-то мне не хочется,
Назвала бы тебя братушкой —
Да ты в меня не влюбишься».
«А я роду-то боярского,
А ты роду княженецкого,
205 Так мне влюбиться не доводится».
Привез Забавушку прямо к князю Владимиру на широкой
двор.

Тут у князя у Владимира
Пива не варить, вина не курить.
Собирались все князья-бояра,
210 Руськие могучие богатыри.
Стол тот был в полустолы,
А пир-то был в полу пиры.
Вси-то на пиру наедалисе,
Да вси-то на пиру напивалисе,
215 Да вси-то на пиру порасхвасталисе,
Тот-то тем, да инной энным,
А сам князь Владимир распотешился, говорит:
«Ай же вы, мои князья-бояра,
Все руськие могучие богатыри!
220 Вси-то вы на пиру накормлены и напоены,
Да вси-то на пиру вы и поженены,
Один я у вас да холост, не женат.
Выбирайте-тко мне да супротивную:
Чтобы станеком была она прямёшенька
225 И ростом была бы высокёшенька,
Волосом была желта, да умом верста».
Говорят князья-бояра,
Руськие могучие богатыри:
«Знаем-ведаем мы супротивную:
230 У царя в Москвы, у короля в Литвы,
У короля Микулы Лиховинского
Есть две дочери хорошиих:
Одна доць Настасья Микулицна —
Она ездит по полю поляковать,
235 А друга дочь есть Апраксия Никулична —

- Сидит за тридевять замочками,
За тридевять ключочками,
Она станеком прямёшенька,
Ростом высокёшенька,
- 240 Волосом желта и умом верста».
Говорит¹
«Только дай-ко мне товарыщев:
Да смелого Олешеньку Поповича,
Да славного Добрынюшку Никитича».
- 245 Они сели на добрых коней, поехали
К царю в Москву, к королю в Литву,
К королю Микулы Лиховинскому.
Оны ставили коней к дубову столбу,
Вязали коней к золоту кольцу
- 250 Есть пшены да белояровой.
Пошли оны да на широкий двор,
У ворот не спрашивали приворотников,
У дверей не спрашивали придверников,
Прямо шли на широкий двор.
- 255 Крыкнули зычным голосом —
Новые теремы пошаталисে,
А старые теремы развалилисে.
Бежит король Микула Лиховинские,
Крычит зычным голосом:
- 260 «Вот-то, ребята, на беду попал,
Вот-то, ребята, не на маленьку:
Наехали горланы святорусские!
Ой вы, слуги мои верные,
Скорее ставьте столики дубовые,
- 265 Кладите скатерти тонкобраные,
Кладите есвушки сахарьни
И питьица медвяныи,
Угощайте-ко горланов святорусских.
Ой вы, слуги мои верныи,
- 270 Скорее берите-ко Опраксию Никуличну,
Умывайте ю белёхонько,
Одевайте хорошохонько».
Слуги его верныи
Брали Опраксию Никуличну,
- 275 Умывали ю белёхонько,
Одевали хорошохонько.
Оны сели на добрых коней, поехали.
Наехали в чистом поле да на поляницу.
Тут Добрынюшка Никтьевич
- 280 Вдарил ту поляницу своей палицей —
Поляница назад не оглянуласи.

¹ Ирина Андреевна забыла имя богатыря (примеч. собирателя).

- Говорит Добрынюшка Никитьевич:
«Верно, у Добрынушки силы не по-старому,
Верно, у Добрынушки смелости не по-прежнему».
- 285 Вырвал дуб Добрыня с пеньям и с кореньям —
Двум богатырям рукам не охватить.
Говорит Добрынюшка Никитьевич:
«Что силы у Добрынушки по-старому,
Смелости у Добрынушки по-прежнему».
- 290 Поехал на поляницу,
Ударил ту поляницу своей палицей —
Поляница назад оглянуласи.
«Ах, я думала, комарики —
Там русские могучие богатыри».
- 295 Захватила Настасьюшка Добрынюшку за желты кудри
И в мешок кожаный сдернула,
И говорит она таково слово:
«Если стар — дак срежу голову,
А если млад — дак во полон возьму,
- 300 А ровня — дак оввенчаюси».
А захромал тут под Настасьюшкой могучий конь.
«Ай же ты, моя хозяюшка Настасьюшка Микулична,
Не свезти мне вас двух могучих сил,
Ведь в мешки-то богатырь не тебе чета, Настасьюшка».
- 305 Тут выняла Настасьюшка Добрынюшку с мешка кожанá.
«Ой ты, душечка Добрынюшка Никитьевич».
«Ай же ты, удалая поляница,
Ты-то меня знаешь, а я тебя не ведаю».
«А я бывала у вас в Киеви,
- 310 Видала там Добрынююшку Никитича».
Ну, оны сели на добрых коней,
Поехали во Киев-град.
Апраксия Никитична с церкви идет,
А Настасья Никулична в церковь идет.
- 315 Тут Добрынююшка Никитьевич
Взял Настасью Никуличну,
Свел к своей родимой матушки.
Было то красное солнышко на вечери,
А почестной пир на весели.
- 320 Говорит князь Владимир красно солнышко:
«Кто бы прочистил путь-дорожку
Да к моему тестю милому,
Повывел белоглазую сорочину долгополую,
С каузуками и с татарами».
- 325 Тут передний тулится за середнего,
Середний тулится за заднего,
А от заднего и ответа нет.
Говорит Добрынююшка Никитьевич:
«Ай же ты, князь Владимир красно солнышко,

- 330 Сослужил бы я тебе службу дальнюю, позаочную,
Я прочищу путь-дороженьку».
Тут пошел Добрынушка, закручинился,
И шел Добрыня, запечалился.
Стречала мать родимая,
335 Стречала сына милого.
«Уж ты что идешь, Добрынушка, невеселый,
Головушку повесил?
Верно, место было не почетное,
Али чарой тебя обнесли,
340 Али словом обесчестили?»
«Место было мне почетное,
Чарой-то не обнесли —
Дуракы меж намы там не водятся».
Тут Добрынушка матушке говаривал,
345 Говаривал Добрыня, выговаривал:
«Ай же ты, моя родная матушка,
Лучше бы меня ты, молодца, не родила,
А как спородила — ставала бы на гору Сорочинскую,
Вертела бы в рукавца миткалиные
350 И бросала бы Добрыню во синё морё,
Я лежал бы там, Добрынушка, век по веку,
Не проливал бы я крови бесповинные,
Не слезил бы отцей-матерей понапрасную,
Не спущал бы малых детей во сирочество,
355 Молодых жен да во вдовичество».
Тут Добрынушка матушке говаривал,
Говаривал Добрыня, выговаривал:
«Ай же ты, моя родная матушка,
Ты бы лучше меня, молодца, не родила,
360 А спородила — бросала бы в Непру-реку,
Я стоял бы там гоголёнко
Век по веку, отныне и до веку,
Не проливал бы я крови бесповинные,
Не слезил бы отцей-матерей понапрасной,
365 Не спущал бы малых детей во сирочество,
Молодых жен во вдовичество».
Тут Добрынушка матушке говаривал,
Говаривал Добрыня, выговаривал:
«Ай же ты, моя матушка,
370 Ты бы лучше меня, молодца, не родила,
А как спородила — копала бы в землю-матушку
о крылечушко,
Тут сросла бы деревиночка
Гля приезду богатырского,
Стояла бы век по веку, отныне и до веку.
375 Я не слезил бы отцей-матерей понапрасной,
Не спущал бы малых детей во сирочество,

Молодых жен во вдовичество».

Тут Добрынушка ставал утрышком ранехонько,
Умывался он белёхонько,

380 Одевался хорошохонько.

Уж он брал коня могучего
На уздечку на тесмянью,

Он седлал коня могучего,
Клал он войлуки на войлуки,

385 Клал он подпруги на подпруги,
Седельышко черкальское.

Провожала мать родимая,
Провожала сына милого:

«Ай же ты, мой Добрынушка Никитьевич,

390 Когда ждать тебя, желанного,

Из окошечка в окошечко поглядывать из чиста поля?»

«А жив я буду — ворочусь,

А жив не буду — ждать уж нечего».

Тут пошла честна вдова Офимья Олександровна на высок

терем,

395 Пошла да причитается:

«Ой ты, богоданно мое дитятко, Настасьюшка Микулишна,
Уж ты спиши да проклаждашься,

Ты невзгодушки не ведаешь:

Ведь укатается наше красное солнышко,

400 Уезжает наш Добрынушка Никитьевич».

Тут Настасьюшка была как в одной рубашечки,
Без чулочиков, без чоботов,

Побежала на широкой двор,

Становилась к праву стремяну.

405 «Ой ты, ладушка-державушка,
Мой Добрынушко Микитинич,

Когда ждать тебя желанного,

Из окошечка в окошечко поглядывать с чиста поля?»

«А жив я буду — ворочусь,

410 А жив не буду — ждать уж нечего.

Буду год-то я не буду — так ты жди меня,

А буде два году не буду — так ты жди меня,

Буде три году не буду — так ты жди меня,

А как шесть годов не буду — так ты не жди меня.

415 Там тебе да воля вольная:

Хоть вдовой живи, а хоть ты сватайси,

А только не ходи за смелого Олешу за Поповича,

За того за бабьего насмешника».

День-то за день, как и дождь дождит,

420 Неделя за неделей, как река бежит.

Прошло-то того времечка три году,

Не видать Добрыни из чиста поля.

Приходит смелой Олешенька Попович сын,

- Говорит он таковы слова:
425 «Я привез-то вам вестоцку нерадостну,
Нерадостну да нерадостную:
Топерь мы с Добрынушкой разъехались,
Добрынушка остался во чистом поли,
Буйной головой лежит да во ковыль-травы,
- 430 А резымá ногами во ракитов куст,
Скрозь бородушку да трава проросла,
Тут же возле его да лежит доброй конь».
Тут честна вдова Офимья Олекандровна
Прослезила очи ясныи,
- 435 Пропечалила свои да щечки алыя.
День-то за день, как и дождь дождит,
Неделя за неделей, как река бежит.
Прошло-то того времечки шесть годов,
Не видать Добрыни из чиста поля.
- 440 Приходит смелой Олеша Попович сын
К Настасьи Микулишной свататься.
Говорит Настасья Микулишна таково слово:
«Уж я справила заповедь мужнюю,
Кладу ныньку заповедь от себя на шесть годов,
- 445 А буде шесть годов не будет —
Так потом начну и свататься».
День-то за день, как и дождь дождит,
Неделя за неделей, как трава растет во полюшки.
Прошло-то того времечки двенадцать лет,
- 450 Не видать Добрынушки из чиста поля.
Приходит смелой Олеша Попович сын
С тым князем со Владимиром,
С княгинушкой Опраксией Никуличной
К Настасьи Микуличной свататься.
- 455 Говорит князь Владимир красно солнышко:
«Ай же ты, Настасьюшка Никулична,
Ты с добра не йдешь, дак с лиха пойдешь.
Я кладу тебя во старицы вековечные,
Посиделицей бесконечною».
- 460 Побоялась тут Настасья Никулична
Той стражи княженецкой,
Пошла за Олешу Поповича в замужество.
Третий день у них идет пированьцио,
А сегодня идти к венцу венчальному.
- 465 Разрыдалась тут честна вдова Офимья Олекандровна,
Сидит да причитается:
«Уж укатилось мое красно солнышко двенадцать лет,
А сегодня укатается млад светел месяц —
Спокидала меня беднушку
- 470 Та Настасия Никулична».
А Добрынушка спит в чистом поли

- Трои суточки, не пробудится.
Конь пробил травушку до землюшки,
А землюшку пробил до камушка,
- 475 Тут Добрыня пробуждается.
«Ой ты, конь мой, лошадь добрая,
Для чего тебе задумалось
Ростревожить добра молодца?»
«Ой ты, хозяин мой Добрынушка Никитьевич,
- 480 Да ведь ты спиши да прохлаждашься,
А незгодушки не ведаешь:
Ведь жена твоя просваталась
За того Олешу за Поповича.
Третий день идет у них пированьице,
- 485 А сегодня иди к венцу венчальному». Тут Добрынушка упал коню в праву ноженьку.
«Ой ты, конь мой, лошадь добрая,
Предоставь меня к Настасьи в три часа с минутою».
«Ой ты, хозяин мой Добрынушка Никитьевич,
- 490 Да садись-ко на меня
Да вяжи себя крепко-накрепко».
Как приехал Добрыня из чиста поля в Киев-град,
Прямо ехал на широкий двор,
У ворот не спрашивал приворотников,
- 495 У дверей не спрашивал придверников,
Прямо шел да на широкий двор.
За ним идут приворотники,
За ним идут придверники.
«Ай же ты, честна Офимья Александровна,
- 500 Уж как этот добрый молодец
Прямо ехал гонцом да со чиста поля,
Прямо шел да на широкий двор,
Нас не спрашивал приворотников ни придверников,
Всих он взашей нас отталкивал,
- 505 Прямо шел да на высок терем».
Уж он крест кладет да по-писаному,
Поклон ведет да по-ученому.
«Здравствуй-ко, Добрынина ты матушка!
Я привез тебе низкий поклон.
- 510 Топерь мы с Добрынушкой разъехались:
Добрынушка поехал ко Цариграду,
А меня послал ко Киеву».
«А как бы был Добрынушка во живности,
Так не дошло бы тебе, горькой пьяницы да голь кабацкая,
- 515 Над моим-то горем надрыгатиси,
А надо мной бы насмехатиси:
Уж нету Добрынушки двенадцать лет во живности».
«А не напрасно-ль согрешаете?»
Не узнала мать родимая,

- 520 Не узнала сына милого.
«У моего сына милого
Было личушко белёшенько,
На нем платье было цветное,
Сапожки-то сафьяновы,
Шапочка была да земли греческой».
- 525 «В долговекой-то поездочки
Шапку о сучки повыдергало,
Сапожки остры мне повытерло,
А красоту спалило солнышко».
- 530 «У моего сына у милого
Была тайная приметоцка:
На ноги была родимушка».
- 535 Тут Добрынушка Никитьевич
Розувал да ножку правую,
Тут узнала мать родимая,
Узнала сына милого.
- 540 «Ай же ты, моя родная матушка,
Дай-ко ты мне сто калачиков крупивчатых
Да сто грошиков медных,
- 545 Да дай-ко мне платье скоморошее,
Дай мне гусельышка яровчаты,
Я пойду к Олеши на почестный пир».
- 550 Как пошел Добрынушка по улицы,
Крицат ребята во всю голову:
«Добрынина жена замуж пошла!»
- 555 «Ай же вы, малый юноши,
Нате вам по калацкому крупивцату,
А не криците во всю голову».
- 560 Как пришел Добрыня к Олеши на почестный пир.
- 565 «Ай же приворотники,
Ай же вы, придверники,
Вот вам, нате по грошику по медному
Да пропустите к Олеши на почестный пир».
- 570 Как пришел Добрыня к Олеши на почестный пир,
- 575 Он крест кладет по-писаному,
Поклон ведет да по-ученому,
Уж он бьет челом да поклоняется
На две, на три на сторонушки,
- 580 Князю поклон со княгиною
- 585 И Настасья Никуличной в особину.
- 590 Говорит князь Владимир красно солнышко:
«Ай же ты, скоморошина,
Твое место скоморошное на пецке на муравленой».
- 595 Затянулся Добрыня на пецку муравлену
- 600 И стал в гусельышка поигрывать.
- 605 Говорит Настасья Никулична:
«Эдак мой Добрынушка в гусельышка наигрывал».

- Он песенку поет да ко Цариграду,
А припев кладет да ко Киеву.
570 А князю Владимиру игра да прилюбиласи.
«Ай же скоморошина,
Поди-ко сядь да за дубовый стол,
На перво место — возли меня,
А на друго место — супротив меня,
575 А третье место сам повыбери».
Не садился Добрынюшка на перво место и на друго
место,
А сел Добрынюшка супротив Настасьи Микуличной
да на скамеечку,
Песенку поет Олеши Поповича,
А припев кладет Настасьи Никуличной.
580 Говорит Добрынюшка Никитьевич:
«Ай же ты и солнышко, князь Владимир стольно-киевский,
Позволь-ко мне цароцку налить да зелена вина
Да поднести, кому я ведаю».
Наливал Добрынюшка чару зелена вина,
585 Опускал с руки перстень обручальной,
С которым с Настасьей обручилисе,
И подносия Настасьи Никуличной.
И говорит он таковы слова:
«Ай же ты, Настасьюшка Никулична,
590 Как пьешь до dna — дак увидашь добра,
А не пьешь до dna — дак не увидашь добра».
Тут Настасья Никулична
Брала чару единой рукой,
Пила чару на единый дух,
595 Прикатился Настасьи Никуличной перстень
К устам да к сахарным.
Говорит Настасья Никулична:
«Не тот мой муж, что возли меня сидит,
А тот мой муж, что супротив меня сидит».
600 Говорит Олеша Попович сын:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитьевич,
Прости-тко меня да во той вины,
Что посидел с твоей Настасьюшкой я рядышком».
«А во той вины-то тебе бог простит,
605 А во другой вины не могу простить:
Моя родная матушка
Прослезила очи ясныи,
Припечалила свои щечки алые».
Тут Добрынюшка Никитьевич
610 Взял Олешу за желты кудри,
Вытащил с-за стола с-за дубового —
Да только Олеша и женат бывал.

Тут Добрынюшка Никитьевич
Взял Настасью Никуличну за праву рученьку,
615 Повел Настасьюшку к родимой матушке на высок терем.

10. ПРО СОФЕЮ (Василий и Софья)

Было да жило у вдовушки девять дочерей,
Вси они по церьквам пошли,
И вси они ставились крылысам,
И вси они запели: «Господи боже, прости».

5 А одна у нас Софеюшка промолвиласи,
Думала сказать: «Господи боже, прости» —
А там попалось сказать:
«Васильюшко, братец, потронься сюда».

Тут проведала Васильюшкова матушка,
10 А й скорехонько-то сбегала в харчевенку,
А й на гриненку купила зелена вина,
А на другую купила зелья лютого вина.
Она Василью подносила зелена вина,
А Софеи подносила зелья лютого вина.

15 «Ты, Васильюшко, пей, да Софеи не давай,
А Софеюшка пей, да Василью не давай».
А Васильюшко пил да Софеи подносила,
А Софеюшка пила да Василью подносила.
Ну, оба оны тут и преставилиси.

20 Ой Васильюшку делали дубовый гроб,
А Софеюшки делали клейновый гроб.
Васильюшку несли князья-боярá,
А Софеюшку несли нища братия.
А Василья несли на буйных головах,

25 А Софею несли на белых руках.
Тут Василья хоронили о праву церьквы руки,
А Софею хоронили о леву церьквы руки.
На Софеи вырастала золота верба,
А на Васильи вырастало кипарицно деревцо.

30 Старыи идут — так наплачутси,
А в полвека идут — так надивуютси,
А малы детушки идут — так наиграютси.
И проведала Васильева матушка,
И скорее бежала во кузницу,
35 Скóвала тупиченку немудрую,
Кипарицно деревцо она повырубила,
А золотую вербу она повысушла.

МАТВЕЙ ЕГОРОВИЧ САМЫЛИН

Впервые былины М. Е. Самылина были записаны А. М. Астаховой в 1926 г., когда сказителю исполнилось 47 лет. Родом Матвей Егорович из д. Артово Космозерского сельсовета Заонежского (нын. Медвежьегорского) района¹, по словам самого сказителя — «маленько грамотный» (122/54). Источниками былинного знания послужили былины «дедушки Плакидина» Александра Тимофеевича из бывшей Шуньгской волости и старины деда П. Г. Горшкова — Павла Перфильевича Горшкова. В архиве хранится перечень известных сказителю былин: 1) «Ставер»; 2) «Худая жена»; 3) «Женитьба князя Владимира»; 4) «О Добрыне Никитиче и Настасии Никуличне»; 5) «Илья Муромец»; 6) «Василий Буслаевич»; 7) «Юратай»; 8) «Садко-купец — богатый гость»; 9) «Еруслан». Все былины усвоены от А. Т. Плакидина, за исключением последней, источника которой сказитель не помнил (72/35). От Самылина записаны сказки и песни (72/1—34).

В архиве помимо публикуемых находятся следующие тексты: 1) «Молодец и королевична» (72/38 —ср. опубликованный вариант: Аст., № 162); 2) «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (стих перемежается прозой — 72/5); 3) «Василий Буслаевич» (72/35); 4) «Два Лазаря» (73/44—45); 5) «Молодец губит свою жену» (72/46); 6) «Граф Пашкевич» (72/41); 7) «Девушка видит сон о гибели Разина» (72/42); 8) «Разин под Астраханью» (72/40)². Характеристика творчества М. Е. Самылина дана в работах А. М. Астаховой (Аст., 1927, с. 84—85; Аст., т. II, с. 377—378).

¹ У А. М. Астаховой говорится, что Матвей Егорович односельчанин П. Г. Горшкова из д. Демидово. Однако в своей автобиографии М. Е. Самылин пишет, что родился в д. Артово (122/54).

² Записи 1926 г., в том числе неопубликованные, хранятся в рукописях Сектора фольклора ИРЛИ (колл. II — Аст., т. II, с. 377).

11. О ДОБРЫНЕ НИКИТИЧЕ

(Добрыня и Алёша)

Как во славном во городи ко Киеви,
Что ль у ласкового княз(я) у Владимира
Был-то собраной-то почетный пир.
На пиру было много князей, бояр, королевичей,
5 Много было сильных могучих богатырей, гостей
торговых.

Отправляет тут Добрынюшку Никитича
Еще в тую-то во землю Ляховитску
По насетке-то Чурилушки Пленковича,
По надсмешки-то Алёшеньки Поповича.

- 10 «Еще он-то мни, собака, да крестовый брат».
Поезжает-то тут Добрынюшка Ники (тинец)
Он во тую ли во землю Ляховитскую
За семнадцать лет пошлину разыскивать,
Он наказывают Добрыня, выговаривают
15 Еще своей ли Настасье да Никуличной:
«Если шесть годов не буду, хоть вдовой живи,
Хоть вдовой живи да хоть замуж поди,
Только не ходи за бабьего насмешник(а),
Аще за того Алёшу да Поповича:
20 Еще оп-то мни, собака, да крестовый брат».
И наказывают Добрыня, выговаривают
Еще своей-то Настасьи да Никуличной:
«Ты возьми-ко мою кунью шубоньку,
С моих ноженек сапоженьки турец сафьян
25 И возьми мою-то шапку о трех соболях,
И положь в кованы ларцы».
И засыпали пшеницой белояровой.

(Чтоб не портилася.)

- «Ты бери-ко мои ты золоты ключи,
Замыкай-ко мон да кованы ларцы».
30 Тут выходит-то Добрынюшка Никитинец
Как на тей ли конюшни на стоялье,
Он берет своя коня верного,
Он накладывает уздечку тесмянную,
Он накладывает седельцо черкальское,
35 Он подпруги кладет да и шелковые,
А стремяночки кладет да золоченые.
Только видели Добрынюшку сядучи,
А не вид'ли Добрыни поедучи.
Аще пыль столбом да во чистом поли,
40 Во чистом поли расстилается.
Вот уж день за днем, да как часы-то бьют,

- А неделя за неделей, как дожди дождят,
Еще год-то за год, как реки бежат.
Уж как три года времени миновалоси.
- ⁴⁵ Вот уж начал тут Олёшенька подхаживать,
Вот уж начал он Настасьюшку посватывать.
На первой раз она отказаласи,
Говорит она Олёше таковы слова:
«Перву заповедь исполню отца-матери,
- ⁵⁰ Другу заповедь исполню Добр(ыни) Никитича,
Третью заповедь исполню — вдовой поживу».

(*Три года надо.*)

Вот уж шесть годов времени миновалоси.
Опеть уж стал тут Олёшенька подхажива(ть),
Вот уж начал он Настасьюшку подсватывать.

(*Теперь уж она согласится.*)

- ⁵⁵ У Добрынушки-то была птица перелетная,
Она весточку носила да из Киева
Во тую-то ведь землю Ляховитскую,
Отдавала эту весточку Добрынушки Никитичу.
Приезжает тут Добрынушка Никитинец во Киев-град,
- ⁶⁰ Еще кó своей родители ко матушке.

Тут он становится ко столбу золоченому лошадь и входит он,
значит, в свой дом.

Помолиуся богу, раскланяуся,
Крест-то кладет по-писáному,
Поклон-то ведет по-ученому
И кланяется на все на четыре на сторон(ушки).

- ⁶⁵ Говорит он родители своей матушки:
«Накорми, напой детинице заезжее».
«Я бы видела детинице — на огне сожгла,
Посадила бы на три ножа булатних,
Что вы извели Добрынушку Никитича».

(*Вот так и говорит.*)

- ⁷⁰ «Мы вчерашней день с Добрыней поразъехались,
А Добрынушка поехал-то на Пульков-град,
На Пульков-град, не на Орехов-град».

(*Тут он признался.*)

- «Ай же свет ли, государыня моя матушка,
Аще есть я Добрынушка Никитинец, твой любимый сын».
- ⁷⁵ Она и говорит:
«У моего-то у Добрынушки Никитича
На правой ноги есть родимая знадебка».
- Тут Добрынушка Никитинец

Скидывает он с правой ноги сапог,
80 И подходит тут Добрынушка Никитинец
Еще ко своей к родителям матушке.

Она общупала, и тут он, говорит, и указал родимную знадебку.
Он и говорит:

«Ай же свет ты, моя родима матушка,
Ты бери-ко мои да золоты ключи,
85 Отмыкай-ко мои да кованы ларцы.
Ты возьми да надень кунью шубоньку,
На ножки сапожки турец сафьян и шапку соболиную».
Надевается Добрыня, снаряжается,
И походит тут Добрыня во почетный пир

90 Ко князю ко Владими(ру).
У ворот-то стоят да приворотники,
У дверей-то стоят да придверники,
И не спрашиват Доб(рыня) Никитинец
Ни придверников, ни приворотников.

95 Вот тут входит-то Добрынушка Ник(итинец)
А й во ты ли во гридни во столовые,
Он ли крест-то кладет по-писаному,
А поклон-то ведет да по-ученому,
Кланяется, поклоняется да на все четыре стороны,

100 Князю Влад(имиру) в особину.
Говорит ли Добрыня таковы слова:
«Много лет здравствовать, Владимир-князь

столично-киевской!

Теперь есть ли заезжу добру молодцу
Еще место во честном пиру?»

105 Говорит Владимир таковы слова:
«Аще все-то места здесь перезаняты,
Нету заезжу добру молодцу
Аще места во честном пиру,
Есть-то место на печеньки,

110 На печеньки муравленой».
Вот садится Добрынушка на печеньку,
Вот уж начал тут в гусельшака наигрывать.
Все на пиру да веселилиси.

Говорит тут Добрыня таковы слова:
115 «Теперь есть ли то место во честном пиру
А заезжу-то добру молодцу?»
Говорит тут Владимир таковы слова:
«Теперь есть-то заезжу добру молодцу

Еще место во честном пиру:
120 Первое место — возлі меня,
Второе-то место — насупротивку».
Вот садился тут Добрыня насупротивку.
Наливают ему чару зелена вина,

А еще мерой эта чара полтора ведра,
125 Еще весом эта чара полтора пуда.
Берет тут Добрыня единой рукой,
Выпивает тут Добрыня на единой дух.
Вот берет тут Добрыня чарочку своей рукой,
Наливает тут Добрынюшка Никитинец чару зелена вина,
130 Вот подносит тут Добр(ынуш)ка Никитинец
Молодой тут Настасьюшки Микуличной.
«Если пьешь до дна — увидашь добра,
А не пьешь до дна — не увидашь добра».
Вот берет тут Настасия Никулична эту чару зелена вина,
135 Выпивает тут Настасия на единой дух,
Говорит ли она да таковы слова:
«А не то (т) мой муж, что возли меня,
А тот муж, что насупротив меня».
«А у бабы волос долог, а ум короток:
140 Муж в лес по дрова — жена замуж пошла.
Не дивую я разуму женскому,
А дивую я князю Владимиру,
Еще тому-то Алёшеньке Поповичу,
Еще тому-то бабьему насмешнику,
145 Еще он мне, собака, крестовой брат».
Захватил тут Добрынюшка Никитинец
Аще того-то Алёшеньку Поповича,
Захватил Алёшу за желты кудри,
Как он начал тут по комнатам поваживать,
150 Вот уж начал он шалыгой поколачивать,
Бросил тут Алёшу да Поповича
Как на тую-то печеньку муравлену,
Только-то Алёшенька женат бывал
И с женой сыпал.

12. О КНЯЗЕ ВОЛОДИМЕРЕ КИЕВСКОМ (Женитьба Дуная и князя Владимира)

Что во городе во Киеве,
У солнышка у князя Володимера
Был собранный почетный пир.
На пиру было много князей, бояр, королевичей.
5 Все они на пиру да они наедалися да напивались.
Говорит тут князь Володимир таковы слова:
«Все у меня теперь добры молодцы да поженены,
Красны девицы взамуж выданы,
Только я один непожененный.
10 Чтобы выбрать мне невесту,
Чтобы была плечом ровна и умом свесна,
Очушки у ей ясного сокола,

Бровушки у ей черного соболя».

Говорит тут Дунай да сын Иванович:

15 «Я служил у короля в Литве двенадцать лет.

У короля в Литве есть две дочери:

Апраксия есть королевична —

Она будет тебе умом свесна

И плечом ровна, и лицом красна,

20 Очушки у ей ясного сокола,

Бровушки у ей черного соболя».

Направляет тут Владимир-князь стольно-киевский

солнышко

Удалых добрых молодцов, сильных могучих богатырей:

Добрынюшку Никитича и Дуная свет Ивановича к королю

в Литву

25 За Апраксией-королевичной.

Поехали удалы добры молодцы.

Вид'ли только сядучи,

А не видели поедучи.

Пыль столбом во чистом поле.

30 Приехали они да к королю в Литву,

Ко крыльцу переному,

Привязали лошадей ко столбу золоченому

И отправились к королю во гридни во столовые.

У ворот стоят приворотники,

35 У дверей стоят придверники.

Не щадят они ни придверников, ни приворотников —

прямо идут.

Приходят они во гридню во столовую.

Они крест кладут по-писаному,

Поклон кладут по-ученому,

40 Кланяются, поклоняются на все да на четыре на стороны.

Говорят оне да таковы слова:

«Много лет здравствовать, король Литовский!

Мы есть послы князя Владимира,

Мы за вашей дочерью, за Апраксичной-королевичной».

45 Вот стает король на ноги.

«Не отдам я дочери за князя Владимира».

Вот Дунай говорит тут да таковы слова:

«Если с честью выдашь — возьмем,

И не с честью выдашь — возьмем».

50 Тут ударил Дунай свет Иванович

По тому столу да по дубовому,

Тут махнул рукой король Литовский.

«Вы возьмите дочь мою Апраксею».

Позвали Апраксию-королевичну,

55 Снарядили ее и отправили,

Посадили ее на добра коня

И поехали во Киев-град.

- Едут они путем-дорогою,
Застала их темна ноченька.
60 Во чистом поле раскинули шатры полотняные,
Поутру рано стали и поехали,
Сели на добрых коней, поехали.
Едут они путем-дорогою,
Вот и слышат взади копыта лошадиные,
65 Наезжает богатырь добрый молодец и говорит:
«Как вы смели взять-украсть Апраксию-королевичну,
Меньшую сестру, а старшу оставили,
Позор навели королю Литовскому».
Говорит она Дунаю Ивановичу:
70 «Давай, посражаемся».
Добрыня поехал во Киев-град,
А оне разъехались и ударились.
Тут сшиб с коня Анастасию-королевичну.
Она и говорит:
75 «У меня-то есть завет положенный:
Кто победит меня — за того и замуж пойду».
Вот едут путем и долгою,
Приехали они во Киев-град.
Подъехали они ко божьей церкве закон принять,
80 Зашли они во божью церкву —
Владимир-князь под венцом стоит.
Постояли они, повенчались
И во пир пошли к князю Владимиру,
За столы садились за дубовые:
85 Владимир-князь с Апраксией-королевичной,
А Дунай свет Иванович с Анастасией-королевичной.
За столом сидят князи-боера
И гости торговые, сильные могучие богатыри.
Они пьют и едят, и речи говорят.
90 А Дунай свет Иванович говорит он таковы слова:
«Поженил-то я князя Владимира
У того короля да у Литовского,
Я увез от его Апраксию-королевичну дочь,
И сам поженился на Анастасии-королевичне».
95 Как те слова не понравились Анастасии-королевичне.
«Разве ты, Дунай свет Иванович,
Что ты говоришь да хвастаешь,
Давай-ко мы с тобой постреляем в цель».
Вот сделали цель они, начали стрелять.
100 Дунай свет Иванович направил свой лук,
Накладывает калену стрелу-стрелочку
И натягивает тетивочкушелковую.
Как он выстрелил — и попасть не мог,
А Анастасия-королевична как выстрелила — прямо
в цель попала.

- ¹⁰⁵ Ну и говорит Анастасия-королевична:
 «Какой же ты стрелок, хуже бабы!
 И зачем ты, Дунай свет Иванович, пустым хвастаешь?»
 Закипело у Дуная сердце богатырское,
 И ударил ножом в грудь белую Анастасии-королевичны,
- ¹¹⁰ Тут упала на землю лебедь белая,
 И говорит Дунай таковы слова:
 «Где упала лебедь белая — тут пади и ясной сокол». Тут всадил в себя он нож булатный,
 В тое сердце богатырское,
- ¹¹⁵ Упал на землю замертво.
 Полилась тут кровь богатырская,
 Богатырь лежит на сырой земле.

13. ПРО СТАВРА СЫНА ГОДИНОВИЧА

- Как во славном во городе во Киеве,
 У стольного князя Владимира
 Был-то собран да почетный пир
 На многие на князи и на боерá,
⁵ И на многие да на гости на торговые,
 И на многие на сильные могучие богатыри.
 Наедалиси и напивалиси,
 И да допьяным-то разумом порасхвастались.
 Князья и боера хвастаются конями,
¹⁰ А гости торговые хвастают торговлею,
 Что заморские товары были дороги,
 А сильные могучие богатыри хвастаются силою.
 Князь Владимир говорит таковы слова:
 «Что же ты, Ставер сын Годинович, нечим не хвастаешь?»
¹⁵ Говорит тут Ставер таковы слова:
 «Нечем мне похвастать, Ставрусочку Годиновичу:
 Отцом-матерью похвастать —
 В живых нет у меня, у Ставра сына Годиновича,
 Хвастать — не хвастать молодою женой —
²⁰ У меня, у Ставра сына Годиновича,
 Есть молодая Василиста Никулична,
 Она Киев-град весь с ума сведет,
 А князя Владимира в полон проведет».
 Тут Владимир говорит таковы слова:
²⁵ «За такие поступки богатырские,
 За такие насмешки молодецкие
 Посадить Ставра в погреба глубокие,
 Засыпать пшеницей белояровой,
 Чтобы про Ставра слуху не было».
³⁰ Был на пиру свой человек,
 Скоро доложил Василисте Никуличне.
 Приходит он к Василисте Никуличне,

- И говорит он ей таковы слова:
«Ты здесь со своей дружиной забавляешься,
35 А про себя изгоды не ведаешь:
Не стало у тебя Ставра сына Годиновича,
Посажен он в глубок погрёб».
Тут садилась Василиста Никулична
На брусовую белую лавочку.
- 40 Говорит она да таковы слова:
«Как я буду Ставра выручать?»
Склонила головку ниже резвых плеч,
Стряхнула головку по-польскому,
Завила кудерка по-сусальскому.
- 45 Направляется она на Киев-град.
Взяла с собою дружину не малую,
Не малую дружину и не большую—
Тридцать молодцев, луковых стрельцов,
Тридцать молодцев, сильных могучих богатырей.
- 50 Надевает она на ножки сапожки и турец сафьян,
Надевает она кунью шубоньку
И шапку о трех соболях.
Выходит она на конюшни на стоялые,
Берет она коня своего верного,
- 55 Накладывает на голову уздечку тесмянную,
Накладывает войлоки на войлоки
И седельышко черкасськое,
Она подпруги кладет шелковые,
Стремяночки кладет да золоченые.
- 60 Тут садится Василиста Никулична на добра коня,
И поехала она на Киев-град
Со своей дружиной хороброю
Свататься на Марье Путятичне,
На любимой племнице князя Владимира.
- 65 Подъехали они да под Киев-град,
Раздернули они шатры полотняные.
Оставила она тут дружину не малую,
А взяла с собою только девять молодцев, луковых
стрельцов,
- 70 А девять сильных могучих богатырей.
70 Приезжают оне во Киев-град к князю Владимиру,
К крыльцу переному,
Ставят лошадей ко столбу золоченому,
Входят они к князю Владимиру.
У ворот стоят приворотники,
75 А у дверей стоят придверники.
Не боятся они ни придверников, ни приворотников,
Заходит она прямо в гридни столовые.
Она крест да кладет по-пýсаному,
Поклон да ведет да по-ученому,

- 80 Кланяется-поклоняется на все четыре стороны.
Говорит она таковы слова:
«Много лет здравствовать,
Солнышко Владимир стольно-киевский!
Я есть посол земли Ляцкие,
- 85 Приехал я свататься на Марье Путятине». Тут проговорит Владимир таковы слова:
«Есть-то молодец да во добри хорош,
Время молодцу да поженитися,
Время Марье Путятине замуж идти.
- 90 Позвать Марью сюда Путятину». Приходит тут Марья Путятинна.
И говорит Владимир таковы слова:
«Есть-то молодец во добри хорош,
Время Марье Путятине замуж идти».
- 95 Говорит тут Марья Путятинна на ответ таковы слова:
«Ай же дядюшка Владимир стольно-киевский солнышко,
Не выдай меня, девчина, за женщину,
Она на лавочку садится без опасности». Тут проговорит Владимир таковы слова:
- 100 «Можно посла поизведать.
Ай же ты, посол земли Ляцкой,
Есть ли охота, горит ли душа
С нашими стрелками пострелятися?»
Посыает князь Владимир трех молодцев,
- 105 Самых лучших стрелков.
Сделали цель из каленои стрелы,
И начали стрелять стрелки князя Владимира.
Один-то стрелил — да не дострелил,
Второй стрелил — перестрелил,
- 110 А третий стрелил — совсем попасть не мог.
Начинает стрелять Василиста Никулична.
Накладывает она калену стрелу,
Натягивает тетивку шелковую,
И попала она прямо в цель,
- 115 И расколола стрелочку надвое:
Хоть на вес — равна и по длине — равна.
Стрелки приходят к князю Владимиру.
Говорит князь Владимир таковы слова:
«Есть молодец во добри хорош,
- 120 Время молодцу поженитися,
Время Марье Путятине замуж идти». Говорит тут Марья Путятинна:
«Ай же дядюшка Владимир стольно-киевской,
Не выдай меня, девчину, за женщину,
- 125 У ней походочка в ногах частенькая,
Стегно жмет и товар бережет».
«Можно посла поизведати.

Ай же ты, посол земли Ляцкой,
Есть ли охота и горит ли душа
130 С нашими борцами поборотися?»
Вывел князь Владимир трех молодцев,
Самых лучших борцов.
Она всех борцов поперекидала.
И говорит тут Владимир таковы слова:
135 «Есть молодец во добри хорош,
Время молодцу поженитися,
Время Марье Путятичне замуж идти».
«Ай же дядюшка Владимир стольно-киевский,
Не выдай меня, девчину, за женщину».
140 «Можно посла поизведати».
Князь Владимир говорит опять таковы слова:
«Есть ли охота, горит ли душа
В теплую парную баенку попариться?»
Подменила она слугу верного
145 Помыться в теплой парной баенке.
Посмотрели оне на добра молодца,
Что в порядке есть добрый молодец,
Рассказали князю Владимиру.
Говорит тут Владимир таковы слова:
150 «Есть во добри хорош добрый молодец,
Время молодцу поженитися,
Время Марье Путятичне замуж идти».
Начали они играть свадебку.
Быстро гости были у них собраны,
155 Князья-боеры, гости торговые,
Сильные могучие богатыри.
Вот садилися оне за столы да за дубовые,
Наедалися они да напивались,
И тут плясать пошли.

Василиста Никулична никак не может плясать: по ейной пляске нету игрока. Тут и говорит один человек: «Есть игрок, да посажен во глубок погрёб».

160 Говорит Василиста Никулична таковы слова:
«Достать Ставра с глубока погрёба!»
Достали Ставра с глубока погрёба
И привели Ставра на почетный пир.

Приказал тут князь Владимир играть Ставру. Заиграл Ставер, Василиста Никулична плясать пошла.

165 «Ай же солнышко Владимир стольно-киевский,
Дайте мне Ставра съездить,
Своей дружины ведом дать,
Позвать на почетный пир да на свадебку».

Князь Владимир говорит: «Съезди, Ставер». Сели на коней и поехали во чистое поле ко своим шатрам. Едут они путем и дорогою. Говорит Василиста Никулична Ставру сыну Годиновичу: «Знаешь ли ты, Ставер, кто я есть?» Ставер говорит: «Не знаю, кто вы есть». Говорит Василиста Никулична Ставру сыну Годиновичу: «Помнишь ли, Ставер, когда мы с тобой вместе грамоте учились, в золотую монестовку поигрывали, в серебряное колечко попадывали?» — «Нет, не знаю, не помню», — говорит.

- Когда приехали к шатрам,
Тогда соскакивает Василиста Никулична со добра коня
¹⁷⁰ И идет в свой шатер полотняный,
И вынимает из шатра платья женские.
Нарядилась она в платье женское,
Подходит к Ставру сыну Годиновичу,
Говорит она таковы слова:
¹⁷⁵ «Узнаешь ли теперь, Ставер, меня, кто я есть?»
Говорит Ставер, что «жена моя,
По имени Василиста Никулична».
Говорит Ставер таковы слова:
«Нужно ехать нам в свою сторону,
¹⁸⁰ В свою сторону да на родину
Со своей дружиной хороброй».
Говорит Василиста Никулична Ставру сыну Годиновичу:
«Нужно честь отдать князю Владимиру
За почетный пир да за свадебку».
¹⁸⁵ Тут поехали они да во Киев-град,
Ко тому крыльцу ко переному,
Ко тому столбу золоченому.
Тут поставили коней добрыих
У того столба золоченого,
¹⁹⁰ И пошли оне к князю Владимиру
Во тен в гридни во столовые.
Говорит Василиста Никулична князю Владимиру:
«Отдаю я честь за почетный пир, за свадебку».
Говорит тут Владимир таковы слова:
¹⁹⁵ «Былицей похвастал Ставер, а не напрасницей.
А теперь поезжай, Ставер, в свою сторону
Со своей женой Василистой Никуличной».

14. (Братья-разбойники и сестра)

- Как жила-была вдова пашенька,
У этой у вдовушки у пашеньки
Было девять сыновей, одинака дочь.
Однакую замуж выдали
⁵ Как за славное да море синее,
За того купца да за богатого.

Она год жила — не стоснуласи,
Второй жила — в умах не было,
А на третий год сына рόдила,
¹⁰ Сына родила и стосковалася.
«Я у свекрушка подавалася,
У свекровушки донижалася.
Думу вздумали, с мужом поехали.
Мужа на корму, сама в весельшке,
¹⁵ А младенчика возле на лавочку.
Наставала тут туча темная,
Туча темная да туча грозная.
Вдруг наехало да девять разбойников,
А й разбойнички да подорожнички.
²⁰ Моего мужа в воду бросили,
И младенчика взяли потрёбили,
Что ль меня, младу, обесчестили,
Обесчестили, во полон взяли.
Восемь разбойников они спать легли,
²⁵ Девятый-то разбойник спать не лег,
Он богу молится, все спасается.
Тут уж стал меня выспрашивать:
«Ты чьего роду, чьего племени?»
«Я поповского рода, дьяковского».
³⁰ «Вы ставайте, братья родимые!
Своего мы зятя в воду бросили,
Своего племянника взяли потребили,
Свою сестру обесчестили,
Обесчестили, во полон взяли.
³⁵ Ты чего, сестра, нам раньше не сказалася?»

АГРИППИНА ФЕДОРОВНА ТРУХАВАЯ

С Агриппиной Федоровной Трухавой фольклористы знакомы по сборнику А. М. Астаховой «Былины Севера». В 1932 году ей было 53 года, и жила она в с. Липовицы, куда вышла замуж из д. Середка того же Заонежского (нын. Медвежьегорского) района. Неграмотная. Выучилась петь Агриппина Федоровна от дяди — Елизаркова Алексея Яковлевича: «Грамотный, читал в книжке былины. Как соберешься на беседу — никому не рассказывала». (Перед колл. 68/36-а). Исполняла былины только для себя; «...как став tkeshь — инной раз запоешь», — говорила сказительница. По словам Е. Родиной, записавшей от нее былины в 1938 г., «текст помнит довольно твердо», «в некоторых местах рассказывает, петь не может». Былины были записаны с голоса, правда, с большим трудом, и мелодия у них одинаковая.

Заметка о ней написана А. М. Астаховой (см. Аст., т. II, с. 288).

15. МИХАЙЛО ПОТЫК

Уж как жил Михайло Потык сын Иванович,
Уж он пил ведь горько зелено вино,
Гди полкружкою, а гди целой кружкою,
Гди полуведром, а гди целым ведром.

- 5 И говорит тут князь Владимир стольне-киевский:
«Поезжай-ко ты, Михайло Потык сын Иванович,
ко синю морю,
Настреляй-ко серых малых утоцек,
Самоплавных белых лебедушек».
И как поехал ведь Михайло Потык сын Иванович
ко синю морю

- 10 И настрелял ён малых серых утоцек,
Самоплавных уж белых лебедушек.
Уж как только ладит на коня скоцить,
И как плывет-то белая лебедушка,
В золотой она пловет-то нуньку в клетоцьки.

- 15 Уж как только он уж ладит ю застрелить стать,
Объявилась ведь она да лебедь белая:
«Не стреляй, Михайло Потык сын Иванович!
Уж как лучше за тебя и замўж пойду».
Как садил-то он уж ю-то на добра коня
- 20 И начал ей целовать в уста сахарнин,
И говорила тут ему да лебедь белая:
«И не целуй, Михайло Потык сын Иванович:
У меня теперь уста поганыи.
И ты свези меня во Кеев-град
- 25 И окрести меня там да омолитви-ко,
Начелуешься потом в уста сахарнин».
И как приехал Михайло Потык сын Иванович
И он ко ласковому князю ко Владимиру.
«И уж как ай же князь Владимир стольно-киевский!
- 30 И настрелял уж я тебе да малых серых утушек,
Самоплавных белых лебедушек
И да аще себе невесту нашел».
И окрестили ведь ею да омолитвили,
Дали имя ей да Лебедь Белая,
- 35 Лебедь Белая да Марья Лиходеевна.
И положили оны заповедь великую,
А великану заповедь, не малую:
Как которой наперед умрет,
А другому живому в гроб лечь на три месяца.
- 40 И стаў ходить Михайло Потык сын Иванович,
И он пить опеть уж горько зелено вино,
Гди полкружкою, а гди уж целой кружкою,
Гди полуведром, а гди целым ведром.
И говорила тут уж Лебедь Белая,
- 45 Лебедь Белая да Марья Лиходеевна:
«А потешу ведь Потыка Иванова».
И она с вечера да взяла пораздорилась,
Ко полуночи да й порасхворилась,
И она к утрышку ведь тут да и преставилась.
- 50 И как пошли искать Михайлу Потыка Иванова,
И как пришли оны да во царев кабак,
И как сидит Михайло Потык сын Иванович.
«И уж как ай же ты, Михайло Потык сын Иванович!
И уж как пьешь-то сидишь да проклодаешься,
- 55 А победушки ты над собой не ведаешь:
И как твоя-то ведь да Лебедь Белая,
Лебедь Белая да Марья Лиходеевна
И уж как с вечера она уж пораздорилась,
Ко полуночи она да порасхворилась,
- 60 И уж как к утрышку она да ведь преставилась».
И как скочил Михайло на резвы ноги.
«И эта что ведь мне, робята, за беда пришла!

Мни живому надо с мертвой в гроб уж лечь.
И подьте, делайте мни гроб,
65 Чтобы было гди сесть и лечь и стать».
А сам пошел Михайло Потык сын Иванович,
Он пошел во кузницу.
И он ковал-то тут уж клещи-то железными,
И он ковал-то ище прутья-то железными,
70 И други прутья он ковал да тут уж медный,
Треты прутьи-то ковал да оловянный,
И он уж брал туды запасы на три месяца:

Брал туды хлеба, огня, всего, веревку протянул туды с колокольни в гроб, и его зарыли в землю.

Сеу Михайло Потык сын Иванович,
Только дело во полночь пришло,
75 Приплыла ко гробу змея подземельная,
Раз лизнула, а другой лизнула,
Сама в гроб зашла.
Скочиу Михайла на резвый ноги,
Захватиу в клещи змею подземельную,
80 Начинает хлыстать прутьями железными.
Расхлыстау прутья железные,
Принимается он за прутья медные,
И расхлыстау вси прутья медные,
Принимается за прутья оловянные.
85 Уж как тут ему змея смолиласи:
«Ты спусти, Михайло Потык сын Иванович!
И схожу ко синю морю,
Оживиши ты свою жону».

Он ей не спускал. Она сказала, что даст ему детей в клещи, да тут уж омману не будет. Вот и пришла змея с водой подземельной, он тут спрыснуу, и стала она живая. А потом загремел в колокола, которая веревка была протянута. Тут прибежали братцы все названные, что, верно, приходит кончинушка Михайлы Потыку Иванову, а потом стали разрывать его могилу. Разрыли оны, а он живой.

Стал опетьходить Михайло по царевым кабакам
90 Пить горько зелено вино,
Гди полкружкою, а гди целой кружкою,
Гди полуведром, а гди целым ведром.

А потом он умер, так их похоронили вместе. Прошло три месяца, а не звонит колокол. Так и умерли.

16. БОЙ ДОБРЫНИ СО ЗМЕЕМ

- Как не белая ль береза нагибается —
Сын со родной со маменькой прощается
И с честной вдовой Офимьей Александровной:
«Уж дай, родитель моя маменька,
- 5 Дай прощеньца ты мни, благословленьца
Уж как съездить мни на Пучай-реку купатися
И окунуть-то мни тело богатырское».
И говорила Добрыни родна маменька:
«И как не дам тебе прощеньца-благословленьца
- 10 Во Пучай-реку купатися:
Как Пучай-река-то есте страховитая,
Страховитая, сама угрюмая».
И не послушал Добрыня родной маменьки.
Как пошел-то он да й на стоялой двор,
- 15 И выберал он себе самолучших жеребчиков.
Как седлал-то он его, уседливал,
И кладывал он подпруги крепкие,
Как не гля-ráди красы-басы да молодецкоей,
А гля-ради укрепы богатырской,
- 20 Чтоб в чистом поле конь с-под седельышка не выскочил,
Добра молодца Добрыню не выронил.
Как поехал тут Добрынюшка Микитин юлад,
Днем-то едет он по красному по солнышку,
Ночью едет он по светлому по месяцу.
- 25 А денецек за денецьком, быдто дождь дожжит,
А неделька за неделькой, что река бежит.
Как приехал тут Добрыня ко Пучай-реки,
И уж как скочил-то он со добра коня,
Да уж стал он во Пучай-реки купатися,
- 30 Как в краю нырком пойдет — другому вынырнет.
Уж как спомнил тут Добрыня родну маменьку:
«На поезде говорила родна матушка,
Что Пучай-река-то естя страховитая,
А страховитая, сама угрюмая,
- 35 А Пучай-река-то е не страховитая,
Не страховитая, не угрюмая».
Вдруг не темные ведь теми призатемнили,
Как летит змеинище Горынище,
В хоботах несет да тело мертвое.
- 40 Увидела она Добрыню во Пучай-реки,
Как спустила с хоботов да тело мертвое,
Подхватила ведь Добрыню со Пучай-реки,
Уж ведь стала тут Добрынюшку потаскивать,
Уж как стала ведь Микитица подергивать.
- 45 Как спомнил тут Добрыня родну маменьку:
«А теперь ведь приходит мни кончинушка».

И поглядел-то он по крутому по бережку,
Он увидел там уж шляпу подорожную,
Уж как шляпа эта пятьдесят пудов,
50 Эту шляпоныку подхватывал,
Одной рукой он поганую захватывал,
Другой он рукой подмахивал.
И уж как тут ему змея смолиласи:
«Какой же ты, Добрыня млад,
55 И мы положим с тобой заповедь великую,
И мы великую ведь заповедь, не малую:
И уж как будь-ка ты, Добрыня, братом большими,
Уж как я да сестрой меньшою,
Чтобы мне летать во святую Русь,
60 Не носить в полон народу христианского,
А тиби-то, Добрыня Микитин брат,
Не ездить к нам на гору Сорочинскую».
Они тут с его поразъехались.
Поднималася змеинище Горынище,
65 Высоко поднималаси под облаки.
И как пошла-то княжецкая племянница,
Она с няньками пошла да с мамками,
Да гулять она пошла да во чисто поле.
И как увидела змеинище Горынище,
70 И как летела ведь она да на святую Русь.
Как пошла-то княжецкая племянница,
Она с няньками пошла да с мамками,
Да гулять она пошла да во чисто поле.
И как увидела ту змеинище Горынище,
75 Да низко она к землюшки припадала,
Ухватила княжецкую племянницу,
Да молоденьку Забавушку Путятину.
И как приехал Добрынушка Микитиць млад
Он ко своим палатам белокаменным,
80 И он ко своей ко родители ко маменьки.
«Уж как дай-ко мне прощенице-благословленице
Как сходить-то мне ко князю на почестен пир».
И говорила тут Добрыни родна маменька:
«И как не дам тебе прощенца-благословленца
85 И иди-то ведь ко князю на почестен пир.
Уж как ешь, Добрынушка, ты досыти,
Уж как пей-ко ты допьяна,
Ты держи бесчетной золотой казны по надобью,
Не ходи только ко князю на почестен пир».
90 И не послушал Добрыня родной маменьки.
Как пошел-то он ко князю на почестен пир
И заходит-то во те ли гридни светлыи,
Во столовы светлыи горницы,
Крест ведет да по-писаному,

95 А поклон ведет да по-ученому,
Сам клонитсε на вси на три сторонушки,
Князю-солнышку ведь он в особину.
И проводили тут гостя в место большее,
В место большее да место лучшее,
100 Как садили гостя за дубов за стол,
Подносили гостю чару зелена вина.
Уж как стал князь по горенки похаживать,
Стал-от желтыма кудеркамы потряхивать.
«На кого мне наложить бы служебка не малая,
105 Мни не малая служебка, великая?
Кто ли съездит на тую гору Сорочинскую,
Ды ко тым пещерочкам змеинным,
Кто отыщет любимую племянницу,
А молоденьку Забаву дочь Путятичну?»
110 Уж как старшие туляются за средних,
А средний туляются за меньших,
А от меньших-то князю ответа нет.
И говорит же тут Вольга да таковы слова:
«Ай же князь Владимир стольно-кеевский!
115 Я ведь знаю, на кого наложить тебе служебка не малая,
А не малая ведь служебка, великая,
На того ли на Добрыню на Никитинца.
Он вчерась-то день билсе со змеею, рателся,
Называласи змия сестрой меньшей,
120 Называла ведь Добрыню братцом большим.
Он выпросит у змей у великия,
Он без бою, без драки, без кроволития».
И говорил-то тут ведь князь да таковы слова:
«И уж как ай же ты, Добрынюшка Никитинец млад!
125 Поезжай-ко на ту гору Сорочинскую,
Ты отыскивай молоденьку племянницу,
А не отыщешь ты любимоей племянницы —
Прикажу тебе, Добрыня, голову рубить».
Закручинился Добрыня, а й запечалился
130 Да подошел ко палатам белокаменным
Он ко своей ко родители ко маменьки,
И да садился он да ко столу дубовому,
Он склонил он свои очи ясные
Низко-понизку о кирпичной пол,
135 Да сидит, ни словечком не промолвится.
Подходила к нему старая старушенька,
Стала молодца Добрынюшку выспрашивать,
Стала молодца Добрынюшку выведывать:
«Уж ты мое цядоцько ты любимое,
140 Уж ты дитятку Добрынюшка Никитич млад».
Дак сидит, ни словечком не промолвится.
Подходила к нему старая старушенька,

Стала молодца Добрыньюшку выспрашивать,
Стала молодца Добрыньюшку выведывать:
145 «Уж как ай же мое цядоцько-то любимое,
Уж ты дитятко Добрыньюшка Никитич млад,
И ты скажи.....¹
Уж как место тебе в цару было не почато²,
Али чарочкой тебя уж там пообнесли,
150 Али пьяница-дурак тебя пообозвал?»
И говорит-то тут Добрыньюшка Никитич млад:
«Уж как место-то в цару мне было почато,
Уж как чарочкой меня не обнесли,
И пьяница-дурак меня не обозвал,
155 А наложил мни ведь служебку не малую,
А не малую ведь служебку, великую:
Надо съездить на ту гору Сорочинскую,
Да ко тым-то ко печорочкам змеинным,
Отыскать-то княженецкую племянницу,
160 А молоденыку Забавушку Путятичну».
И говорила тут Добрыни добра маменька:
«Уж как богу-то молись да спать ложись,
А ведь утро мудро, а ведь день будет прибыточне.
Уж как есть ведь у нас дедков конь,
165 Во назьму стоит да призарошенный».
И уж Добрыня богу молилсе и спать ложилсе.
Как поутрышку вставал он ранешенько,
Умывалсе он водою побелешенько,
Утиралсе полотенцем он посушешенько.
170 И уж как шел-то он ды на стоялой двор,
Уж как дверь-то он оттудова повыломал,
Уж как дедкова коня-то повытащил,
Уж как стал да и уседливать:
Кладывал еще подпруги крепкия,
175 Как не ради красы-басы да молодецкой,
Только гля-ради укрепы богатырской,
Чтобы добрый конь с-под седелышка не выскочил,
Добра молодца в чистом поли не выронил.
И подходила к нему старая старушенька,
180 И отправляла его старая старушенька,
И она в дальную дорожку распечальнную,
Да й в угрюмую она да страховитую,
И уж как дала Добрыни на поезде родна маменька,
Дала плетоцьку Добрыньюшки семи шелков.
185 «И как приедешь на ту гору Сорочинскую,

¹ Здесь в рукописи пропуск.

² Очевидно, сказительница спутала: «место в пиру не почато» (т. е. не-почетное).

- И да обрала ведь всю-то кровь поганую.
 И как пошел-то тут Добрынушка Микитиць млад,
 И как пошел-то ко пещерушкам змеиним:
 235 Там задернуто заслонами ведь медными,
 И там ведь подперто подпорьями железными.
 И он железныя подпоры прощь откидывал,
 И уж он медные отпоры прощь отдергивал,
 И заходил он во пещерушки змеинии.
 240 И там уж несколько сидит царей-царевичей,
 И там уж несколько сидит князей-князевичей,
 И там уж сильных могучих богатырей,
 И ведь прочеей-то силы так и сметы нет.
 «И уж как подьте вы-то вси, цари-царевицы,
 245 И уж вы подьте-ка-то вси, князи-князевицы,
 И вы, сильныи могущии богатыри,
 И уж как ходите вы да вси на вольню волюшку,
 По своим по сторонам да по своим домам».
 И уж как брал да он Забавушку Путятицу.
 250 «И уж как ай же ты, Забавушка Путятица!
 Из-за тебя я ездил нуньку, странствовал,
 Из-за тебя я со змеей ратиуся,
 Из-за тебя я пролиу кровь поганую».
 И как садиуся-то ведь он тут да на добра коня,
 255 И как повез-то ю ко князю ко Владимиру.
 И уж как князь его-то и на сенях ждет.
 «И уж как ай же ты, Добрынушка Микитиць млад!
 За твою за служебку не малую,
 Как не малую да и великую
 260 И ты торгуй теперь у нас во Кееви
 Веки-пбвеку да веки до веку».
 И уж как тут про Добрыню старину поют
 Морю тихому на утешеньице,
 Всем вам, добрым людям, на послушаньице.

17. КОВЁР ЕДИНОВИЧ

(Ставр Годинович)

- Как во славноем во городи во Кееви,
 Да у ласкового князя у Владимира
 Начинался пир да на двенадцать дней.
 И аще вси да на пиру да наедалиси,
 5 И аще вси да на пиру да напивалиси,
 И аще вси да на пиру да й поросхвастались.
 Умной хвастает отцём и матушкой,
 А безумной хвастает молодой женой.
 Кто ли хвастает именiem-богачесъвом,
 10 Кто ли хвастает своим добрым конем,

- Кто ли хвастает бессчетной золотой казнью.
«И уж как что же ты, Ковёр Единовиць,
И ты сидишь-таки, ничим не хвастаешь?»
«Ой мни нечем против вас-таки похвастати:
- 15 И мни похвастать не похвастать отцом-матушкой —
И как отца-то и матушки в живых их нет.
И мни похвастать не похвастать золотой казнью —
И золотой-то ведь казны да й у меня здесь нет.
И мни похвастать как имением-богачесъвом —
- 20 И как имения-богачесъва у нас зди нет.
И мни похвастать не похвастать молодой жоной,
Молодой жоной Настасьей-королевицьной —
И она всих-то вас продаст и выкупит,
И тебя-то князя-солнышка с ума сведет».
- 25 Как уж это слово князю не в любовь пришло.
«Ах вы подьте-ко, мои да слуги верные,
И вы тащите-ко Ковра да в место крепкое,
Не на много не на мало — ровно на шесть лет».
И подхватили тут уж скоро слуги верные,
- 30 И кладывали ведь его да в место крепкое,
Не на много не на мало — ровно на шесть лет.
И как прознала тут Настасья-королевична,
Стала с горенки во горенку похаживать,
Стала женскими кудёрками потряхивать
- 35 И стала белыми руками-то размахивать.
«И мне деньгами-то мни стать — его не выкупить,
И мне людьми-то ведь стать — его не выпросить.
Буде выкуплю — уж я не выкуплю,
Буде выпрошу — уж я ль не выпрошу,
- 40 Только своей я уж женской догадоцкой.
И вы бежите-ко, мои да слуги верные,
И вы несите мужни светлы платьица,
И отсекайте-ко вы желтые кудёрышка.
Уж как наш-то ведь Ковёр Единович,
- 45 И он засажоной-то в место крепкое,
Не на много не на мало — ровно на шесть лет.
И я поеду от собаки Калина
И уж я сватать княженецкую племянницу».
И прибежали тут уж скоро слуги верные,
- 50 И принесли-то мужни светлы платьица,
И отсекли-то у ней желтые кудёрышка.

(*А дальше-то не помню. Только помню, что мужа выручила. Достала отсюль. Аще помню:)*)

Племянница говорила:

«Не умной ты, дядюшка,
И не разумной ты, мой дядюшка,
55 Хочешь девицу отдать ведь ты за девицу.

Походочка у нее естья женская,
Пальчики есте женские».
«Я пойду аще посла да попроведаю».

- Вывел ю с борьцами,
- 60 Она в руку трех и в другу трех,
И седьмого наддатком.
Потом дядя и не стау ю спрашивать,
А стал просватывать.
Пошел тут у их веселой пир.
65 Последней день посол не весел стау.
«Что же ты не весел стау?»
«Дайте мне загусельщик».«Ну а дядя говорит:
«Не дать косла¹ — так разгневить посла».

Ну а тут она взяла как-то мужа и поехали. Раскинули шатры
в поле и стали отдыхать. А она али ён сказали:

- 70 «Не честь-хвала нам молодецкая,
Когда мы молча уехали со города со Киева».
Ну и оны вернулись взад.
Тут ему и сказал князь Владимир стольне-киевский:
«Уж как ай же ты, Ковёр Единович,
75 Уж как знал ты похвастать молодой женой,
Молодой женой Настасьей-королевичной,
И она всих-то нас уж продала и выкупила,
И меня-то уж она да й с ума свела.
Ты торгуй теперь у нас да й во Кееви
80 Веки-повеку да и век довеки.

18. ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Как не белая ль береза нагибается —
Сын со родною со маменькой прощаетсѧ,
И с честной вдовой Меуфой Тимофеевной:
«Уж как дай-ко, дай, родитель моя маменька,
5 Дай прощенъице мне-ка, благословленъице,
Уж как съездить мне-ка, Дюкушку, во Кеев-град,
Поглядеть-то мне-ка князя со княгиною.
Как везди-то я уж Дюк побывал,
Не бывал уж я только во Кееви,
10 Не видал-то я уж князя со княгиною».
«И как не дам теби прощенъица ведь я,

благословленъица,

Уж как ехать теби, Дюкушко, во Кеев-град.
Как до Кеева заставы великии,
Первой заставой есть горы потолкучии,

¹ «Так слышала» (примеч. сказительницы). Очевидно, Ковра.

- 15 Другой заставой есть птицы поклевучии,
Третья застава есть змеи поедучин».
«И уж как этим ты меня да не уграживай,
Уж как дашь прощеныице — поеду я,
И не дашь прощеныице — поеду я».
- 20 «Уродилось мое дитятко заносливо,
Ты заносливо, Дюкушко, захвастливо.
Уж ты хвастаешь да животинками сиротскими,
Ты сиротскими да и вдовиными,
А во Кееви есть люди-то лукавыи,
- 25 Изведут тя, Дюк, ведь не за денежку».
И как пошел Дюк уж на стоялой двор,
Выбирал-то самолучших жеребчиков,
И как седлау-то он да уседльвал,
Кладывал-то он подпруги крепкии
- 30 Как не ради красы-басы да молодецкой,
Только гля-ради укрепы богатырской.
Выводил коня с двора да со стоялого,
Привязал коня к столбу да й ко точеному,
А й к кольцу-то он да к золоченому,
- 35 Отошел-то он и прочь, и вси дивуются.
«Ах ты, мой ли ты конь али лютой зверь?»
Только вид'ли оны молодца ведь сядучи,
А й не вид'ли оны молодца поедучи.
Как поехал ведь боярин Дюк Степанович,
- 40 Положил-то он заветы крепкие:
Что ведь дома-то стоять заутреню,
А во Кеев-град поспеть надоть к обеденки.
Перва застава приходит а й великая:
Пришли горушки-то потолкучи,
- 45 Только горушки растоунулись — не стоунулись,
Всё ли Бурушка-Кавурушка проскакивал,
Уж он маленький косматенький провёртывал,
Берега-то вси озёра промеж ног спускал,
С горы на гору да с холмы на холму.
- 50 И другой застава приходит да й великая:
Пришли птиценьки-то тут да й поклевучии,
Не успели птицы крыльшков расправливати,
Всё ли Бурушка-Ковурушка проскакивал,
Все ли маленький косматенький провёртывал,
- 55 Берега-то вси озера промеж ног спускал,
С горы на гору да й с холма на холму.
Третья застава приходит да й великая:
И пришли змеи-то ведь тут да й поедучии,
И не успели змеи хобутов расправити,
- 60 Всё ли Бурушка-Ковурушко проскакивал,
Всё ли маленький косматенький провёртывал,
Берега-то вси озёра промеж ног спускал,

- С горы на гору да с холмы па холму.
И как приехал тут боярин Дюк Степанович,
65 И он во Кеев-град на княженецкой двор,
Привязал коня к столбу да й ко точеному,
Да й к кольцу-то он коня да й к золоченому,
И проходил-то он во тын гридни светлыи,
Во столовый во новыи во горницы.
- 70 И он уж крест ведет уж там да по-писаному,
А поклон ведет да он уж по-ученому,
Он клонится на вси на три на сторонушки,
Князю-солнышку он клонитсе в особину.
«И ах ты здравствуй, наш ведь ты ли рукомойница!»¹
- 75 «И ты ай же ты, захлопина боярская,
Запитуха ты ведь есте деревеньская!
И княженецкую жену ты называешь рукомойницей!»
«И этым, князь, ты на меня да й не прогневайся,
Говорили, Кеев-град в чести, в добри,
- 80 А во Кееви-то все ведь не по-нашему.
Как во нашей во Инди во богатоей,
Да во той во Галици проклятоей,
Как у моей у родители у маменьки
В этих платьях ходят рукомойницы.
- 85 Уж как где же князь Владимир стольно-кеевский?»
«А уж князь-то ведь Владимир к обедни ушел».
Он скорее тут назад и поворот держал,
Проходил во ту ю церковь божию.
Уж он крест ведет ведь там да по-писаному,
- 90 А поклон ведет ведь он да по-ученому,
Он клонится на вси на три на сторонушки,
Князю-солнышку он клонитсе в особицу.
Он пошел по церкви божии,
Он не только по святым поглядывал,
- 95 Колько с ноженьки на ноженьку й выступливал,
Колько с плеченька на плеченько посмотривал.
И отошла-то тут ведь ранняя обеденка.
Подходил к нему тут князь Владимир стольне-киевский,
И подходил к нему Самсонушко Самойловиць,
- 100 Стали молодца тут Дюкушка высрашиват:
«Ты с коей земли да й с какой орды,
Коего отца да коей матушки?»
«И уж как есть я со Инди со богатоей,
Да со той со Галици проклятоей,
- 105 И от честной вдовы Меуфы Тимофеевной.
Уж как дома я стояу заутрену,
А во Кеев-град поспел к обеденки,
Ехай прямую дорожкой прямоезжею».

¹ Дюк обращается к княгине.

И говорил-то тут Самсонушко Самойловиць:

- 110 «И во глазах-то ты, собака, надсмехаєтесь.
И он убил какого ни боярина,
И да уж снял с него да цветно платьице,
В тых он платьях ходит здесь да выхваляєтсъ».
«И этим, князь, да на меня ты не прогневайсѧ».
- 115 Говорили, Кеев-град в цести, в добри,
А во Кееви-то все да не по-нашему.
Как во нашей Иди во богатоей,
Да во той во Галици проклятоей,
Как у мбей у родители у маменьки
- 120 Принастелены мостоцики дубовыи,
Как принастланы сукнонцыки ведь бархатны,
А кладены поруценъки калиновы.
Как идешь-то ведь, сапожки уж не грязнятсе,
Оны не грязнятсе, а только чистятсе».
- 125 И как пришли оны на княженецкой двор.
И говорил-то тут боярин Дюк Степановиць:
«И уж как ай же ты, мой Бурушка-Кавурушка,
И уж ты ай же, мой ты богатырской конь,
И не хотел ты есть пшенины да белояровой,
- 130 Тут насыпано овсишко зяблое».
И проводили тут уж гостя в гридни светлыи,
Во столовый во новые во горницы,
И как садили гостей за дубов за стол.
И уж как стали гостюшка калацьки метать,
- 135 И уж как верхнюю-то короцьку на стол кладет.
И уж как нижнюю-то короцьку под стол мецёт,
А ведь мякишко-то только скушает.
И подходил к ёму Самсонушко Самойловиць:
«И уж как что же ты, боярин Дюк Степановиць,
- 140 И уж как верхнюю ты короцьку на стол кладешъ,
А ведь нижнюю ты короцьку под стол мецёшъ,
Ведь мякишко ты только скушаешь?»
И говорил уж тут боярин Дюк Степановиць:
«Этым, князь, ты на меня да не прогневайся,
- 145 Говорили, Кеев-град в цести, в добри,
А во Кееви-то все да й не по-нашему.
А во нашей Иди во богатоей,
Да во нашей да Галици проклятоей,
И как у моей у родители у маменьки
- 150 Уж как боцельки-то есте-то дубовыи,
Да й обруцельки-то есть золоцёныи,
Уж как там у на(с) и калаци месят.
И уж как пецельки-то есть изразцевыи,
И помяльышка-то есте ведь шелковыи,
- 155 Уж как там у нас и калаци пекут.
Как калацик съешь — друго хоцется,

Другой съешь — по третьем ведь душа болит,
А третей съешь — четвертой вон с ума не йдет.
А у вас-то ведь во Кееви

160 Уж как бощецьки-ты естя-ты сосновыи,
А обруцики-то есть у вас еловыи,
Уж как там у вас и калаци месят.
Уж как пеценьки у вас-то е кирьпицьныи,
А помялышка у вас-то есть сосновыи,

165 Уж как там у вас и калаци пекут».
Подносили гостю цяру зелена вина,
Половину росплескали по горенки,
А уж другу он ведь за окно вылил.
«Этым, князь, ты на меня да не прогневайся,

170 Говорили, Кеев-град в цести, в добри,
А во Кееви-то все да й не по-нашему.
Как во нашей во Инди во богатыри¹,
И как во нашей во Галици проклятоей,
И как у моей у родители у маменьки

175 Уж как бощецьки-то есте тут дубовыи,
А обруцики ведь есть да й золоцёныи,
Уж как там у нас да й вина держатся,
Цяру выпьешь — губоньки слипаются,
Другу выпьешь — ведь по третьей-то душа болит,

180 Третью выпьешь — а четверта вон с ума не йдет.
А не так-то, как у вас во Кееви,
Естя бощецьки у вас ды ведь сосновыи,
А обруцики да есть ведь тут яловыи,
Уж как там у вас и вина дёржатсе».

185 И говорит уж тут Самсонушко Самойловиць:
«И уж как ай же ты, боярин Дюк Степановиць,
И уж как станем битьсе об велик заклад,
Об великий заклад да на три годицька,
Чтобы ходить да нам с тобой во церковь божию

190 И как держать да нам с тобой да цветно платьице,
Чтобы лучше и того и цвету не было».
И как побились со свет Самсоном о велик заклад,
Об великий заклад да й на три годицька.
«И как ходить-то нам с тобой во церковь божию,

195 Чтобы кажен день было да платье сменное,
Платье сменное, да платье цветное,
Чтобы лучше и того и цвету не было».
Он садился как ко столицьку дубовому,
И он писал да скоропивчатую грамотку

200 И он ко своей ко родители ко маменьки:

¹ Очевидно, «во богатоей».

«И уж мы бьемся ведь с Самсоном о велик заклад,
О велик заклад да й на три годицька,
И нам ходить-то во церковь божию,
И чтобы кажен день было да платье сменное,

- 205 Платье сменное, да й платье цветное,
Чтобы лучше и того и цвету не было».
И уж как шел-то он на княженецкой двор,
И заседлал-то он уж Бурушка-Кавурушка,
И заседлал он скоропивчатую грамотку.
- 210 «И уж как ай же ты, мой Бурушка-Кавурушка,
И уж как ай же, мой ты богатырской конь,
И ты бежи-тко ко любимым ко конюхам,
И зарычи-тко ты да там да ясным ясаком,
Ясным ясаком да й ясным соколом».
- 215 И прибежал-то тут как Бурушка-Кавурушка
И он ко своим ко любимым ко конюхам,
Зарычал-то он ведь тут да ясным ясаком,
Ясным ясаком да й ясным соколом.
И как услышала ведь Меуфа Тимофеевна,

Тут-то она и сказала, что решиу, верно, свою младую голо-
вушку.

- 220 И она стала скоро Бурушку расседливать,
И увидала скоропивчатую грамотку,
Она скоро взяла ю, прочитала, распечатала.
«И уж как подьте-ко, мои да слуги верные,
И вы кормите-ко коня да й скоро-наскоро,
- 225 Скоро-наскоро да й сыто-насыто».
А сама-то взяла золоты ключи
И да й пошла ему одежици налаживать.

(Эти былины про Добрыню да про Дюка мне-ко пондравились,
как тут рассказывается, как мать-то любит своих сыновей. Как
одна сижу за ставом да зáпою, даk все вóплю.)

Она сложила всю одёжу драгоценную,
Заседлала Бурушка-Кавурушка.

- 230 «И как бежи-тко, мой ты Бурушка-Кавурушка,
И ты бежи-тко нунь на княженецкой двор».
И побежал-то тут уж Бурушка-Кавурушка
И он ведь прямо-то во Кеев-град на княженецкой двор,
И зарычал-то он ведь там да й ясны(м) ясаком,
- 235 Ясным ясаком да й ясным соколом.
И как услышал ведь боярин Дюк Степановиць,
И расседлау-то он ведь Бурушка-Кавурушка,
И вынимал-то он одёжу драгоценную.
И уж как стал ходить боярин Дюк Степановиць,

- ²⁴⁰ И уж как стал ходить во церковь божию с Самсонушкой
Самойловым.
 И как не может перефорсить Самсон Самойловицъ
 Как того ли Дюка да Степанова.
 И как по третей год да й по последней день
 И как идти-то надо им во церковь божию.
(У которого будет одежда-то лучше. Тут я скажу.)
- ²⁴⁵ У Дюка было: по косицям часты звездоцьки,
 Во лби красно солнышко,
 Назади светел месяц.
 Поглядеу князь Вл(адимир) на Самсонушко Самойлова:
 У Самсонушко Самойлова
- ²⁵⁰ Одежа на себи да драгоценная,
 Сапоженьки на ноженьках сафьяновы.
 Как глянул тут князь Владимир стольне-киевский,
 Как зглянул он на Самсонушко Самойлова.
²⁵⁵ «Перефорсил тебя боярин Дюк Степановичъ,
 Перефорсил тебя, Самсонушко Самойловицъ».
 И как зглянул-то он на Дюкушка Степанова,
(Как одежда драгоценная — и не спомнишь, что и есть.)
- Подходиу к ему опять боярин Дюк Степановичъ.
 «И уж как станем бить о велик заклад,
 О велик заклад да й о буйных головах».
- ²⁶⁰ И говорил-ты тут боярин Дюк Степановичъ:
 «Теби просто со мной биться о велик заклад,
 О велик заклад да й о буйных головах:
 Уж как сам-то ты да есте прй доми,
 Ды ведь конь-то у тебя да естя при доми,
- ²⁶⁵ А у меня хлеба, что в брюхи,
 Платья, что на сиби».
 Ну, побились с Самсоном о велик заклад,
 О велик заклад о буйных головах.
 Стали вси съезжатьс(е) к Пучай-реки,
- ²⁷⁰ Вси князья и вси бояра,
 Вси сильныи могучии богатыри.
 Говорит Самсонушко Самойловичъ:
 «Поезжай-ко ты, боярин Дюк Степановичъ».
- ²⁷⁵ Говорил боярин Дюк Степановичъ:
 «Это ты удумал биться о велик заклад,
 О велик заклад о буйных головах,
 Тебе и ехати».
 Поехал Самсонушко коня обганивать,
 Обганивать, обхлыстывать.
- ²⁸⁰ А боярин Дюк Степановичъ
 Прямо с крута да с бережка
 А Самсонушко Самойловичъ

Прямо посередь сел на Пучай-реки.

А боярин Дюк Степанович

285 Скорее назад и поворот держау.

Подъехау, захватиу за волосы

И скорее на берег и вытащиу.

Говориу боярин Дюк Степанович:

«Ай же князь Владимир стольне-киевский,

290 Нам которому с Самсоном голова рубить?»

Стали Дюкушка упрашивать,

Стали Дюкушка умаливать:

«Ты оставь-ка нам Самсонушка на сёмена,

Не с тобою, Дюк, уж биться об велик заклад,

295 А с кеевскими бабами».

Говориу-то князь Владимир стольне-киевский:

«Уж какой-то богатырь наехау Дюк Степановиць,

Что нё мочи его ничим уштрафити?

А поедемте-ко его животов описывать».

Выбрали трех человек, кого, не помню, взяли бумаги на три года.

300 Говорил боярин Дюк Степанович:

«Съедете, так кланяйтесь моей маменьке Меуфе Тимофе-
войной». Тут как они подъехали, да как Галиця-то блеснула,
тут уж не помню.

Как зашли оны,

(*Не помню, куды*)

Крест ведут да по-писаному,

А поклон да по-ученому,

305 Клоняятся на вси на три на сторонушки,

А Дюковой матушки в особину.

«Ай уж ты здравствуешь ли, Дюкова ли матушка!»

«Я не Дюкова есть матушка,

А я Дюкова есть рукомойница».

310 Аще дальше прошли,

Крест ведут да по-писаному,

Поклон ведут да по-ученому,

Дюковой матушки в особину.

«Здравствуешь ты, Дюкова матушка!»

315 «А я не Дюкова есть матушка,

А я Дюкова есть стольница».

Они аще прошли дальше,

Крест ведут да по-писаному,

Поклон ведут да по-ученому,

320 Клоняются на вси на три на сторонушки,

А Дюковой матушки в особицу.

«Уж ты здравствуешь ли, Дюкова ли матушка!»

«А я не Дюкова естя матушка,
А я Дюкова естя судомойница.

325 Понарасно зде не ходите-ко,
Спин да не ломайте-ко.

Этто много есть Дюковых прислуг вам ходить,
А Дюкова матушка к обедни ушла.

Подите к церкви божией да постойте в сторонки,

330 Пойдут лопатники, за лопатниками метельники,
А за метельниками постельники,
А потом пойдут красны девушки дорожку настилают,
А потом пойдет Дюкова матушка».
Вот повели Дюкову матушку.

335 Идет, вся в злати, вся в серебри,
Вся в скатном мелком жемчуге,
По косицям часты звездочки,
Во уби красно солнышко,
А назади светеу месяц.

340 «Здравствуй, Дюкова матушка!
Тебе сын да низко кланяуся,
А мы приехали ваших животов описывать».
«Здравствуйте, молодчики проезжие!
А вам не долго наши сиротски животы описывать».

345 Брала к себе молодчиков прохожиих,
Садила за стола дубовые,
Стали оны калачки метать:
Как калачик-то съедят — другого хочется,
Другой съедят — по третьему душа болит,

350 Третьей съедят — четвертой вон с ума не йдет.
Подносила им по чары зелена вина.
Перву выпьют — губоньки слипаются,
По другой выпьют — по третьей и душа болит,
По третьей выпьют — четверта вон с ума не йдет.

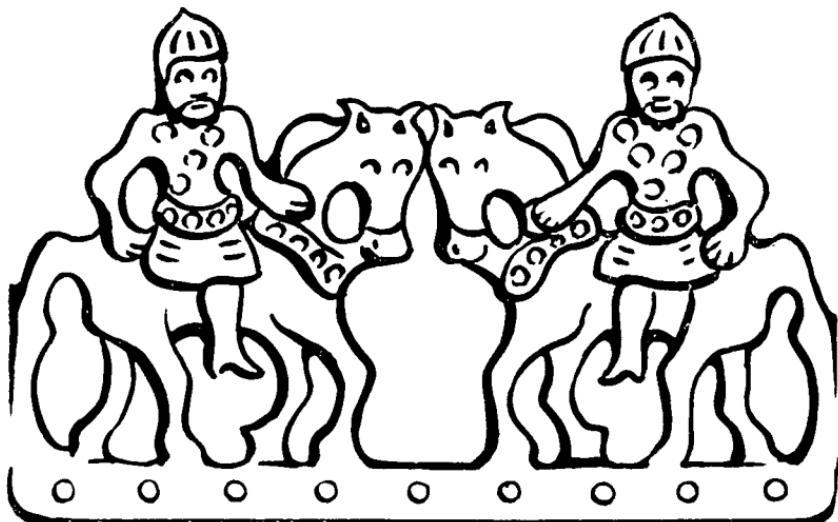
355 Повела она во конюшенку жеребцов показывать.
Не могли оны глазамы повысмекать,
А не только повыписать.
Потом завела в погреба одежду показывать.
Так не могли глазамы повысмекать,

360 А не только повыписать.
Сказали молодчики прохожие:
«Этто нам Дюкова живота описывать,
Так надо свой век коротать».
Сказала Дюкова матушка:

365 «На бумагу кладите весъ Кеев-град,
Весь Кеев-град да й весь Чернигов-град,
А (по)том-то приезжайте наши сироцьки животы
описывать».

- Приехали молодчики, говорят князю:
«Если нам Дюковы животы описывать,
³⁷⁰ Так надо весь свой век коротать там».
Напоследи-то ведь сказала Дюкова матушка:
«На бумагу-то кладите весь Кеев-град,
Весь Кеев-град да й весь Чернигов-град,
Уж вы тож-то едте животов описывать».
- ³⁷⁵ И уж как тут ли про Дюка старину поют
Морю тихому на утешеньице,
Всем нам добрыим людям на послушеньице.

ПУДОЖ



СТЕПАНИДА ЯКОВЛЕВНА ЕГОРОВА

Сведений о Степаниде Яковлевне сохранилось немного. Известно, что родилась она в 1892 году в д. Малая Пога (нын. д. Кевялсалми) Пудожского района, грамотная. «Старинам научилась у свекрови; когда была жива, рассказывала моим детям, от нее научилась и я» (Парил.— Сойм., с. 432). Большая занятость С. Я. Егоровой в хозяйстве мешала ей закрепить свои знания былин и расширить их (Парил.— Сойм., с. 40).

О сказительнице см.: Парил.— Сойм., с. 432 (автобиография).

19. ПРО ОНИКУ-ВОИНА

Жил Оника-воин триста тридцать единое лето.
Поезжал Оника-воин ко начальному граду Ерусалиму,
Хотел Оника-воин божью церьковь разорить,
Из которой божьей церькви дым-ладан не выходит.

(*Там уж, наверно, постоянно служба шла.*)

- 5 Едет по пути по дороги,
Попадается ему чудное чудо и дивное диво:
Тулово зверино, ноги лошадины,
Голова целовецья, власа женьские до поясá.
Устрашился Оника-воин,
- 10 Занес свою палицу железну и спрашивает:
«Кто ты есть?
Славный ли могучий богáтырь
Или поленица ты есть уда́ла?»
Отвечает ему чудное чудо:
- 15 «Я не славный могучий богатырь,
И не поленица я есть удала,
Я есть горькая смерть прекрасна,
Иду поморить Онику-воина».
Тут Оника-воин спугался,
- 20 И смолился он смерти прекрасной:
«Ой же ты, смерть прекрасна!
Дай мне строку на три года».

Отвечает ему смерть прекрасна:
«Не дам тебе строку и на три недели».

- 25 И стал просить Оника-воин:
«Дай мне строку на три дня и на три ночи:
Мне домой воротиться
И с отцом-матерью проститься,
Раздать свой живот по церьквам, монастырям».
- ⁰ Отвечает ему смерть прекрасна:
«Не дам тебе строку ни на одну минуту
С отцом-матерью проститься
И раздать твой живот по церьквам, по монастырям.
Твой живот не пра́вой,
35 Твой живот кровавой,
И польза твоей души не будет».
В ту минуту зашатался Оника-воин
И пал на сырую землю.
Тут ему и славу поют.

АНАСТАСИЯ ЯКОВЛЕВНА МАЛЫШЕВА

Анастасия Яковлевна Малышева родом из д. Семеново Пудожского района. В момент записи (февраль 1938 г.) ей было 30 лет¹. Грамотная. Былинам А. Я. Малышева научилась от своей бабушки — Н. Р. Мироновой, которая передала свое знание П. Е. Миронову, односельчанину Анастасии Яковлевны (см. о нем у Сок.— Чич., с. 322). К сожалению, от Малышевой не записано тех былин, которые пел П. Е. Миронов, таким образом, нет возможности сопоставить их тексты.

О сказительнице см. заметку в сб. «Онежские былины» (Сок.— Чич., с. 340).

20. СОЛОВЕЙ ГУДИМИРОВИЧ

Ой вышла река широка-глубока,
В сторону она до Нова-города,
В другую она до Ерусалима.
По этой по реченьки

- 5 Шли три кораблика златоверхий:
Вершечка с вершечка свивались,
Добры люди дивовались,
Веночки с веночками слипались.
- На первом корабле сидит сам Соловей сын Гудимирович,
- 10 На другоем корабле его матушка,
На третьем корабле дружинушка,
А дружинушка есте хоробрыя,
Тридцать три молодца, все одинакие.
- Говорит тут сам Соловей сын Гудимирович:
- 15 «Ай же ты, дружина е хоробра,
Тридцать три молодца, все одинакие,
Берите вы щупы железные,
Щупайте во Волге-реки в широки-глубоки:
- Нет ли где ни луды да ни камени,
- 20 Где меленькой примолы-перемельчены,

¹ У Сок.— Чич. возраст другой — в 1928 г. сказительнице было 35 лет.

Подъехать нам ко городу ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Ко той ко пристани корабельной».

Слушалась дружинушка хоробрая,

25 Брала ёна щупы железные,
Щупала, смотрела по Волге-реке:
Нет нигде ни луда, ни каменя,
Ни меленькой немолы-перемельчены.
Подъехали ко городу ко Киеву,

30 Ко ласковому князю ко Владимиру.
Говорит тут сам Соловей сын Гудимирович:
«Ой же ты, дружина е хоробрая,
Берите-ко подносы золоченые,
Полагайте по камешку, по яхонту,
По яфонту по самоцветному,
Подите-ко во город во Киев-град,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Крест кладовайте по-писаному,
А поклон несите по-ученому.

40 Дарите-ко подарочки нелегкие,
Просите-ко вы mestечко немножечко
На той ли на горочки на Яфонты,
Где пёроги пекут, где блины продают,
Где маленьки ребята баращничают».

45 Говорит тут Соловей Гудимирович:
«Ай же ты, дружина есть хоробрая,
Берите-ко топорики булатные».
Говорит Владимир-князь:

«Не надо мне подарочеков нелегких,
50 Берите место, сколько надобно.
Срубите на той ли на горочке на Яфонты
Три терема златоверхии,
Чтобы вершечки с вершечками сплеталися,
Чтобы веночки с веноцками свивались,

55 Что(бы) добрые люди дивовалися».

Говорит тут Елена таковы слова:
«Вчера было на горочке пустым-пусто,
А сегодня на горочке густым-густо.
Уж вы, няньки, служанки мои верные,

60 Обувайте башмачки сафьяновы,
Одевайте платья самоцветные,
Пойдемте на горочку на Яфонту, где пероги пекут».
Пошла тут Еленушка во терем златоверхий.

65 Тридцать три молодца одинакие,
В другом тереме его матушка Настасья дочь Софиевна,
В третьем тереме сам Соловей сын Гудимирович.

Поклон несла понизешенько.

- Сидели тут ёны трое суточки,
 70 Показалось ему три минуточки.
 Говорит тут Елена таковы слова:
 «Уж ты, Соловей сын Гудимирович,
 Бери ты меня за белы руки,
 За белы руки, за златы перстни,
 75 Пойдем мы с тобой во божью церковь,
 Примем мы с тобой законный брак».
 Говорит тут Соловей таковы слова:
 «Всем ты мне невеста есть по разуму,
 А одним ты мне не пондравилась,
 80 Что сама себя, Елена, ты просватала».

(Не взял.)

21. СТАРИНА ПРО УДАЛОГО МОЛОДЦА (Молодец и королевична)

- Король-то молодца крепко возлюбил, многим жаловал.
 «Не ходи-ко, молодец, по честным пирам».
 Короля молодец не послушался,
 Взял ён допьяна вина накушался,
 5 Еще пьян молодец порасхвастался:
 «Уж я днем служу королю Литовскому
 Верой-правдою, слугом верною,
 Ночью спать хожу к душечке королевичне».
 Как стемнел король, как есть темна ночь,
 10 А сревел тут грозный, как есть лютый зверь:
 «Уж вы, пановья, вы, улановья,
 Вы, борзы поганые татаровья,
 Вы берите подлеца за белы руки да за златы персты,
 А ведите его во чисто поле,
 15 А срубите там ему буйну голову
 И представьте саблю кровавую
 Против этих окошек против царских,
 Против тых палат белокаменных».
 Говорит тут молодец таковы слова:
 20 «Уж вы, пановья, вы, улановья,
 Вы, борзы поганые татаровья,
 А ведите-ка меня по той улице,
 Где живет душа Елена-королевична».
 Занграл тут молодец в гусельшки яровчаты,
 25 Еще бросилась Елена по поясу в окошечко.
 Говорит тут Елена таковы слова:
 «Уж вы, пановья, (вы, улановья,
 Вы, борзы поганые татаровья)¹,

¹ В рукописи после «пановья» следует «и т. д.», то есть строки повторяются.

- Вы берите за его денег сто рублей,
30 Еще мало вам того — целу тысячу».
Палачи на деньги не уконулись,
А свели тут молодца во чисто поле,
А срубили там ему буйну голову
И представили саблю кровавую
35 Против тых окошек против царских,
Против тых палат белокаменных.
Говорит тут Елена таковы слова:
«Уж вы, пановья, вы, улановья,
Вы, борзы (поганые татаровья)¹,
40 Уж вы, няньки, служанки мои верные,
Омывайте-ка меня побелешенько,
Одёвайте-ка меня поскорешенько».
А брала тут Елена саблю вострую,
А сошла ёна во чисто поле,
45 А срубила там себе буйную голову,
А представила саблю кровавую
Против тых окошек против царских,
Против тых палат белокаменных.
«Где пала головушка гусиная,
50 Тут падет головка белой лебеди,
Пусть проклятый князь глаза выпучит».

¹ В рукописи сделано сокращение: записано только начало строки.

АННА МИХАЙЛОВНА ПАШКОВА

Анна Михайловна Пашкова принадлежит к числу прекрасных знатоков не только былин, но и притчаний, песен. Родилась она в 1866 г. в д. Ярчево Пудожского района. После замужества переселилась в д. Семеново, с 1933 г. жила в г. Петрозаводске. Грамотная. Былина переняла в основном до замужества от тетки — Ксении, старика из д. Ярчево.— Ильи Зубова и от Абросима Куплянского.

Об А. М. Пашковой написано много и как о сказительнице, и как о плакальщице. См.: Михайлов М. М. Анна Михайловна Пашкова.— Карелия (Альманах Союза писателей Карелии), кн. 6. Петрозаводск, 1940, с. 109; Русские плачи Карелии. Подготовка текстов и примечания М. М. Михайлова. Статьи Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова. Петрозаводск, 1940, с. 53—56; Парил.— Сойм., с. 61—62 (автобиография), с. 22—27 (характеристика манеры исполнения); Избранные притчания. Подготовка текста и вступ. статья В. Г. Базанова. Петрозаводск, 1945, с. 101—104.

22. САДКО ҚУПЕЦ БОГАТЫЙ

Как во том во славном Нове-городе
Жил Садко-купец богатый гость.
Прежде у Садко ничего не было,
Только были гусельшка яровчата.
5 Он ходил по пирам да по гостебищам
И играл в гусельшка яровчата,
Тем кормил он свою голову,
Тем кормил он свою матушку.
Садко день не зовут на почестный пир,
10 И другой не зовут на почестный пир,
А на третий день Садко соскучиуся.
Он берет гусельшка яровчата,
И пошел он к Ильмень-озеру.
И садился Садко на сер-горюч камéнь.
15 И начал он струночки натягивать,

- Начал по струночкам поваживать,
На своих гусельшках наигрывать.
Тута в озери волна сходиласи,
Со песком вода смутиласи.
- 20 Испугался Садко новгородский гость,
Убежал ко славно Нову-городу.
Садко день не зовут на почестный пир,
И другой не зовут на почестный пир,
А на третей день Садко соскучиуся.
- 25 Он берет гусельшки яровчаты,
Идет Садко к Ильмень-озеру,
И садится Садко на сер-горюч камень.
Стал он струночки свои натягивать,
Стал по струночкам Садко поваживать,
- 30 На гусельшках яровчатых наигрывать.
Ильмень-озеро да сбушевалоси,
Волна сильная да в озери сходиласи,
Со песком вода да помутиласи.
Устрашился Садко, испугался он,
- 35 Схватил гусельшка яровчаты
И убежал ко славну Нову-городу.
И Садко день не зовут на почестный пир,
И другой не зовут на почестный пир,
А на третей день Садко соскучиуся.
- 40 Он берет гусельшка яровчаты,
И приходит он да к Ильмень-озеру,
И садится Садко на сер-горюч камень.
Начал струночки он натягивать
И по струночкам начал поваживать,
- 45 На гусельшках яровчатых наигрывать.
Ильмень-озеро да сволновалоси,
Тут не спугался Садко новгородский гость.
Из того из озера из Ильменя
Выходит царь морской.
- 50 «А здравствуешь, удалой доброй молодец,
Молодой ты Садко новгородский гость!
Хорошо играешь ты в гусельшки яровчаты,
А потешь-ко ты царя морского —
За твою работушку
- 55 Я в долгу перед тобой да не остануси,
Не остануси, порассчитаюси.
Ты бери-тко, Садко, много золота,
Много золота да чиста серебра.
От меня да ты счастлив будёшь.
- 60 А если этот подарок не пондравится,
Ты иди-тко во славный Нов-город,
Собери-тко купцов новгородских
И побейся с ними о велик заклад:

- Ты поставь-ка гим да свою буйну голову,
65 А с гих сторонушки проси лавки товара красного.
Ты о том побейся о велик заклад,
Что во этом ли да в Ильмень-озери
Естя рыбушка да золоты перья.
Когда побьешься ты о велик заклад,
70 Ты бери невода да шелковыи,
Ты закинь-ко тоньку в Ильмень-озери,
Дам я тебе рыбку золоты перья.
И потом закинь вторую тонечку,
Дам вторую рыбку золоты перья.
75 И закинь ты третью тонечку,
Дам я третью рыбку золоты перья».
И пошел тут Садко во славный Нов-город.
Поутру рано-ранешенько
Приглашают Садко на почестен пир
80 Поиграть в гуселышки яровчата.
Собиралися да все купцы новгородские,
На пиру все наедалися,
На честном все напивалися,
Чем-нибудь оне да похвалялися.
85 Которой хвастает отцом своим да матушкой,
Идной хвастает да молодой женой,
А купцы-то новгородские
Оны хваствают да золотой казной,
Идной хвастает своим отечеством
90 И хорошим да молодечеством.
Один Садко сидит да посмирнешенько,
Он ничем да сидит не хвастает.
Тут начали Садку подпаивать,
Начали Садку чарочки поднашивать.
95 Говорят купцы да новгородские:
«А что же ты, Садко новгородский гость,
А ничем в пиру да не похвастаешь?»
Говорит ему Садко таковы слова:
«А чем мни, бедняку, да похвастаться?
100 У меня есть именья-богачесьва —
Как одне гуселышка яровчата,
Только могу я, молодец, похвастати.
А как знаю я да чудо-чудное,
Чудо-чудное да диво-дивное:
105 Как во нашем есть да Ильмень-озери,
Есть рыбинки да золоты перья».
Говорят купцы да новгородские:
«Ты с похмелья, молодец, говоришь да таковы слова!
А мы вековы жители да новгородские
110 Да й век того не слыхано,
Да и век того не видано,

- И на басенках оно не баяно,
Никому это слово не поверится,
И никому это слово не поладится».
- 115 Говорит тут Садко новгородский гость:
«Ай же вы, купцы да новгородские,
Все воеводы новгородские!
Я могу побиться об велик заклад,
Я влагаю свою да буйну голову,
- 120 А вы, купцы да новгородские,
Полагайте лавоцьки с товарами». Тут купцы да призадумались,
А три купца повыстали,
Говорят оне да таковы слова:
- 125 «Ах ты, Садко новгородский гость,
Полагаешь ты да буйну голову,
А мы положим на свою да на сторону
По три лавочки товара красного». Тут согласилися да условились,
- 130 Всі к условию да подписалися,
Всі воеводы новгородские.
Садко брал шелковый невод,
И пошли они к озеру да Ильменю,
- 135 А по сказанному, как по писаному:
Перву тоню закинули в Ильмень-озеро —
Гим попала рыбка золоты перья.
Всі купцы, воеводы новгородские
- Тому чудушку да чудуются,
Тому дивушку да дивуются.
- 140 Как закинул Садко новгородский гость
Вторую тонечку да в Ильмень-озеро —
И втора попала рыбка золоты перья.
А стоят купцы да новгородские,
- Оне за ухом да почесывают.
- 145 Закинул Садко третью тонецьку,
Третью тонецьку да в Ильмень-озеро —
И попала третья рыбка золоты перья.
И говорят купцы новгородские:
- «Ай да Садко новгородский гость,
- 150 Теперь дело с тобой у нас покончено,
Наше дело с тобой теперь проиграно,
Ты бери наши лавоцьки с товарами».
И стал тут Садко торговать товаром красным,
Получал барыши да великий.
- 155 Он построил хоромы высокии
И палаты он да гряновитыи,
Все устроил в палатах по-небесному:
На небе солнце — и в палатах солнце,
А на небе месяц — и в палатах месяц,

- 160 А на небе звезды — и в палатах звезды.
И начал Садко богатеть.
И собрал Садко почестен пир,
И зазвал он всех купцов новгородских
И всех воевод новгородских,
- 165 А сам играл в гусельшки яровчаты.
На пиру-то вси да наедалиси,
На честном да вси да напивалиси,
Во хмелю-то вси да похвалялиси.
В первую очередь да порасхвастался
- 170 Садко новгородский купец:
«Ай же вы, купцы да новгородские,
Все воеводы новгородские,
У меня, у Садко у бедного,
Теперь есть бессчетна золота казна.
- 175 На свою ли я бессчетну золоту казну
Смогу теперь повыкупить все товары новгородские».
И побилиси они да о велик заклад,
О велик заклад о тридцати о тысячах.
- 180 Как по утрышку по раннему
Встает тут Садко поранешенько,
Он будит дружинушку хоробрую,
Он дает им бессчетной золотой казны,
Отправляет их по улицам окольным,
- 185 А по тем по лавочкам торговым
Все скупать товары новгородские,
А худые товары и добрые.
Сам Садко идет в гостиный ряд,
Закупает все товары новгородские.
- 190 На второе утро раным-ранешенько
Он будит своих слуг верных,
Всю дружинушку свою хоробрую,
Ен без счета дает да золотой казны.
«Отправляйтесь-ко в славной Нов-город
- 195 Как по тем по уличкам окольным,
Как по тем по лавочкам торговым,
Закупайте вы товары новгородские,
Вы худые товары и добрые».
- 200 А сам Садко да новгородский гость
Прямешенько идет да в гостиный ряд,
Смотрит — вдвойне товаров там принавезено,
А вдвойне товаров принавалено.
- Говорит Садко да он сам себе:
«Я повыкупил товары новгородские,
А появились товары московские».
- 205 Он склонил да буйну голову
И пошел в свою палату белокаменну.
В третей день встает Садко поутру ранешенько,

Ен будит дружину хоробрую,
Им без счета дает да золотой казны,
210 Посылает по улицам да загородным
Закупать товары московские.
А сам прямешенько идет в гостиный ряд,
А тут втройне товаров принавезено.
Говорит Садко да таковы слова:
215 «Как скupил товары новгородские,
Навезли товаров да московских.
Я скupил товары московские,
Принавезено товаров заморских».
Говорит тут Садко таковы слова:
220 «Верно не я богат, новгородский купец,
А богатее меня да славный Нов-город».
Он пошел в палаты белокаменны,
Собрал купцов новгородских
Оправдать да свои договоры,
225 С которыми побились о велик заклад,
Отдавал купцам да тридцать тысячей.
На осталыну бесчетну золоту казну
Он построил кораблики червленыи
И взвалил товары новгородские и те товары московские.
230 Собрал свою дружинушку хоробрую,
Посадил на кораблики червленыи.
Зазвонели якоря булатные,
Поднимались паруса да полотняныи.
А Садко да новгородский купец
235 Помолиуся он да Спасу образу,
С молодой женой он прощается,
В путь-дороженьку да отправляется.
Как из славного да Нова-города
Поехал Садко по Волхову,
240 Из реченьки да из Волхова
Во озерышко да во Ладожско,
А из Ладожского озера
Во матушку Неву-реку,
А со матушки да Невы-реки
245 А во морюшко да во синее.
Он держал корабли да во праву руку,
Во праву руку да в Золоту Орду.

(Не знаю, кака Золота Орда.)

Товары продал он да с большой прибылью,
Получил он барыши да великий:
250 Бочки-сороковки красна золота да чиста серебра.
И в обратный путь поехал по синю морю.
Сине морюшко да зволновалось,
Буря сильная в морюшки сходиласи,

- Со песком вода да помутиласи,
255 Ветер мачты гнет, паруса-те рвет,
А не идут кораблики червленыи.
Говорит тут Садко таковы слова:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая,
А много я ездил по синю морю,
- 260 А царю морскому дани я не плачиваля,
Царь морской на меня, верно, поразгневался
И задерживат кораблики червленыи.
Уж вы, слуги мои, слуги верныи,
Возьмите-тко бочку чиста серебра,
- 265 Вы спустите бочку во сине море».
И его дружинушка хоробрая
Оны взяли бочку чиста серебра,
На блокáх спустили во синё морё.
Тута морюшко не усмирилоси,
- 270 А все волна в мори да сходиласи,
С песком-то вся вода смутиласи,
Ветер мачты гнет, паруса-те рвет,
А не идут кораблики червленыи.
Говорит тут Садко новгородский купец:
- 275 «А не по разуму, царю, верно, этот подароцек.
Вы возьмите-тко да бочку чиста золота,
А спустите царю морскому во сине море».
Тута слуги его верные
Оне брали бочку чиста золота
- 280 И на блоках спустили во сине море
А царю морскому во подарочек.
Тута морюшко не усмирилоси,
Ветер мачты гнет, паруса-те рвет,
А не идут кораблики червленыи.
- 285 Испугался Садко новгородский гость:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая,
Нам придется, верно, в морюшки потонути,
Не угодны, верно, эти подарочки,
А грозной царь морской да, верно, требует
- 290 Он живой души да человеческой.
Собирайтесь-ко, пожалуйста,
В один круг, в одну беседушку,
Что нам делать теперь с морским царем?»
И надумали, да наладили
- 295 Промеж собой да кинуть жеребий,
Кому идти да во синё море,
Во синё море да на само дно,
А царю морскому во служеньице.
Вся дружинушка хоробрая
- 300 Поделали жеребья кожáные

- И подписали свое имя и фамилию.
А Садко новгородский гость
Он сделал жеребей на красном золоти,
И спустили жеребьи да во сине море.
- 305 Всей дружинушки да хоробрыя
Жеребья пловут да будто гоголи
Во синём мори да поверх воды.
Садко жеребей да пал во синё море,
Во синё море да на само дно.
- 310 Говорит тут Садко таковы слова:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая,
Жеребьями мы да переменимся.
Вы себе сделайте жеребья из красна золота
И подпишите имя и фамилию,
- 315 А я сделаю себе жеребей кожаный.
Его дружинушка хоробрая
На совет на этот согласилися.
Сделали жеребья да с чиста золота,
Подписали имя и фамилию.
- 320 А Садко сделал себе жеребей да кожаный
И подписал свое имя и фамилию,
И спустили жеребья во синё море.
Всей дружинушки да хоробрые
Жеребья стоят да поверх воды,
- 325 А Садко купца да новгородского
Будто камешек пошел да во синё море,
Во синё море да и на само дно.
Говорит тут Садко таковы слова:
«Верно, царь морской да меня требует,
- 330 Надо тому делу покоритися,
А с вами, друзья, да распуститися.
Ай же вы, дружинушка хоробрая,
Принесите мне поскорешенько
Вы бумажечки да гербовыи,
- 335 Вы конвертички да клееные,
Перушки несите вы гусиные,
Карандашички да вы чернильные,
Я писать буду да завещаньице,
Я расписывать-то буду все именьице,
- 340 По частям буду писать да по долиночкам:
Перва часть идет да по божьим церквам,
Друга часть идет да нищей братии,
Третья часть пойдет да молодой жены,
А четвертая — дружинны хороброей,
- 345 Чтобы в жизни было вам на вспоминаньице,
А души моей на поминаньице».
Говорит тут Садко таковы слова:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая,

- Принесите-тко гусельшку яровчата,
Посмотрю в последний раз да полюбуюся
На свои гусельшки яровчата.
Не живать мне больше на белом свету,
Во гусельшки яровчата не игратьвать,
А разве взять мне их да во сине море?»
- Говорит-то уж Садко таковы слова:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая,
А вы возьмите-тко дощечку дубовую.
Он лег на дощечку дубовую,
Взял с собой гусельшку яровчата,
И спустили его во сине море,
Не поспел тут Садко и глазком моргнуть,
И пошли его кораблики червленые.
И заснул тут Садко на дощечки на дубовенькой,
А проснулся Садко во синем мори,
Во синем мори да на самом дни.
- И увидел он красно солнышко,
Освещает оно морское дно,
И увидел Садко во синем мори
Стоит палата белокаменна,
Наготово ворота открылиси,
Тут невидимые слуги появилиси,
Провели Садко да во второй этаж.
Как сидит тут царь морской,
Голова его, как куча сеняя.
- Говорит ему да царь морской:
«А здравствуешь, удалой доброй молодец,
А богатой купецкий новгородский гость!
Хорошо, что ты ко мне пожаловал,
Хорошо ты спотешал меня да в Ильмень-озери.
- А потешь-ко ты меня да во синем мори,
Поиграй в гусельшки яровчата,
Потешь морского царя».
- Тут Садко берет гусельшки яровчата,
Начал струночки натягивать,
Стал по струночкам поваживать,
А царь морской пляшет.
И Садко московский купец
Играет с утра день до вечера
И второй играет с утра день до вечера,
И третей день играет с утра день до вечера.
- И устал Садко играючи,
Его рученъки не поднимаются,
В руках пальчики да не сгибаются,
А царь морской все пляшет,
И Садку играть он все приказывает.
Закручинился Садко, запечалился,

- Повесил он свою буйну голову.
Спомянул он, Садко, свою родину,
Спомянул он Николу Можайского.
- 400 Вдруг пред ним появляется
Старичок благообразненький,
Благообразненький да весь седатенький,
Он в крестах кругом да со Евангельем.
Говорит он Садку таковы слова:
405 «Ты устал играть да во синём мори».
Говорит Садко да таковы слова:
«А во синём мори да не своя воля,
А неволюшка стала подневольная,
А мне приказыват играть да царь морской».
- 410 А говорит ему старицек седатенький:
«Ох ты, Садко богатый гость,
Ты послушай-ко мое повеленьице.
Тебе царь морской будет приказывать,
Ты умей-ко ему да ответ держать,
- 415 Говори морскому царю:
«У меня во гусельшках яровчатых
У мя струночки да оборвались,
Ах шпенечки все да поломалисе,
А с собой у мя струночек не пригодилоси,
- 420 А шпенечков новых не случилоси».
Еще скажет тебе да царь морской:
«Не желаешь ли ты да в синём мори да поженитися
А на душечки на красной на девицы?» —
Так ты делай-ка да как тебе велю:
- 425 Как пойдут тут девицы-красавицы,
Один табун пойдет да тридцать девиц —
Ты их мимо пропусти да не выбери.
И другой пройдет да триста девиц —
Ты пропусти их да не посмотри.
- 430 И третей пройдет табун триста девиц —
И ты тех пропусти, себе не выбери.
Вслед пойдет девушка-Чернавушка,
Ты, Садко новгородский гость,
Ты бери себе в супружницы
- 435 Эту девушку да Чернавушку,
И ты будешь, Садко, в Нове-городе».
Не поспел тут Садко оглянутиси,
А старичок седатенький невидим стал.
Туто Садко призадумаяся,
- 440 Закручиниуся да запечалиуся.
Вдруг явиуся к нему царь морской,
Играть в гусельшка ему приказыват.
А Садко тут да приосмелился,
Отвечает он морскому царю:

- 445 «Во гусельшках моих яровчатых
У мя струночки да порвалися,
А шпенечки у меня да поломалися,
А у мя струночек да не случилоси,
А шпенечков у меня не пригодилоси».
- 450 Говорит ему тут царь морской:
«Ах же ты, Садко новгородский гость,
А не желаешь ли в синем мори да поженитиси?»
Отвечает Садко таковы слова:
«А во синём мори у меня да не своя воля,
455 Не своя воля, а воля морского царя».
Утром поутру ранешенько
Велит царь морской выбирать себе супружнику.
И идет тут девушек красивых
Перва партия да триста девушек,
460 Разодетых да разноряженных.
Перву партию пропустил Садко
И не выбрал себе девушки в супружницы.
И идет вторая партия —
Триста девушек-красавиц разнаряжено,
465 Разнаряжено да пуще прежнего.
Пропустил их Садко, не избрал ни одной.
Вот идет тут третья партия —
Триста девушек да лучше прежнего.
Пропустил Садко, ни одной не взял
470 Себе да во супружницы.
А позади идет девушка-Чернавушка,
Он взял ее себе да во супружницы.
Тут пошло да столованьце,
И пошло тут пированьце,
475 Тута царь морской задал пир.
После пира пошли ёны во почивальню светлую.
Как уснул тут Садко во синём мори,
А проснулся Садко в Нове-городи,
На берегу у реценъки Чернавушки.
480 Как посмотрит он: по славному по Волхову
Как пловут его кораблики червленыи,
И видит он дружину свою хоробрую.
Срадовался он да радостью великою,
А супруга его, молода жона,
485 Не начаяласи, не дожидаласи,
Поминала Садко во синём мори,
А увидала Садко — срадоваласи.
Тут прицялили кораблики цервленыи
Ко тому ко славному Нову-городу,
490 Выгружали товары заморскии,
Выкатили тут бочки с золотом.
А на ту бессчетну золоту казну

Как построил Садко церковь соборную
А тому ли Николы Можайскому.
495 Стал тут жить Садко в Нове-городе,
Торговать товарами разными.
Он не ездил больше во синё море.
А на том былинка и закончилась.

23. О ДЮКЕ СТЕПАНОВИЧЕ

А во той во Индии богатоей,
А во том во славном Волынь-городе
Жил молодой боярин Дюк Степанович.
Говорит боярин родной матушке:
5 «Ой родимая да моя матушка,
Ты честна вдова Мальфа Тимофеевна,
Долго ль молодцу да мне ребячиться,
Не пора ли выйти во добры люди?
Дай-ко мне прощенъице-благословленъице,
10 Поеду я ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру,
Послужу ему да верой-правдою,
Покажу я у达尔ь молодецкую».
Говорит ему да родна матушка,
15 Та честна вдова Мамельфа Тимофеевна:
«Уж ты, чадочка да моя милая,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Поживи-ко ты у родной матушки,
Нaberись-ко ты да ума-разума,
20 Хорошо в людях — только скрипит в грудях.
А ты заносливо есть дитятко, захвастливо,
Чем-нибудь во Киеве да порасхвастаешь
И положишь буйную головушку,
Сиротать оставишь родну матушку».
25 Говорит боярин Дюк Степанович:
«Уж ты дашь прощанъице — поеду я,
И не дашь прощанъица — поеду я».
Скорой поступью пошел он на боярский двор,
Заходил в конюшенку стоялую,
30 Брал жеребчика да он неезжана,
Шелкову уздачку он недержану,
Выводил коня да на широкий двор,
Стал заседывать да окольчуживать:
Кладал потнички да он на потнички,
35 Кладал войлоки да он на войлоки,
Сверху клал седельышко черкасское,
Он черкасское да малоезжано,
Он двенадцать подпругов подтягивал,
А двенадцать пряжечек застегивал,
40 А не для красы-басы-угожества,

- А ради крепости да богатырские,
Чтобы добрый конь в бою не выскочил,
А добра молодца с седла не выронил.
Он привязал коня да середи двора
45 Ко тому столбу да ко точеному,
Ко тому колечку золоченому.
Отдали стоит да он любуется
На своего коня он богатырского:
Или добрый конь, или лютый зверь.
50 А на ту пору да на то времячко
Приходила тут да родна матушка,
Да честна вдова Омелфа Тимофеевна.
Говорит она да таковы слова:
«Уж ты, чадочки ты мое милое,
55 Молодой боярин Дюк Степанович,
Куда, дитятко, да отправляешься,
Ты в которую сторонку снаряжаешься,
С родной матушкой да не прощаешься?
Ты послушай-ко, да чадо милое,
60 Ты пойдем во гридню во столовую,
Да во ту палату во боярскую
Хлеба-соли да откушати,
Белой лебеди порушати.
Помолись-ко ты да Спасу-образу
65 И отправляйся в путь-дороженьку далекую».
Молодой боярин Дюк Степанович
Родной матушке да он послушался.
Он пошел во гридню во столовую,
За столы садился за дубовые
70 Да за те за скатерти шелковые.
Досыта боярин наедается,
Допьяна боярин напивается,
С родной матушкой боярин да прощается.
Говорит ему да родна матушка,
75 Та честна вдова Омельфа Тимофеевна:
«Уж ты, чадочки да мое милое,
Скажи матушки, да не утай себя:
Мне в которое окошечко поглядывать,
А с которой мне сторонки дожидатися?»
80 Говорит боярин Дюк Степанович:
«А откуль повеют ветры буйные,
Понесет откуда вести радостны,
В то окошечко ты, матушка, поглядывай,
С той сторонушки да дожидай меня.
85 А поеду я да добрый молодец
Ко тому ль ко городу ко Киеву,
Послужить я верой-правдою
Красну солнышку да я Владимиру».

«Уж ты, чадочки да мое милое,
90 Как к тому ко городу ко Киеву
Две дороженьки да есть пустыые:
Прямоезжаю дороженькой пятьсот-то верст,
А окольною дорожкой цела тысяча.
Прямоезжая дорожка заколодела,
95 Заколодела дорожка, замуравила,
Как по той дорожке прямоезжей
Нету пешему да прохожденьица,
А лошадиному нет проезжаньица.
А по той ли по дорожке прямоезжею
100 Три заставушки да есть великие:
Аще первая заставушка великая —
Хищны звери есть да поедучие.
Аще другая заставушка великая —
Ести змеи да ползучие, клевучие.
105 Третья есть заставушка великая —
Есть высоки горушки столкучие.
Горы столнутся да и разойдутся,
Пожирают горы людей добрых».
Молодой боярин Дюк Степанович
110 На то матушке да не ответствовал.
Он снимает одежду да цветную,
Одевает он одежду богатырскую.
Вооружился да окольчужился
Он во все доспехи богатырские,
115 Туг да лук берет да стрелочки каленые,
И берет он палицу булатную,
Копье острое да буржамецкое.
Помолился он да Спасу-образу,
С родной матушкой да прощается,
120 В путь-дороженьку далеку отправляется.
Садился он да на добра коня,
Перескочил он через стену городовую.
Видели молодца сядучи,
А не видели удалого поедучи,
125 Только куревка во полюшке прокурила.
Молодой боярин Дюк Степанович
Он поехал дорожкой прямоезжею.
Подъезжает он ко первой заставушки,
Закричали звери поедучие,
130 Темны лесушки к земле да приклонилися,
С ковыль-травоньки цветочки осыпалися,
Ужахнулся верный богатырский конь.
Молодой боярин Дюк Степанович
Берет он плёточку шелковую,
135 Бил коня он по тучным бедрам,
А он бьет коня да приговаривает:

- «Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
Ты чего, собака, испугалася?
Не бывал ты разве во темном лесу,
¹⁴⁰ Не слыхал ты разве покрику звериного?»
Сам берет он палицу булатную.
Стал он палицей булатною помахивать,
Перебил зверей всех поедучих.
Подъезжал боярин Дюк Степанович
¹⁴⁵ Ко второй великоей заставушке.
Тут и змеи ползучие, клевучие,
Зашипели змеи по-змеиному.
А молодой боярин Дюк Степанович
Своей плеточкой шелковою
¹⁵⁰ Понукал коня он богатырского.
А тута верный богатырски (й) конь
По змеям клевутиим поскакивал,
Да от ног змеенышей отряхивал,
Притоптал змеев всех поклевутиих.
¹⁵⁵ Молодой боярин Дюк Степанович
Подъезжал ко третьей заставушки великоей,
Туто горушки да столкучие —
Горы столнутся да и разойдутся.
Богатырский конь да спотыкается,
¹⁶⁰ А молодой боярин удивляется.
Принабрался он да силы-храбости,
А своей ли силы богатырской,
Перездвинул горушки столкучие,
Проложил дорожку прямоезжею
¹⁶⁵ Ко тому ко городу ко Киеву,
Сослужил народу службу верную.
Молодой боярин Дюк Степанович
Заезжал на славный княженецкий двор.
Привязал коня он богатырского
¹⁷⁰ Ко тому столбу да ко точеному,
Ко тому ль колечку золоченому.
Скорой поступью он молодецкою
Приходил в палату княженецкую.
Приворотников да он не спрашивал,
¹⁷⁵ Всех придверников да прочь отталкивал,
Заходил во гридню во столовую.
Сидит солнышко Владимир стольно-киевский
Со своей княгиней со Апраксией,
Все князья-бояре стольно-киевские,
¹⁸⁰ Все тут сильные могучие богатыри,
И сидели поленицы тут удалые.
А молодой боярин Дюк Степанович
А он крест кладет да по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому

- 185 А на все четыре на сторонушки,
А князю солнышку Владимиру особенно:
«Уж как здравствуешь, Владимир стольно-киевский!»
«Добро пожаловать, удалый добрый молодец!
Ты скажи-ка, молодец, да не утай себя,
- 190 Ты какой земли да ты какой орды,
Какого ты отца да какой матери?»
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Я из той из Индии богатою,
Я из славного Волынь-города,
- 195 Молодой боярин Дюк Степанович.
А приехал к князю солнышку Владимиру
Послужить ему да верой-правдою». Из-за стола из-за дубового,
А из той скамееки окольною
- 200 А вставал Чурилушка сын Пленкович,
Говорил Чурила таковы слова:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Во глазах мужчина насмехается,
Над тобой, Владимир, издевается.
- 205 Тут походочка да есть не Дюкова,
. . . .¹ да тут не Дюковы,
А тут есть холопина мещанская».
А Владимир-князь да стольно-киевский
Он Чурилушке на это не ответство(вал).
- 210 А говорит Владимир таковы слова:
«А ты скажи, удалый добрый молодец,
Ты когда из Индии повыехал?»
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Я заутреню стоял во Индии,
- 215 А к обеденки хотел поспеть во Киев-град,
Но в дороженьке немножко призамешкался». Тут говорит Владимир стольно-киевский:
«Ты скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей дороженькой приехал есть?»
- 220 Отвечал боярин Дюк Степанович:
«А проехал я дорожкой прямоезжею».
Не стерпел Чурилушка тут Пленкович,
А вскочил Чурила на резвы ноги,
Говорил Чурила таковы слова:
- 225 «Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Во глазах мужчина насмехается,
Над тобой мужчина надлыгается.
Как от той от Индии богатоей
А до славного до города до Киева
- 230 Прямоезжая дорожка заколодила,

¹ В рукописи неразборчиво.

Заколодила дорожка, замуравила.
Как во той дорожке прямоезжею
Три заставушки да есть великие,
Нету пешему тут прохожденьца..

235 Лошадиному нет проезжаньца».

А Владимир-князь да стольно-киевский
Он на те слова Чурилы не ответствовал.
Тут говорит боярин Дюк Степанович:
«Прямоезжая дороженька расчищена,

240 Побиты звери поедучие,
Все покончены тут змеи поклевучие,
Пораздвинуты тут горушки столкучие». Тут возговорит Владимир стольно-киевский:
«А такие гости мне по разуму.

245 Ты садись, удалый добрый молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
За столы ты с нами за дубовые,
А на те скамеечки окольние.

Выбирай-ко mestечко по разуму:

250 Перво mestечко да подли меня,
Друго mestечко да супротив меня,
Третье mestечко —да куда сам захочь». Молодой боярин Дюк Степанович
Садился по конец стола дубового,

255 А на ту скамеечку окольную.
Говорил боярин таковы слова:
«Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Нахвалили Киев да нахвастали,
А у вас в Киеве все-то не по-нашему.

260 Как на твоем дворе на княженецком
Как повыстланы мосточки сосновые,
Побиты гвоздички тут ржавые.
Я пошел в палаты княженецкие,
Все оборвал сапоженьки сафьяновы.

265 Как у нас во Индии богатыи,
Да во том во славном Волынь-городе,
У моей добротушки у матушки,
У честной вдовы Омелфи Тимофеевны
По всему двору ли по боярскому

270 А повыстланы мосточки кленовые,
По краям перильчики точеные.
А по тем мосточкам по кленовым
А положены ковры до одинцовые,
А посыпаны травами все душистыми,
275 По траве, как по пуху, ступается,
И не рвутся тут сапоженьки сафьяновы». А Владимир-князь на это не ответствовал.
Тута слуги княженецкие догадливые

- Приносили яствушки сахарные,
280 Подносили тут колачики крупинчаты.
А молодой боярин Дюк Степанович
Он берет калачик одним пальчиком,
Обрезает ножичком булатным,
Верхнюю корочку да он на стол кладет,
285 Нижнюю корочку да он под стол метет,
Он под стол метет да таку речь ведет:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Нахвалили Киев мне, нахвастали,
Ну, во Киеве у вас все не по-нашему:
290 У вас печеньки да есть кирпичные,
Толят дровцами да сосновыми,
А помялушки у вас еловые,
Тут пекут калачики крупивчата,
Верхняя корочка пахнет на глинушку,
295 А нижня корочка да на помялушка,
А серединочку да только можно кушати.
Как у нас во Индии богат(оей),
А во том во славном Волынь-городе,
У моей ли да добротушки у матушки,
300 У честной вдовы Мамелфы Тимофеев(ны)
У нас печечьки да изразцовые,
Толят дровца-то дубовые,
А помялушки у насшелковые,
А помочат во росы да во медвяные,
305 Тут пекут калачики крупивчата.
Калачик съест — другого хочется,
А другой-то съешь — по третьем-то душа горит».
На то Владимир-князь да не ответствовал.
Тут-то слуги княженецкие догадливы
310 Наливали чару зелена вина,
Разводили медамы тут стоялмы,
Подносили молодому тут боярину.
А молодой боярин Дюк Степанович
Он вина не пьет да вылил наиспашь,
315 Сам возговорил да таковы слова:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Нахвалили Киев мне, нахвастали,
А во Киеве все не по-нашему:
У вас бочекки-то есть сосновые,
320 А обручики на бочекках еловые.
Опускают бочки в погреба глубокие,
А в погребах-то воздух не касается,
Тут стоялое вино да задыхается,
.....¹ пахнет на сосновою.

¹ В рукописи неразборчиво.

- 325 Как у нас во Индии богатоей,
Да во том во славном Волынь-городе,
У моей добротушки у матушки,
У честной вдове Омелфе Тимофеевны
Ести бочечки да дубовые,
- 330 А натянуты обручики серебряны,
Не спускают в погреба они глубокие,
А подвешаны на цепы металличецки.
Как от ветрушка-то бочечки качаются,
Никогда вино не задыхается.
- 335 Выпьешь чарочку — да другу хочется,
Выпьешь другу — по третьей душа горит».
А Владимир-князь да стольно-киевский
Он на те ли речи не ответствовал.
А Чурилушка да сын Пленкович
- 340 На том молодец да не успокоился,
Говорил Чурила таковы слова:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Ты позволь с боярином мне речь держать.
Как умел ты, молодец, повыхвастать,
- 345 Пусть умеет молодец повыполнить.
Уж ты дай-ко мне прощеньице-благословеньице,
Мы побьемся с Дюком о велик заклад,
О велик заклад о сорок тысячах,
Чтобы строком-времечком на три года
- 350 Выезжать бы нам вдвоем да во чисто поле,
А на каждый бы да на господен день
Чтобы конюшки да были сменные,
Цветны платьица да были б разные».
Тут возговорил боярин Дюк Степанович:
- 355 «Молодой Чурилушка сын Пленкович,
Тебе ли-ко биться о велик заклад,
О велик заклад о сорок тысячах!
Ты живешь, Чурилушка, своим двором
У своего кормильца ты у батюшка,
- 360 Табуны гуляют конюшек неезжаных,
Кладовы стоят да платьица неношеных.
А мое ли дело несравнимое,
Мое делушко есть заезжее,
Цветно платьице да есте завозное.
- 365 Ну, с тобой, Чурила, я сравняюсь».
Тут побилися удалы добры молодцы:
Молодой боярин Дюк Степанович
Да хвастун Чурилушка сын Пленкович.
За Чурилушку да поручаются
- Все князья-бояре стольно-киевские,
- 370 А за молодого да за боярина

- Поручились пьяницы-пропоицы,
Да и те ли голюшки кабацкие,
Да и те ли женщины бурлацкие.
- 375 Молодой боярин Дюк Степанович
Брал лист бумажечки гербовые
Да и перышко он гусиное,
Написал ярлык он скорописчный
О своей добротушке он матушке,
- 380 Той честной вдове Мамельфе Тимофеевне.
Он скоропись писал да таку речь держал:
«Ой же ты, моя родима матушка,
Ты умела чадочка повырастить,
А умей-ка чадочки повыкупить.
- 385 А побился я да о велик заклад,
О велик заклад о сорок тысячах.
Присылай-ко мне да платье цветное,
Чтоб хватило платьица на три года,
Одевать бы мне на каждый на господен день».
- 390 И берет он ярлык скорописчный,
Выходил на широк княженецкий двор,
Говорил коню да таковы слова:
«Уж ты, верный мой да богатырский конь,
Сослужи-тко мне да службу верную:
- 395 Ты скачи во Индию богатую,
А во тот ли славный да Волынь-город,
Ко моей добротушке ко матушке,
Ко честной вдове Омелфе Тимофеевне,
Отвези-ка ярлык скорописчный».
- 400 И кладет тот ярлык скорописчный
Под седелышко да под черкасское.
Тут-то добрый конь да поворот держал,
Он реки-озера перескакивал,
Он мелки реченьки да промеж ног пускал.
- 405 А во тое ли да пору-времячко
Слуги верные да княженецкие
Брали молодца да за белы руки
Да посадили молодца во погреба глубокие,
Призакрыли двери дубовые,
- 410 Позавесили замочки пудовые.
Молодой боярин Дюк Степанович
Закручинился да запечалился,
Он повесил буйную головушку
Да пониже плеч да богатырских,
- 415 Вспомянул слова да родной матушки,
Чтобы молодцу пустым не хвастати.
А во тулю ли да пору-времячко
Как сидела Дюкова матушка
Во своей ли гридни во столовою,

- 420 А смотрела в трубочку подзорную,
Куда уехал чадочек родимое.
Видит, в полюшки да только пыль пылит,
Без седока да Дюков конь бежит.
Прибежал на тот боярский двор.
- 425 Выходила Дюкова тут матушка,
Та честна вдова Мамельфа Тимофеевна,
Горючими слезами заливалася.
Говорит она да таковы слова:
«Ой не в добрый час я чадочки спородила,
- 430 А заносливо был дитятко, захвастливо,
Чем-нибудь во Киеве расхвасталсе,
Положил он, верно, буйную головушку».
Говорит она да таковы слова:
«Уж вы, парубки мои любимые,
- 435 Расседлайте вы да коня доброго,
Поставьте в стойла лошадиные,
Да насыпьте вы пшеницы белояровой».
Тут-то парубки ее любимые
Начали коня да расколъчуживать.
- 440 Под седелышком да под черкальским
Видят ярлыки да скорописчатые.
Тут честна вдова Мамельфа Тимофеевна
Распечатала да горько плакала,
Во слезах словечушко промолвила:
- 445 «Верно, нет в живых да чадочка родимого».
А прочитала — взродавалася.
Та честна вдова Мамельфа Тимофеевна
Скоро брала золоты ключи,
Укладала цветны платьица,
- 450 А во тей ли да тяжелы ларцы
Наложила платья самолучшие.
«А хватило бы ему да на три года».
Привязала к седелышку черкасскому.
Тут-то добрый богатырский конь
- 455 Он скорым-скоро да поворот держал,
Прискакал ко городу ко Киеву
Скорой поступью на княженецки (й) двор.
Доложили слуги княженецкие
Князю-солнышку да Владимиру.
- 460 Тут-то солнышко Владимир стольно-киевский
Приказал открыть погреба да все глубокие,
Выпускали Дюкушку-боярина.
Тут его сердечко возрадовалось,
Он коню да низко поклоняется,
- 465 А Чурилушке да Пленкову
Завтра в поле быть да обещается.
И садился Дюк да на добра коня,

- Уезжал в чисто поле на запольице,
К доброй бабушке да на задворьице.
470 Говорит он ей да таковы слова:
«Уж ты, добра бабушка-задворенка,
Приюти-тка ты безродного ты молодца».
Говорит тут бабушка-задворенка:
«Ай же ты, удалый добрый молодец,
475 Помолись-ка ты да Спасу образу,
Ты ложись-ка спать да опочив держать,
А утром мудро-мудреняе будет вечера».
Молодой боярин Дюк Степанович
Он ложился спать да опочив держать,
480 И уснул он крепким богатырским сном.
А поутрушки ли по раннему,
До зари-восхода красна солнышка
Разбудила его да добра бабушка.
«Ты ставай, удалый добрый молодец,
485 Молодой боярин Дюк Степанович,
У тебя ведь дело неотложное».
Тут скорым-скоро да поскорешенько
По совету, по указу доброй бабушки
Выходил он на широкий двор.
490 Берет коня он богатырского,
Во Пучай-реки коня повыкупал,
Во утренней росы коня повыкатал,
На коне вся шерсть переменилася.
Одевал он платьица нарядное
495 И все доспехи богатырские,
И садился он да на добра коня,
Выезжал во полюшко во чистое.
А молодой Чурилушка тут Пленкович
По чисту полю да он катается,
500 Над боярином он усмехается.
Тут поехали удалы добры молодцы,
По чисту полю да нагулялися,
По тусклой зори да вечерняю
По домам они да разъезжалися.
505 Так и ездили они, удалы добры молодцы,
Каждый денечек да ровно три года.
У Чурилушки да у Пленковича
Были конюшки да все разные,
А молодой боярин Дюк Степанович
510 А на каждый он да на господен день
До зари-восхода красна солнышка
Во Пучай-реки он коня выкупат,
Во утренней зари он коня выкатат,
На кони все шерсть переменяется,
515 А другая масть да приокажется.

- Так и ездили-гуляли добры молодцы.
Прошло времячки да ровно три года.
А по завтрашнему ли денечку
Их заданьице уж кончается.
- 520 А во то Христово воскресеньице
Им идти во церковь во соборную,
Одевать им платья самолучшие.
Тут съезжалися да собиралися
А во ту во церковь во соборную
- 525 А стоять обедню богомольную
Да служить молебны преосвященные
А за тех удалых добрых молодцев.
Приезжал Владимир стольно-киевский
Со своей княгинюшкой Апраксией,
- 530 Собирались могучие богатыри,
Все князья-бояре стольно-киевски,
Приходили пьяницы-пропоицы,
Да и те ли голюшки кабацкие,
А все Дюковы да поручатели,
- 535 Приходили и удалы добры молодцы:
Молодой боярин Дюк Степанович
Да и Чурилушка сын Пленкович,
На них платьица были нарядные.
У того Чурилушки Пленковича
- 540 Была шубонька да соболиная,
А покрытая да рытым бархатом,
Оторочена ли черным соболем,
Дорогим ли соболем заморским;
А сапоженъки на ноженьках зелен сафьян,
- 545 Дорогого ли сафьяну да немецкого,
А и крепкого шитья да ярославского,
А носок востер, да и пята крута,
Окол носика да хоть яйцо кати,
А каблук высок, да воробей лети;
- 550 А шапка ушаста, пушиста, развесиста;
А как на шубоньки
Да три пуговки,
А на пуговках по добру молодцу,
А как на второй полы да три петельки,
- 555 А на петельках по красной девице,
А как расстегнутся — они обоймутся,
А застегнутся — да поцелуются.
А как народ стоит да удивляются,
Глядючи на ладого Чурилушки.
- 560 Тут входил боярин Дюк Степанович:
На нем шубонька да голевой парчи,
Приунизана да скатным жемчугом,
Приобсажена камнями самоцветными;

- А на ножках лапотцы семи шелков,
565 И семи шелков да из семи прядей,
А во каждой во прядочки
Тут и вплетано по камню яхонту;
На головушке да шляпа сорочинская,
Приунизана да красным золотом,
570 А на лбу-то вплетен тут светел месяц,
А на темячке да частьы звездочки.
На той ли шубоньки парчевой
На одной полы есть три пуговки,
А на пуговках-то звери порыкучие,
575 На второй полы-то есть три петельки,
А (в) петельках-то змеи шипучие.
Становился Чурилушка сын Пленкович
По праву сторону князя да Владимира.
Молодой боярин Дюк Степанович
580 Становился он по левую по сторону,
Где стояли пьяницы-пропоицы,
Да и те ли голюшки кабацкие,
Которы Дюковы да поручатели.
Началась обедня богомольная.
585 А молодой боярин Дюк Степанович
Он вынимал тетивочку шелковую,
Стал по пуговкам-то он поваживать,
Закричали звери порыкучие,
Заглушили пение церковное.
590 Молодой боярин Дюк Степанович
Стал тетивочкой по петелькам поваживать,
Зашипели змеи тут шипучие,
Темны лесушки к земле да приклонилися,
В церкви люстры золоченые попадали,
595 Что было людшек, да чуть живы стоят.
А Владимир-князь да стольно-киевской
Куньей шубонькой он укрывается
Да ко клиросам церковним прижимается.
Говорит Владимир таковы слова:
600 «Молодой боярин Дюк Степанович,
Ты бери с Чурилы да велик заклад,
А велик заклад да сорок тысячей,
Да уйми зверей да порыкучиих,
Ты уйми змееv да все шипучиих,
605 Не пугай-ко, не полохай людей добрыих».
Выходили с церкви из соборной.
Тут молодой боярин Дюк Степанович
Взял с Чурилы сорок тысячей
И дает их голюшкам кабацким.
610 Говорит им он да таковы слова:
«Уж вы, пьяницы-пропоицы,

Мои верные да поручатели,
Открывайте-ко дома питейные,
Выкатайте бочки зелена вина

615 И гуляйте в свою волюшку
За молодого Дюка за боярина».

Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Приглашал он молодцов да на почестен пир.
На пиру-то все да наедалися.

620 На честном-то все да напивались.

Как межанный день идет ко вечеру,
А веселый пир идет навеселе.

А молодой Чурилушка тут Пленкович
Он обзадорился, не успокоился.

625 Говорил Чурила таковы слова:

«Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Уж как дай-ко нам прощающице-благословенъице
Нам побиться с Дюком о велик заклад,
О велик заклад о буйных головах:

630 А на завтрашний бы на господен день

Выезжать бы с Дюком во чисто поле
На своих на конях богатырских
Как ко той ко матушке Пучай-реке,
Перепрыгнуть бы ту матушку Пучай-реку

635 Нам со бережка да и ко другому».

Говорит боярин Дюк Степанович:

«Ой же ты, Чурилушка сын Пленкович,
А живешь ты здесь да своим двором,
А мое-то дело есть заезжее,

640 А конищечко-то есть усталое,

Не перескочит он через Пучай-реку».
Но Чурилушка да стал настаивать,
Дюк Степанович да соглашается.

И побилися они да о велик заклад о буйных головах,

645 Чтобы завтра выезжать да на Пучай-реку.

Добры молодцы да распрощаются,
Завтра утрышком встречаться обещались.

А молодой боярин Дюк Степанович
Приезжает он да к добре бабушке.

650 Закручинился он да запечалился,

Он повесил буйную головушку
Он пониже плеч да богатырских.
Говорит ему да добра бабушка,

А и та старушка стародавняя:

655 «Ой же ты, удалый добрый молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Не кручинься ты да не печалуйся,
А ложись-ко спать да опочив держать,
Будет утро мудреняе вечера».

- 660 Молодой боярин Дюк Степанович
Добру бабушку да он послушался,
И уснул он крепким богатырским сном.
И поутру раным-ранешенько,
До зари-восхода красна солнышка
- 665 Будит молодца да добра бабушка:
«Ты ставай, удалый добрый молодец,
Есть у тя да дело неотложное,
Покорись-ко ты да коню доброму».
- Молодой боярин Дюк Степанович
- 670 Выводил коня из стойла лошадиного,
Во Пучай-реки коня повыкупал,
А по утренней росы коня повыкатал,
И взмолился он да коню доброму:
«Уж ты, верный мой да богатырский конь,
- 675 Сослужи-тко мне да службу верную,
Сбереги-тко мне да буйну голову,
Перескачи-ко ты через Пучай-реку,
От одного-то бережка ко другому».
- Тут его ли верный богатырский конь
- 680 Возговорил человеческим он голосом:
«Добрый мой хозяин, Дюк Степанович,
Не кручинься-тко да не печалуйся,
Тебя выведу да я с неволюшки,
Не оставлю молодца при горюшки.
- 685 Мы есть три брата, три коня да богатырских:
Старший брат наш — богатырский конь
Святогора есть да он богатыря,
У него есть трое крыльышки подкожные;
А ести средний брат — да богатырский конь
- 690 Ести старого казака Ильи Муромца,
У него есть двое крыльышки подкожние;
У твоего коня ли богатырского
Одни крыльышки да есть подкожные».
- Тут молодой боярин Дюк Степанович
- 695 Садился он да на добра коня,
И поехал он во далече чисто поле,
Ко тому ко бережку ко крутому,
Ко славной ко матушке Пучай-реки.
- Молодой Чурилушка сын Пленкович
- 700 Он по чистому-то полюшку погуливает,
На добром коне он потешается,
Над боярином да насмехается.
Собралися люди посторонние,
Все князья-бояре стольно-киевски
- 705 И Владимир-князь да со княгинею
Посмотреть удалых добрых молодцев.
Молодой Чурилушка сын Пленкович

- Поразъехался со чистого со полюшка.
Берет он плеточку шелковую,
710 Бил коня он по тучным бедрам,
Бил коня он, приговаривал:
«Уж ты, верный мой да богатырский конь,
Отслужи-тко ты да верой-правдою:
Ты скачи-тко за Пучай-реку,
- 715 На том бережке да не замешкайся,
А поскорешенько скаки в обратный путь».
Посмотрели люди добрые,
Как Чурилушка за речку перескакивал,
Посреди реки да он купается.
- 720 А молодой боярин Дюк Степанович
Поразъехал(ся) да он со чиста полюшка,
Его конь скочил со к(р)угого со бережка,
На другом бережке конь не замешкался,
Скоро-наскоро да поворот держал,
- 725 Через Пучай-реку да конь повыскочил,
А молодой боярин Дюк Степанович
За желты кудри Чурилушки повытащил,
Говорит Чуриле таковы слова:
«А не честь-хвала мне молодецкая
- 730 Окровавить мне да руки белые,
А лишить тебя да жизни молодой,
Пусть не мной Чурилушки наказанный.
А ходи-тко ты, Чурилушки, по Києву,
А гоняйся ты, Чурила, за девками, за бабами,
- 735 А не бейся-ко, Чурила, о великий заклад
А со теми могучими богатырями».
Говорит тут Дюк Степанович:
«Не дивую я Чуриле Пленкову,
А я дивую солнышку Владимиру,
- 740 Что за таких людей он поручается».
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Приглашает их да на почестный пир,
Всех князей-бояр да стольно-киевских,
Задает он пир да в честь удалых добрых молодцев.
- 745 А межанный день идет ко вечеру,
А веселый пир у них навеселе.
На пиру-то все наедалися,
На честном-то все да напивались,
Разными-то похвалами похвалялися.
- 750 Как за тым столом да за дубовым,
А на той скамеечке окольную
А сидел Чурилушки сын Пленкович.
Он ни ест, ни пьет, да и не кушает,
Белой лебеди да он не рушает,
- 755 А он ничем-то молодец не похваляется.

Наконец-то Чурилушка не вытерпел,
Говорит Чурила таковы слова:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Много молодец во Киеве нахвастался,
760 Надо молодца проверить да повыведать.
Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Выбирай-ко ты людей да самолучших,
Ты описчиков да и оценщиков,
Чтобы съездили во Индию богатую,
765 А во тот ли нахваленный да Волынь-город,
А ко той ко Дюковой ко матушке,
Ко честной вдове Мамелфе Тимофеевне».
Тут Владимир-князь да соглашается.
И повыбрали удалых добрых молодцев,
770 А и шесть оценщиков-описчиков,
В том числе Добрынюшка Никитинеч.
Они сели на добрых коней, поехали
Как по той дорожке прямоезжеей,
Что проложил дорожку Дюк Степанович.
775 А и ехали-поехали удалы добры молодцы,
Подъезжают ко Индии богатоей,
Ко тому ли славному да Волынь-городу.
Поднималися на горушку высокую,
А Волынь-город да точно жар горит.
780 Говорят они да промеж себя:
«А хитер боярин Дюк Степанович:
Волынь-город-то ведь огнем горит,
Чтобы нечего было нам описывать».
Согласились да сговорились,
785 Пораскинули они да белой шатер,
А своих ли коней богатырских
Отпустили во луги они зеленые,
Отпустили коней да стреножили.
Заходили сами во белой шатер,
790 И ложились спать да опочив держать.
Они в дороженьки да утомилися,
Они беспробуду спали трое суточки.
Через трое суток пробуждалися,
Посмотрели в трубочку подзорную:
795 А Волынь-город — он целой стоит,
А целой стоит да точно жар горит.
Они сели на добрых коней, поехали.
Заезжали прямо на боярский двор,
Они чудушку да чудуются,
800 Они дивушку да дивуются:
По всему двору да боярскому
Повыстланы мосточки еловые,
Положены перильчики точеные.

А на тех перильчиках точеных,
805 А на тумбочках да на золоченых,
А сидели тут да птицы царские,
Распевали песенки все райские.
Тут опарубки боярские догадливы:
Принимали у гостей да коней добрых,
810 Завели во стойла лошадиные,
Понасыпали пшеницы белояровой.
А послы-то, гости стольно-киевски,
Прямо шли к палате грановитой
А по тем по крылечкам точеным,
815 А по тем ступенчикам по мраморным.
Заходили тут оне да во первой покой,
Сидит женщина да пожилых лет,
На ней платьица да черно-шелково,
На головушке чепец да рыта бархата
820 Да приунизанный да скатным жемчугом.
Тут послы-то стольно-киевски
Бьют челом да низко кланяются.
Говорят они да таковы слова:
«Здравствуешь ли, Дюковая матушка,
825 Ты честна вдова Омелфа Тимофеевна!»
Им ответ держит да эта женщина:
«Я не Дюкова есть матушка,
А я Дюкова есть рукомойница.
По утрышку да как по раннему
830 Полагаю воду в рукомойничек».
И пошли тут гости во второй покой.
Сидит женщина да пожилых лет,
На ней платьице да рыта бархата,
На головушке чепец да голевой парчи,
835 Приунизанный да чистым серебром.
А послы тут гости стольно-киевски
Бьют челом ей, низко поклоняются.
«А и здравствуешь, Дюковая матушка,
Ты честна вдова Мамелфа Тимофеевна!»
840 Говорит им эта женщина:
«Ой купцы вы, гости стольно-киевски,
Я не Дюковая есть матушка,
А я Дюковая есть ключница».
И пошли тут гости в иной покой.
845 А сидит тут женщина да пожилых лет,
На ней платьице да точно жар горит,
Приунизано да красным золотом.
Тут послы ли гости стольно-киевски
Бьют челом ей, низко поклоняются:
850 «Здравствуешь, Дюковая матушка!»
Говорит им тут да эта женщина:

«Я не Дюковая матушка,
А я Дюковая есть стольница.
Расставляю я столы дубовые,
Постилаю скатерти шелковые,
Полагаю яствушки сахарные.
Уж вы, послы да гости стольно-киевские,
Вы подите-ка, послы, да на широкий двор,
Поднимитесь-ка на выходы высокие,
855 Постигаю яствушки сахарные.
Посмотрите-ка вы в трубочку подзорную,
Только каждой бабе вы не кланяйтесь,
Расколотите вы буйную головушку.
А Дюковая есть матушка —
Она ушла во церковь во соборную,
860 А ко той к обедне богомольную.
Священная обеденка кончается,
А скоро Дюковая матушка-то возвращается.
А вы смотрите-ка, не проглядитесь-ка:
Пойдут сначала тут мятельники —
865 Разметают дороженьки пустыни;
За метельниками пойдут постельники —
Расстилают ковры они персидские;
За постельниками пойдут цветочники —
Посыпают травоныки душистые;
870 А потом пойдут да сенны девушки —
Поведут под руки Дюкоеву матушку». Тут послы ли гости стольно-киевски
Выходили на широкий на боярский двор,
Становились на выходы высокие.
875 По тому двору да по боярскому,
От той палаты грязновитоей
До самой церкви до соборною
Повыстланы мосточки еловые,
Положены перильчики точеные
880 Да и маковки золоченые,
По перилам-то сидят да птицы царские,
А поют они да песни райские,
Стоят молодцы да удивляются.
Вдруг пошли мосточками метельники —
885 Разметают дороженьки пустыни;
За метельниками идут постельники —
Расстилают они ковры персидские;
За постельниками идут цветочники —
Посыпают травоныки душистые;
890 А потом идут да сенны девушки —
Ведут под руки Дюкоеву матушку.
Тут послы ли гости стольно-киевски
Бьют челом ей, низко кланяются.
«Здравствуешь-ка, Дюкоева матушка,

- 900 Ты честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Ты прими поклон да понизешенько
От своего ли чадочка любимого,
А от Дюка ли да Степанова,
Он у нас гостит да во Киеве».
- 905 Говорит им Дюкоева (матушка):
«Ой же вы, удалы добры молодцы,
А кем вы, молодцы, сюда отправлены,
Зачем, молодцы, да вы посланы?»
- Говорят тут гости стольно-киевски:
910 «Мы от того от города от Киева,
А от ласкового князя от Владимира,
Не гостить пришли, а дело делати:
Мы описчики да оценщики
Твоего именья да богачества».
- 915 Говорит тут Дюкоева матушка:
«Ай послы вы, гости стольно-киевски,
Проходите-ко, послы, вы во высок терем,
А во ту ли гридню во столовую,
Хлеба-соли тут сиротского откушати,
- 920 Я хочу от вас да речи прослушати».
Пошли тут гости стольно-киевски
А во те палаты белокаменны,
А во ту ли гридню во столовую,
А садилися да за столы дубовые,
- 925 Досыта они да наедалися,
Допъяна они да напивалися,
Много дивушку да дивовалися,
Что столы стоят да все точеные,
А все приборы были золоченые,
- 930 Говорят оне да таковы слова:
«Ай же Дюкоева матушка,
Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна,
Покажи-тко нам имение-богачество».
- Тут берет она да золоты ключи,
935 Отмыкает она да замки крепкие:
Тут много-множество да платья цветного.
Не могли они глазами да поразглядеть,
Не могли тех платьицев повысчитать.
Повела в конюшеньки стоялые,
- 940 Там табуны стоят да коней добрых.
Не могли послы коней повысчитать,
Не могли глазами их поразглядеть.
Повела вдова их на широкий двор,
Тут стоят сараи колесистые,
- 945 А подвешены-то бочеки дубовые,
А набиты тут обручики серебряны,
На цепях качаются да металлических,

- В бочках налиты вина заморские,
 Как от ветрушка те бочки колыхаются,
 950 А заморское вино не задыхается.
 Повела вдова благочестивая
 А в ту усадьбу красовитую,
 А во те сады да во зеленые.
 А течет там реченька серебряна,
 955 В речки плавают рыбки золоченые.
 Тут послы ли гости столько-киевски
 Они чудушку да чудуются,
 Они дивушку да дивуются,
 А сосчитывать именье не решаются,
 960 А описывать богатство не соглашаются.
 Говорит им Дюкоева матушка,
 Та честна вдова Мамелфа Тимофеевна:
 «Ой послы вы, гости стольно-киевски,
 Вы описчики да оценщики,
 965 Поезжайте-ко вы ко Киеву ко городу,
 Передайте вы князю Владимиру:
 На бумагу-то продаст пусть стольно-Киев-град,
 А на чернила-то продаст пусть он Чернигов-град.
 Пусть приезжает сам Владимир-князь
 970 Животиночек сиротских описывать».
 Тут послы ли гости стольно-киевски
 С той честной вдовой они прощалися
 И обратно в Киев ворочалися.

24. МОЛОДЕЦ У ЛИТОВСКОГО КОРОЛЯ

(Молодец и королевична)

- Пошел молодец из орды в орду,
 Из орды в орду да к королю в Литву.
 А король молодца да крепко вóзлюбил,
 Крепко возлюбил да много жаловал,
 5 Много жаловал, все уговаривал:
 «Не ходи-тко, молодец, да по честным пирам,
 По честным пирам, чаревым кáбакам,
 Не пей, молодец, да зелена вина,
 Зелена ли то вина да вина допъяна».
- 10 Молодец короля да не послушался.
 А пошел молодец да по честным пирам,
 По честным пирам, чаревым кабакам,
 Напивался молодец да зелена вина,
 Зелена вина да вина допъяна,
- 15 Во хмелью-то молодец да порасплакался,
 Порасплакался да порасхвастался:
 «Я у короля живал да двадцать пять годов,

Да с королевой жил да я пятнадцать лет». Это слово королю да взапреку пришло,
20 Взапреку пришло да не слубилося.
Приказал король да молодца казнить,
Молодца казнить да смертью лютую.
Говорит король да палачам своим:
«Вы ведите молодца да позади дворца,
25 Чтобы не видела да королева та».
Королева палачам она смолилася:
«Вы ведите молодца да посреди дворца,
Мимо моего да вы окошечка».
Палачи королеву послушали,
30 Повели молодца да посреди дворца,
Мимо-то королевское окошечко.
А королева в окошке слезно плакала,
А ронила она слезы за окошечко.

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ ПОРТНЯГИН

Сведения о сказителе крайне скучные. Родился он в 1867 г., проживал в д. Старое Сигово (нын. д. Сигово) Пудожского района. Из неопубликованных текстов лишь один хранится в архиве — «Егорий» (17/95). А. А. Портнягин известен и как хороший сказочник, от него записано около 20 сказок, в основном волшебных.

25. СТАРИНА

(Илья Муромец и Соловей-разбойник)

- С одного со города со Муромля,
Со иного села Карабаева
Справляется-снаряжается дородненькой доброй молодец,
Доброй молодец Илья Муромец
- 5 Проехать путь-дорожку прямоезжую
Через эти три заставы,
Через тыи корбы дремуции,
Через ты болотушка зыбуции,
О ту березу виловатую,
- 10 Соловья, птицу Рахматую,
Кладает заповедь великую.
«Не вынять бы туга лука с налущника,
А каленой стрелы со настрельника,
А поспеть бы в Киев-град,
- 15 К ласковому князю ко Владимиру,
Поспеть к ему на поцестен пир
После заутрены воскресенною,
А поспеть к обидни богомольною».
Седлал ли он своего коня:
- 20 Кладывал он потницахи на потницахи,
На потницахи клал мягки войлоцки,
На войлоцки сиделко окованное,
Окованное сиделышко черкальское,
Кладал подпруг до двенадцати,
- 52 А тринадцатую клал под ногою,

Не гля-ради красы-басы-угожесьва,
Ради крепости богатырьскою.
Садился он на добра коня.
Видели его сядуцись,

30 А не видели дородного уедуцись.
В цистом поле только шум шумит,
А во темном лесе один гром гремит
От того копыта лошадиного.

Доехал он до первой заставы,

35 До той ли корбы до дремуцею,
До того болотушка зыбуцего.
Спускался он с добра коня,
Левой рукой коня ведет,
А правой рукой только дубья бьет,

40 Дубья рвет да все мосты мостит,
Мосты мостит да все продольни,
Кресты-то ставит богомольни.
Ехал он до другой заставы,
До того до города до Кешева.

45 Окружил(а) окон города да Кешева
Рать-сила великая,
Великая сила литовская.
Тут молодецъ пораздумалсѧ:
«Отдать город на разрыванье —

50 Даک от господа буде мне не спасенье,
А от добрых людей не есть хвала молодецкая,
Не видно буде сила богатырская».

Сорвал дуб сырогрецкии,
Поехал в рать-силу великую.

55 Кое дубом бьет, а ино конем топцет.
Прирубил, припутил всих татаровьев,
Не оставил татарина на сымяна.
Приехал он во божью церкобъ.
Тут кешевцы исповедаються,

60 Исповедаються да причащаются,
Уж верную смерть спрavляються.
Зашел в божью церковь,
Оны испугалисе,
Некоторы в окна потросклисе,

65 Други глядят — видно есть от господа спасенье.
Приехал святорусской богатырь,
Крест кладат по-писаному,
А поклон веде по-ученому.
«Поглядите вы во чисто полѣ,

70 Не оставлено татарина на симяна».

Повернулсе он со божьей церкви,
Садился ён на добра коня,
Вперед свой путь держал.

- Приехал он до березы виловатоей,
75 Соловья, птицы Рахматой.
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Зарыцал Соловей по-змеиному,
А его добром конь на колена пал.
Ткнул коня под круты ребра.
80 «Ах ты, волцъя съть, травяной мешок,
Чего же ты пугаешьсь?»
Натягивал стрелоцку на тетивоцки,
Натягивал да приговаривал:
«Лети, стрела, Соловью в правой глаз,
85 А вылетай, стрела, во лево ухó».
Спустил стрелоцку на тетивоцки,
Пала стрела Соловью в пр(авой) глаз,
Вылетала ему во лево ухо,
Соловей-птица из дуба пал.
90 Приковал Соловья к коню, к стремени.
Глядя его малые детушки:
«Отец-то иде, г(овори)t, коня гонит
И мужика в стремени везет».
Глядит его модала жена:
95 «Не отец иде, мужика везе,
А мужик иде, отца везе.
Гли, отец у стремени подскакиват».
Приехали в поселье Соловьиное,
Просит его жена:
100 «Ай русской богатырь,
Спусти ты Соловья, оставь его нам,
Я те за это дам золота телеги вдовенъский».
«А это что, не честь-фала молодецкая,
Не ведь сила богатырская,
105 Что брать мне твое золото».
Повернул коня,
Вперед свой путь держал.
Приехал он во Киев-град,
К Владимиру-князю на почестен пир,
110 Ему дали место большее.
Сидит Илья, угощаетсε,
Наливает чару зелена вина,
Другу чару — пива пьяного,
Третью чару — меду сладкого.
115 Сливали питье в одно судно,
Приходит питья полтора ведра,
А весом-то его полтора пудá.
Берет он единой рукой,
Выпивал ён на единой здох.
120 Спрашива(т) князь Владимир:
«Кто у тя у стремени?»

- «А есть у меня Соловей, птица Рахматая.
 «А заставь-ко его посвистать».
- Засвистал Соловей по-соловьиному,
 125 Зарыцал Соловей по-змеиному,
 Дак земля сколыбаласе,
 Новы домы пошаталисе,
 Стары домы порассыпалисе.
 Угостилсе ён по-хорошему,
 130 Простилсе с князем со Владимиром,
 И обратно ён путь держал.
- 26. (Соломан и Василий Окулович)**
- В одном царьстве в Кудриянскоем
 Жил прекрасный царь Вас(илий) Окульевич.
 Собрал он почестей пир,
 Вси на пиру пьяны-веселы.
 5 Ходит он по гридни по столовою.
 «Вси у мяя в царьстве поженены,
 Вси красны девушки замуж выданы,
 А я живу, г(овори)т, холост-неженат».
 Младший тулитсе за большего,
 10 А больший тулитсе за меньшего.
 «Чтоб выбрать ю и белым-бела и стат(ным)-статна,
 Было бы с кем забавлятися, а мни поклонятися!»
 Выскоцил Ванюха вор Поваренной.
 «Вот я тебе знаю невесту,
 15 Буде тебе с кем забавлятисе,
 А нам буде кому поклонятисе.
 Есть, г(овори)т, на Руси царица Соломáнида,
 И тебе буде с ней хорошо забавлятисе,
 А нам буде кому поклонятисе».
 20 «Ох ты, Ванюха, гой вор Поваренной,
 Как от жива мужа жену отнять?»
 «А не над и отнимать,
 Только съездить да взять.
 Нагрузите кораб товаров драгоценных
 25 И перемените мне званиё:
 Был Ванюха вор Поваренной,
 А наложите звание — Торокашка гость заморский».
 Переменили имя — Торокашка гость заморский,
 Нагрузили кораб разных товаров драгоценных.
 30 Отправилс Ванюха за сине море,
 В тое ц(арст)во святорусское,
 Привалил кораб в царьство русское.
 Приходит, а царя дома не слуцилосе.
 «Ай же ты, царица Соломанида,
 35 Поди-ко, оцени на моем корабли товары драгоценныи
 И разреши мне торговать», — г(овори)т.

Царица по кораблю ходила-была,
Товары все оценила.
Нацали царицу угашивать
40 Винамы заморскими, питьямы забудущими.
Царица напиласе
И заснула, свалиласе.
Приказал поднять пárusa.
Отправилсε кораб за сине море,
45 Отъехали далеко за сине море,
Царица проснуласе,
Видит, ни краю, ни берегу на синем мори.
«Ай же Тороκашка заморской,
Про себя везешь или про друга?»
50 «Не про себя везу, г(овори)т, а про друга,
Везу про прекрасного царя Василья Окульева».
Тут царица задаваласе,
Тут царица снова напиваласе.
«Еду я от модривого Соломана
55 К прекрасному царю Василию Окульеву».
Привалил кораб к пристани корабельною.
Тут царю царица прилюбиласе,
Нацали жить, забавлятисе.
Приехал царь Соломан домой,
60 А царицы Соломаниды и дома нет,
Увезена царица в ц(арст)во Кудриянское.
Брал ли он силы сорок тысячей,
Золотой казны колько надобно,
Приехал он ко Почай-реки.
65 «Ай ты, сила-войско любимоё,
Опочев держите у Почай-реки,
Пейте воду со Почай-реки,
Режьте жеребы с березины,
Кидайте жеребы на Почай-реку,
70 Которы жеребы на дно падут —
Та сила воротись домой,
А которы жер(ебы) поверх падут —
Тая сила здесь живи.
И слухайте, г(овори)т, трубы пастушьи:
75 Как раз протрублю в турьей рог —
Как ты бы, сила, ладилась кольчуживать.
А другой раз затрублю в турьей рог —
Дак ты чтоб, сила, на конях была.
А третьей раз протрублю —
80 Дак чтоб сила у меня была».

Взял свой турьей рог и пошел в царьство Кудриянское. Приходит, а царя дома нет, Василья Окульева. Сидит царица одна в покой.

«Ай же ты, царица Соломонида,
Ну что же ты, царица, наделала?»
«Не охотой я поехала —
Увезли неволею».
85 Вдруг идет царь Василий Окулович.
«А меня теперь куды?»
«А поди в большой сундук, я тебя скрою».
И приходит царь Василий Окульевич.
«Ай же Василий Окульевич,
90 Приехал ко мне старой муж».
«А где ён находитсе?»
«А вот, в сундуки.
Казни Соломона скоро-наскоро».
Хватил он саблю вострую,
95 Хоце оттюкнуть буйну голову.
Скорилсে тут Соломон-царь:
«Не казни меня скоро-наскоро,
Сделай мне ты смерть царскую:
Сострой мне в чистом поли
100 Крылецко в три ступенцика
И сделай три петелки шелковых.
В первую петелку — голова класть,
В другу петелку — руки класть,
А в третью петелку — нога.
105 И повисиши ты меня,
Даешь ты смерть мне царскую,
Про тебя пойдет слава великая,
Что задавил Соломона в петелках».
Царь приказал сделать крылечко три ступенчика.
110 Впрягали коней стоялых,
Повезли Соломона на виселицу.
Сам сел в корету, поехал впереди.
Безут Соломона на виселицу,
Говорит Соломон таковы слова:
115 «Перва-то корета сама бежит,
А другу-то корету конь везе,
А третью корету цёрт несе».

(Жена-то сзади, дак.)

Приехали к этим ступенцикам,
И говорит Соломон таковы слова:
120 «Ай же прекрасный царь,
Смолоду коровушек попасывал,
Охотник был в турьей рог поигрывать.
Дай при смерти мне потешиться,
В турьей рог да наигратися».
125 Говорит царица Соломонида:
«Казни Соломона скоро-наскоро».

«Ай же Василий Окульевич,
Одно древо — не лес в поли,
Один человек — не рать в поли».

- 130 Затрубил Соломон в турьей рог,
Вдруг его сила скошеваласе,
К Соломонуправлялся.
«Это что сделался шум?»
«Ай же Василий Окульевич,
135 Это, г(овори)т, гуси-лебеди хлопают
Крыльями по синю морю,
Сыщут они (трубу) турьеву». Переступил Соломон на второй ступенчик,
Опять и говорит:
140 «Ай Вас(илий) Окульевич,
Дай при смерти потешиться,
В турьей рог наигратисе».
«А играй, Соломон, сколько хочетсে». Сыщут, что сила к ему двигаетсে.
145 Переступил Соломон на третьей ступень.

(На остатной.)

«Ай Василий Окульевич,
Дай при смерти натешиться».

«А играй, Соломон, сколько хочетсё».

Нацал Соломон в турьей рог поигрывать,

- 150 Приехала сила святорусская,
Нацали охрану бить кудриярскую.
Видит, что сила победила,
И говорит таки слова:

«Ай же ты, Василий Окульевич,

- 155 Налетели святорусские голуби,
Клюют твое пшено белоярово».
Овернется царь В(асилий) Окульевич.
Спустил Соломон с крилецка,
В первую петлю повесил царя В(асилия) Ок(ульевича),
160 А в другую петлю пов(есил) Торокашка гостя заморского,
В третью петелку палаца немилостливого,
А царицу Соломониду привязал к двум жеребцам:
К жеребцу ногу, а к другому другую.
Нарядил жеребцей в чисто поле,
165 Роздернули царицу во чистом поли.
Поехал он в царьство свое святорусское
С большой славой великою,
Что повесил царя В(асилия) Окульева.

27. СИЛЕВАН КОРОЛЬ ЗЕМЛИ ЛИТОВСКОЮ (Наезд литовцев)

Силеван король земли Литовскою
Собрал он почестен пир,
Всих князей, всех бояровьев,
Сильних могучиих богатырев,
5 Всих богатых витязев.
Вси на пиру пьяны-веселы.
Сидят славных два витязька,
Два королевских племенницка,
Не едят, не пьют, ды и не кушают.
10 Ходит король по гравди по столовою.
«А что вы, славные витязьки мои,
Не едите, не пьете, ды и не кушаете,
Како ли зло, видно, на дядю думаете?»
«Хоцем съездить на святую Русь повоевать».
15 «Ай вы, любимые племенницки,
Был я в молоду пору
И находился от Романа Митриевича роскоракою,
А вам буде, детушки, честь особая».
Брали силы сорок тысяцей,
20 Золотой казны, колько надобно,
Поехали на святую Русь.
Попленили два села пересельских,
Пересельских что не лучшиих,
Настасью Митреевичну в полон взяли
25 С младеньцем трехмесячным.
Пала весть Роману Митриевичу,
Что взята Настасья в полон, сестра,
Скоцил он на резвы ноги,
Фатил булатный нож,
30 Ткнул ножом во дубовой стол,
Проскоцил нож скроль дубовой стол.
«Ох ты, стара седина, седата борода,
Чего ты, старость, ко мне привязаласе,
Неужели улетела во цисто поле,
35 А во цисто поле ясным соколом,
А по памятки, по грамотки,
По глубокою своеи старости,
Неужели¹ мне своей старостью
Да сходить мне во чисто поле,
40 К тым славным ко витязькам,
К тым королевским племенницкам?»
Брал силы сорок тысяцей,
Поехал он во цисто поле,

¹ В рукописи неразборчиво.

- Приехал он опять ко Почай-реки.
- 45 «Вот ты, говорит, сила-войско любимое!
Пейте воду со Почай-реки,
А режьте жеребы с березины,
Которы жеребы поверх пойдут —
Та сила зде живи,
- 50 А которы на дно падут —
Дак тая сила домой воротись».
Походит силы и наказывают:
«Вот ты, сила, слухай грай церного ворона:
Как раз я сграю черным вороном —
- 55 Ты, сила, справьсе да скольчужьсе.
А как другой раз сграю черным вороном —
Дак чтоб ты, сила, на конях была.
А как в третий раз сграю черным вороном —
Дак чтобы, сила, у меня была,
- 60 У меня была, дело делала».
Овернулсе он серым волком,
Поскакал волк по цисту полю,
Прискакал волк ко белым шатрам,
У добрых коней горла пбдорвал,
- 65 Остальных коней в полё отогнал.
Овернулсе тонким белым горносталем,
У стрелоцек тетивоцки все пересек,
Порохову казну всю позамоцил.
Сидит Настасья Митреевицна,
- 70 Слезно уливается,
А тот младенец трехмесяцной:
«Не плачь, родитель моя матушка,
Есть наш дядюшка в белом шатрѣ,
Нас с тобой повыручит».
- 75 Нацали горносталя полавливать,
Куньей шубою закутывать.
Выскоцил горносталь во левої рукав,
Во левої рукав ды с шатра долой.
Вылетел ворон на сырой дуб,
- 80 И загряял ворон.
Выходят славные витязьки.
«Ай же ты, ворон птица вещая,
Каку ты ведаешь невзгодушку?
Возьмем туги лукі,
- 85 Пропустим крылья-перъя по чисту полю,
А кровь прольем по сырому дубу».
Фатилисе за туги луки,
У тугих луков тетивоцки пересицены,
Порохова казна вся замоцена.
- 90 И другой раз загряял церным вороном,
Вдруг сила подъезжала к нему,двигается.

Третий раз загряжал черным вороном,
Смотрит ворон во чисто поле,
Бьет сила святорусская окаянных татаровьев,
95 Прибили, притоптали войско литовьское.
А этим славным витязькам,
Королевским племенницам,
Одному взял глаза выкопал,
А другому по колен ноги отсек.
100 Садит безного(го) на слепого.
«Ты, слепой, неси его домой,
А ты, безногой, дорогу показывай.
И снесите Силеван королю Литовскому
Низкой поклон от Романа Митривица
105 И скажите, что Роман Митривиц
На Руси здоров старик живет».
Пошли славные витязьки
В своё царьство Литовское,
Пришли к Силеван королю Литовскому,
110 Принесли поклон от Романа Митриевича.
«Говорил же я вам:
Был я в молоду пору не вашу часу,
Да находилс раскоракою от Романа Митриевича».

КСЕНИЯ ЕГОРОВНА РЕМИЗОВА

Ксения Егоровна — вдова замечательного сказителя Н. А. Ремизова. Неграмотная. В 1961 году ей было 76 лет. Родилась в деревне Маткаже (Купецкое озеро), вышла замуж в д. Алексеево Пудожского района. Жизнь ее, по воспоминаниям, сложилась трудно: с шести лет ходила она по людям «во пестуньях», в замужестве «десяти ребят было выношено», потом Ксения Егоровна воспитывала многочисленных внуков.

«Когда Ксения Егоровна рассказывает или поет, она постоянно занята чем-нибудь: вяжет, шьет или качает ребенка. Что бы она ни рассказывала, она всегда ссылалась на мужа как на первоисточник. «Микита Антоныч что сказок знал, стихов и старин, и всего. Все, бывало, складывал, сам про себя складет былину» (21/16). По словам Ксении Егоровны, которые подтверждаются автобиографией самого сказителя, Ремизов перенял многое от Егора Семина, которого она никогда не слышала. «Как только собиратели спросили о богатырях, Ксения Егоровна рассказала «Илью Муромца», «Ермака Тимофеевича», быстро вспомнила «Добрыню», содержание всех остальных былин вспоминала с трудом. Пересказы ее довольно близки к текстам мужа, за исключением тех, которые она совсем плохо помнит. (Например «Непра-королевична»). То же можно сказать о старине про Ермака Тимофеевича. ...На вопрос собирателей, слышала ли она что-нибудь об Иване Грозном, Ксения Егоровна ответила: «Слышала, да не знаю. Грозный царь Иван Васильевич еще пели. Не поняла, не знаю». Она охотно рассказывала все, что могла вспомнить, никогда не заставляя просить себя дважды. Гораздо сложнее было уговорить ее спеть. При пении она постоянно сбивается на пересказ. Так как давно не пела «стихом», ей трудно вспоминать старины и она, по-видимому, иногда импровизирует. Пересказы и тексты, записанные от нее с пения, значительно отличаются (ср. пересказы былины о Ермаке Тимофеевиче и напетый текст). Тексты былин, записанных с голоса, более традиционны. Характерно, что пересказывая былины, Ксения Егоровна постоянно называла киевского князя царем, а когда пела их, почти всегда называла Владимира князем стольно-киевским (один раз при пении, назвав Влади-

димира царем, тут же поправилась: «князь стольнё-киевский»).

Ксения Егоровна не пользуется репутацией сказительницы ни в своей деревне, ни в окружающих. На нее нам указали только потому, что мы искали родственников Н. А. Ремизова.

Она знает еще былину-балладу «Братья разбойники и сестра» и сказку «Как сын не пошел хоронить отца» (определение внучки), записать которые помешали гости» (21/16).

В архиве хранятся неопубликованные былины, баллады и духовные стихи К. Е. Ремизовой: 1) «Ставр Годинович» (отрывок, пересказ — 21/136); 2) «Илья Муромец, Ермак и Калинцарь» (отрывок, пересказ — 21/132; 21/128); 3) «Илья Муромец, Ермак и Идолище» (21/131); 4) «Чурила и Катерина» (пересказ — 21/135); 5) «Дюк» (отрывок, пересказ — 21/133); 6) «Муж губит свою жену» (21/139); 7) «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (пересказ — 21/117, 21/118); 8) «Непра и Дон» (отрывок, пересказ — 21/134); 9) «Добрыня и Алеша» (пересказ — 21/129); 10) «Егорий» (21/142); 11) «Сорок калик» (21/140); 12) «Михаил Архангел» (21/141).

28. ПРО ДОБРЫНЮШКУ

(Добрыня и Алёша)

Была цостна вдова Офимья Олекандровна,
Был у ей сынушка Добрынюшка Микитинец,
Силушка была непомерная.

Сделалось собраньице у царя у великого.

⁵ Повещают ёго на собраньице,
На собраньице, на совещаньице.
Сходил туды-ко Добрынюшка Микитинец,
Приходит с собраньца невесёленъкий да угрюменъкий.
Спрашивает ёго матушка,

¹⁰ Цостна вдова Офимья Олекандровна:
«Ты Добрынюшка да сын Микитинец,
Как тебя ведь там да огорчили же,
Невесёлы да ты пришел,
Видно, мистецко дали не по разуму,

¹⁵ Обнесли тебя царой зеленым вином?»
«Ты цестна вдова Офимья Олекандровна,
Как любимая да моя матушка,
Мне-ка мистецко да было первое,
Была цара вина да налита первая.

²⁰ Как Владимир-князь стольно-киевский
Наложил мне службу великую:
Мне идти на войну да на сраженьице,
А человеком-то да мне-ка первым.
Еще ты, родитель моя матушка,

- 25 Как родýла-то меня на светушку,
Опустила бы ты меня на поле пылиноцкой,
А на цисто полё травиноцкой.
Как поутрушку вставать ранёшенько,
А справляться мне да поскорешеньку.
- 30 Вы останетесь-то, вы победные,
Как Настасьюшка да доць Микулична,
Еще ты, родитель моя матушка.
Мне отправитьсе да во цисто полё».
Как поутрушку да ранёшеньку
- 35 А Добрынюшка сын Микитиниц
А как не елося ему, не пилося,
Он садился тут да на добра коня,
Отправлялся тут да на войну туды,
Как Настасью-то да он Микуличну
- 40 Ён давал наказ да все наказывал:
«Ты Настасьюшка да доць Микулична,
Уж ты год мене жди, как не дождешься,
И второй меня жди, как не дождешься,
Ну и третий жди, как не дождешься,
- 45 Так хоть вдовой живи, а хоть замуж пойди,
Не ходи замуж да за Олёшеньку,
За Олёшеньку да за Поповица:
Смёлой-то Олёшенька да мне-ко-ва подкрестовый брат,
Мы крестами-то да с ним менялисе,
- 50 Дак ён ведь мне-ко-ва подкрестовый брат».
Распростилисе да поехали.
Как поехал Добрынюшка Микитиниц.
Как прошло тут времецко да скорое,
А три годушку прошло да миновалосе,
- 55 А нет Добрынюшки ни вестоцки,
А никакого тут нет извиштица.
Ещё смелый-то Олёшенька Поповиц-то
Да стал Настасьюшку да доць Микуличну,
Да стал он сватать-то да посватывать,
- 60 Да как она не йдет за него.
А Владимир-князь стольно-киевский
Да постращал-то ю да таковым словом:
«Ты Настасьюшка да доць Микулична,
Не пойдешь за Олёшеньку в замужество —
- 65 Мы во старици да тебя постригём,
В монастырь-то мы да тебя отошлём».
Настасья тых страостей да побояласе,
И побояласе да постращиласе,
Ёна пошла за Олёшеньку-то Поповица.
- 70 Ены клали пир да на двенадцать дён.
А Добрынюшка-то да сын Микитиниц
Ён лежит-то ведь да во цистом поли,

- А сквозь тело бело трава проросла.
И прилетали тут голубь со голубкою,
75 А стал тут голубь прогуркивать,
Со голубкою стал проговаривать:
«Ты Добрынюшка да сын Микитинич,
Ты лежишь ведь тут да во сырой травы,
А твоя жона за замуж пошла
80 Да за смелого Олёшеньку Поповица,
А не с охвотушки пошла, с неволюшки.
Ёна тых страстей да побояласе,
Государьских да пострашиласе,
А ёны клали пир да на двенадцать дён.
85 Так ты ставай, Добрыня, со булынь-травы».
А ставал Добрынюшка с булынь-травы,
А садился ён да на добра коня,
Приезжал Добрынюшка к своей матушки,
Да к Офимье ён да к Александровне.
90 Ён стуцит-гремит да во первый закон.
«Ты пусти меня, Офимья Александровна,
Как любимая да моя матушка».
Его матушка да испугаласи.
«Горька пьяница да голь кабацкая,
95 Голь кабацкая да подорожная,
Отойди-тка процы да от моих ворот,
От моих воротец от решётчатых.
Кабы был Добрынюшка во живности,
Не дошло бы тебе надругатисе
100 Над моим домом да над сиротским».
Того Добрыня не пытается,
Ён стуцит-гремит да во второй закон.
«Ты пусти меня, да родна матушка».
Отворяет воротека решётчаты.
105 «Дай-ка мне-ка, дитя, пощупати:
Да на головушке да у Добрынюшки
Было родимное знадебко на верховище».
Как пощупала да ёго матушка —
Дак обрадела тут.
110 Да своего сына человала в уста сахárные,
А провела себе да в горницы.
«Ты Добрынюшка да сын Микитинич,
А как твоя жена да есть замуж пошла,
Не с охвотушки пошла, с неволюшки,
115 Ёна тых страстей да побояласе,
А за смелого Олёшеньку Поповица».
«Ты цестна вдова Офимья Александровна,
А любимая да моя матушка,
Неси-тко мне гусёлышка яровчата.
120 Я пойду-ка, справлюсь на поцестной пир,

На поцестной пир, да к молодой жены». И приходит ён да на поцестной пир. «Пропусти-тко да меня, скоморошинку, А скоморошине мýсца немножечко».

- ¹²⁵ «А скоморошно мисто на зáпорье». Как выстал Добрынюшка на зáпецек Да заиграл гусёлышка яровцаты, Как Настасьюшка да доць Микулична За столом ёна да зашаталаси.

(Узнала, видно.)

- ¹³⁰ «Опустите-тко скоморошинку, А пусть садитсе с нами за дубовый стол». Опускалсে ён да Добрынюшка, А садился к столу дубовому. Наливали цару зелена вина,

- ¹³⁵ Подносил Настасье Микуличне. «Ты Настасьюшка да доць Микулична, «Уж ты пей до дна — дак увидашь добра, А не пьёшь до дна — не увидашь добра». Как Настасьюшка да доць Микулична

- ¹⁴⁰ Эту цару брала правой рукой, Выпивала ёна да на единый вздох, А там лежит кольцо да обруцальное, Которым ёны с Добрынюшкой обруцалисе, А когда венцалисе да обруцалисе.

- ¹⁴⁵ «Так не тот мой муж, кой возли бокá, А тот мой муж, кто против меня». Как Добрынюшка да сын Микитинец А взимал Олёшеньку за желты кудрй, А бросал Олёшу о дубовый пол.

- ¹⁵⁰ «От живого мужа жónы не бери». Ен царю отнес да благодарственну. «Не велел ведь я да жонý замуж дать За Олёшеньку да за Поповица, Так ведь вы меня да не послушали».

29. ПРО ЛАЗАРЕЙ

Жили да были два братца Лазыря: Один-то был братец богатый человек, А другой-то был братец убогий человек. Сделался у богатого поцестной пир,

- ⁵ Приходя убогий к брату своему. «Братец ты, братец, богатый человек, Накорми-тко, братец, голого меня, Напой-ко, братец, жадного меня, Обнадёжь, обуй, братец, бóсого меня».

- ¹⁰ «Выдь, нишша калика, ты прочи от меня,
А есть у мя братыца получше тебя,
А повыше плецём, покрасивее лицём:
Попы да дьяки — то браты мои,
А купци да торговцы — тое дружья мои.
- ¹⁵ А ты-то меня братцем да не называй,
А ты меня родимым не нарекай».
Выходил убогой на крутое крыльце,
Ставилсے убогой на восток лицём,
На восток лицём, да на запад хребтом,
- ²⁰ Закрицал убогой своим громким голоском:
«Господи, господи, Спас милостливой,
А выслушай-ко, господи, моленъицё моё,
А неправедно моленъицё Лазырёвое.
А пришли-ко мне, господи, двух ангелков,
- ²⁵ Двух ангелков, да двух немилостливых». А выслушал господи, Спас милостливой,
А праведно моленъицё Лазырёвое,
А прислал к ёму господи двух ангелков,
А двух ангелков, да двух милостливых.
- ³⁰ А кличут ту душеньку, выкликали,
А манят ту душеньку, выманили.
Укладывали душеньку на бело полотно,
А поднимали душеньку на небеса,
А принимали душеньку Исаак да Абрам,
- ³⁵ А кладывали душеньку во светлой рай.
«А тут тебе, душенька, мистецка,
А тут-то ведь, праведна, уготовано».
А выезжал богачий да во лузя гулять,
А приняла богатчину скорбность и болесть,
- ⁴⁰ А три году богачина во гноюшке лежал,
А всё ёго именьице прахом прошло,
А светлы ёго горьницы огнём пожгало.
А выходил богатчина на крутое крыльце,
Становилсے богачий да на восток лицём,
- ⁴⁵ На восток лицём, да на запад хребтом,
Закрицал богатый своим тухлым голоском:
«Господи, господи, Спас милостливой,
А выслушай-ко, господи, моленъицё моё,
Моё праведно моленъицё Лазырёвое.
- ⁵⁰ А будет мни на сём свете странствовать,
А надо мни на том свете поцарствовать». А выслушал господи моленъ ёго,
А неправедно моленъицё Лазырёвое,
А прислал к ёму господи двух ангелков,
- ⁵⁵ А двух ангелков да немилостливых.
А колют всю душеньку, выкололи,
А тычут всю душеньку, вытыкали.

- Накладывали душеньку на острое копьё,
 А поднимали душеньку на небеса,
- 60 А принимали душеньку Иса́к да Абра́м,
 Кладывали душеньку во огнянну реку́,
 Во огнянну реку да на вертяцё колесо.
 «А тут тебе, душенька, мистецко,
 А тут тебе, грешная, уготовано.
- 65 А праведны-то душеньки по крежицку идут,
 По крежицку идут да херуимский стих поют.
 А грешна-то душенька так в огненой реки,
 В огненой реки да на вертящем колеси».
 А увидел богатчина брата своего.
- 70 «Братец ты, братец, бедной человек,
 Сходи-тко ты, братец, ко синему морю́,
 А принеси-тко, братец, мизинец воды,
 А роспецатать уста-то мне пе дальные,
 Размоить бы мне как глодоцка сахárная».
- 75 «Братец ты, братец, богатой человек,
 Как жили мы, были на вольнем на свету,
 А жили мы, были, тешисясе,
 А телеса-то наши грешные нежилисе,
 Так было у тя, братище, получше меня,
- 80 Получше меня, супротиву себя:
 Попы да дьяки были братища твои,
 А купцы да торговци были дружья твои.
 А нуньце у мяя, братец-то, воля не своя,
 Да воля не своя, да воля господова.

30. ЕФИМЬЯН'КНЯЗЬ ВЕЛИКОЙ (Алексей человек божий)

- Был Ефимьян князь великай,
 Не было у него никакого отродья:
 Не было ни сына, ни доцёри.
 Сошел он во божью церковь,
- 5 Днем он молился со слезами,
 Ночью он молился со свечами:
 «Милостивый господи, дай ты мне какое ли отродье:
 Дай-ко мне ты сына либо дочерь,
 Прий младости лет на потеху,
- 10 О полувеку́ на перемогу,
 При смерти души на поминанье».
 С небесья бы глаз проглазелся:
 «Ай же Офимьян князь великай,
 Пойди ты в белокаменну палату,
- 15 Всё твоё моленыице исполнится».
 Прошло урённое время,

- Принесла ёму княгина-жона сына.
Собрали попов да по три попа,
Собрали дьяков по три дьяка,
20 Наложили имя Олексієм:
«Ай же ты, Олексий человек божий!»
Стало Олексиюшку лет двенадцать,
Стали ёго в грамоту учити,
Ёму, свету, грамота даласи,
25 Рукописание ёму же тому же.
Проучился Олексий лет да двадцать,
Стали Олексиюшка женити,
Женитьба Олексиюшку не в раз,
Молода княгина не в характер.
30 Провели оны столованьё,
Провели оны пированьё.
Провели их во тёплую спальню,
Олексей стал с княгиной распрошаться,
Дал с руки свой злацённый перстень,
- (Обруцальний.)
- 35 От себя дал шелковый пояс.
«Вот тебе, обруцная княгина,
До тых пор, пока этот пояс не расплетется
Да этот перстень не распоится,
До тых пор ты меня не увидаешь».
- 40 Опустился Олексиюшка в окошечко,
Приходил ко синему морю
И ставилсе на маленький кораблик.
- (Вот и поехал.)
- Не гребёт Олексиюшка, не правит,
А куды надь, туды ёго и тащит.
45 Приташило к матушке пустыни.
Стал ён пустыни молиться,
Стал ён пустыни кориться:
«Допусти меня, пустыня,
Допусти меня, свята».
- 50 Пустыня ёму отвеает:
«Ай же ты, Олексий человек божий,
Чего ты сюды ко мне приехал?
Нет во мне красного ношенья,
Нету во мне сладкого еденъя,
- 55 Нет во мне садов-то, виноградов,
Нет во мне царских забавов».
«Ай же ты, матушка пустыня,
Того я к тебе приехал,
Господу богу помолиться,
- 60 За млады лета потрудиться».
Прожил Олексий человек божий

Тридцать три года, промолилсε,
Платыца на ём износились,
Постарел ён горазно.

- 65 Здумалось ёму на свою сторону поехать.
Приехал Олексеюшка в деревню —
И прямо во церковь во божью.
Стоит во церковных синцах,
Народ идет, весь ёму кланяется,
70 И ён кланяется народу.
Выходит с церкви Ефимъян князь великой.
«Здравствуй, странницок!»

(Отец ёму и говорит.)

«Здравствуй, Ефимъян князь великой!»

(А уж оны друг друга не знают. Далеко узнать.)

- «Вот, говорит, Ефимъян князь великой,
75 Я с твоим сыном Олексием молилсε
Тридцать три года в одном месте».
Князь великой обрадел,
Берёт ёго за правую руку,
Приводит в свою палату белокаменну.
80 Вовёл ён во греднююшку новую,
Садил за стол за дубовую.
Жона и мать ёго обрадели,
Спрашивают со слезами:
«Что же ты, наш Олексиушка, придти сюды-ко?
85 Очень бы мы ёму рады».
Суточки ёго прокормили,
Другие ёго прокормили.
Ён сыном им не назвалсе.

Было у их особое такое отделеньё (кухонка такая). И вот ён попросилсε у него: «Пусти меня, Ефимъян князь великой, в евто особо отделенъё хоть немногого пожить». Вот ёго и запустили туды жить. Жил ён там два месяца. Кушанья ёму носили, питьица ёму носили (только уж нехорошие). Слуги к ёму приходили, всё ёму приносили. Потом, через два месяца уж сказал слугам:

- «Не ходите ко мне трои сутки».
90 Трои суточки к нему не ходили,
А ладан и дух стал уж носить по хоромам.
Пришли через трои суточки поглядеть,
А уж ён лежить мертвый,
Написано письмо большое,
95 В руки в правой у ёго держитсе.
Никому это писёмышко в руки не далось взять.
Пришел Ефимъян князь великой,

Ёму в руки сдалосе.
Стал Ефимьян это писёмышко читати,
¹⁰⁰ Стали все горько плакать и рыдати,
Что не странницек чужой был, а свой родной сын.

Ну вот, стали ёго хоронить, понесли гроб на головах да на плечах. Столько народу было, что нельзя было проходить. Ефимьян князь богатый кинет пядь золоту в ту да в дру́гу сторону, народ за ним отвёрнется, так можно будет проехать.

Вот как Олексей человек божий делал, вот какой отец был богатый.

АНАСТАСИЯ ЛЕОНТЬЕВНА ФАДЕЕВА

Во время записи былин в 1938 г. сказительница жила в д. Ижгора, но родом сама из д. Сарозеро Пудожского района. Неграмотная, 1882/83 года рождения. Подробно о своей жизни она рассказала в автобиографии (Парил.—Сойм., с. 382, 496, более полный текст — 8/54). Анастасия Леонтьевна знала сказки, песни, плачи. Собиратели оставили нам интересные наблюдения о личности сказительницы, ее творчестве. «Это уже пожилая, но очень подвижная и живая женщина, сильная, энергичная, умеющая добиться своего. «Я хоть и неграмотная, а черта переговорю; а куды ни приду, так меня скоро не выгонишь, пока своего не дождусь», — говорит она» (8/35).

Старины она слышала во время работы на лесозаготовках, когда была еще подростком. «Старины были досульни — там и наслухалась. Был там из Пудоги, из Ножова старицок, фамилии не помню. Ну уж и петарь был старик», — вспоминала сказительница (8/54).

В момент записи в июле 1940 г. Анастасия Леонтьевна позабыла многие старины, жаловалась на память. «Былину о Дюке она не могла припомнить целиком. Интересна, между прочим, пословица, которая у них в ходу. О быстро истраченных деньгах она сказала: «А не Дюковы животы (средства)», — и пояснила, что у них так принято говорить» (8/35).

В архиве хранятся следующие неопубликованные былины сказительницы: 1) «Илья Муромец и Соловей разбойник», «Скора Ильи Муромца с князем Владимиром», «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь» (20/77); 2) «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь» (8/52); 3) «Дюк» (20/73); 4) «Женитьба Добрыни» (20/77); 5) «Добрыня и Алеша» (8/51); 6) «Добрыня и Змей» (8/55); 7) «Исцеление Ильи Муромца», «Илья и Святогор» (8/23-а — пересказ).

Характеристика сказительницы дана в статье Г. Париловой и А. Д. Соймонова «Сказители Пудожского края» (Парил.—Сойм., с. 38—39).

31. ПРО ДОБРЫНЮ

(Добрыня и змей)

Просилсе Добрыня Никитинец
У своей да родной матушки
Во Пучай-реку да окунатисе.
«Пучай-река да е жестокая:

- 5 Со первой струйки дым столбом валит,
А со другой струйки искры сыплютсе».«Спусти, спусти, родна матушка,
Съездить мене во Пучай-реку».

Дала она ему прощенъицо и благословленъицо.

- 10 Приехал Добрыня ко Пучай-реки,
И говорил он таковы слова:
«Ты напрасно мне, матушка, говорила,
Что Пучай-река есте, как лужа дождевая».

Роздел он платья цвѣтныи,
15 Первой раз нырнул — он не дѣнырнул.
Вдруг тучи нет, а дождь дождит,
Огня нет, а искры сыплютсе.
Налетела то змeya поганая,

Говорит змeya да таковы слова:
20 «Захочу — Добрыньюшку съем-сожру,
Захочу — Добрыньюшку в хобота возьму».

Говорил Добрыня таковы слова:

«Подожди, поганая, подавишишь!»

Посмотрел Добрыня на крутой берег —

25 Нету платья, нет коня доброго,

(Она все зѣбрала.)

Только одна шапочка пуховая.

Ен нагреб да песку желтого,
Отшиб у змey два хобота.

Говорит змeya да таковы слова:

30 «Давай, Никитушка, побратаемся:
Ты пусть мой старшой брат,
Тебе не издить в мои горы змеиные,
Не топтать моих малых змеенышей».

Говорит он ей таковы слова:

35 «А ты не летай к нам во Киев-град,
Не глотай роду крещеного».

Ена нарушила свою заповедь змеиную,
Полетела через Киев-град,
Унесла у князя племянницу,

40 Молодую дочь Путятичу.
Приезжает Добрыня со чиста поля,
А у князя уж почестной пир.
Добрыня на пир собирается.

- Говорила ему родна матушка:
45 «Не знайсе, сирота, со боярамы,
Потеряшь животы во подарочках,
А нет, дак положиши свою буйну головушку».
- Говорил князь таковы слова:
«Кто бы съиздил в ты горы змеиные,
50 Вывез бы мою любимую племянницу?»
Старший прятался за младшего,
Младший прятался за среднего,
А от среднего и ответу нет.
За тым столом да за большим
55 Сидел Олешка Попович, любимой племянник князю.
«Я вчера был да во чистом поле
Да сидел во сырому дубу,
Видел, как Добрынушка заключал заповедь
с поганой змеей,
Что не летать ей в стольне Киев-град».
- 60 Сказал князь-солнышко стольне-киевский:
«Знать тебе ехать в те горы змеиные».
Приехал Добрыня домой к своей матушки,
Стал собираться в ты горы змеиные.
Ему сказала родна матушка:
65 «Возьми коня батюшкова да дедушкова».
Дала ему плеточку шелковую.
«Как подточат змеи ножку у коня правую,
Дак ты бей коня прямо меж ушй,
Стане конь да поскакивать,
70 Стрясе всех поганых змеенышев».
Дала ему платочек шелковой.
«Будешь ты битьсе с поганой змеей,
Дак истомишись, не буде у тебя силушки.
Ты утерайсе шелковым платком,
75 Буде силы у Добрыни по-старому».
Поехал Добрыня в путь-дороженьку,
Днем ехал по красному по солнышку,
Ночью ехал по светловому по мисяцу.
Приехал в тыи горы во змеиный,
80 А у змеи да в Русь улечено.
Стал Добрыня по той горы поезживать,
Стал змеенышев он да потаптывать.
Вот подточили они у коня да праву ноженьку,
Стал конь на ножки припадывать.
85 Ен спомнил материну плеточку,
Стал бить коня да меж уши,
Ен отряс всех поганых змеенышев.
Тут налетела вдруг да поганая змея.
Ены с ей да вдруг сразилиse,
90 Суточки бились, хлеба не едаючи,

Други бились, воды не пиваючи.
У Добрыни истомилась сила богатырская,
Спомнил Добрыня материн платок,
Стал тереть он лицо белое,
95 Стала силушка да по-старому.
Наконец хотел Добрыня приотъехати,
Тут Добрыньюшки с небес глас гласит:
«Бился ты да трои суточки,
А побейся еще три часа,
100 Победишь змею поганую».
Протекла тут кровь змеиная
От востока тут до запада.
Наконец хотит Добрыня приотъехати,
Другой раз Добрыни с небес глас гласит:
105 «Бей-ко ты копьем да долгомерным,
Бей-ко ты во матушку сырь землю,
Бей-ко ты да приговаривай:
«Припей-ко ты, прибери да кровь змеиную».
Бил он копьем да долгомерным,
110 Ушла кровь да во матушку сырь землю.
Пришел он во нору во змеиную,
Туды силушки наношено,
Ены все да испугалися и говорят:
«Прииде Никитушка Добрынич,
115 Да избавит нас от этой напасти».
«Вот теперь вам, братцы, воля вольная,
Теперь победил я змею поганую,
Покажите мне дочь Забаву Путятинчу».
Повез он ю во Киев-град,
120 Привез он Забаву дочь Путятинчу.
Князь давал ему города с пригородками
Да давал и села с приселками.
«Мне ничего не надо,
Только надо честь-хвала молодецкая».

32. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

(Илья Муромец и Соловей-разбойник)

Как справляется-снаряжается
А старый-то казак Илья Муромеч
Во первую поездку богатырскую.
Ён у матушки уж да давается,
Ён у батюшки благословляется:
«Вы спустите-ко, благословите-ко
Меня к трем же тым крестам да поклонитися,
Ко святым отьцам да приложитися.
Вы спустите — поеду и не спустите — поеду».

10 Кладал потницьки да на потницьки,
На потницьки кладал мягки седлышки.
Уж видели добра молодца сядучи,
Не видели доброго молодца поедучи.
Одна куревка уж только прокурела,

15 А порошица да пропорошила.
И выехал удалый на чисто поле,
Поглядел в сторонку полуденную —
Там силушка стоит уж несметоцьна,
Околь силушки заюшку не обскакать,

20 А церному ворону не облететь,
А сильному богатырю не объехать,
И днем-то не видно красна солнышка,
Только-то уж пару лошадиного.
Уж стал-то молодец-то пораздумалси:

25 «А не заехать мне как в эту силушку,
Уж нецем на пиру буде похвастати».
А рвал он дуб кряковистый,
Заехал-то уж ён в эту силушку.
По силушке-то стал ён поезживать,

30 Сырым корьям дубком стал помахивать.
Куды махнет — тут туды улиця,
Перемахнет-то уж ён переулками.
А всих-то ён прибил ён татаровъёв,
Татаровъёв уж ён всих, улановъёв,

35 Не оставил ён ни одного на симёна.
Приехал он в деревню во Смолягину,
Зашел ён во церьковь белокаменную.
Стоят-то уж тут люди, богу молятся,
Стоят каючи да приглашаюци,

40 На войну-то уж ёны отправляются.
Поклон-то ён ведет по-ученому,
Уж он кладет по-писаному.
Говорил-то ён да таковы слова:
«Что вы каетесь, что причащаетесь,

45 А далеко ли да отправляетесь?»
«Под нашим-то под городом Смолягиным
А стоит-то силушка несметошна».
«Бежите-то вы уж скорым-скоро,
А скорым-то вы скоро да скоро-наскоро,

50 Поглядите-ко уж вы на свою силушку,
А что силушка да ваша делает».
Сбежали тут ёны скорым-скоро,
Скорым-то скоро да скоро-наскоро.
Поглядели уж тут на свою силушку —

55 А силушка-то лежит вся прибитая,
Прибитая она, костром срытая.
«Ах же ты, удал(ый) добрий молодец,

Живи ты как во городе Смолягине,
Во Смолягине живи да во Смородине».

60 «Не буду я уж жить в вашем городе,
Скажите про дорожку прямоезжую,
Прямоезжу про дорожку прямохожую,
А ехать только мне-ка во Киев-град».

Говорят ему мужики смолягинцы:

65 «А прямо-то ехать надо три цысу,
А около-то ехать — только ехать три году,
А прямо-то ехать — есть три заставы,
Три заставы-то есть вси великие:

Перва застава — а тут река Смородина,

70 Друга застава — вси болота топучия,
Третья застава — там Соловей-птица,
Соловей-птица да Рахматая.

Сидит тут Соловей на семи верстах,
На семи верстах да на семи дубах.

75 Рычит уж Соловей да по-звериному,
А свищет Соловей да по-змеиному,
Лызгает Соловей тут по-собацьему».
А тут добрый молодец и раздумался:

«Не сделать мне дорожки прямохожие,

80 А нецем на пиру будет похвастати».
Одною он рукою да уж коня ведет,
Другой-то рукой он дубы все рвет,
Дубы-то уж рвет да мосты мостит,
Да мосты мостит он все дубовые,

85 Ставит столбики ён да тоценые,
На столбах-то ён да подписывают:
«Вот-то я прошел, добрый молодец,
А старый-то казак да Илья Муромец».
Приехал ён тут к Соловью-птице.

90 Соловей-птица срыцял по-звериному,
Засвистел тут Соловей ён по-змеиному,
Его добрый конь да на колена пал.
Ну, бил уж тут коня по тугим ребрам.

95 «Ах ты, добрый конь да ты волчья сыть,
Не слыхал ты, верно, свисту звериного,

Не слыхал ты, верно, крику змеиного?»
Натягивал он только тугой лук,

А тугой он лук со налуцником,
Кладал стрелочку ён тоценую,

100 Тоценую-то ён, золоцёнью,
А стрелочки-то ён приговаривал:
«Лети-ко ты, стрела, уж не на воду,

Не на воду, не на землю,
Лети-ко Соловью под право крыло,

105 А рви-ко Соловья ты на сырь землю».

- Слетела стрелоцька не на воду,
Соловью-то уж под право крыло.
Поехал тут ён да добрый молодец,
Привязал ён Соловья к правой стремени.
- 110 А говорят его детушки:
«И наш-то уж батюшка какого мужиценочка
А везет-то у права стремени».
Говорила тут уж им родна матушка:
«А нет, какой-то мужиценочка
- 115 Везет он батюшку у стремени».
Выходила его тут родная доць
И звала его во гостебище,
А говорил удалый молодец:
«Я делаю дорожку прямохожую,
- 120 Гостебищем уж я не занимаюсь».
Пришел да уж ён во Киев-град
Ко солнышку ко князю ко Владимеру.
Был уж у его да почетный пир.
Приехал молодец да на широк двор,
- 125 Добра уж ён коня да не привязывал.
«А береги-ко, Соловей, ты добра коня,
А конь, ты береги да Соловья-птицу».
А сам-то пошел во высок терем.
Мостиноцки уж вси подгибалиси,
- 130 Ступеницки тут да ломалиси.
«Проходи-тко уж ты, добрый молодец,
А сядь-ка ты на самый нижний кончик-то».
Уж вси-то на пиру да наедалисе,
А вси-то на пиру-то порасхвастались.
- 135 А умной-то хвастал отчом-матерью,
А безумной-то хвастал золотой казной,
А глупый-то хвастал молодой женой,
А он-то говорил, удалый молодец:
«А ехал уж поездкой богатырской,
- 140 А сделал к вам дорожку прямохожую,
Убил-то я у вас Соловья-птицу».
Говорили тут таковы слова:
«Не хвастай, молодец, не заманывай».
А говорил-то добрый молодец:
- 145 «Соловей-то уж птица у добра коня».
А говорил-то солнышко князь стольно-киевский:
«Веди-ко ты сюды да во высок терем,
А пусть-ко зарыцит а по-звериному,
Пусть-ко ён свищет по-змеиному».
- 150 А говорил-то добрый молодец:
«Рыци-ко, Соловей, только вполголоса,
Свищи, Соловей, только вполсвиста».
Зарыцял как Соловей во всю голову,

Засвистел-то Соловей в буйну голову.

- 155 Терема-то только вси зашаталися,
А околеньки вси посыпались,
А князь уж со княгиней чуть с ума ни шел.
«Ах вы, сильные могучие богатыри,
Возьмите-ко невежу за белы руки,
160 Ведите-ко его во глубок погреб,
Посадите-ко его во глубок погреб,
Дубьем уж вы, колодьем заворочайте».

(*Посадили Илью Муромца.*)

33. (Добрыня и Алеша)

Царь стольне-киевский давал заповедь великую:
«Кто бы съездил к князю Испануйлу Испануйловичу,
Ко любимому тестю,
Да прокладал бы дорожку прямоезжую,
5 Пробил бы тых черкес пятигорских,
Тых калмыков со татарами?
А ты съездил, Добрыня, в горы змеиные,
Да проклади ты дорожку прямоезжую».

- Солнышко князь стольне-киевский
10 Сказал ему таковы слова:
«Съезди, Никитушка, к моему тестю любимому
Испануйлу Испануйловичу».

Тут Добрыня распрогневался.

Заседлал он коня доброго,
Не зашел он к родной матери.

- 15 «Куды ты, дитятко, справляешьse,
Куды ты, дитятко, снаряжаешьse?
Когда нам буде ждать-ожидать,
Когда в окошечко поглядывать?»
«А если жив буду — домой буду,

- 20 А жив не буду — ждать некого.
Не так ты меня, матушка, спородила,
Спородила бы ты меня на поле дубочком —
Съезжались бы ко мне сильные могучие богатыри,
Век по веку ко мне без шевелиности,

- 25 Иль в сине море бы серым камешком,
А ты спородила сильным могучим богатырем —
Надо бить да потом бесповинных
Сиротать малых детушек
Да вдовить молодых жен».

- 30 «Что же сделать, мое дитятко,
Как господь не дал, не пожаловал».
Шла она скорешенько в палату белокаменну,
Говорила она богоданному дитятку:

«Поди спроси у мужа, когда нам его ждать».

35 Она бежала поскорешенько,
Говорила потихошенько:
«Милая ты моя ладушка,
Дорогая моя содержавушка,
Когда нам тебя ждать-ожидать,
40 Когды в окошечко поглядывать?»
«Если жив буду — домой буду,
Жив не буду — ждать некого.
А три года живи как замужем,
А через три года — хоть вдовой живи, а хоть замуж поди,
45 Хошь за князя, хошь за барина,
Хошь за русского могучего богатыря,
Только не ходи за смелого Олешку Поповича».

Она выняла кольцо с правой руки
И подала его мужу законному.
50 Они с им да распостилисе.
Уехал Добрыня во чисто полё,
День за днем идет, как трава растет,
А неделя за неделей, как вода текет,
А не видать Добрыни с чиста поля.
55 Прошло времечки целых три году,
Не видать Добрыни со чиста поля
Приезжал Олешка со чиста поля
И говорил им да таковы слова:
«Я сегодня был да во чистом поли,
60 А сидел да во сыром дубу.
Добрыня лежит на сырой земли,
Буйна голова испроломана,
Могучий плечи испроломаны,
А сквозь кудри-то сквозь желтый
65 Проросла трава шелкбвая».

Тут его да родна матушка
Скорбила сердце материнское,
Слезила очи ясны.
Ему говорила Настасья Никулична:
70 «Я сполнила заповедь мужнюю,
А теперь сполнию заповедь женскую:
Еще не пойду замуж три года».

Опять приезжал Олешка с чиста поля,
И говорил он таковы слова:
75 «Лежит Добрыня на сырой земли,
Буйна голова испрострелена,
Могучи плечи испроломаны».

И потом приходил солнышко князь стольне-киевский,
И сватали Настасью Никуличну
80 За того Олешку Поповича.
Наконец она согласиласе

- Завтра идти с Олешкой в божью церковь
И принимать с Олешкой по злату венцу.
Далеко-далеко во чистом поли
- 85 Спит Добрыня во белом шатри.
Конь стоял да у бела шатра,
Бил ногой да во сырь землю,
В реки вода сколыбаласе,
Под шатром земля зашаталасе.
- 90 Скочил Добрыня со сну богатырского,
Бил коня да по тугим ребрам.
«Что ты будишь богатыря не вовремя,
Да нету против меня да поединника».
«Спиши да прохлаждашься,
- 95 А над собой невзгоды не начаешься:
Твоя молода жена замуж пошла,
Сегодня идти с Олешкой в божью церковь
Да принимать с Олешкой по злату венцу».
Ен поклонился коню в ногу правую,
- 100 Ногу правую во переднюю.
«Сюда ты меня вез ровно три года,
А отсюда вези ровно три часа».
Говорил конь ему таковы слова:
«Клади-ко ты на коня потечки,
- 105 На потечки клади еще потечки,
А на потечки мягки войлоки,
А на войлоки черкальско седло,
А сам садись-ко крепко-накрепко».
Реки-озера промеж ног пускал,
- 110 Маленьки перелески перескакивал.
Выезжал Добрыня на чисто поле.
Не погодка ль снежку белого повыпала,
Будто заюшко да проскакиват,
Куропаточка там бы как пропурхиват —
- 115 А его родна матушка, честна вдова
- Офимья Александровна,
- Под окошечком она сидит да причитыват:
«Прошло времечко только шесть годов,
Закатилое красное солнышко
За горушки высокии, за лесушки темныи,
- 120 Ну, закатилсе и светел месяц,
Ушло богоданно мое дитятко».
Приехал Добрыня со чиста поля,
У ворот не спрашивал приворотничков,
У дверей не спрашивал придверничков,
- 125 От себя всех прочь отталкивал.
Вси идут со жалобами, что приехала
Собака-судаскальничка с чиста поля,
У ворот не спрашивал приворотничков,

- У дверей не спрашивал придверничков,
130 Нас всех да прочь отталкивал.
Говорила им честна вдова Офимья Олекандровна:
«Теперь наш двор сиротской,
Дак нечего нам поделати.
Было бы живо мое мило дитятко,
135 Дак некогда было бы надсмехаться над вдовами».
Он тут и говорит:
«Не напрасно ли вы да согрешаете?
Мы вчера с Добрыней поразъехались:
Ен поехал к строгому Испануйлу Испануйловичу,
140 А я к князю солнышку стольне-киевскому.
Некогда мне с тобой да разговаривать,
Расскажи-ко мне, да где моя молодая жена?»
«Твоя молодая жена пошла замуж
За того ли Олешку Поповича.
145 А сегодня пойде в божью церковь
Принимать по злату венцу».
Не верит мать, что тут ейно дитятко.
«У моего-то у дитятки было лицо румяное,
На ножках сапожки сафьянные,
150 А на головушки шапочка пуховая».
Говорил он ей да таковы слова:
«Неси-ко мне да платыща цветные
Да гуселка яровчаты,
Я пойду да на почестный пир».
155 Пришел он да на почестен пир,
Сел на печку на припечечек,
Стал в гусельшкa поигрывать.
Говорила Настасья Никитична:
«Солнышко князь стольне-киевский,
160 Разреши налить чару зелена вина,
Поднести игроку,
Он ведь так играт,
Как мой покойной муж».
Ен взял чару единой рукой,
165 Выпил чару за единой дух,
И говорил он князю таковы сл(ова):
«Ой ты князь да сто(льно-киевский),
Разреши налить мне чару зелена вина,
Поднести вашей княгины».
170 Говорил ен таковы слова:
«Коли хошь добра — дак пей до дна,
А не пьешь до дна — не видашь добра».
Выпила чару зелена вина,
Прикатилсe перстень ко устам да ко сахарным.
175 Ена скочила тут через дуб(овый) стол, говорила тут:
«А не тот муж, который за столом сидит,

- А тот мой муж, который сидит на печки на припечечки». А скочила она через дубовой стол.
 «Прости, прости меня во той вины,
 180 Прости меня во глупости».
 «Не дивую я разуму женскому:
 У бабы волос долог, а ум короток,
 Их куда везут — туда и едут,
 А куда ведут — туда и они идут,
 185 А дивуюсь солнышку князю Владимиру,
 Что от живого мужа жену отняли».
 Как он хватил Олешку за желты кудри
 Да хотел ударить о кирпичный пол.
 Ен со того со стыда со великого
 190 Уехал со Киева-града.

34. ПРО СТАВРА ГОДИНОВИЧА

- Приехал Ставр Годинович
 Да к князю Владимиру.
 Вси на пиру наедалисе,
 Вси на пиру наедалисе,
 5 Вси на пиру и расхвастались.
 Умный хвастал отцом-матерью,
 Глупый хвастал молодой женой,
 А безумный хвастал золотой казной,
 А ён похвастал молодой женой:
 10 «А моя да молода жена
 А ваш Киев скупила и продала
 И тебя бы, князя, с ума свела».
 И тут царю не к лицу пришло,
 Посадили Ставра во погреба глубокии.
 15 За тем столом да за дубовым
 Сидел его желанный дядюшка,
 И писал он записку (жени),
 Клал коню под сиделышко.
 «Приезжай скорей, выкупай своего мужа законного».
 20 Ена говорила своей богоданной матушки:
 «Секи-ко мои волосы женские по-мужскому
 Да неси-ко платьица Ставровыи,
 Я поеду выкупать своего мужа законного».
 Приехала она к солнышку князю Владимиру
 25 И говорит князю таковы слова:
 «Отдай замуж мне свою племянницу».
 Племянница сказала таковы слова:
 «Тут е не мужчина, а женщина».

«Солнышко князь стольно-киевский,— говорит племянница,— что стопим байну, дак сойдет, дак мы увидим, что мужчина али женщина».

И потом расположились, и просватали он свою любимую племянницу.

И навалили приданого сорок телег,
30 Сорок ордынских золота и серебра,
А завтра идти в божью церковь,
Принимать по злату венцу.
Вот пошел у них уж почестен пир,
И говорила она таковы слова:
35 «У вас есть Ставер да Годинович,
Дак он хорошо играет на гуселках яровчатых,
Дак выпустите вы его,
Нам он поиграет на пиру».

Выпустили его со погребов со глубоких, ну вот, потом она говорит, что «я схожу с им в другу комнату, попрошу его, как играть».

Туды пошли две мужчины,
40 А оттуль идут мужчина да женщина.
Ена солнышку князю поклонилась.
«Я приехала выкупать своего мужа законного,
А не жениться на твоей племянницы».

ИВАН ТЕРЕНТЬЕВИЧ ФОФАНОВ

Иван Терентьевич Фофанов — замечательный пудожский сказитель — родился в 1871 г. в д. Климово. Былины усвоил от известного П. Н. Рыбникову и А. Ф. Гильфердингу сказителя Н. Прохорова (Утка) и Т. Г. Блохина из д. Мелентьевской на Пудоге. О других учителях И. Т. Фофанов ничего вспомнить не мог (Парил.-Сойм., с. 473). По свидетельству собирателей и самого сказителя — неграмотный.

В архиве хранятся неопубликованные записи следующих былин: 1) «Илья Муромец и Святогор» (пересказ — 14/23); 2) «Добрыня зовет Илью Муромца на пир к князю Владимиру», «Непра и Дон» (2/46); 3) «Михайло Потык» (14/22).

Биография сказителя изложена в сб. «Былины Пудожского края». Петрозаводск, 1941, с. 186—187, 473. Характеристика дана в предисловии к этому изданию, с. 28—31. См. также: Новиков, 1976, с. 13.

35. (ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ)

Во славном во городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Роздернут как был почестен пир.
А на пир он всех князей-бояр собрал,
5 Всех руських могучих богатырей.
А на том на пиру на почестном
У ласкова князя да у Владимира
Был молодой Добрыня Микитинец.
А стал князь Владимир да выспрашивати:
10 «Вы, руськие могучие богатыри,
Не издили ли вы на горы Сорочинськіе,
Ко норам ко змеїнім?
Унесла у меня змея проклятая
Молоду Забаву дочь Путятичну».
15 Вси да тут отказалися,
А говорит смелый Алеша Попович:
«Езживал, мол, Добрыня Микитинич
А во горы он Сорочинськіе,

А ко норам он ко змеиным,
20 Да сделаны у их записи великие».
Говорит Владимёр стольно-киевський:
«Съезди-ко, молодой Добрыня Микитинич,
Повыручи мою племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятинчу,
25 А не съидиши — голову срублю».
Молодой Добрынюшка Микитинич
Шел как со пиру со почестного,
Пошел ён невеселёшенек,
Пошел ён крученишеньек
30 Ко своей ко родной матушке.
Приходит молодой Добрынюшка Микитинич
Со пиру со почестного
От князя ён да от Владимира
Ко своей да родной матушке.
35 Приходит ён невеселёшенек,
А приходит ен крученишеньек.
Родна матушка выспрашиват:
«Что же ты, Добрынюшка Микитинич,
Пришел от князя от Владимира,
40 А пришел невеселёшенек,
А пришел ты крученишь(н)ек?
Да не обидели ли князья-бояра там,
На том пиру да на пиру почестноем
У князя да у Владимира,
45 Да не обнес ли тебя князь Владимир
Чарочкой с зеленым вином,
Не обсмеялись ли круг тебя
Мужики да деревенськие?»
Молодой Добрынюшка Микитинич
50 Стал родной матушке рассказывать:
«Не обсудили меня князья-бояре
На пиру да на почестноем
У князя да у Владимира,
Не обнес меня князь Владимёр
55 Чарой зелена вина,
Да не обсмеялись круг меня
Мужики да деревенськие,
Только наложил он мне службу великую,
Службу он мне тяжелую:
60 Съездить во горы Сорочинськие,
А во норы во змеиные,
Повыручить у князя Владимира племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятинчу».
«Эх ты, молодой Добрынюшка Микитинич,
65 Говорила я тебе да родна матушка,
Что не изди, не купайси во Пучай-реки,

Что не изди-ко ты на горы Сорочинськіе,
Не топчи-ко ты там змеенышей.
Но молодой Добрынюшка Микитинич,
70 Вставай-ко ты поутрушку ранешенько,
Седлай-ко ты да добра коня.
Да поезжай-ко на горы Сорочинськіе,
Да ко нoram-то да ко змеиним».
Молодой Добрынюшка Микитинич
75 Вставал как ён поутрушку ранешенько,
Одевал как ён одеждушку военную,
А доспехи все да богатирський.
Брал как он копье да долгомерное,
А за плечи кладовал да тугой-то лук,
80 А палицу ён брал да во сорок пуд.
Шел как же Добрыня на широк двор,
А шел как уж Добрыня ко добру коню,
Отвязывал Добрынюшка добра коня
От столба да от точеного,
85 От кольца ён золоченого.
Садился Добрыня на добра коня,
Прощался с своей родной матушкой.
Родна матушка Добрынюшке наказывала:
«Молодой Добрынюшка Микитинич,
90 Я дам платок да родна батюшки.
Как сразишься ты со змеинышом Горынышшом,
Добрый конь у тя наскачется,
А рука могучая намашется,
Ты вспомни родну матушку,
95 Выдерни из своего карманышка
Родны матушки платок беленький,
Проведи-ко ты добра коня
Да по тугим ребрам да промеж ушей,
Да потри-ко свои да очи ясные,
100 Да свои да руки могучие,
А будет у тебя конь поскакивать,
Поскакивать да не по-старому,
Будет конь скакать да не по-прежнему,
Будешь ты махать не по-старому и не по-прежнему,
105 Победиш змеинышо Горынышшо».
Молодой Добрынюшка Микитинич
Садился как ён на добра коня,
И поезжал он с широка двора.
Как вид'ли добра молодца сядучи,
110 Да не видели поезжающи.
Молодой Добрынюшка Микитинич
Ехал он на гору Сорочинськую,
А ко нoram как ён ко змеиним.
Приезжал как молодой Добрынюшка

- 115 На горы Сорочинськіє,
А ко норам да ко змеїніям.
Вилетала тут Горынища змеинища
Со нор да со змеїніх,
Говорит Добрыне таковы слова:
120 «Молодой Добрынюшка Микитинич,
Изменил ты заповедь великую,
А приехал ты на гору ко мне да Сорочинськую.
Говорит молодой Добрынюшка Микитинич змеинищу
Горынишшу:
- «Ах ты, проклятая змеинища Горынища,
125 Не я же изменил заповедь великую,
А ты же изменила заповедь великую:
Не лететь было тебе по Русиушки,
Не уносить люду крестьянского,
А народу пролетарского
130 Во норы во змеиные,
А ты полетела да унесла у князя у Владимира
Молоду Забаву дочь Путятину,
Отдай ю без боя, без кроволития».
Говорил змеинище Горынище:
135 «Ах ты, молодой Добрынюшка Микитинич,
Не отдам я без бою, без кроволития,
А выйдем мы с тобой да на чисто поле».
Молодой Добрынюшка Микитинич
Выезжал как со змеинищом Горынищом,
140 Выезжал-то ён на чисто поле.
А тут со змеей ёны сразилися,
Открыли бой-кроволитие.
Молодой Добрынюшка Микитинич
Дерется со змеинищом Горынищом,
145 Дерется он да трои сutoчки,
Не едаючи да не пиваючи,
Да отдоху себе не даваючи.
Наскакался у Добрынюшки добрий конь,
Намахалась у Добрынюшки рука могучая.
150 Молодой Добрынюшка Микитинич
Вспомнил платок родной матушки,
Что наказыва(ла) ему да родна матушка.
Молодой Добрынюшка Микитинич
Поскорешенько выдергивал платок да родной матушки,
155 Обвел платочком коня да по тугим ребрам,
А по тугим ребрам да промеж ушей,
Водил он себя да по ясным очам,
По ясным очам да по белым рукам.
И Добрыни конь стал поскакивать
160 Не по-старому и не по-прежнему,
У Добрыни сила стала не по-старому да не по-прежнему,

- У Добрыни силы много прибыло.
Молодой Добрынушка Микитынич
Съехался как со змеинищом Горынищом,
165 Махнул как ён палицей сорокпудовою,
Отсадил ей шесть хоботов.
Молодой Добрынушка Микитынич
Другой раз как съехался со змеинищом Горынищом,
Остатних отсадил шесть хоботов.
170 Скочил он на грудь на змеиную,
Схватил нож булатный,
Отсек ён голову змеиную,
Хлынула кровь змеиная.
Молодой Добрынушка Микитынич
175 Стал во крови змеиной да по колено с добрым конем.
Говорит молодой Добрынушка Микитынич:
«Росступись-ко ты, мать сыра земля,
Углотай-ко ты кровь да змеиную,
180 А не погуби-ко ты меня, молодого Добрынушку
Микитынича».
- Росступилась мать сыра земля,
Углотала кровь змеиную.
Садился Добрыня на добра коня
185 И ехал ко норам ко змеиным.
Приезжал как молодой Добрынушка Микитынич
Ко норам да ко змеиным.
Выходил как ён да со добра коня,
Заходил как ён во норы во змеиные,
190 Там люда было много множество,
Были князья и князёвичи,
Короли и королёвичи,
И были красны девушки,
Королевны и царевичны.
195 Говорит молодой Добрынушка Микитынич:
«Ах вы, народ да люди добрые,
Не видали ли князёвой племянницы,
Молодой Забавы дочь Путятичны?»
- 200 Все отказались:
Не видели молодой племянницы,
Молодой Забавы дочь Путятичны.
А молодой Добрынушка Микитынич
Брал ключи да змеиные,
Отмыкал у змеи да вси комнаты.
205 А модала Забава дочь Путятична
Была в самой комнате последнею.
Взыпал Добрынушка Микитынич князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Брал ён да за белы руки,
210 А вел со норы да со змеиною,

- Говорил народу люди добрым:
«Выходите вы, народ да люди добрые,
Со норы да со змеинные
Вы восслед да позади меня,
²¹⁵ А убил я змеинищу Горынищу».
- Выходили народ люди добрые
Со норы да со змеинные,
Выходили ёны на белый свет,
Добрынюшки до пояса вси кланялись:
- ²²⁰ «Спасибо тебе, молодой Добрынушка Микитинич,
Повывел ты нас да на белый свет,
На матушку да на Русиушку,
Сбавил нас от победы великою».
- Говорит молодой Добрынушка Микитинич:
²²⁵ «Ах вы, народ да люди добрые,
Расходитесь вы да по своим местам».
- Поклонились молодому Добрынушке Микитиничу
Да вси до пояса.
- А молодой Добрынушка Микитинич
²³⁰ Садился ён же на добра коня,
Посадил князеву любимую племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятинчу,
К себе ён на коленочка,
Повез ён да во Киев-град,
- ²³⁵ Ко князю ён да ко Владимиру.
Говорит молода Забава дочь Путятинча:
«Ох же молодой ты Добрынушка Микитинич,
Будь-ко ты да законный мне-ка муж,
А я — твоя жена законная».
- ²⁴⁰ Говорит молодой Добрынушка Микитинич:
«Ах ты, говорит, князева племянница,
Молода Забава дочь Путятинча,
Ты есть роду княженецького,
А я роду есть крестьянського,
- ²⁴⁵ Не пристойно мни братъ роду княженецького
А молоду Добрынушке сынку крестьянскому».
- Привез ко князю ён ко Владимиру
Молоду Забаву дочь Путятинчу,
Опустился он со добра коня,
- ²⁵⁰ Подавал ю князю ён да Владимиру
Молоду Забаву дочь Путятинчу,
А князь Владимир ему и спасибо не сказал.

36. ПРО ДОБРЫНЮ (Добрыня и Маринка)

Добрынушка как был ведь Микитинец
Ходил-гулял по улицам Игнатьевским,
Ходил-то ён гулял со дивицой Малиновкой,
Гулял как ён до позднего до вечера
5 Со этой- той он со дивицой Малиновкой
Эта дивица да видь Малиновка
Добрынушку звала ёна в палаты белокаменны.
Добрынушка как нунь ведь Микитинец
Говорил ведь как ён Малиновки:
10 «Дивица как ты ведь, Малиновка,
А я-то видь как нынеку домой пойду,
Домой пойду к своей я родной матушки,
А к тебе-то я приду да ведь утрышком,
А утрышком приду да видь ранешенько».
15 Приходил как тут Добрынушка Микитинец,
Приходил как ён ведь к родной матушке.
Говорила ему родная матушка,
Говорит Добрынушки Микитичу:
«Добрынушка как ты ведь Микитинец,
20 Долго ты гуляши как по вечеру,
Долгим-то ты долго да до полуночи».
Говорил Добрынушка Микитинец,
Говорил своей как ён родной матушке:
«Родна ты была, как родна матушка,
25 Гулял как я по уличам Игнатьевским,
Гулял как я со дивицой Малиновкой.
Одва-то я от дивицы домой ушел,
Одва-то я дивицы замуж не взял».
Добрынушка как нунь ведь Микитинец
30 Поутрышку вставал он ранешенько,
Обувался еще он да скурешенько,
Одёвался-то ён скоро-наскоро,
Умывался-то ён ведь нунь да белешенько,
Утирался ён да сухешенько.
35 А выходил как тут Добрынушка на уличу,
А шел как тут по уличам Игнатьевским,
А окакал-то тут Добрыня, будто заюшко,
А бежал-то, будто горносталюшко.
Приходил как ён к палаты белокаменной,
40 Заходил в палату белокаменную,
К этой дивице как ён ко Малиновки.
Как стретала нунь эта дивица,
Эта дивица да тут Малиновка,
Стретала тут Добрынушку Микитича.
45 «Проходи-ко ты, Добрынушка, пожалуйста,

- Садись-ко за столы ты за дубовые,
За тыи скатереточки шелковые,
За ествица ты за сахарные,
За питья нунь за медвяные».
- 50 Садился как Добрынушка Микитинец
За тыи за столы он за дубовые,
За тыи скатеретоцки шелковые,
За ества как нунь за сахарные,
А за питьича как ён за медвяные.
- 55 Хлеба-соли ел он ведь досыти,
А зелена-то видь вина пил он допьяна
У этой ведь он дивичи Малиновки.
А эта дивича видь нунь да Малиновка
Говорит Добрынушки Микитичу:
- 60 «Добрынушка как ты Микитинец,
Нам надо с тобой как нунь да спать легчи,
Надо нам с тобой да призабавиться».
Эта дивича как нунь же Малиновка
Скидывалас же в тоненьку сорочиньку без пояса.
- 65 Добрынушка как нунь ведь Микитинец
Скидывался в биленьку рубашку без щбота.
А шли как ёны со дивичей Малиновкой
На ту ведь как на кроваточку на рыбину,
Приходили как к кроваточки рыбиной.
- 70 Эта дивича как ведь Малиновка
Открывала ведь одеяло соболиное
На той ведь на кроваточки на рыбиной.
Говорила эта дивича Малиновка,
Говорит Добрынушки Микитичу:
- 75 «Добрынушка как ты ведь Микитинец,
Ложись-ко ты, Добрынушка, о стеночку,
А я-то еще лягу ведь на краешок,
На эту ведь кроваточку на рыбину».
Говорил как тут Добрынушка Микитинец,
- 80 Говорит ён дивиче Малиновке:
«А дивича как ты ведь, Малиновка,
Ложись-ка ты как нунь о стеночку,
А я-то еще лягу ведь на краешок».
Стоят как они у кроваточки-то, рядятьси.
- 85 Добрынушка как нунь ведь Микитинец
Схватил ён эту дивичу Малиновку,
А бросил на кроваточку на рыбину,
А бросил ён о самую о стеночку.
А кроваточка была эта поддильная,
- 90 Эта дивича да нунь да прогрязнула
Во подпольи нунь да глубокий,
Во погреба-то видь она во широкий.
Добрынушка как нунь ведь Микитинец

Брал как ён ключи да этой Малиновки,
95 А выходил как ён видь на уличу,
Отмыкал как тут подполия глубокия,
А погреба как ён видь широкия,
А выпущал как видь народу оттуль множества,
А было много там и попов, много дьяконов,
100 Было русських да там богатырев.
Идут-то нунь, Добрыни-то кланялись,
Кланялись Добрынюшки до пояса.
«Спасибо ти, Добрынюшка Микитич,
Нас-то ты нунь повыпустил».

105 Тут идет как с им Малиновка,
Кланялась как Добрынюшки Микитичу.
«Прости-ко ты, Добрынюшка Микитич,
Прости-ко меня дивичу Малиновку».

Говорил как видь Добрынюшка Микитич,
110 Говорит он дивиче Малиновке:
«А я-то бы простил, да как народ простит,
Как простят тя люди добрые».

Говорит как тут народ люди добрые,
Говорит Добрынюшке Микитичу:
115 «Не прощай-ко ты, Добрынюшка Микитич,
Не прощай-ко этой дивиче Малиновки,
Этой дивичи да Малиновки,
А ей-то еще нуньку смерть предать».

Добрынюшка как нунь ведь Микитиц
120 Хватил как эту дивичу Малиновку,
А в вышину-то ён кинул выше церькви соборною,
А с вышины как ёна на зень нунь тронулась,
А тут ведь как дивича кончилась.
А тут-то видь этой дивиче как слава минуласе,
125 Добрынюшке как слава не минуласе.

СЕРАФИМА СТЕПАНОВНА ФОФАНОВА

Сказительница живет в г. Пудоже с дочерью. Серафима Степановна сообщила нам о себе следующее. Родилась она в 1898 г. в д. Подпорожье Пудожского района¹. Былины переняла от старых тетушек, схватывала их сразу, так как обладала хорошей памятью. Училась в школе три года. Страсть к книге сохранилась у Серафимы Степановны до сих пор. А. П. Разумова, хорошо знающая сказительницу, говорила нам о том, что С. С. Фофанова очень любит книги и кино, все увиденное и прочитанное записывает в особую тетрадь.

Кроме духовных стихов и былин С. С. Фофанова знает много свадебных причитаний, частушек, лирических, рекрутских и плясовых песен, жестоких романсов.

Не опубликован духовный стих «Алексей человек божий» (23/21, ф. 1422/12, 1423/1).

37. (Василий и Софья)

Было у вдовушки пять дочерей,
И все-ты дочери по божьим церквам пошли,
И все они сказали: «Господи боже, прости».
Что только Остафеюшка промолвила,

⁵ Промолвила да спрограммировала.

Да ладила сказать, что: «Господи боже, прости»,—
А в то время молвила: «Васильюшко, дружок».

Услышала Васильева матушка,
Сходила на ярмарку, на рыночёк,

¹⁰ На гривенку купила зеленого вина,
На другую купила зелья лютого.

Василью подносила зеленого вина,
Софии подносила зелья лютого.

Василий говорит, что голова стала болеть,

¹⁵ София говорит, что ретиво сердце щемит,
И к утрышку-светушке преставилисе,

¹ К И. Т. Фофанову никакого отношения не имеет.

Преставилисе да приготовилисе.
Василья хоронили по праву руку церкви,
Софию хоронили по леву руку церкви.
20 Веночки с веночками свивалисе,
Цветочки с цветочками срасталисе.
И старые идут — дак богу молятсе,
Молодые идут — дак распотешатсе.
«И что это за чудо, чудо чудное?
25 И что это за диво, диво дивное?»

(Всё.)

38. ПРО ГЕОРГИЯ

(Мучения Егория)

Что в восьмом году да в восьмой тысячи
Наезжал царищо Кудриянищо,
Наезжал царищо Кудриянищо,
Кудриянищо да самозванищо.
5 Кудриянищо-самозванищо
Всех купцов-бояр да высек-вырубил,
Всех купцов-бояр высек-вырубил.
А молодых жен да во полон берет,
А молодых жен во полон берет.
10 У одной вдовы да благочестивой
У одной вдовы благочестивой
Оставалосе да чадо милоё,
Оставалосе чадо милоё,
Чадо милое, дитя любимое,
15 Чадо милое, дитя любимое,
Что любимо дитятко Егорий-свет,
Что любимо дитятко Егорий-свет,
Да Егорий-свет да многомилостив.
А Егорий-свет многомилостив.
20 Начинал Егорья мукой мучитись,
Начинал Егорей мукой мучити.
Первой мукушкой да топором рубил,
Первой мукушкой топором рубил,
В топоре зубьев назагибалосе,
25 В топоре зубьев назагибалосе.
Тут Егорью-светушку ничто не льнет,
Тут Егорью-светушку ничто не льнет.
Он по божьему да повеленьшиу,
Он по божьему повеленьшиу.
30 Начинал Егорей другой мукушкой,
Начинал Егорий другой мукушкой,
Другой мукушкой да он пилой пилить,
Другой мукушкой он пилой пилил,

- Что в пилы зубья да все согнулисе,
35 Что в пилы зубья все согнулисе.
Тут Егорью-светушку ничто не льнет,
Тут Егорью-светушку ничто не льнет.
Начинал Егорей третьей мукушкой,
Начинал Егорий третьей мукушкой,
40 Третьей мукушкой да он в котли варил,
Третьей мукушкой он в котли варил,
Под котлом щепья не разгораутсе,
Под котлом щепья не разгораутсе,
А в котли смола не раскипляется,
45 А в котли смола не раскипляется,
Он по божьему да повеленьицу,
Он по божьему по веленьишу,
По Егорьевому моленъицу.

(Всё.)

39. (Два Лазаря)

- Жило два братца, два Лазарюшка:
Один-то был братец богатый человек,
А другой-то братец убогий человек,
И три года убогий хлеба-соли не едал,
5 И три года убогий во глаза людей не знал.
И пришел убогий да к брату своему,
И к брату своему, да к брату Лазарюшку.
«И братец ты, братец, богатый человек,
Голодного, холодного напой и накорми,
10 А голого да босого одень да обуй».
«Какой я те брат, как я богатый человек?
И есть у меня братыща получше тебя:
Князи да друзья — милы братыща мои».
И выходил убогий на старые на сени,
15 И закричал убогий хриплым своим голосом:
«Господи, господи, Спас милостивой,
И пошли-ко, господи, трех ангелков,
И трех ангелков, да трех немилостивых.
И пусть-ка вынут душу железными крюкмы,
20 И пусть полощат душу да в чаши каменной,
И пусть кидают душеньку в огнянну реку,
И в огнянну реку да во кипящую смолу».
И услышал господи молене его,
Молене его, молене Лазарево,
25 И послал-то господи трех ангелков,
И трех ангелков, да трех ведь милостивых.
И полоскали душеньку в чаше золотой,
И полагали душеньку на божий престол.
На том свете душа его постранировала,

- ³⁰ На этом свете душенька поцарствует она.
У богатого у братца у Лазарюшка
Богачество-именьице прахом все прошло,
Хоромное строеньице огнем все сожгло.
И вышел богатый на старые на сени,
- ³⁵ И закричал богатый своим нежным голоском:
«И господи, господи, Спас милостивой,
И пошли-ко, да господи, трех ангелков,
И трех ангелков, ды трех ведь милостивых».
И послал-то господи трех ангелков,
- ⁴⁰ И трех ангелков, да трех немилостивых.
И вынимали душу железными крюкмы,
И полоскали душу да в чаше каменной,
И вот бросали душу да в огнянну реку,
И в огнянну реку да во кипящую смолу.
- ⁴⁵ На том свете душа его поцарствовала,
На этом свете душенька постранствует она.
И увидал богатый да брата своего,
И брата своего, да брата Лазарева.
«И братец ты, братец, убогий человек,
- ⁵⁰ Пусти-ко меня, братец, хоть в раёк на краёк».
«Какой я те брат, как я убогий человек?
И есть у тя братьица получше меня:
Князи да друзи да милы братьица твои».

(Всё.)

АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧ ЛОГИНОВ

Об этом сказителе в архиве не сохранилось почти никаких данных, даже имени и отчества, года рождения. Из Авдеевского сельсовета сообщили мне, что Андрей Степанович Логинов родился в 1906 г. в д. Мелентьево (или Мелентьевская, как ее называют пудожане)¹. После войны А. С. Логинов вернулся к семье в д. Рагнозеро Рындозерского сельсовета. Заболел — и там умер. По словам старожила из д. Мелентьево, П. А. Логинов, былины которого опубликованы в сб. «Онежские былины», троюродный брат сказителя. Это обстоятельство очень интересно в плане сопоставления их текстов, обнаруживающих большое сюжетно-композиционное сходство.

Неопубликованные былины: 1) «Ставр» (2/42); 2) «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья и Святогор» (2/43).

40. ПРО ДОБРЫНЮ МИКИТИЦА, КАК ВЕЗЛИ ДАНЬ (Добрыня и Василий Казимирович, Добрыня и Алеша)

Во стольноем городе Киеви
Были собраны князя и бояра
Ой везти дани-пошлины Бонияну Бониянову
За двенадцать лет да с половиною,
⁵ А й везти да тридцать белых лебедей,
Ах везти да тридцать кречетей.
Ой стали избирать да добрых молодцев:
Ой сын Василья Газемерова, Добрынюшку Микитица,
Василья Газемерова, Олешку Долгополого.
¹⁰ «А мы где будем, братья, съезжатися?»
«Будем мы съезжатися
У того дуба Онивина,
У того креста да Леванидова».
Вот приезжают к дубу Онивину,
¹⁵ К тому кресту они да Леванидову,

¹ Неясно, почему в паспортных данных сказителя в архиве записано д. Алексеево. Может быть, сказитель был там какое-то время.

- На ту гору, на Фофор-гору.
Насыпали коням пшены да белояровой,
Ой зоблют кони пшену да белоярову.
Вот поехали братья крестовые
- 20 Везти да дани-пошлины
Да за двенадцать лет да с половиною.
Привезли да дани-пошлины
Да за двенадцать лет да с половиною.
Ой приезжают да на широкий двор,
- 25 Ой вяжут коней к столбу точеному,
К колечку да золоченому,
Идут во гридню столовую,
Приходят к Бонияну Бониянову во гридню столовую
И челом не бьют.
- 30 «Бониян да Бониянов, забирай-ко дани-пошлины
За двенадцать лет с половиною».
Ой забрал он дани-пошлины
Ой за двенадцать лет да с половиною.
«Ей не угодно ли сесть сыграть да в шашки шахманные,
- 35 35 В тыи тавлеи золоченые?»
«Ой такие игроки да остались во Киеви,
Но надиемся мы на Добрыню Микитица».
Но вот сили играть да в шашки шахманные,
В тавлеи золоченые.
- 40 Начинал он играть в шашки шахманные.
Вот Бониян Бониянов
Вот проигрывают Бониян Бониянов королевство полное,
Вот Бониян Бониянов
Залагат же королевство полное.
- 45 А Добрыня Микитинец проигрывают брата крестового.
Ой первый раз ступил — не доступил,
А другой раз ступил — переступил,
Проиграл же братца крестового.
Но вот начинат он проигрывать
- 50 50 Второго брата крестового.
Ой первый раз ступил — не доступил,
А другой раз ступил — переступил,
Проиграл же второго брата крестового.
Третий раз сыграл,
- 55 Стал проигрывать коня брата крестового.
И вот давай четвертый раз проигрывать
Брата крестового коня второго.
«Давай проиграть да свою да буйну голову».
А й первый раз ступил — не доступил,
- 60 60 Второй раз ступил — и в дамочки,
Ой выиграл он брата крестового.
А й первый раз ступил — не доступил,
Второй раз ступил — и в дамочки,

- Ой выиграл второго он братца крестового.
- 65 Ну давай же ну третий раз
Выигрывать коня доброго брата крестового,
Вот он выиграл коня да богатырьского.
Давай же выигрывать коня да последнего,
Он выиграл коня да последнего.
- 70 Вот Бонияну Бониянову
Неохота упустить да богатырей,
Охота выиграть, да обыграл его Добрынюшка Микитинець,
Выиграл королевство Бониянское.
«Ей, Добрынюшка Микитинець,
- 75 Не угодно ли сходить да на широкой двор
К тому столбу точеному,
К колечку золоченому?»
«Ой таки стрельцы осталиси во Киеви,
Понадиемся мы на Добрыню Микитица».
- 80 Вот приходят да на широкий двор,
И ён приказывают да Бониян да Бониянов:
«Несите-ко тугой лук Добрыне Микитицу».
Приносят же тугой лук.
Он лук же повыломал,
- 85 Тетивки повыщелкал,
Наиспашь повыкидал.
Тут же скомандовал Б(ониян) да Бониянов:
«Несите ему еще тугой лук».
Вот приносят же тугой лук.
- 90 Он лук опять повыломал,
Тетивки повыщелкал.
А й Бониян Бониянов закричал во всю буйну голову:
«Привезти такой невежищу да тугой лук!»
Подвозят же тугой лук
- 95 На сорокі подводах сильных.
Он лук же опять да повыломал,
А тетивки повыщелкал.
Да наиспашь повыкидал.
«Олешка Долгополый,
- 100 Иди-ко на широкий двор,
Неси-ко лучончко дорожное».
Приносит Олешка лучонко дорожное.
Вот он взял лучонко дорожное.
«Ну-ко, стреляй, Бониян да Бониянов».
- 105 Как стрелил Бониян Бониянов —
Не то попасть в колечко точеное,
Дак и в щит попасть не мог.
Как стрелил Добрыня же Микитинець
Со своего лучонка дорожного —
- 110 Перерубил кольцо да золоченое.
И пошли они.

Висит кольцо да золоченое.

Вот оны свисили кольцо да золоченое,

Не та половинка и не другая ведь

115 Не тяжельше ведь и не легче.

«Не угодно, Добрынюшка Микитинец,

Сходить да поборотися?»

Ой ёны выходят боротися да на широкий двор.

Посылат же Добрыня Микитинец

120 Того да Олешку Долгополого.

Но вот пошел боротися Олешка Долгополой,

Вот стали находить да по двою да по трою,

Он возьмет да их да схлестнет их,

Да уж давно и пару нет.

125 Ой стали находить же видь десятками.

Закричал же Олешка Долгополой:

«Помогите же, братья крестовые,

Ей Добрыня Микитинец и Василий Газемерович!»

Стояли они да на балхони верхнем.

130 Вот оны, ребята, да опущалися,

Прямо с балхона скакали да верхнаго.

Вот оны стали боротися.

Один же взял осишко тележное,

А Добрыня Микитинец хватил столоб да богатырскую.

135 А куды махнут — туды улича,

А перемахнут — переулочек.

Ой закричал Бониян Бониянов

Во всю же буйну голову:

«Уйми-ко, Добрыня Микитинец,

140 Своих же да братьев крестовых!

Нунь мы будем платить же вам да дани-пошлины,

Оставьте же мне проклятых татаровей на сымена».

Вот унял Добрыня Микитинец

Ой братьёв крестовых.

145 Вот он стал Б(ониян) Бониянов

Платить им да дани-пошлины.

Раньше дань привозили им:

Какой Бонияну приезжал да к Бониянову,

Который приезжал —дак и живой не уезжал.

150 Получил Добрыня дани-пошлинных

И отправил домой да даней-пошлины

Да за двенадцать лет да с половиной.

Ой привозит Василий да Газемерович

Ой за двенадцать лет да даней-пошлины.

155 Вот у Добрыни да во чистом поли только забавушки —

Играет он в шашки шахманныи,

Ой в тыи тавлеи золоченые.

«Ой любима семья да молода жена!»

Поезжал он да и приказывал:

- 160 «А не ходи-ко ты да во замужество
За того Олешку Поповица:
Он же мне да падше брата родного.
Через шесть лет хоть вдовой живи,
А хоть взамуж поди».
- 165 Шесть лет она ждала Микитица,
А не приехал через шесть годов.
Стал Олешка подхаживать
И стал ее да подговаривать:
«Добрыня убит да во кувыль-траву лежит.
- 170 Добром пойдешь — дак добром возьму,
А добром не йдешь — дак силом возьму».
Вот она да пораздумала:
«Чем мне недоброму итти — дак давай добром пойду».
Вдруг прилетает черен ворон,
- 175 Он жупит же Добрыню Микитица,
Жупит он по-птичьему,
Говорит по-человичьему:
«Ай живешь ты, Добрынушка, во чистом поли,
Невзгодушки над собой да не ведаешь:
- 180 Ой модала жена да любима семья
Выходит да во замужество
За твого же братца крестового,
Да за Олешку Поповица».
Ой ставал Добрынушка на резвы ноги,
- 185 Он брал же да доску шахманную,
Ой бил ее да о кирпичный пол,
Розлетелась доска да на мелкие дребезды.
Он выходит да во чисто поле,
Ой кричит во всю да буйну голову:
- 190 «Эй, Бурушко-Косматушко!»
Бежит, дак мать-земля дрожит.
«Ой ты, Бурушко-Косматушко,
Меня сюда да вез да три году,
А отсюль вези да ровно три часу».
- 195 Вот садится он на Бурушко-Косматушка.
А й Бурушко-Косматушко
Широки озера через ног пускал,
А й широки раздолья перебегивал,
А й синие моря да перескакивал.
- 200 Приезжает он домой да на широкий двор
А й через двенадцать лет да с половиною.
Он вяжет коня к столбу точеному,
К большому кольцу да золоченому,
Заходит к мамаши во гридню столовую.
- 205 «Здравствуй, мамаша Настасья Микулична».
«А й был бы у меня роженое дитятко

- Добрыня Микитинець,
Не дошло бы вам да над старухой надсмехатися».«
Он скорым-скоро да поворот держал.
Їн приходит да на широкий двор,
210 Їн бьет коня да по тучным ребрам.
«Эй, мой Бурушко-Косматушко,
А издили двенадцать лет да с половиною,
Не видали мы да слова гладкого,
Слова гладкого, обеда сладкого».
215 Вот тут старушка мамаша сдогадалася.
«У моего-то роженого дитятко
Была родимная знадебка-рубечок».
Вот он волосы да пороскинул он,
Увидала мамаша Настасья Микулицна.
220 Вот тут оны с сынком да поздоровались,
Вот же тут сынок да у мамашеньки
А стал он спрашивать:
«Эй, мамашенька, да где модала жена да любима семья?»
«Вот сегодня у них было сватовъство,
225 Ой завтра уж пированьцио».
«Ну-ко, мамашенька, скочи-ка на глубок погрѣб».
Вот скакала старуха да на глубок погрѣб.
Вот он сын да ей приказывает
Нести же шапку-мурманку,
230 И шапку-мурманку во сорок пуд,
Клюху-шевыгу подорожную, и тоже во сорок пуд,
И платье скоморошье, и тоже во сорок пуд,
И гусельшка яровчаты, и тоже во сорок пуд.
Вот старуха все брала да во леву руку
235 И приносила сыну во левой руки:
Гусельшка яровчаты и платья скоморошины,
И клюху-шевыгу подорожную.
И наделси он да и пошел на пир к брату крестовому,
К Олешки к Поповицу.
240 Вот и приходит и проситсѧ:
«Пригласите меня да на почестной пир,
Хоть в гусельщики и игральщики, и барабанщики».
«Есть у нас без вас гусельщиков, игральщиков·
и барабанщиков».
«Но пустите хоть с край печки да на запечки».
245 «Полезай же на печь да черную».
Вот заиграл же Добрыня Микитинець,
Вот он начал да поигрывать свое происхождение.
Тут же Олешка Попович поздогадался,
Вот сейчас предложили ему:
250 «А хоть за стол поди,
Садись хоть возли княгини Апраксией».
Вот он садится да возли княгини Апраксией.

- Наливали чару ему да зелена вина,
 Эта чара да полтора ведра,
 255 И весом да вытягает полтора пуда.
 И брал он чару во леву руку,
 И выпиват ее да на единый здох.
 Наливают вторую почестную.
 «Хоть сам пей, а хоть князю дай,
 260 А хоть княгине Апраксией».
 И вот эта чара полтора ведра,
 И весом полтора пуда.
 И подал он княгине Апраксией.
 «Ой пьешь до дна — дак увидашь добра,
 265 А не пьешь до дна — дак не видашь добра».
 Спустил он да в цару да перстень, которым обручалися.
 Вот она брала во леву руку
 И выпивала на единый здох.
 Увидала перстень, которым обручалися,
 270 Ой бухнула в ноги Добрыне Микитицу.
 «А прости меня да во большой вины:
 У бабы волос долог, а ум короток».
 Вот вставал же Добрыня на резвы ноги.
 «Не дивую я разуму женскому,
 275 А тому дивую уму мужскому:
 От живого мужа жену взял».
 Вот он взял же брата крестового Олешку Поповица,
 Ой хватил же он да за желты кудри,
 Начал он же братца поваживать Олешку Поповица,
 280 Ой же его тут поваживал,
 Плёточкой охаживал.
 Вот он стал же Олешка Поповиц,
 Убежал он во чисто поле по...ать.
 С горя хватил он ножищо-кинжалищо,
 285 Ой поставил он чернем вниз, кверху носом вострыим,
 Да тут с горя-досадушки Олешеньки Поповицу
 И вот тут ему да и славы поют.
 Ну, ушел Добрыношка с женой домой
 И сейчас живет да лучше старого.

41. ПРО ИВАНА ГУДЁНОГА (Иван Годинович)

Во том же во городе да во Киеви,
 У того же у князя Владимира
 Ой были же собраны князья и бояра,
 Ой сильные и могучие богатыри,
 5 Купцы имянитые, поляницы удалые.

Ой умный хвастат отцом-матерью,
А безумной хвастат молодой женой,
А кто хвастает силою-хваткой богатырьскою.
А Иванушко Годёнович не ест, не пьет, не кушает,
10 И ничим же он не хвастает,
Белой лебеди не рушает,
Медку, сахарку не закусыват.
«Ой чим мне, дяденька, хвастать не похвастати:
Ой ровня во Киеви жениласи,
15 Ой равны подружки замуж ушли».
«Ой время, Иванушко, да и женитисе,
Бери-ко княгину во Киеви по разуму».
«Ой нет мне во городи Киеви,
А есть в том городи Чернигови
20 У Митрия гостя торгового».
«Что ль тебе надо: казна ли несчетная,
Казна ли несчетная аль сила несметочна?»
«Не надо мне казны несчеточной, а силы несметочной,
Ой дай мне одного слугу Офимку-пазумку,
25 Мы двое вывезем».
Заплясал он на полати белокаменной.
«Спасибо, Иванушко Годёнович,
Что с собой берешь,
Мы двое вывезем».
30 Заскакал он по полаты белокаменной.
«Спасибо, Иванушко, что с собой берешь».
Ой стали кладывать да потнечки на потнечки,
Мягки войлоки на войлоки,
Сиделышка черкации.
35 Ой вид'ли молодцев сядучи,
А не вид'ли, куды поедучи.
Вот приезжают они же в Чернигово.
Ой крест кладут да по-писаному,
Поклон ведут да по-ученому,
40 А на вси на четыре сторонки поклоняются.
«А вы коей орды, а вы коей земли?
Коего отца да коей матери?
Как вас именем зовут и звеличают по отечству?
Эй князи ли есть и князёвичи,
45 Аль сильны могучи богатыри,
Аль поляницы удалые,
Аль послы лиховецкие?»
«А ѿ есть же мы да не князи-князёвичи,
И не сильны могучи богатыри,
50 И не купцы именитые,
И не поляницы эх удалые,
И не послы лиховецкие,
А есть мы да из города Киева,

И приехали мы да свататься».

55 «А есть у меня на свадьбу не заправленось».

«А не гостить мы к тебе же эй приехали».

«Эх, тое делушко сделано,

Рукобитьё поделано,

Тому делу так и быть.

(Начисто отказывают.)

60 Просватана же Настасья Митриёвична
За того же сына Кощаева Тропитова».

«Чим отдать да во чужу землю,

А лучше отдать да во свою землю».

«Нет, тое делушко сделано,

65 А рукобитьё поделано,
Тому делу так и быть».

(Начисто отказывают.)

Разгорелось у Ивана Годенова да сердце богатырьскоё,
Он хватил же саблю вост्रую

И махнул ему да по буйной главы.

70 Отлетела у Митрия гостя торгового,
Откатилась головка, как пуговка.

Вот брали невесту да за белы руки
И садили невесту на добра коня.

Приезжают оны да во чисто полё.

75 «Ой поезжай-ко, слуга Ефимка-паромка,
А й кури-вари да зелено вино,
А вари еще да пиво пьяное,
Да дожидай меня а со княгиною».

Вот уехал Офимка во Киев-град

80 Курить-варить пива пьяного,
А еще варить пива пьяного,
Ожидать его со княгиною.

Ой раздергивал Иванушко Годёнович
Вот шатер же тот да белополотняный.

85 Только хочет зайти да забавлятися,
Приежает же первый жених Кощай же Тропетович.
«Выезжай-ко со мной на поединочек,
Ой ты побьешь — дак ты возьмешь,
А я побью — дак я возьму».

90 Вот оны разъехались.

Во тыи палицы военные ой булатние,

Ой палицы военные, булатние во сорок пуд,

Друг дружка ударили,

Полетел же Кощай сын Тропетович.

95 Садится Иванушка на белую грудь

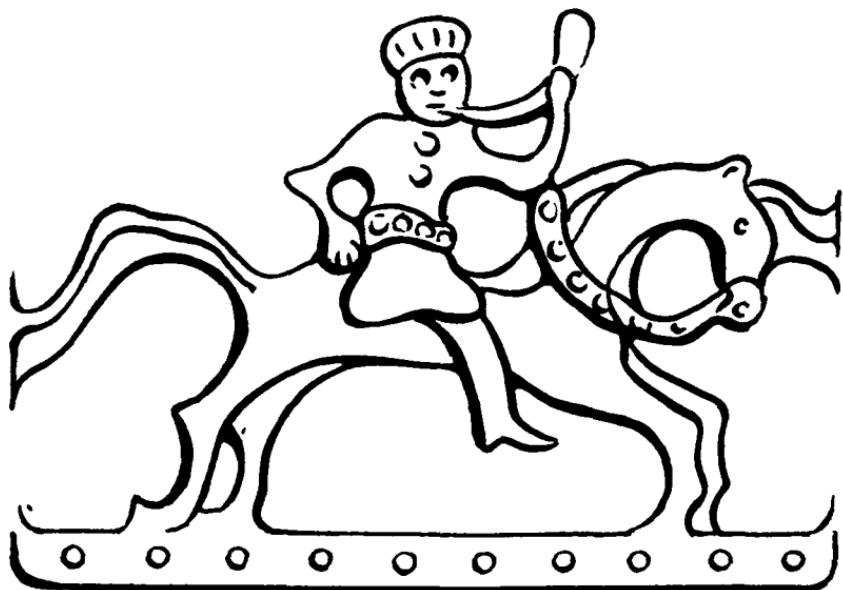
И хочет пластать да Кощаю белу грудь.

Закричал же Кощай да во всю голову:

- «За Иваном тебе быть — портомойницей,
А за мной тебе быть — царицей слыть.
- 100 Выдь, Настасья Митриёвична, из бела шатра
И сдерни за волосы назад себя».
Вот она выходит да из бела шатра
Да взяла сдернула да назад себя.
И вот садится Кощай сын Тропетович
- 105 Ивану Годенову да на белую грудь
И хочет пластать да Иванушку белую грудь.
Ой тут же он да пораздумался.
«Ой подай-ко, Настасья Митриёвична,
Ой тыи тетивки шелковыя,
- 110 Ой свяжем ручки резвые и ножки резвые,
Привяжом ко кустышку да ко ракитову,
А свезем его да в свою сторону,
А будет нам слуга да очень верная».
«Пластай же, Кощай Тропетович,
- 115 Ивану Годенову белую грудь».
Вот приказал, она подала тетивки шелковые,
Привязали ко кустышку да ко ракитову.
Вот заходит в шатер да забавлятися
Кощай да сын Тропетович,
- 120 Вот заводит же он с ней да забавлятися.
Вот заспал Кощай да сын Тропетович да крепко-накрепко,
Ен-то спал, она не спала, ведь Настасья Митриёвична.
Ой прилетает голубь да со голубкою,
Ой садятся да на Ивана Годенова.
- 125 «Каково тебе жить да у кустышка,
Как у кустышка да у ракитова,
Глядить на забаву Тропетова?»
«Ой выстань-ко, Кощай сын Тропетович,
Убей голуба со голубкою:
- 130 Голуб с голубкой не простые —
Приедут же киевски богатыри,
Убьют тебя да во чистом поли».
Вот он вставает и выходит да из бела шатра,
Берет же он да тугой лук,
- 135 А кладават стрелу каленую.
«Эй ты, моя да калена стрела,
Не падай ни на воду, ни на землю,
Отлетай в голубка со голубкою».
Не полетела калена стрела
- 140 Не в голубка и не в голубушку,
А отлетала самому да во белую грудь.
Убил же Кощай да сын Тропетович да самого себя.
Вот в шатре она да слезно прирасплакалась.
«Ох от бережка да я откачнулася,
- 145 А к другому я да не прикачнулася.

- Ой Иванушко да Годёнович,
Ой прости меня да во большой вины:
У бабы волос долог, а ум короток».
А раздумался Иванушка Годенов:
- 150 «А пропал же я не от женщины».
«А не простишь меня,
А отрублю тебе да буйну голову».
Вот вернулась она в шатер да белополотняной,
Вот она же взяла саблю вост्रую,
- 155 Хотет срубить да Ивану буйну голову.
Да замахнулась она да саблей вострою,
А сдрожала у ей да сабля вострая
И пала Ивану на белы руки,
Обрубила тетивки шелковые.
- 160 Поймал Иван да в руки саблю вострую,
А закричал же он во всю да буйну голову:
«Вот прощу же я теперь тебя, Настасья Митриёвична».
Обрубил же на ногах да у себя тетивки да шелковые.
Вот ставает он да на резвы ноги,
- 165 И подходит он к Настасье Митриёвичной.
«Этот язык мне не надобён,
Который велел пластать да белую грудь».
Отсек он язык да у Настасии Митриёвичной.
«И эти мне губы не надобны,
- 170 Целовали Кощая Тропетова».
Взял он губы отсек у ней.
«Эти мне руки не надобны,
Да обнимали Кощая Тропетова».
И взял он у ней руки отсек напрочь,
- 175 И взял он у ней да отрубил ноги резвые.
«Сейчас поди да хоть за князя да за князовича,
Хоть за сильного могучего богатыря,
Хоть за того купца да имянитого,
За того купца имянитого,
- 180 А хоть за тую поленицу удалую».
Сейчас же Иванушко Годенов
Уехал он во Киево.
Поживат же теперь он во Киеви,
А живет же он да лучше старого,
- 185 А лучше старого да лучше прежнаго,
Лучше прежнаго да князя нежнаго.

Карельское Поморье



АНАСТАСИЯ ИВАНОВНА ЕФРЕМОВА

Анастасия Ивановна Ефремова из д. Калгалакша Кемского района родилась в 1893/95 гг. Сведений о ее жизни в архиве нет, но облик ее как исполнительницы свадебных песен, баллад, духовных стихов хорошо известен. А. П. Разумова, записавшая от нее песни и духовные стихи, сообщает, «что в 1964 г. А. И. Ефремова по знанию большого количества песен была ведущей исполнительницей, хотя ввиду преклонного возраста ее голосовые данные довольно ограничены» (51/1).

Баллады и былины А. И. Ефремовой публиковались в РНПКП. От нее записаны сказки, одна из которых помещена в сб. РНСКП, № 12.

В архиве есть и неопубликованные варианты: 1) «Илья Муромец и разбойники» (35/55); 2) «Иван Гостиный сын» (35/56); 3) «Князь, княгиня и старицы» (35/53); 4) «Ездил Михайло по морю» (51/277); 5) «Князь Роман и Марья Юрьевна» (35/51; 51/3— ф. 353/2; 56/14).

42. ПРО КАЗАЛИНА

На роду Казалина попортили,
Отец с матерью на руки не приняли,
Отдали бабушке-задворенке
Кормить поить до трех годов,
5 От трех годов до шести лет,
А от шести лет до двенадцати,
Чтобы мог Казалин конем владеть,
Он конем владеть да шроверять.
Стал Казалин по улицам похаживать,
10 С ребятами шара мечать-покидывать.
Кого хватит за руку — рука оторвется,
Кого хватит за ногу — ноги как не было.
Стали Казалина ругать-бранить:
«Чужехлебица-деревенщина».
15 Казалину забедно пало и за конфуз большой.
Пришел он к бабушке, пришел к задворенке.

- «Ой ты, бабушка да ты задворенка,
 Ты скажи, скажи, да не утай, скажи:
 Я коёй земли и коёй орды,
 20 Коёго отца да коей матушки?»
- «Уж ты городá, дитя, Берёзово,
 Твоего отца Петра Коромыслова,
 Твоей матери Настасьи-королевны.
 На роду-роду тебя попортили,
- 25 Отец с матерью на руки не приняли,
 Отдали мне, бабушке-задворенке,
 Кормить-поить до трех годов,
 От трех годов до шести лет,
 От шести лет до двенадцати,
- 30 Чтобы мог ты, Казалин, копьём шоровать, конем
 владеть».
- «Скажи, бабушка, скажи, задворенка,
 Было ли у них еще кого с роду детушек?»
- «Была у них доченька любимая,
 Увезли ее да три татарина».
- 35 Видели Казалина-то седучись,
 А не видели добра молодца поедучись.
 Во чистом поли куревá стоит,
 Дым столбом валит,
 А желты пески столбом ставятся.
- 40 Приезжает татарин ко тому шатру,
 Ко тому шатру белополотнищу.
 Сидит девица, душа красная.
 «Уж ты, девица, душа красная,
 Ты скажи, скажи, да не утай, скажи:
- 45 Ты коёй орды, да ты коёй земли,
 Коёго отца да коей матери?»
- «Уж я города да из Берёзова,
 Да того отца Петра Коромыслова,
 От той я матери Настасьи-королевны,
 50 Увезли меня три татарина».
- Выходил татарин из бела шатра,
 Из белá шатра белополотница,
 Говорил татарин таковы слова:
 «Не плачь, девица, душа красная,
 55 Мы на завтрашний день будем дела делить,
 А по-вашему — пай паивать:
 На первой мы дел положим скатно золото,
 На второй мы дел положим чисто сéребро,
 А на третий дел положим тебя, девушку.
- 60 Если ты мне, девушка, достанешься,
 Я возьму тебя да за себя взамуж».
- Девка плачет пуще прежнего да пуще старого,
 Ко своей косы она причитывают:

- «Ты коса моя да светло-русая,
65 Плетена коса на святой Руси,
Расплетут косу в неверной земли».
Выходил другой татарин из бела шатра,
Говорил татарин таковы слова:
«Не плачь, девица, душа красная,
70 Мы на завтрашний день будем дела делить,
А по-вашему — дак паи паивать:
На перво дело положим скатно золото,
На второй дел положим чисто серебро,
А на третий дел положим тебя, девушку.
75 Если ты мне, девушка, достанешься,
Я возьму тебя да к себе в портомойницы».
Девка плачет пуще старого да пуще прежнего.
Выходил третий татарин
Из бела шатра белополотница,
80 Говорил татарин таковы слова:
«Не плачь, девица, ды душа красная,
Мы на завтрашний день станем дела делить,
А по-вашему — паи паивать:
Да на первый дел положим скатно золото,
85 На второй дел положим чисто серебро,
А на третий дел положим тебя, девушку.
Если ты мне, девушка, достанешься,
Я возьму да отвезу тебя да во чисто поле,
Отрублю у тебя по плеч буйну голову
90 И брошу там тебя волкам на рысканье,
Да ведь черным воронам на грянье».
А Казалин за шатром стоит,
Богатырско сердце как ключом кипит.
Одного татарина рукой схватил,
95 А второго копьем сколол,
А третьего конем стоптал.
Собирал казну да многосотенну,
Садил девицу на добра коня.
«Ты скажи-ко, девушка, да не утай, скажи,
100 Ты коей орды, да коей земли,
Коего отца, коей матери?»
«Уж я города Берёзова,
Того отца Петра Коромыслова,
Той матери Настасьи-королевны».
105 Повез девушку да ко родителям.
Подъезжает к городу Берёзову,
К тем палатам белокаменным,
А палаты Коромысловы как огнем горят,
Все скатным золотом.
110 Подъезжает он да к тем окошечкам.
Кричал-зычал да зычным голосом:

- «Ой же ты, Петр-королевич,
 А ты, Настасья-королевна,
 Было ли у вас кого сроду малых деточек?»
- ¹¹⁵ Бросалась королевна по плеч в окно,
 А Настасьюшка по поясу.
 «Была у нас доченька любимая,
 Увезли ее три татарина».
 «Выкупайте-ко доченьку любимую.
- ¹²⁰ Вы овесьте-ко моего коня куницами да лисицами
 И налейте мне чару зелена вина
 Мерою да в полтора ведра».
 Овешали его коня куницами да лисицами,
 Наливали ему цару зелена вина
- ¹²⁵ ¹³⁰ Мерою в полтора ведра.
 Казалин вино не пил — коню на гриву лил,
 И грива вся в колечки скрутилася.
 Он вскричал-зычал зычным голосом:
 «По роду-роду — да ты мне мать родна,
 А по житю-бытью — да змея лютая!»
 Закричали все: «Казалина да держи-души!»
 Поглядели в окошечко, а Казалина уж след простила.

(Конь, видать, хороший был.)

43. ДМИТРИЙ-КНЯЗЬ (Дмитрий и Домна)

- Сватался Митрий-князь по две годы да по три осени,
 На четверту осень только свадьбе быть,
 Только свадьбе быть да к венцу пойти.
 Случилось Митрию идти к заутрене,
- ⁵ А Васильевичу к воскресеньский.
 Бросалась Домночка по плеч в окно,
 Да Фалилеевна да по поясу.
 «Этот ли, матушка, Митрич-князь,
 Этот ли, сударыня, Васильевич?
- ¹⁰ Ой сутул-горбат, наперед покляп,
 Ноги кривы, глаза косы,
 Кудри желты залежалися,
 Речь-то у Митрия, верно, карельская».
 Митрию-князю забедно пало
- ¹⁵ Да за конфуз большой.
 Пришел он к сестрице к Софье да Васильевной.
 «Уж ты, Софьюшка да ты Васильевна,
 Позови-ка ты к себе Домну Фалилеевну,
 Ты скажи-ка, что Дмитрия дома нет,
²⁰ Да Васильевича не случилося».
 Пришла к ним Домнушка да Фалилеевна.

- «Ты садись-ко, садись, да Домна Фалилеевна,
 Дмитрия-князя дома нет,
 Васильевича да не случилося.
- ²⁵ Будем-ко с тобой мы чаёк пить,
 Чаёк попивать да пир пировать».
 Села Домнушка да Фалилеевна
 Ко тому столу ко дубовому.
 «Выходи-ко ты, Дм(итрий)-князь,
- ³⁰ Да из-за завесы да из-за шелковой».
 Выходил тут Дм(итрий)-князь да из-за завесы,
 Говорил тут Дмитрий таковы слова:
 «Ты зачем сюда пришла, да змея лютая,
 Змея лютая да подколодная?
- ³⁵ Ты поди-ка, Софьюшка Вас(ильев) на,
 Зови-ко попа да протопопа,
 Мы со Домнушкой да повенчаемся». Взяла Домнушка ножичек булатный
 И говорила таковы слова:
- ⁴⁰ «Не достанься, ты мое тело белое,
 Не сутулому да не горбатому,
 Не ногам кривым да не глазам косым,
 А достанься, мое тело белое,
 Гробовой доски да сырой матери-земли».

44. ЕГОРИЙ СВЯТОХР(АБРЫЙ) (Мучения Егория)

- Задумал царище Кудриянище
 Егория святохраброго со свету сжить.
 Копал царище Кудриянище
 Три погреба глубокие,
- ⁵ Длиною по сорок сажён, шириной по семьдесят,
 Садил туда Егория святохраброго,
 Задёргивал решеточки железные,
 Заваливал серы валючи камешки.
 Пошел царище Кудриянище,
- ¹⁰ Ухмыляется и похваляется:
 «Не бывать Егорию на святой Руси,
 Не видать ему света белого да солнца красного».
 А Егорий говорит святохрабрый:
 «Вы падите-ко, ветры буйные,
- ¹⁵ Развалите-ко серые валючи камешки,
 Прираздёргайте решеточки железные,
 Выпустите Егорья на святую Русь».
 Пали ветры буйны,
 Развалили серы валючи камешки,
- ²⁰ Прираздёргали решеточки железные.

- Выходил Егорий на святую Русь.
Пошел к царищу Кудриянищу.
Захватил царище Кудриянище
Егория свят(охрабро)го,
25 Приказал Егорья пилой пилить,
Пила вся в щепки преломилася,
А Егория святохраброго не уранила, не уязвила.
Опять схватил царище Кудриянище
Егория святохраброго,
30 Поставил котлы со смолой кипеть
И положил в котел Егория свят(охрабро)го.
Котёл кипит, Егорий во кotle стоит,
Стихи поет херувимские.
Поставил царище Кудриянище
35 Заставы великие, леса непроходимые, горы высокие,
Скрутил руки и ноги Егорью свят(охрабро)му,
Пошел домой и похваляется:
«Не приди Егорью свят(охрабро)му
В мои палаты белокаменны».
40 Сам измучился и улегся спать,
Поставил стражи везде великие,
А под голову положил меч-самосеч.
Шли мимо Егорья слуги царские.
«Ой вы, говорит, слуги царские да гос(под) ские,
45 Не верайте вы царищу Кудриянищу,
А поверайте Егория св(ятохрабро)му,
Раскрутите у меня ручки и ноженьки».
И поверили слуги царские
В Егория св(ятохрабро)го,
50 Раскрутили ему ручки и ноженьки.
Говорит Егорий таковы слова:
«Разодвиньтесь вы, горы высокие,
Пропустите Егория св(ятохрабро)го.
Вы не верайте в неверного,
55 А поверайте в Егория св(ятохрабро)го».
Приходит к палатам белокаменным,
Говорит Егорий таковы слова:
«Ой да застава царская да неверная,
Не верайте в неверного,
60 Поверайте в Ег(ория) св(ятохрабро)го,
Пропустите во высокий дом».
Пропустила застава Егория св(ятохрабро)го.
Заходит Егорий во высок терем,
Спит царище Кудриянище.
65 «Ой же ты, меч-самосеч,
Ты не верай в неверного,
А поверай в Егория святохраброго,
Отруби царицу Кудриянищу

По плеч буйную голову».

- 70 Послушался меч Егория св(ятохрабро)го,
Отрубил царицу по плеч буйну голову.

45. ЖИЛ-БЫЛ ЕФИМЬЯН КНЯЗЬ БОГАТЫЙ (Алексей человек божий)

Жил-был Ефимьян князь богатый,
Он охоч был богу молиться
И на кажду субботу причащаться.
Он просил у господа отродья,

- 5 Хоть мужьского или полу женьского.

Богородица во сне ему явилась,
Человеческим языком говорила:
«Встань, Ефимьян, будися,
Ты умой свои ясные очи,

- 10 Прочитай трижды Иисусову молитву
И поди сходи в свою лёжню,
Там лежит твоя княгина трудна-больная,
Чадышка спородила.

Созови-ка попа-протопопа

- 15 И созвови еще кума со кумою,
И нарекайте ему имя Алексея,
Олексеюшка божья человека».

Встал Ефимьян, будися,

Приумыл свои ясныя очи,

- 20 Прочитал трижды Иисусову молитву.
Он призвал тут попа-протопопа,
И созвал он кума со кумою,
Нарекал ему имя Алексеем,

Олексеем божьим человеком.

- 25 Исполнилось Олексеюшку восемь лет,
Захотели отец с матерью грамоты учить.
Олексеюшку грамота далася,
Рукописанье само писалось.

Исполнилось Олексеюшку восемнадцать лет,

- 30 Захотели отец с матерью Алексея поженить.
Олексеюшку жениться не далось,
А противить отца-мать не хотелось.
Выбирали Олексею возбрученную княгину,

Пир пировали, свадьбу играли.

- 35 Увели спать Алексея
С возбрученой княгиной в почивальну.
Богородица во сне Олексеюшку явилась.
«Встань-ко ты, Алексей, да будися,

Ты сними-ка с правой руки перстень

- 40 Да одень его своей возбрученой княгини,
Отвязи от себя шелков пояс

Да привяжи его возбручной княгины,
А сам одень-ко старческо платье,
Да ты поди на пристань корабельну,
⁴⁵ Там стоят карабли,
И поезжай-ка ты в пустыню богомольну».
Встал Олексей, убудился,
Умыл свои ясные очи,
Прочитал трижды Иисусову молитву,
⁵⁰ Он снял со своей правой руки перстень
И одел возбручной княгины,
Отвязал от себя шелков пояс,
Привязал к возбручной княгины,
Одевал он старчес(к)о платье,
⁵⁵ И выходил он на пристань корабельну,
И уезжал он в пустынию богу молиться.
Утром встали и разнесли по всему городу слухи:
«Куда Олексей девался?»
Искали, искали, нигде не могли найти.
⁶⁰ Тридцать лет пробыл Олексей в пустыне,
Тридцать лет богу молился.
Захотелось Олексею увидеть отца-матерь.
Нарядился он каликой перехожей,
Приходит он в дом Ефимьяна,

(Отца-то.)

⁶⁵ Просит он милостыньку спасённую:
«Ой же ты, Ефимьян князь богатый,
Ты подай-ко мне милостыньку спасённую,
Хот(ъ) не ради меня, а ради сына Олексея».
Бросалась княгинушка старцу в ноги
⁷⁰ И стала у старца выспрашивать:
«Где же ты нашего Олексеюшка видел?»
«Я, говорит, тридцать лет с им богу молился».
И приказал князь построить келью,
И поселить калику в келью.
⁷⁵ И в каждой день возбручна княгина
Носила сама еду калики.
На один раз приходит,
А калика скончался.
Написана была грамота у калики,
⁸⁰ Все хотели обирать,
Но никому грамота не далася,
Только далася возбручной княгины.
Все горевали, плакали, рыдали:
«Что же ты, Олексеюшка, нам не сказался?
⁸⁵ Мы бы тебя к себе поселили».
Кто к этим мошшам прикасался — все исцелялись:

Кто был без глаз — тот с глазами стал,
Кто был без ног — тот с ногами стал.

46. (Саул Леванидович)

Поезжает Саулушко во чисто поле,
Наказ наказывал, приказ приказывал
Своей молодой жены:

«Я поеду воевать во чисто поле.

5 Если пятнадцать лет не приеду,

Если ты сына спородишь —

Пошли мне на завыручку,

А если дочку спородишь —

Накорми, напой, замуж выдай

10 И пошли зятя на завыручку».

Прошло пятнадцать лет,

Есаулушко не ворачивался.

И послала княгина сына на завыручку.

Едет сын мимо города Чернигова,

15 Там кричат ему татаровья:

«Приворачивай, сильный бóгатырь,

Мы возьмем тебя королевствовать,

У нас король погиб в бою».

Схватили они Василия Сауловича,

20 Посадили в тюрьмы темные.

Вернулся Саулушко из чиста поля,

Собирает Саулушко почестен пир.

Все на пиру пьют и едят,

Одна княгина не ест, не пьёт.

25 Говорит Саула ей таковы речи:

«Что же ты, княгинушка, не ешь, не пьёшь, не кушаешь?»

Говорит княгина таковы слова:

«О-хó-хó, хо-хó, да о-хó-хонюшки,

Как сокóл-то есть, да соколенка нет».

30 У Саулушки да пир покончился.

И садился он на добра коня,

Поезжает Саула во чисто поле.

Едет мимо города Чернигова,

Мимо той стены городовыя.

35 Кричат ему татаровья, улановья громкими голосами:

«Приворачивай-ко, славный богатырь,

Мы возьмем тебя королевствовать,

У нас король погиб в бою».

Говорит Саула таковы слова:

40 «Эй вы, татарове да уланове,

Вы отдайте-ко мне милá сына да одинакого.

Если вы не отдаёти мне,

Я вас всех в ополон возьму,

Весь Чернигов-город во пепел спущу».

АНАСТАСИЯ ВАСИЛЬЕВНА ИВАНОВА

От Анастасии Васильевны Ивановой записывали дважды: первый раз в 1956 г., второй — в 1964 г., когда ей было 76 лет. Родом сказительница из д. Гридино Кемского района. Баллады и былины А. В. Ивановой частично помещены в сб. РНПКП. Остальные записи хранятся в архиве: 1) «Дмитрий и Домна» (35/183; 56/214); 2) «Илья Муромец и разбойники» (35/182); 3) «Добрыня и Алеша» (35/180); 4) «Князь, княгиня и старицы» (55/181); 5) «Илья Муромец и брат его» (35/176).

47. ПОТЫК СЫН ИВАНОВИЧ

Ездил Потык сын Иванович

На заводь на охотушку.

Он увидел на заводе лебедь белую:

Плавает лебедь белая.

5 Берет он в свои руки ружьё,

Заводит натягать курок калиновый.

Говорит ему лебедь языком человеческим:

«Ты заводишь стрелять не в лебедь белую,

А в девицу красную».

10 Она развернулась девицей красною,

Подходит к Потоку

И говорит ему таковы слова:

«Здравствуй-ка, здравствуй, Поток сын Иванович!

Буду я тебе да молода жена,

15 Богом сужена да богом ряжена».

Берет Поток сын Иванович

Девицу за белы руки,

За белы руки да за златы перстни,

Целует ее в сахарны уста,

20 Называет ее молодой женой,

Богом суженой да богом ряженой.

Полагают они заповедь великую:

«Кто из нас да наперёд помрёт —

Живому вслед идти».

25 Идут оны да по чисту́ полю,
Встречает их стар казак да Илья Муромец.
«Здравствуй-ка, здравствуй, Поток сын Иванович,
Ты кого себе везёшь?»
«Ой же ты, Илья Муромец,
30 Я везу себе молоду жену,
Богом сужену да богом ряжену».
«Ты везешь себе не молоду жену,
Богом сужену, богом ряжену,
А везешь себе змею лютую.
35 Когда станет она тебя
Огнём палить да змейой точить,
Возьми-ка ты книгу старинную
Да колокол звонистый.
Ты звони в этот колокол
40 И читай книгу старинную».
Проехал стар казак Илья Муромец,
А Потак идут с молодой женой по чисту полю.
Обернула она взяла его за юшком белым,
Рыскать-свистать по чисту полю да по темну лесу,
45 А сама вперед попадат.
А этот стар казак Илья М(уромец) говорит:
«Тридцать лет я выезжал мимо этого места,
Не видал этого заюшка скакучего да прыгучего».
Говорит добр(ый) казак Илья Мур(омец):
50 «Ты сойди-ка, Алёшенька Попович брат,
Возьми-ка ты этого заюшка скакучего да прыгучего,
Брось-ка его через правое плечо».
Алёшенька Попович и признать не мог.
Говорит Илья да Муромец Никитушке Добрынюшке:
55 «Ну-ка ты, Никитич, сойди со добра коня,
Брось-ка этого заюшка через левое плечо».
А Никит(ушка) Добрынюшка
Только от зёми чуть призял.
Говорит Илья М(уромец):
60 «Не пала заменушка от братьев Илью Муромцу,
Придется самому сойти со добра коня».
Говорит Потак таковы слова:
«Фу-фу-фу, долго спал, да впору встал».
Говорит стар(ый) казак И(лья) М(уромец):
65 «Кабы не я, так пришлось бы тебе
Искать-рыскать по чисту полю».
Пошел Потак опять искать молоду жену.
Проехал стар казак да И(лья) М(уромец)
Мимо их с молодой женой.
70 Она овернула его серым камнем во чистом поле.
Едет стар казак да И(лья) М(уромец).
«Тридцать лет да я выездил,

Не видал этого камня серого, валючего,
Наверно Потак сын Иванович лежит,
75 Оввернула его молода жена.
Ну-ка ты, Алёшенька Попович, сойди со добра коня,
Брось этот камень через левое плечо».
Говорит И(лья) М(уромец):
«Сойди-ко ты, Никитушка Добрынюшка,
80 Брось этот камешек через правое плечо».
Никит(ушка) Добрынюшка тоже чуть от полу отзял.
Говорит Илья да Муромец:
«А не пало И(лье) М(уромцу) заменушки,
Надо самому сойти со добра коня».
85 Сошел с добра коня И(лья) М(уромец),
Взял этот камешек,
Бросил через правое плечо.
Просыпается Потак сын Иван(ович).
«Фу-(фу-фу), долго спал, да впору встал».
90 Не дават совету Илья М(уромец)
Идти к молодой жене
Потаку да сыну Ивановичу.
Не послушал он старого казака И(лью) М(уромца),
Идёт за своей молодой женой.
95 Пришли оны в Киев-град.
Молода жена да очутилась мёртвою.
Вот стали хоронить во сырьу мать-землю
И Потака сына Ивановича.
Берет Потак сын Иванович
100 Книгу старинну да колокол звонистый,
Зарыли Потака живого в мать сырьу землю.
Она начала огнём палить да змейй точить
Потака сына Ивановича.
Потак сын Иванович вскочил, сидя сел.
105 Берет в руки книгу старинную
И (в) колокол трезвонный звонит.
Едет стар казак да И(лья) М(уромец).
«Тридцать лет я выездил,
Да не слыхал звону колокольного,
110 Наверно точит молода жена
Потыка сына Ивановича,
Огнём палит да змейй точит».
Становил своего добра коня
И говорил таковы слова:
115 «Ой же ты, Алёшенька П(опович) и Добрынюшка
Никитич,
Сойдите со добра коня,
Берите-ка в руки застулы железные,
Разрывайте-ка вы могилу Потака сына Ивановича».
Разрыли могилу.

120 Они встали на белы ноги
И пошли вперед попадать в Киев-град.
Пришли они в Киев-град.
Она ему напустила сон крепкий,
Засыпал Потак сын Иванович сном крепким, сахárным.
125 И пошла сама ковать гвоздь аршинное,
Забивать Потыку в белы руки,
В белы руки да гвоздь аршинное.
Была в избе девица красная,
Будила от сладкого сна Потака сына Ивановича,
130 Будила она и не могла разбудить.
Пришла молода жена,
Сковала гвоздь полуаршинное,
Забивает Потаку в белы руки, в резвы ноги.
Он спит и не пробуждается,
135 Со сладким сном и не расставается.
Говорит молода жена таковы слова:
«Кака я глупа женщина,
Сковала гвоздь полуаршинное,
А не сковала гвоздь аршинное
140 Забить Потаку в бéлу грудь».
Плачет над Потыком девица красная, будит его,
Ронит над ним слезы горькие,
Сронила ему во ясны очи свои слезы.
Просыпался Поток сын Иванович,
145 Лежит весь скованный.
Приказал девице тащить гвоздь,
А молода жена уж гвоздь несет.
Берёт он саблю в белы руки,
Открывает дверь да молода жена
150 С гвоздем с аршинным,
Сказнил он ей голову саблей вострою
И взял эту девицу за белы руки,
Целовал ее в сахарны уста,
Говорил ей таковы слова:
155 «Будешь ты моя жена,
Богом сужена да богом ряженा».
Идут они с молодой женой да по чисту полю,
Едет стар казак да Илья Муромец.
«Здравствуй-ко, здравствуй, Потак сын Иванович!
160 Ты везешь теперь молоду жену,
Да богом сужену да богом ряжену».
Проздравлял его с законным браком и благословлял.

48. ДУНАЙ И НАСТАСЬЯ (Молодец и королевична)

Все на пиру-то напивалися,
Все-то на честном да наедалися,
Все-то на пиру да прирасхвастались,
Да все-то на честном да прирасхвастались:

¹ В рукописи прочерк.

- Во-первы вскричал:
 45 «Да прощай, белый свет!»
 Во-вторы вскричал:
 «Да прощай, мать-отец!»
 Во-трети вскричал:
 «Прощай-прости, Настасья-королевична!»
 50 Во-первы након она не слышала,
 Во второй након ёна не дослышала,
 Из окошечка в окошечко бросалася,
 А во третёй након она услышала.
 Выбегала на улицу на широкую,
 55 На широкую улицу да на белый свет
 И увидела, что слуги ведут Дуная.
 Говорит она таковы речи:
 «Ой же вы, слуги, слуги верные,
 Берите вы злата-серебра, сколько вам надобно,
 60 Только отдайте вы мне Дунаюшка».

(Отдали Дуная, а он замуж не взял.)

49. КНЯЗЬ МИХАЙЛА И ЖЕНА

- Ездил Михайлушка-князь да молодыи,
 Он искал себе жану беляну,
 Красну хорошу жану Марфиду.
 Он нашел себе жану беляну,
 5 Красну хорошу жану Марфиду.
 Он приходит к своей матушке родимой.
 «Уж ты, мать-то матушка родная, государыня Авдотья,
 Уж ты пой-корми мою жану беляну,
 Красну хорошу жану Марфиду,
 10 Ты корми-тко ей круписцатой пшаницой,
 Пой ее да ключавой медовой водицей».
 Поезжат Михайла-князь да во чисто полё.
 Мать его беляну невзлюбила,
 Парну баенку топила,
 15 Серый камень нажигала,
 Белы груди у беляны прожигала,
 Вынимала три да три приметы:
 Первая примета — жили с Михайлушкиной во совете,
 Другая примета — бладень во утробы,
 20 Третья примета — Михайлушка-князь да во дороге.
 Полагала беляну во колоду
 И спускала колоду
 В рецку быструю да каменистую.
 Воротился Михайлушка-князь да из циста поля,
 25 Он приходит к своей маменьке родимой, к государыне
 Авдотье.

«Ой же ты, мать моя матушка родная, государыня

Авдотья,

Ты скажи-тко, скажи, где моя беляна,

Красна хороша жана Марфида?»

«Твоя беляна ушла в лес по ягодки да медовы,

30 Сбирать ягодки да щипать яблоньки».

Тут метался князь Михайлушки да молодый,

Он искал свою беляну,

Красну хорошу жану Марфиду.

Он приходит к своей маменьке родимой, к государыне

Авдотье.

35 «Ой же ты, мать моя матушка родима, государыня

Авдотья,

Ты скажи, скажи, да не утай, скажи,

Где же жана моя беляна,

Хороша жана Марфида?»

«Твоя беляна ушла в парну баенку помыться

40 Да в божью церковь помолиться».

Тут метался князь Михайлушки да молодый,

Он искал свою жену беляну.

(*Не нашел.*)

Опять приходит к своей маменьке родимой, к государыне

к Авдотье.

«Ой же ты, мать моя родная, государыня Авдотья,

45 Ты скажи, скажи, да не утай, скажи,

Еще где же жана моя беляна,

Красна хороша жана Марфида?»

«Твоя беляна ушла на рецку за водицкой

Да в соседы порядовны».

50 Ты метался князь Михайлушки да молодый

Ко своим соседам порядовным.

«Ой же вы, соседы порядовны,

Вы скажите, не утайте,

Где же моя беляна,

55 Красна хороша жана Марфида?»

«Мать твоя родна беляны невзлюбила,

Парну баенку топила,

Серый камень нажигала,

Белы груди прожигала,

60 Вынимала три да три да три приметы:

Первая примета — жили с Михайлой во совете,

А другая примета — младень во утроби,

А третья примета — князь Михайлушки да во дороге».

Тут Михайлушки к соседам да распростился,

65 Ой пошел Михайлушки ко синему морю,

Приходит к рыболовам.

«Ой же вы, рыболовы-лόвыци да удалы молодцы,

- Да прошу вас, закиньте шелков невод,
Вам придет да рыбы много».
- 70 Рыболовы заметали шелков невод,
Им пришло да рыбы оцень много.
«Ой же вы, рыболовы-ловьцы да удалы молодци,
Вы закиньте во второй раз да шелков невод,
Вам придет рыбы немного».
- 75 Рыболовы заметали шелков невод,
Им пришло рыбы немного.
«Ой же вы, рыболовы-ловьцы да удалы молодци,
Вы закиньте в третий раз да шелков невод,
Вам не придет рыбы ницого,
- 80 Вам придет одна тина».
Рыболовы заметали шелков невод,
И пришла в неводе одна тина,
И пришла колода.
Брал Михайлушка-князь,
- 85 Вытягал эту колоду,
Из колоды брал беляну,
Становил булатный нож
Черенем ей на белую грудь,
А на булатный нож становился своей грудью.
- 90 «Где лежит жана моя беляна,
Хороша жана Марфида,
Там лежи да князь Михайлушка да молодый».

50. (Хотен Блудович)

- Жили-были на почестном на пиро...¹,
Жили-были две умные вдовы, да две почестные жены:
Первая — Авдотья Блудового жана,
Другая — Афимья Часового жана.
- 5 Возговорит Авдотья Блудового жана:
«Ой же ты, Афимья Часового жана,
Станем говорить да мы добры с тобой дела,
Про доброе дело про сватовство.
У тебя ли-то есть Чайная Часо(вицна),
- 10 Княжая любимая племянница,
Девяти братам любима сестра.
У меня ли есть Хотенко сын Блудович».
Берет тут Аф(имья) Ч(асового) ж(ана)
Берет ли чару зелена вин(а) да во белы руки,
- 15 Плещет Ав(дотье) Бл(удового) ж(ане) да во ясны очи.
Сама г(овори)t таковы речи:
«Что же ты Хотенком похваляешься,
Что же ты Блудищем выхваливаешься?»

¹ В рукописи неразборчиво, очевидно, «на пированьице».

- Пошла тут Ав(дотя) Б(лудового) ж(ана)
- 20 Со честна пира она невесела,
Свою буйную головку в зень повесила,
Потутила оци ясны в мать сыру землю.
Стрецает Х(отен) сын Б(лудович).
«Что же ты, маменька, с честна пира невесела идешь?
- 25 На пиру тебя разве не приняли,
На пиру тебя чарой разве приобнесли,
Или пьяница горюща насмеялась над тобой?»
«На пиру меня честнó принял,
На пиру меня чарой не обнесли,
- 30 Пьяница горюща не смеялась надо мной,
Насмеялась баба богатая,
Насмеялась гордливая,
Твоя ли, сын, теща ломливая». Садился Х(отен)ка на добра к(оня),
- 35 Поехал Хотенка во чисто полё,
Приехал ко дубу дубиньскому,
Ко тому ли деревину деревиньскому,
Выломал он палицу дубовую,
Нажал он палицею дубовою —
- 40 Терем пал, виноград приломал,
Малые теремки помитусились.
Приехал к палаты белокаменной,
Где сидела Цайна Цасовицна,
Княжая люб(имая) пл(емянница),
- 45 Девяти братам любима сестра.
Нажал он палицею дубовою
Этую палату белокаменну —
Палатушка с боку на бок покацнулася,
С угла на угол перевернулася,
- 50 Только усиделась Чайна Ч(асовицна),
Княж(ая) люб(имая) пл(емянница),
Девяти братам люб(има) сестра,
У светлого окошка косивцата.
Идет баба со честна пира,
- 55 Богатая баба, гордливая,
Хотенкова теща ломливая,
Идет да сама ухмыляется
Да небылымы словесамы похваляется:
«Не было ни бури, ни падари,
- 60 Терем пал, виноград сломал,
Малые теремки помитусились». Стрекает ей Ц(айна) Ц(асовицна),
Княжая люб(имая) пл(емянница),
Девяти братам любима сестра.
- 65 «Это, дяйна, не буря, не падаря —
Терем пал, виноград сломал,

Малы теремки помитусились,
Этта Хотенко сын Блудовиц
Вызвал девяти братьев да во чисто поле».

(Дальше не знаю, как дело было, отдала замуж или нет. Лучше уж замуж пойти, как девять голов губить.)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА КОНОВАЛОВА

Екатерина Ивановна родилась примерно в 1868 году. Неграмотная, жила в д. Гридино Кемского района. Она была большим знатоком не только эпических песен, но и свадебных, колыбельных. От нее записаны заговоры, загадки.

Неопубликованные тексты из архива: 1) «Дунай и Настасья-королевична» (56/157); 2) «Князь Роман и Марья Юрьевна» (56/160); 3) «Молодец зовет девицу в Казань» (56/149); 4) «Алексей человек божий» (56/142); 5) «Плач Адама» (56/153); 6) «Михаил Архангел» (56/147); 7) «Стих о нищей братии» («Вознесение Христа») (56/154).

И. Этина опубликовала в 1937 г. былину о Козарине Е. И. Коноваловой.— Э т и н а И. Былины Кемского района.— Ленингр. госуд. университет. Филолог. факультет. Студ. записки филолог. факультета. Отв. ред. М. К. Азадовский. Л., 1937, с. 15—18.

51. О СТАРОМ КАЗАКЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ (Илья Муромец и разбойники)

Жил да старый казак Илья Муромец.
Ездил старый на добром кони,
На добром кони, на богатыушки.
Он мхи-болота промеж ног спускал,
5 А синее море на околь бежал.
Наезжал он старый на сер камешек,
На сер камешке подпись подписана:
«В первую дорожку ехать — мне живу не быть,
Живу не быть, стару застрелену,
10 А во вторую дорожку ехать — богатому быть,
А в третью дорожку ехать — мне женатому быть».
Сидит тут старый да удивляется,
Головой седой качает, уговаривает:
«На что мне, старому, богато стать:
15 Нет у меня, старого, молодой жены,
Любимой семьи да малых деточек,

- Некому тащить да золотой казны,
 Некому носить да платье цветнее,
 Некому хлеба-соли есть.
- ²⁰ В ту дорожку поеду, где живу не быть,
 Где живу не быть, стару застрелену».
 Наеждял тут старый на разбойников,
 На тех сорок тысяч подорожников.
 Тут стали старого подергивать,
²⁵ Подергивать да пошевеливать.
 Тут сидит-то старый, плечами подрыгивает,
 Удивляется, головой качает да выговаривает:
 «С меня-то старого, говорит, взять-то вот нечего».
 Хватил он сырой дуб за вершиночку,
³⁰ И вырывал он сырой дуб со корнем.
 «Нет у меня-то, старого, золотой казны,
 Только есть у меня, старого, кунья шуба,
 У куньей-то шубочки-то есть три пуговки,
 Подареньице солнышка Владимира.
- ³⁵ Есть у меня, у старого, лапотьца,
 Плетены лапотьца из семи шелков,
 Из семи шелков да из семи рядков».
 Нападают на старого пуще прежнего,
 Пуще прежнего, пуще старого,
⁴⁰ Пуще старого да злее прежнего,
 Сидит он да удивляется.
 А не сырой-то бор-то разгорается —
 У старого сердечко злополяется.
 Хватил он сырой-то дуб за вершиночку,
⁴⁵ Вырывал сырой кол-то со корнем,
 Начал сырым-то дубом помахивать,
 Прибил он сорок тысяч подорожников.
 Отъезжал он старый на сер камышек,
 На сер камышек и написал,
⁵⁰ Что эта дороженька зачищена
 Старым казаком Ильей Муромцем.

52. (Два Лазаря)

- Жило-было два брата, два Лазаря.
 Один был убогий, а другой был богатой.
 Богатой пил, ел сладко, носил хорборо,
 Сафьяны сапожки на всяк день таскал,
- ⁵ Нищих, убогих он ненавиждял,
 А во гробе умерших их не провожал,
 А по пути ходящим путникам не давал.
 Собирал богатый почестен пир
 Для князей, купцей, всех бояров.
¹⁰ Ну, приходит к богатому убогой брат.

Взмолился убогой брату своему:
«Братя, ты братя, богатый ты Лазарь,
Дай ты мне, братя, хоть милостенку,
Не большу, не меньшую — спасительную.

- 15 Не для меня подай, а ради Христа». Закричал богатый, как лютый зверь:
«Это ты в срам меня братом нарекаешь.
Есть у меня братовья получше тебя,
Получше, покраше да побогаче:
- 20 Князья-бояра — все братья мои,
А все вельможи — сестры дороги». Пошел тут убогой, сам расплакался.
Закричал богатый:
«Слуги вы, слуги, слуги верные мои,
- 25 Спустите кобелей со железных со цепей,
Шобы его, убогого, розорвать». Отпускали слуги кобелей со железных со цепей,
Кобели по постолю похаживают,
Крошечки убогому посбираивали,
- 30 Крошечки убогому подбрасывали,
А гной со больных ран ему облизывали.
Пошел убогий потом и расплакался.
«Господи, господи, бог милостливой,
Пошли-ко ты, господи, трех ангелов,
- 35 Не кротких, не смиреных, не милостливых,
Шобы мою душу нечестно вынялй,
Хотя из боку крюком бы вытащили,
Подняли бы душу вверх на небеса,
Бросили бы мою душу во кромешный ад».
- 40 Услышал тут господи моленья его,
Моленья его, все убогого.
Послал к нему господи двух ангелов,
Кротких, смиренных и милостливых,
Шобы его душу честно выняли бы,
- 45 Положили душу на серебряно блюдо,
Подняли душу вверх на небеса,
Посадили душу во прекрасный рай,
Возле Абрама, возле Исаака.
Поехал богатый во чисто полье гулять,
- 50 Находит на богатого лютая пора,
Помолился богатый вверх на небеса:
«Господи, господи, бог милостливой,
Пошли-ко мне, господи, двух ангелов,
Кротких, смиренных и милостливых,
- 55 Чтобы мою душу честно выняли,
Подняли душу вверх на небеса,
Посадили душу во прекрасный рай».
Услышал тут господь молитву его,

Послал к нему господи трех ангелов,
60 Не кротких, не смиренных и не милостливых,
Шобы его душу нечестно выняли,
Из боку крюком вытащили его.
Ангела вокруг него похаживают,
Как горько и вольно и стородливо
65 Душу его вынимати,
Бросили его душу во кромешный ад.
Увидел тут богатый брат в раю,
Возмолился богатый брату своему:
«Братье, ты братье, убогой Лазарь,
70 Дай мне-ко, братье, хоть с малою перста воды
с мезеночки».

«Рад бы я подати,— убогой отвечал брату своему,—
Рад бы я подати, да воля не своя,
Воля не своя, воля господова».

ЕВДОКИЯ ИВАНОВНА ЛАДИНА

Родилась Евдокия Ивановна Ладина в 1875 г. в с. Кереть Лоухского района. Неграмотная. «Сказки и былины слышала от старшего брата, который был грамотный и читал книги, и от женщин на тони» (58/54). По ее словам, она прожила долгую и безрадостную жизнь, из одиннадцати детей выжили двое. Собиратели отметили, что это «живая, бойкая и очень приветливая старушка» (58/54).

Фольклорный репертуар ее довольно богат. Она знала волшебные сказки (опубликованы — РНСКП, № 3), причем была сказочницей незаурядной (там же, с. 31), пела песни.

Из неопубликованных эпических текстов в архиве хранятся: 1) «Дмитрий и Домна» (58/51); «Илья Муромец и разбойники» (58/47); 3) «Дунай и Настасья-королевична»; 4) «Казарин» (58/49); 5) «Девушке снится сон о смерти атамана» (58/50). Былина о Сухмане (58/52) опубликована в книге: В. И. Малышев. Повесть о Сухмане. Из истории русской повести XVII века. М.—Л., 1956, с. 184—185.

53. ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН (Мать продает своего сына)

У отца, у матушки у умные
Зародилось чадышко безумное,
Почастехоньку гуляет на царев кабак,
Много-много испивает зеленá вина,
5 Без расчету тратит золоту казну.
Повязался он с голью кабацкою,
С голью кабацкою, бурлацкою,
С tema ли со девками-дерзанками
И со бабами гулящими.
10 Вот сказали тут его матери,
Той ли старухи староматерной.
Пошла мать путем да дорогою,
Приходила она на царев кабак,
Брала сына за белы руки,

- 15 За белы руки да за желты кудрй,
Повела его на пристань корабельную,
И кричит она зычным голосом:
«Где ты есть, купец Павел Павилонович,
Павилонович купец заморской?»
- 20 Ты купи-ка у меня чадо милого,
Моего дитя купи любимого».
«Не вора ли ты продаешь мне, старуха, разбойника,
Не ночного ли вора-полуночника?»
«Я не вора тебе продаю, не разбойника,
- 25 Не ночного вора-полуночника,
А продаю тебе чада милого,
Моего дитя любимого.
А за то продаю,
Что часто ходит во царев кабак,
- 30 Много-много понивает зелена вина,
Без расчету тратит золоту казну.
Я немножечко прошу с тебя —
Только сто рублей».
А заговорил слуга новокупленной:
- 35 «Не жалей ты, дай старушки сто рублей,
Дай, не жалей и другое сто».
Заговорил он другой раз:
«Не жалел ты старухи, дал одно сто,
Не жалел, дал друго сто,
- 40 Не жалей и дай третье сто,
Не ходила бы старуха бедна по миру,
Не сбирала бы ломтей резаных,
Ломтей резаных, кусков ломанных».
Вот получила старушка денежки,
- 45 Получила, распрошалася,
Распрошалася, горько плакала.
«Ты прости, прости, чадо милое,
Прости, чадышко любимое».
«Ты прости, прости, родна матушка,
- 50 Уж ты по роду — мне родна матушка,
По разлуки — змея лютая».
Как распрощалиссе — так и рассталиссе.

ФЕКЛА ИВАНОВНА МЫХИНА

В августе 1972 г. Фекле Ивановне было 68 лет. Родилась она в д. Колежма Беломорского района. Ф. И. Мыхина знаток свадебных песен, свадебного обряда, при чтении и частушек.

54. (Голубиная книга)

- Далече-далече, во чистом поле
Выпадала с небес книга голубиная,
Не малая книга, не великая:
В долину тая книга сорок локот,
В ширину тая книга в двадцать локот,
Да никто до книги не доступится,
Да никто до божественной не дотронется.
Приходил ко книги Владимир-князь,
Владимир-князь да Володимирович,
¹⁰ Да приходил до книги премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Евсеевич,
Да перед ним-то книга разгибалася,
Все божественно писание показалосе.
Да тут спрограммировал Владимир-князь,
¹⁵ Володимир-князь да Володимирович:
«Уж ты гой еси, премудрый царь Давыд Евсеевич,
Ты прочти, сударь, да книгу божию,
Объясни, сударь, да дела божие.
Отчего у нас начался белый вольный свет?
²⁰ Да отчего у нас мир начат?
Да отчего у нас телеса наши?
Да отчего у нас кровь наша?
Отчего кости крепкие?
- (Забыла.)
- Отчего у нас телеса наши?
²⁵ Да отчего ночи темные?
Да отчего красно солнышко?

Да отчего у нас млад светел месяц?
Да отчего у нас часты звездочки?»
Да тут спрогоvorил премудрый царь,
30 Премудрый царь Давыд Евсеевич:
«У нас мир . . . ¹
Белый вольный свет — от суда божия,
У нас мир-народ — да от Адамия,
А кости крепкие — от камени,
35 А телеса наши — да от сырой земли,
Кровь худа ² наша — да из черна моря,
У нас ум-разум самого Христа,
Самого Христа, царя небесного».
Да тут (опять) спрогоvorил Владимир-князь,
40 Владимир-князь да Володимирович:
«Уж ты гой еси, премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Евсеевич,
Какой у нас . . . ³
Отчего у нас кровь-руда наша?»
45 «Красно солнышко — от лица божия,
Млад светел месяц — да от грудей его,
А часты звездочки — да от риз божиих,
А ночи темные — да от господних,
А ветры буйные — да от свята духа,
50 У нас ум-разум самого Христа,
Самого Христа, царя небесного».
Да тут (опять) спрогоvorит Владимир-князь,
Владимир-князь да Володимирович:
«Уж ты гой еси, премудрый царь,
55 Премудрый царь Давыд Евсеевич,
А ты прочти, сударь,
Какой город городам отец,
Да коя церковь всем церквам мати,
Да коя гора всем горам мати,
60 Да какой зверь всем зверям отец,
Да какая птица всем птицам мать?»
«Иерусалим-город — городам отец —
Тут, говорит, у нас пуп земли.
А Фавор-гора — всем горам мати —
65 На Фавор-горы преобразился сам Иисус Христос
С трема своима со апостола:
С Петром, со Ианом, со Иаковым.
А Иордан-река — да всем рекам мати —
В Иордан-реки крестился сам Иисус Христос.
70 А носорог-зверь — всем зверям отец —

¹ Стока не закончена.

² Очевидно: «кровь-руда».

³ Стока не закончена.

Ходит иосорог по подземелью,
Подрывает все, значит.

(Стала забывать, тое помню.)

Кит-рыба — всем рыбам мати —
Потому что на трех китах земля основана,
⁷⁵ Как кит-рыба потронется —так вся земля поколеблется».

ПРИМЕЧАНИЯ

АЛЕКСЕЙ ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

Исследования: Срезневский, 1867 (Древнее житие Алексея человека божия сравнительно с духовным стихом об Алексее божием человеке); Дашков Д. Стихи и сказания про Алексея божия человека.— Беседы, М., 1868, вып. 2; Порфириев, 1869, с. 152; Владимиров П. В. Житие св. Алексея, человека божия, в западнорусском переводе конца XV в.— ЖМНП, 1887, № 10 (текст жития); Порфириев, 1904, с. 345—346; Ляцкий, 1912, с. XXI—XXII; Адрианова В. П. (Перетц). Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. ПТГР., 1917; Сперанский, 1917, с. 384; Соколов, 1941, с. 288.

Thompson, K 185.1.1. (Св. Алексей — Благочестивый странник, умирает неизвестным в доме своего отца); Index, 153 (Жизнь св. Алексея). Сюжет о святом Алексее был чрезвычайно популярен в народном искусстве средневековой Европы и отразился в духовных стихах, драматических религиозных действиях (мистериях) и в иконописи. Источником для них послужило широко распространенное в христианском мире житие св. Алексея, жившего, согласно церковному преданию, в конце IV — начале V в. в царствование императоров Аркадия и Гонория при папе Иннокентии I (Д. Дашков и В. П. Адрианова).

Русский духовный стих об Алексее человеке божием основан на древнерусской обработке жития. В. П. Адрианова в специальном исследовании жития и русского духовного стиха о св. Алексее обнаружила в стихе, наряду с житийной сюжетной схемой и мотивами, чисто фольклорные мотивы (чудесное зачатие Алексея, свадебный пир, чудесное кольцо и пояс, подаренные Алексеем невесте, и т. д.) и мотивы, встречающиеся и в фольклоре, и в житиях (быстрая наука Алексея, мена платьем с нищим и пр.). История лишений и страданий св. Алексея вызывала сочувствие не только у калик, нищих, которые брали его жизнь в качестве эталона, но и у былинных сказителей, частично перенявших репертуар от калик переходящих.

Варианты: Русские варианты указаны в кн.: Адрианова В. П. (Перетц). Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и парсной словесности. Птгр., 1917; Киреевский, 1848, № 7; (Бесс., № 29); Барсов, 1867, № 4; Бесс., № 3, № 28, 33—34; Никольский, 1878, с. 43—47; Агренева-Славянская, 1889, с. 105—110; Ист.—Дютш, (раздел «Духовные стихи», № 3); Ист.—Ляпунов (духовные стихи, разд. 1, № 2, 3); Марк.—Богосл.—Тр. муз.-этногр. комиссии, 1906, с. 27—32.

Сперанский, 1901, с. 45—53; Сперанский, 1906, № 3; Рожд.—Успенский, № 179; Рудин, 1923, 2 варианта; Багизбаева, 1977, с 198 (прозаич. пересказ).

№ 30. Ефимьян князь великой (21/138). Запись Г. Григорьевой 4 июля 1961 г. от Ксении Егоровны Ремизовой, 76 лет, д. Алексеево, Пудожский р-н.

В примечании к записи отмечено: «К. Е. рассказывала текст. Слышала его от мужа (известного сказителя Н. А. Ремизова — Н. Ч.). Называла то стариной, то сказкой». От Н. А. Ремизова стих не записан.

В варианте К. Е. Ремизовой действие не локализовано во времени (по

традиции события происходят при царе Онофрии) и вопреки канону семья Алексея живет в деревне (а не в Риме). Ряд поступков героев мотивирован психологически, например, нежелание Алексея жениться: «Женитьба Олексиюшку не в раз, / Молода княжна не в характер». На самом деле причина воздержания Алексея и расставания его с женой — в его монашеском обете.

При исполнении опущены мотивы пребывания Алексея в Эдесе, его монашества, поисков его слугами отца, мотив гласа Богородицы, призывающей Алексея вернуться в Рим, мотивы надругательства слуг над Алексеем в доме его отца, исцеления убогих у мощей святого. Текст К. Е. Ремизовой сохранил лишь ключевые мотивы духовного стиха о св. Алексее, испытав на себе влияние других духовных стихов (см. мотив плача-моления Алексея в пустыне).

№ 45. (Алексей человек божий) (51/276). Запись Т. Величко и И. Сухановой 1956 г. (руков. экспедиции К. В. Чистов) от Анастасии Ивановны Ефремовой, 61 год, д. Калгалаакша, Кемский р-н.

Как в большинстве вариантов этого духовного стиха, записанных в послереволюционный период, в варианте А. И. Ефремовой не локализовано время и место действия (см. примечание к № 30). Первая часть стиха довольно полная (до отъезда Алексея в пустыню), ее мотив появился явно под влиянием других духовных стихов, вторая — очень сжата: отсутствуют мотивы унижения Алексея слугами в доме его отца, терпения и смирения святого. Мотив чудесного перстня и пояса, подаренных Алексеем жене, не получает дальнейшего развития: согласно традиции, по смерти Алексея перстень должен распасться, а пояс расплестись. Грамота открывается жене Алексея, и это тоже противоречит эпическому канону: обычно писание святого дается в руки архиерею или отцу Алексея — Ефимьяну.

АНИКА-ВОИН

Исследования: Пыпин, 1860, вып. 2, с. 439—443 («Притча о вязе и смерти»); Лавровский, 1864, с. 336—337; Афанасьев, т. 3, с. 44—50; Веселовский, 1875, с. 763—774; Jagic, 1876, с. 103; 1) Жданов, 1881 (с указанием вариантов стиха); 2) Морозов, 1888, с. 182; Порфириев, 1904, с. 252—256; Сперанский, 1917, с. 373—376; Mazon, 1932, р. 167; Соколов, 1941, с. 288; Балашов, 1963, с. 31; Bossy, 1976, р. 144—163. Письменные источники русского духовного стиха об Анике-воине указаны в работе: Жданов, 1881, с. 2—52 и пр.

Варианты: Бунаков, 1859, с. 92—94; Варениц, с. 110—127; Кир., вып. 4, с. 115—138; Барсов, 1867, № 5; Агренева-Славянская, 1889, с. 124—127; Марк., № 25; Григ., т. I, № 7; т. III, № 315, 318; Афанасьев, 1914, с. 288—230 (с комментарием к тексту); Гильф., т. I, приложение, с. 700—701; ПФМ, № 251.

Духовный стих об Анике-воине, согласно единодушному мнению ученых, восходит к средневековому «Прению живота со смертью», носящему поучительный характер. Стих, как полагали многие исследователи (И. Н. Жданов, М. Н. Сперанский, А. Н. Веселовский), связан и с византийским эпосом о Дигенисе Акрите, битвой Акрита с Хароном. Имя воина «Аника» происходит от эпитета Дигениса — «*απικέτος*» — непобедимый. Не исключено и воздействие народных представлений о смерти-косце (И. Н. Жданов, Jagic, А. Н. Веселовский).

№ 19. Про Онику-воина (2/7).

Запись В. Р. Дмитриченко в июле 1938 г. от Степаниды Яковлевны Егоровой, д. Малая Пога (нын. д. Кевясалми), Пудожский р-н.

Текст С. Я. Егоровой передает основные мотивы диалога Аники-воина со смертью. При этом отсутствуют такие мотивы, как хвастовство Аники (угроза его перевернуть столб небесный), угроза смерти (напоминание Анике о гибели Самсона и Святогора). В тексте опущен ряд подробностей, связанных с просьбой Аники отодвинуть срок смерти.

БРАТЬЯ-РАЗБОИННИКИ И СЕСТРА

Исследования: Аст., т. I, с. 554; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 494—495; Балашов, 1963, с. 33, с. 391; Линтур, 1968, с. 70—72; Brewster, 1972 (группа: непредотвращенный инцест брат — сестра); Смирнов, 1974, с. 126 («Братья-разбойники берут в плен сестру» — кровосмешение). Thompson, Т 415 (Инцест брат — сестра).

По поводу сюжета баллады в науке нет единой точки зрения. Одни ученые считают балладу семейно-бытовой, с трагическим исходом — случайным кровосмешением братьев и сестры, убийством разбойниками зятя и племянника по неведению (А. М. Астахова, Б. Н. Путилов, В. Я. Пропп, Д. М. Балашов). Другие исследователи более определенно связывают балладу с фольклорной темой инцеста (П. В. Линтур, Р. Brewster, Ю. И. Смирнов). В работе П. В. Линтура (Линтур, 1968, с. 70—72), а также в книге Ю. И. Смирнова (Смирнов, 1974, с. 126) приводятся славянские параллели к русской балладе.

Варианты: Аст., т. I, с. 553—556; Аст., т. II, с. 700—704; БПЗ, с. 580.

№ 14. (Братья-разбойники и сестра) (72/43). Запись А. Н. Антиловой 1938 г. от Матвея Егоровича Самылина, 59 лет, д. Артово (нын. д. Космозеро), Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

По словам сказителя, «стих этот слышал давно от стариков».

Вариант М. Е. Самылина интересен тем, что все события включаются в рассказ-монолог сестры разбойников. Текст сохраняет основные мотивы баллады.

ВАСИЛИЙ И СОФЬЯ

Исследования: Аст., т. II, с. 709; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 491—492; Р. О. Якобсон. Поэзия грамматики и грамматика поэзии.— В сб. Poetics — Поэтика — Poetyka. Warszawa, 1961, с. 401 и след. (Стилистический анализ баллады); Д. М. Балашов. «Василий и Софья». — Труды Карельского филиала АН СССР, 1962, вып. 35; Балашов, 1963, с. 17—19; Линтур, 1968, с. 72—73; Смирнов, 1974, с. 137—138 (Смерть гонимых влюбленных (превращение в растения)).

Thompson, Т 415 (Инцест брат — сестра), также Е 631.0.1 (Обвивающиеся ветви вырастают из могил возлюбленных).

Как и в отношении баллады о братьях-разбойниках и сестре, так и в случае с балладой о Василии и Софье, ученые либо видят в балладе вариацию на тему инцеста брата и сестры (А. М. Астахова, частично П. В. Линтур), либо трактуют сюжет в семейно-бытовом плане как типично феодальную ситуацию (Д. М. Балашов, Б. Н. Путилов, В. Я. Пропп). Исследователи обратили также внимание и на древность мотива превращения погибших влюбленных в деревья. Славянские параллели к русской балладе указаны в статье П. В. Линтура и в работе Ю. И. Смирнова (см. библиографию исследований по балладе).

Варианты: Аст., т. II, с. 708—711; Смирнов, 1976, с. 121.

№ 10. Про Софею (8/137).

Запись В. Р. Дмитриченко 26—28 июля 1940 г. от Ирины Андреевны Степановой, 83 лет (род. в д. Подъельники, Заонежский р-н), д. Пяльма, Пудожский р-н.

Текст И. А. Степановой принадлежит к типично заонежской обработке баллады. Наибольшую сюжетно-композиционную близость он обнаруживает с вариантом А. Т. Тихоновой (Аст., № 146).

№ 37. (Василий и Софья) (23/20, ф. 1422/11).

Запись А. П. Разумовой и Т. И. Сенькиной 1969 г. от Серафимы Степановны Фофановой, 71 год (род. в д. Подпорожье Пудожского р-на), г. Пудож.

Вариант С. С. Фофановой содержит основные мотивы баллады, которая на Пудоге, как правило, передается в сокращенном виде (см. Сок.—Чич., № 29 — запись от Г. А. Якушова и Парил-Сойм., № 71 — от Е. С. Журавлевой).

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ (контаминация с былиной «Вольга и Микула»).

Исследования о былине «Волх Всеславьевич»: Пропп, 1958, с. 70—75; Жирмунский, 1958, с. 71—73; Пропп — Путилов, т. I, 1958, с. 6—7; Мериц В. Митологические элементы у спрскохорватским народным песнамиа. — Анализ филологического факультета, 4. Београд, 1964, с. 278; Jakobson R. (with Szeftel M.). The Vseslav Epos.— In: JAKOBSON R. Selected writings, vol. IV. Paris, 1966. Мирончиков Л. Т. О тотемизме восточнославянского волхования.— В кн.: Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 1969; Селиванов Ф. М. Сюжет и композиция былины о Вольге (Волхе).— Вестник МГУ, филология, 1969, № 3; Путилов, 1971, с. 70—78; Иванов — Топоров, 1974, с. 123—126; Смирнов, 1974, с. 113; Иванов В. В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка.— Изв. АН СССР, СЛЯ, 1975, т. 34, № 5, с. 399—408; КД, с. 433.

Сюжет былины о Волхе Всеславьевиче принадлежит к наиболее архаическим в русском эпосе. По мнению большинства исследователей, в Волхе совмещены черты чудесного охотника, оборотня и кудесника, предводителя княжеской дружины. В былинном Волхе учёные видели древнерусского князя Олега и Всеслава Полоцкого. Р. Якобсон и М. Шефтель в совместном исследовании предположили, что историческим прототипом Волха послужил князь Всеслав Полоцкий, а сведения о Всеславе в летописях и в «Слове о полку Игореве» и былине о Волхе восходят к устному эпосу о Всеславе. Согласно этому реконструируемому эпосу-мифу, Всеслав — Волх предстает как сын княгини и змея (см. также Смирнов, 1974, с. 113), родившийся в чудесной сорочке. Р. Якобсон справедливо усмотрел в образе Волха черты дохристианского культа волка. Привлекая типологические параллели из южнославянского эпоса (Змай — Огненный Вук), учёный говорит о генетической праславянской общности Волха и Вука. Р. Якобсон указал и на возможность влияния сказаний об Александре Македонском (имеется в виду его легендарное происхождение от змея и другие мотивы явно мифологического и фольклорного характера на эпос) о Всеславе.

Б. Н. Путилов справедливо подверг сомнению слишком прямолинейное приурочение исторического Всеслава Полоцкого к быльному Волху и параллели между Волхом и Вуком.

Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров, реконструируя праславянские и индоевропейские тексты и мифы, уделили главное внимание мифу о поединке бога грозы и его противника (змея, волка). Волх и Змай — Огненный Вук рассматриваются в свете этих реконструкций как медиаторы, воплощающие и героя, и его противника.

Варианты: Пропп, 1958, с. 70. Исследования о былине «Вольга и Микула»: Аст., т. II, с. 712; Пропп, 1958, с. 374—387, 586; Пропп — Путилов, 1958, с. 316—317; Путилов, 1971, с. 250—253; Алексеев Н. Н. Исторические связи мордовского фольклора и фольклора славянских народов.— В сб.: Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972, с. 33—40; Смирнов, 1974, с. 142 (Богатырь-пахарь); Балашов, 1975, с. 43—54.

Былина о Вольге и Микуле построена на социальном конфликте средневековья: князь — чудесный пахарь-богатырь. Это свидетельствует о довольно позднем ее происхождении, что подтверждается и данными картографирования былин на Русском Севере (Дмитриева С. И. Географическое распространение былин на Русском Севере. М., 1975, с. 55).

Вопрос о генезисе былины важен, т. к. позволяет отделить от основного сюжетного ядра поздние напластования, не связанные с сюжетом о Вольге

и Микуле. Речь идет о мотиве чудесного рождения князя и реакции природы на появление князя-оборотня. Р. Якобсон в упомянутой работе строго разграничивает былину о Вольге и Микуле и о Волхе Всеславьевиче, полагая, что «Вольга и Микула» — более поздняя былина, а герой ее и Волх «генетически различны». Имя «Volx» восходит, по Р. Якобсону, к древн.-рус. «въль», а «Vol'ga» — к древн.-рус. «Olbg». Адаптация мотива рождения Волха к былине о Вольге и Микуле усилила, тем не менее, оппозицию князь — пахарь-богатырь.

Варианты: Аст., т. II, с. 712—715.

№ 5. Вольга Всеславьевич (76/84).

Запись Г. Ф. Нефедова 1935 г. от Ирины Андреевны Степановой, 78 лет, д. Подъельники, Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Вариант И. А. Степановой является контаминацией двух былин — о Волхе Всеславьевиче и Вольге и Микуле. В основе контаминации лежит, очевидно, обычное для заонежских сказителей смешение Волха и Вольги (в Беломорье эти персонажи четко разграничиваются).

По свидетельству собирателей, эта былина относится к тем, которые сказительница знала из книги, какой — неизвестно. Первая часть былины близка в сюжетно-композиционном плане вариантам К. Романова (Рыбн., № 38, Гильф., № 91), а по ряду мотивов (например просьба Волха к матери дать ему «палицу свинцовую») и деталей (имена царя и царицы Индийского царства — Салтык Ставрульевич и царица Аздяковна) — былине из сб. Кириши Данилова (КД, № 6). Вторая часть — былина о Вольге и Микуле — принадлежит к типичным заонежским вариантам. Она несколько сокращена за счет отсутствия повторяющихся мотивов.

ГОЛУБИНАЯ КНИГА

Исследования: Пыпин, 1857, с. 139—148; Надеждин Н. И. О русских народных мифах и сагах в применении их к географии и в особенности к географии русской, II — РБ, 1857, т. IV, ч. 2; Буслаев, 1861, с. 1—63; Буслаев, 1861а, с. 455—463; Афанасьев, т. 2, с. 142—151, 162—166, 292—320, 458—493, 553—556; Порфириев, 1869; Веселовский, 1872; Веселовский, 1872а; Jagic, 1876; Веселовский, Разыскания, II—V; Буслаев, 1887 (Рецензия на «Сборник духовных стихов» Варенцова и на сб. «Калики переходные» Бессонова); Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887; Истрин В. М. Замечания о составе Толковой Палеи.— Изв. ОРЯС, 1898, т. III, кн. 2—3; Жданов И. Н. Беседа трех святителей и Йоса топачогум.— В кн.: Жданов И. Н. Сочинения, т. I, СПб., 1904; Порфириев, 1904, с. 280 и след., Мансикка В. Представление о «море» в Голубиной книге.— ЖМНП, 1910, февр., ч. XXV, с. 275—283; Радченко К. Ф. Этюды по богомильству. Народные космогонические легенды славян в их отношении к богомильству.— Изв. ОРЯС, 1910, т. XV, кн. 4; Ляцкий, 1912, с. XXXVIII—XLV; Марков А. В. Повесть о Волоте и отношение к Повести о святом граде Иерусалиме и к стиху о Голубиной книге.— Изв. ОРЯС, 1913, т. 18, кн. 1; Сперанский, 1917, с. 371—373; Беляев М. В. Книги небесные.— Изв. Бакинского ун-та, 1921, № 1, 2-ой полутом (гуманит. науки), с. 217—256; Он же. Из литературной истории русских народно-поэтических представлений.— Изв. Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина, 1926, т. 6—7 (Серия обществ. наук), с. 49—64; Schager S. A note on the old Russian variant of the Purushasukta.— Acta Orientalis, 1935, № 7, р. 319—323; Соколов, 1941, с. 286; Иванов — Топоров, 1965, с. 96—97, (Сон о правде и кривде); Топоров В. Н. О структуре некоторых архангельских текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева.— Тр. по знаковым системам, V, Тарту, 1971; КД, с. 457; Мурьянов М. Ф. Грааль и «Голубиная книга».— В сб.: Актуальные проблемы советской романстики. Л., 1975.

Книжные источники Голубиной книги: Пыпин, 1862; Тихонравов, 1863; Срезневский И. И. Древние славянские памятники юсового письма. СПб.,

1868; Вяземский П. П. Беседа трех святителей.—Памятники древней письменности, вып. 1, СПб., 1880: См. также работы А. Н. Веселовского, В. Н. Мочульского и др., где приводятся книжные источники стиха.

Сюжет Голубиной книги представляет собой широко распространенный в мировой мифологии и фольклоре диалог на космогонические темы (например в «Старшей Эдде» — «Речи Вафтруднира», «Речи Высокого», отчасти «Прорицание Вёльвы», в среднеиранской традиции — вопросы Зороастра и ответы Ормузда). В Голубиной книге наряду с древнейшим мифологическим пластом присутствуют и элементы христианского происхождения, источниками которых являются ветхозаветные апокрифы, т. е. «погатенные» книги, часто запрещавшиеся официальной религией: «Беседа трех святителей» (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста), «Беседа Иерусалимская», «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской», главный богомильский апокриф «*Liber Sancti Johannis*», апокрифические сказания о Соломоне и Давиде. В стихе заметно влияние средневековых физиологов и бестиарииев (вопросы и ответы о птице, звере, рыбе). Относительно самой книги, которая выпадает из небес и ее названия, высказывались различные мнения. Под Голубиной книгой (запрещенной, глубинной, мудрой, «великой, как глубина морская» и т. д.) подразумевалось Евангелие или св. Писание, происходящее от св. Духа, символом которого в христианстве выступает голубь (И. Порфириев). Голубь связан также с дохристианской космогонией, в которой он или другая птица — утка и т. д. является зачинателем мира и земли (богатый материал находится в книге Дж. Фрэзера «Фольклор в Ветхом завете». М.—Л., 1931, с. 1—48 и пр.). На это указывали О. Миллер, Ф. Буслаев, И. Порфириев. Возможно, здесь имелась в виду Псалтырь (Ягич, Жданов).

В наиболее полных вариантах стиха содержатся вопросы и ответы: 1) о начале мира — света, солнца, месяца, звезд, ветра и пр. и его устройстве — земли, неба, воды, гор. Здесь отождествляются элементы микрокосма (бога, первочеловека) и макрокосма (вселенной, земли).—Thompson, A 614 (Вселенная из частей тела творца); 2) о происхождении человека — «От скольких частей создан был Адам».—Thompson, A 1291 (Тело Адама, созданное из восьми (четырех) частей); 3) о происхождении классов и сословий — бояр, царя, крестьян, социальной иерархии. Здесь отождествляются элементы социального устройства и первочеловека (цари — от Адамовой главы, князья-бояре — от Адамовых мощей, крестьяне — от «свята колена от Адамова»).—Thompson, A 1650 (Происхождение различных классов, социальных и профессиональных); 4) о древности и первенстве природных объектов — рыбы, птицы, зверя, дерева, травы, камня; 5) о первенстве различных святынь — города, церкви.—Thompson, A 875.1 (Пуп земли), Thompson, H 681.3 (Что является центром земли?); 6) разгадка снов о Правде и Кривде (о зайце и сове) и сна Волотомана Волотомановича о крестном древе.—Thompson, A 652 (Мировое дерево).

В дореволюционной фольклористике обычно исследовались книжные источники стиха. В. Н. Топоров останавливается на международных мифологических параллелях к стиху («О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева»).

Варианты: Киреевский, 1848, № 11 (-Бесс. № 82); Надеждин Н. И. О русских народных мифах и сагах в применении их к географии и в особенности к географии русской, II.—РБ, 1857, т. IV, ч. 2, с. 31—34 (-Бесс. с. 90, 91); Бесс., № 76—91; Варенц., с. 11—39; Барсов, 1867, № 3; Ист.—Дютш (раздел «Духовные стихи», № 10); Григ., т. I, № 88, 199, 207, 210; Григ. II, № 260, 283; Григ. III, № 325, 366, 388; Марк., № 53; Онч., № 56, 78; Агренева-Славянская, 1889, с. 96—99; Шуб., 1950; Балашов, 1963, с. 139—140 (Сон Волотомана Волотомановича); КД, № 60.

№ 54. (Голубиная книга) (131/286, ф. 1784/7).

Запись А. П. Разумовой и Е. И. Русаковой в августе 1972 г. от Феклы Ивановны Мыхиной, 68 лет, д. Колежма, Беломорский р-н.

Сказительница так рассказала об усвоении стиха: «Была большая, дак

я теперь не помню. Была маленькой девочкой, читала дак. Книжка была, маленькими столбиками написана. Больше было, да я теперь забыла».

Вариант Ф. И. Мыхиной является редкой записью некогда популярного на Руси и в Белоруссии духовного стиха о Голубиной книге. Сказительница сохранила в тексте космогонические мотивы, мотивы социального устройства, происхождения человека, первенства святых реликвий — церкви, города, горы, реки, мифологических животных — кита, носорога. В целом вариант довольно краток, многие мотивы забыты сказительницей.

ДВА ЛАЗАРЯ

Исследования: Срезневский, 1867, (Слово о богаче и о Лазаре по списку XII в.); Порфириев, 1869, с. 143; Морозов, 1888; Батюшков Ф. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. СПб., 1891, с. 118—125, с. 256; Порфириев, 1904, с. 341—342; Сперанский, 1917, с. 391; Соколов, 1941, с. 289; Балашов, 1963, с. 29, с. 405; Белоусов А. Из наблюдений над русским духовным стихом, I. Два брата Лазаря — Quinqquadagio. Сб. статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1972, Bossy, 1976, р. 144—163. Thompson — Aagte, 1964, № 808 (Дьявол и ангел ждут души). А.—А., 808* (Смерть праведника и грешника).

Сюжет духовного стиха о двух Лазарях восходит к евангельской притче о богатом и Лазаре (Евангелие от Луки, 16), а также к древнерусскому изводу повести о смерти праведника и грешника. «Братья во Христе» — богатый и бедный (Лазарь) в народном сознании переосмыслились и стали в ряде вариантов кровными братьями, рожденными от одной матери. В отличие от притчи в духовном стихе основное внимание удалено конфликту персонажей «на этом свете». В стихе заметно воздействие «группового мировосприятия» калик переходящих: бедный Лазарь выступает как носитель морального кодекса нищей братии. В стихе четко разграничивается мирская (социальная) сфера жизни, ее ценности — богатство, почет и область жизни «нищей братии» — сиротство, безродность, низкий социальный статус, физические недостатки и в то же время близость к сверхъестественному миру (А. Белоусов). Не случайно П. Бессонов, составитель сборника «Калики переходящие», включил стих в раздел «Кого берут примером калики переходящие».

«Два Лазаря» наряду с такими духовными стихами, как «Стих о нищей братии» («Вознесение Христа»), «Разговор царевича Иосафата с пустынью», «Алексей человек божий», гармонировали с аскетическими христианскими идеалами калик переходящих, являлись для них моральными образцами.

Варианты: Киреевский, 1848, № 10; Бесс., № 19—24; Якушкин, 1860, с. 44—50; Варенц., с. 66—77, 212—219; Барсов, 1867, № 8; Костомаров Н. Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков, 1843 (перепечатано у Бесс., № 26); Никольский, 1878, с. 40—41; Агренева-Славянская, 1889, с. 99—101; Ист.—Дютш (раздел «Духовные стихи», № 6—7); Ист.—Ляпунов (раздел «Духовные стихи», № 6—8); Сперанский, 1901, с. 53—57; Фридрих, 1936, № 638 (два варианта). № 29. Про Лазарей (21/140).

Запись Г. Григорьевой 4 июля 1961 г. от Ксении Егоровны Ремизовой, 76 лет, д. Алексеево, Пудожский р-н.

По свидетельству собирателей, «К. Е. Ремизова рассказывала духовный стих. Слышала его от мужа» (Н. А. Ремизова — Н. Ч.). Духовный стих о двух Лазарях от Н. А. Ремизова не записан.

Текст К. Е. Ремизовой довольно полный, с сохранением основных мотивов данного сюжета.

№ 39. (Два Лазаря) (23/18, Ф 1422/9).

Запись А. П. Разумовой и Т. И. Сенькиной 1969 г. от Серафимы Степановны Фофановой, 71 год, г. Пудож (род. в д. Подпорожье, Пудожский р-н).

Вариант С. С. Фофановой передает основные мотивы духовного стиха

о двух Лазарях, при этом, однако, пропущен мотив просьбы богатого к бедному в аду дать ему напиться (богатый умоляет бедного намочить свой мизинец водой).

№ 52. (Два Лазаря) (56/144).

Запись И. Этиной 1935 г. от Екатерины Ивановны Коноваловой, 67 лет, д. Гридино, Кемский р-н.

Духовный стих о богатом и Лазаре в исполнении Е. И. Коноваловой сохраняет все основные мотивы, присущие ему.

ДМИТРИЙ И ДОМНА

Исследования: Аст., т. II, с. 717; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 489—490; Балашов, 1963, с. 19—20; Смирнов, 1974, с. 135 (Девушка не хочет идти замуж за молодца). Здесь же указаны славянские параллели.

Баллада принадлежит к числу малоисследованных. Ученые склоняются к тому, что в балладе нашли отражение средневековые нормы морали.

Варианты: Аст., т. II, с. 717—720; БПЗ, с. 580; Балашов, 1963, с. 236—241 («Грозный и Домна»); РНПП, № 99; РНПКП, № 184, 195. Смирнов, 1976, с. 122—123.

№ 43. Дмитрий-князь (35/52).

Запись Т. Величко и И. Сухановой (руков. экспед. К. В. Чистов) 1956 г. от Анастасии Ивановны Ефремовой, 61 год. д. Карагалакша, Кемский р-н.

Опубликованный вариант: РНПКП, № 195.

Баллада относится к числу тех обработок сюжета, в которых Домна кончает жизнь самоубийством. Эта версия распространена в Поморье наряду с другой — убийством Домны Дмитрием. Вариант А. И. Ефремовой сохраняет лишь основные, ключевые мотивы баллады. Запись 1956 г. очень близка к опубликованной в РНПКП, № 195 как на сюжетно-композиционном уровне, так и на уровнях строф, строк и более мелких словесных компонентов. Вариант А. И. Ефремовой сходен с вариантом А. В. Ивановой (РНПКП, № 184).

ДОБРЫНЯ И АЛЁША

Исследования: Аст., т. I, с. 565—566; Пропп, 1958, с. 277—286; Пропп — Путилов, 1958, т. I, с. 242—532; Жирмунский, 1958, с. 136; Путилов, 1971, с. 190—206; Добрыня Никитич, с. 415—418; Смирнов, 1974, с. 132.

Thompson, N 681 (Муж (влюбленный) приезжает домой как раз в тот момент, когда жена (влюбленная) собирается выйти замуж за другого); Thompson — Aarne, 1964, № 974 (Возвращающийся домой муж).

Былина о Добрыне и неудавшейся женитьбе Алёши относится к типу эпических песен о муже на свадьбе своей жены — широко распространенному в мировом фольклоре сюжету (см., например, сюжет «Одиссея», который И. И. Толстой удачно сопоставил с русским материалом, исследования об Алпамыше и его среднеазиатских и пр. версиях в трудах В. М. Жирмунского и т. д.). Русская версия международного сюжета, ее этнографические истоки (институт левирада) обстоятельно изучены в работах советских фольклористов В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова. Здесь же приводятся параллели из славянского фольклора (см. Путилов, 1971; Смирнов, 1974).

Варианты: Аст., т. I, с. 565—568; т. II, с. 721—728; Пропп, 1958, с. 277; БПЗ, с. 580; ПФМ, № 205—213; РНПКП, № 181; Добрыня Никитич, с. 413—415, № 61, 67, 74, 76—84.

№ 1. Добрыня и Олёша (70/30).

Запись Е. П. Родиной в мае 1938 г. от Петра Григорьевича Горшкова, 63 лет, д. Демидово (нын. д. Космозеро), Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

«Дедушка пел лучше, у его голос был лучше, а таким же мотивом», — вспоминал П. Г. Горшков. Здесь имеется в виду дед Петра Григорьевича —

Павел Перфильевич Горшков, от которого сказитель усвоил былины (Аст., т. I, с. 333).

Вариант П. Г. Горшкова хотя и сохраняет основные мотивы былины, все же сильно сокращен: отсутствуют мотивы пира у князя Владимира, отсылки Добрыни, узнавания его матерью по возвращении, узнавания Добрыни женой по обручальному кольцу и т. д. Вариант П. Г. Горшкова следует заонежской редакции былины, не имея, однако, ближайших параллелей в текстах. Это объясняется во многом стремлением сказителя свернуть повествование, акцентировать внимание лишь на ключевых его моментах.

№ 11. О Добрыне Никитиче (72/37).

Запись Е. П. Родиной 1938 г. от Матвея Егоровича Самылина, 59 лет, д. Артово (нын. д. Космозеро), Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

А. М. Астахова сообщила, что экспедицией ГАХН в 1926 году «была записана еще схема былины о Добрыне и Алёше, отдельные отрывки этой былины и стихи о братьях Лазарях, об Алексее и отрывок из «Голубиной книги», которые хранятся в секторе фольклора ИРЛИ» (Аст., т. II, с. 377).

В 1938 г. былина о Добрыне и Алёше была записана от М. Е. Самылина полностью. По словам сказителя, эту былину он перенял от Александра Тимофеевича Плакидина из бывшей Шуньгской волости (см. 72/35). Из-за краткости изложения былины сказителем трудно указать на ближайшие текстовые параллели. В целом вариант принадлежит к типично заонежским, охарактеризованным А. М. Астаховой (Аст., т. II, с. 722).

№ 28. Про Добрынюшку (21/130).

Запись Г. Григорьевой 5 июля 1961 г. от Ксении Егоровны Ремизовой, 76 лет, д. Алексеево, Пудожский р-н.

Неопубликованный вариант: 21/129.

В комментарии к записи былины Г. Григорьева замечает: «Текст записан с пения. Ксения Егоровна очень охотно рассказывала все, что ей удавалось вспомнить, но уговорить ее петь стоило больших трудов. «Рассказывать-то лучше, а петь тяжелее», — говорила исполнительница. Несколько раз К. Е. сбивалась на пересказ. На просьбы собирателя спеть старину отвечала: «Да я пою, пою» — и продолжала пересказывать. Петь начинала только после многократных просьб собирателя и внуков, хором требовавших, чтобы бабушка пела».

Сравнение текста К. Е. Ремизовой и ее мужа Н. А. Ремизова (Парил.-Сойм., № 34), от которого она усвоила былину, свидетельствует о том, что сказительница выучила ее не только от мужа, но и от других певцов. В этом убеждает, во-первых, отсутствие в варианте Ксении Егоровны контаминации с былиной о Добрыне и змеи (см. вариант Н. А. Ремизова), во-вторых, не разработаны мотивы, связанные с отсылкой Добрыни «во чисто поле», отсутствует мотив ложного известия о гибели героя. Иначе выглядят и другие мотивы: у Н. А. Ремизова Настасья соглашается идти замуж за Алёшу, у Ксении Егоровны — она сначала отказывается, ей угрожают пострижением в старицы; у Никиты Антоновича вещая птица сообщает Добрыне о предстоящей свадьбе Настасии и Алёши, в варианте Ксении Егоровны это делают голубь и голубка.

Большое сходство в текстах Ремизовых обнаруживают мотивы появления Добрыни в доме матери (стук в дверь), опознания его матерью по примете на голове. По сравнению с былиной Н. А. Ремизова конец варианта его жены значительно сокращен.

Из пудожских вариантов к былине К. Е. Ремизовой ближе текст Г. Амосова (Рыби., № 155): совпадает ряд специфических мотивов — угроза постричь жену Добрыни в монахини, насильственное замужество Настасии, сообщение голубя и голубки о женитьбе Алёши и Настасии, приход Добрыни к матери (стук в дверь).

Возможно, что первоначальные познания К. Е. Ремизовой в былинном искусстве, полученные на Купецком озере, оказались очень устойчивыми, и былины Н. А. Ремизова незначительно повлияли на них. По поводу этой былины в полевой тетради записано: «Тексты Ремизова и его жены значительно отличаются по содержанию. Ксения Егоровна, в отличие от

мужа, уделяет гораздо больше внимания образу Настасьи Никуличны и психологической мотивировке ее поведения. Объясняется ли это только склонностью исполнительницы к импровизации или тем, что ей приходилось слышать былину из другого источника, выяснить не удалось. К. Е. говорила, что «Ремизов «Про Олешеньку Поповица» в особину пел, дак я не помню» (см. 21/16).

Свидетельства сказительницы говорят как о возможных других источниках былины, так и о нетвердом ее знании.

№ 33. (Добрыня и Алёша) (20/76-а).

Запись А. В. Беловановой (Щемелевой) 1955 г. от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, 73 лет, д. Ижгора (род. в д. Сарозеро), Пудожский р-н.

Опубликованный вариант: Парил.— Сойм., № 55.

Анализ записей 1938 г. (Парил.— Сойм., № 55) и 1955 г. обнаруживает высокую сюжетно-композиционную стабильность текста. В варианте 1955 г. опущен мотив сообщения Алёши Поповича о бое Добрыни со змеем (на пиру у князя Владимира), отсутствует мотив приметы, по которой мать Добрыни узнает своего сына. Незначительно варьируют второстепенные мотивы, некоторые из которых переставлены. В отличие от сюжета и композиции словесные элементы текста заметно варьируют. Характеристика варианта Парил.— Сойм., № 55 распространяется и на публикуемый нами текст (Парил.— Сойм., с. 497).

ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ

Исследования: Аст., т. II, с. 728—729; Пропп, 1958, с. 355—369; Пропп — Путилов, 1958, т. 1, с. 514; Смирнов, 1974, с. 120 (Сватовство в чужой земле); Добрыня Никитич, с. 379—380.

Thompson, H 310 (Испытания жениха); F 601.2 (Необычные спутники помогают герою в испытаниях жениха); H 331.4.1 (Состязание женихов с отцом невесты в стрельбе); H 331.5.2 (Состязание жениха: соревнование с отцом невесты); H 331.6 (Состязание жениха: борьба); а также: H 332.1 (Жених в состязании с невестой).

Фольклористы мало интересовались этим сюжетом. Обычно в былине видели прежде всего отражение истории. По мнению В. Я. Проппа, в былине о Добрыне и Василии Казимировиче воплотились народные чаяния до освобождения Руси от монголо-татарского ига. С точки зрения других ученых, «в былине в фантастической форме отражены события, связанные с прекращением выплаты даны и окончательным освобождением Руси от монголо-татарского ига» (Добрыня Никитич, с. 380). Вместе с тем ученые обратили внимание и на следы более архаического сюжета: в былине хорошо сохранились мотивы состязаний в шахматы, стрельбы из лука, борьбы с королем (или его дочерью), типичные для песен о сватовстве в чужой земле. С этой точки зрения правильной кажется оценка былины Ю. И. Смирновым (см. Смирнов, 1974, с. 120). Характерна в плане свадебной поездки и роль Добрыни — помощника в испытаниях жениха.

Варианты: Аст., т. II, с. 728—731; Добрыня Никитич, с. 379.
№ 40. Про Добрынушку Микитицу, как везли дань (2/39).

Запись В. Р. Дмитриченко 1938 г. от Андрея Степановича Логинова, 32 лет, д. Авдеево (род. в д. Мелентьевская), Пудожский р-н.

Былина А. С. Логинова состоит из двух былин — о Добрыне и Василии Казимировиче и о Добрыне и Алёше. В такой контаминации записаны тексты от Т. Г. Рябинина (Рыбн., № 8, Гильф., № 8), П. И. Рябинина-Андреева (Аст., № 134, Сок.— Чич., № 97), П. С. Семенова (Сок.— Чич., № 108). Следует отметить большое сходство публикуемого текста с вариантом пудожского сказителя П. А. Логинова, троюродного брата Андрея Степановича (Сок.— Чич., № 39). Совпадают мотивы состязаний, известия ворона о замужестве Настасьи, узнавания Добрыни матерью по «знатебке» на голове, самоубийства Алёши по типу гибели Дуная. Все это, а также общность деталей свидетельствуют об одном источнике былин Логиновых.

П. А. Логинов усвоил былины от Н. П. Прохорова (Утки), от которого, к сожалению, эта былина не записана. Источники эпического знания А. С. Логинова неизвестны. Факт тот, что А. С. Логинов 1906 г. рождения, и не мог знать Н. П. Прохорова. Не исключено, что братья общались между собой и могли выучиться былинам друг у друга. Скорее всего это сделал А. С. Логинов, как самый младший.

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Исследования: Аст., т. I, с. 570—571; Пропп, 1958, с. 179—206; Пропп — Путилов, 1958, т. I, с. 509—511; Иванов — Топоров, 1965, с. 103 (мотив: земля не пропускает кровь змея); Смолицкий В. Г. Героические былины о Добрыне Никитиче. АКД. М., 1966; Робинсон А. Н. Эпос Киевской Руси в соотношении с эпосом Востока и Запада.— Изв. АН СССР, СЛЯ, 1967, вып. 3, с. 214—218; Путилов, 1971, с. 38—46; Смолицкий В. Г. Былина о Добрыне и Змее.— РФ, 1971, т. XII, с. 181—192; Добрыня Никитич, с. 372—374; Иванов — Топоров, 1974, с. 170—172; Смирнов, 1974, с. 115 (Змей похищает девушку); КД, с. 453.

Thompson, В 11.11 (Борьба с драконом); R 111.1.3 (Спасение принцессы (невесты) от дракона); А.—А., 300 А; Thompson — Аагпе, 1964, 300.

Исследователи справедливо разделяют два сюжета: о борьбе Добрыни со змеем (Первый бой Добрыни) и об уничтожении змея — похитителя женщины (Второй бой Добрыни). Оба сюжета относятся к змееборческим, а Добрыня в них выступает как тип героя-змееборца, к которому принадлежат также Илья Муромец, Михайло Потык, Алёша Попович. Вс. Иванов и В. Н. Топоров в книге «Исследования в области славянских древностей» (М., 1974) рассматривают былину о Добрыне как эпическую трансформацию праславянского мифа о поединке бога грозы и его противника — змея, скотьего бога Велеса-Волоса и т. д.

Варианты: Аст., т. I, с. 570—572; т. II, с. 731—733; БПЗ, с. 580; ПФМ, с. 204, 212, 213; Шуб, 1950, с. 218—222; Добрыня Никитич, с. 371—372; Смирнов, 1976, с. 123—124.

№ 16. Бой Добрыни со змеем (68/33-а).

Запись Е. П. Родиной в мае 1938 г. от Агриппины Федоровны Трухавой, 59 лет, с. Липовицы, Заонежский (нын. Медвежьеворский) р-н.

Опубликованный вариант: Аст., № 148.

Запись 1938 г. незначительно отличается от записи 1932 г. (Аст., № 148). В нашем варианте опущены мотивы очередной просьбы Добрыни к матери разрешить ему поехать на пир, отказа матери дать это разрешение, обращения спасенной Забавы к Добрыне. В публикуемом варианте повторяются некоторые второстепенные мотивы. Однако все эти изменения не столь существенны, чтобы вариант приобрел черты редакции или версии. Сопоставление вариантов А. Ф. Трухавой свидетельствует о высокой стабильности текста. Подробный анализ варианта А. М. Астаховой, данный мною в сб. «Былины Севера», применим и для нашей публикации (Аст., т. II, с. 733).

№ 31. Про Добрыню (20/76).

Запись А. В. Беловановой (Щемелевой) 1955 г. от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, 73 лет, д. Ижгора (род. в д. Сарозеро), Пудожский р-н.

Опубликованный вариант: Парил.— Сойм., № 54; неопубликованный вариант: 8/55.

Анализ вариантов 1938 г. (Парил.— Сойм., № 54) и 1955 г. показывает высокую стабильность текста на сюжетно-композиционном уровне. При исполнении былины в 1955 г. А. Л. Фадеева дважды повторила мотив гла-са с неба, призывающего Добрыню продолжать биться со змеем. Новым выглядит и мотив сидения Алёши Поповича на дубу, когда Добрыня в первый раз бьется со змеем. Гораздо заметнее варьирование строф, строк и их

компонентов. О характеристикае записи 1938 г. см.: Парил.— Сойм., с. 496—497. Это относится и к публикуемому варианту.

№ 35. Добрыня и змей (8/29).

Запись Н. А. Бутинова и А. Д. Соймонова 1940 г. от Ивана Терентьевича Фофанова, 69 лет, д. Климово, Пудожский р-н.

И. Т. Фофанов сказывал, а не пел былину («Спеть-то я ее не могу»).

В сб. «Былины Пудожского края» опубликована былина И. Т. Фофанова о первом бое Добрыни со змеем (Парил.— Сойм., № 21). Сказитель слышал, «как пели только до этого места, дальше рассказывали о том, как Добрыня выручал Забаву, бился три дня, по колено в крови стоял, а выручили» (там же, с. 476.) Здесь публикуется «продолжение» былины, второй бой Добрыни со змеем. Текст И. Т. Фофанова полный, с сохранением основных мотивов. Варианту И. Т. Фофанова не удалось найти сколько-нибудь близких параллелей, возможно, по причине импровизационных особенностей творчества сказителя.

№ 9. Про Добрыню (сводная былина) (8/132).

Запись В. Р. Дмитриченко 26—28 июля 1940 г. от Ирины Андреевны Степановой, 83 лет, д. Пяльма (род. в д. Подъельники, Заонежский, нын. Медвежьегорский р-н), Пудожский р-н.

Вариант И. А. Степановой является контаминацией четырех былин: о первом бое Добрыни со змеем, втором бое со змеем, о женитьбе Добрыни и о Добрыне и Алёше. В таком составе и последовательности текст И. А. Степановой повторяет запись А. Ф. Гильфердинга от кижского сказителя И. А. Касьянова из Космозера (Гильф., № 157).

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Исследования: Аст., т. I, с. 573—574; т. II, с. 734; Пропп, 1958, с. 267—277; Пропп-Путилов, 1958, т. I, с. 512—513; Путилов, 1971, с. 38, 131—132; Смолицкий В. Г. Былина о Добрыне и Маринке.— В сб.: Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971, с. 48—68; Путилов, 1972, с. 7—11; Иванов — Топоров, 1974, с. 171—172, 179; Добрыня Никитич, с. 391; КД, с. 434—435. Thompson, G 263.1 (Кирка превращает возлюбленных в животных), G 264. La Belle Dame Sansmerci (Ведьма соблазняет мужчин любовными предложениями и затем покидает или уничтожает их); Index, 5018 (Улисс и Кирка).

Сюжет былины о Добрыне и Маринке содержит два подтекста. Первый, наиболее архаичный, связан с борьбой героя с волшебницей, которая околовывает богатырей и превращает их в животных (Путилов, 1972, с. 11). Второй, более поздний, пришел из песен о сватовстве в чужой земле (там же, с. 11). Большинство ученых усматривает в Маринке черты змея. Если учесть коллизию змееборец Добрыня — его антагонист женщина-змей, колдунья, то сюжет можно рассматривать как эпический вариант праславянского мифа о поединке громовержца со змеем (змей). Более подробно о типе противника героя — женщине-змее, ее имени в русском эпосе — Марина (от мифолог. Мара, Морена и т. д.) см.: Иванов — Топоров, 1974, с. 179.

Варианты: Аст., т. I, с. 573—575; т. II, с. 734—735; Пропп, 1958, с. 267; Пропп — Путилов, 1958, т. I, с. 512—513; БПЗ, с. 580; Сидельников, 1968, № 35; Добрыня Никитич, с. 390—391.

№ 36. Про Добрыню (2/47).

Запись В. Р. Дмитриченко 1938 г. от Ивана Терентьевича Фофанова, 69 лет, д. Климово (нын. д. Кашино), Пудожский р-н.

При исполнении сказитель пропустил следующие важные мотивы: запрет матери Добрыни ходить сыну в «переулки Игнатьевские», голубь и голубка в окне Маринки, вырезание Маринкой следов Добрыни, превращение Добрыни в тура. Былина явно испытала на себе влияние былины о трех поездках Ильи Муромца (встреча Ильи с волшебницей).

Текст И. Т. Фофанова сходен с текстом пудожанина Г. А. Якушова (Сок.— Чич., № 11) и особенно с вариантом друга Ивана Терентьевича —

Н. А. Ремизова (Парил.—Сойм., № 35). Это объясняется общностью эпических источников: Н. П. Прохоров (Утка) был учителем и И. Т. Фофанова, и Г. А. Якушова. Во-вторых, творческие контакты Н. А. Ремизова и И. Т. Фофанова также могли повлиять на публикуемый вариант.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Исследования: Аст., т. I, с. 582—583; Пропп, 1958, с. 477—507, 592—595; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 166, 477—478; КД, с. 430.

Былина, по мнению В. Я. Проппа, возникла в XVI—XVII в. в Московской Руси. Конфликт в былине развертывается в форме состязания в богатстве Чурилы, киевского щата, т. е. щеголя, и заезжего богача Дюка. В былине есть и более архаичные мотивы: преодоление Дюком трех застав на коне (см. Добриня и змей, Егорий и змей), выезд Дюка на охоту (см. песни о сватовстве). Однако с дальнейшим развитием сюжета эти мотивы плохо согласуются. Вторая часть былины — присезд в Дюково имение и оценка его слугами Владимира — почти полностью повторяет былину о князе Владимире и Чуриле (ее вторую часть).

Варианты: Аст., т. I, с. 582—585, т. II, с. 741—744; Щуб, 1950, с. 227—228; Пропп, 1958, с. 477; БПЗ, с. 580; РНПКП, № 193; Балашов Д. М. Уникальная редакция былины о Дюке Степановиче.—РФ, т. XII, Л., 1971, с. 234—237 (здесь же текст и анализ былины).

№ 8. Боярин Дюк Степанович (76/85).

Запись Г. Ф. Нефедова 1935 г. от Ирины Андреевны Степановой, 78 лет, д. Подъельники, Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Вариант И. А. Степановой почти полностью сохраняет все основные мотивы заонежских былин о Дюке. Отсутствуют мотивы преодоления Дюком трех застав. Сказительница варьирует традиционную для Заонежья последовательность мотивов. Текст Ирины Андреевны обнаруживает сюжетно-композиционное, а в ряде случаев и словесное сходство с текстами кижских сказителей А. Е. Чукова (Гильф., № 152) и И. А. Касьянова (Гильф., № 159).

№ 18. Дюк Степанович (68/34-а).

Запись Е. П. Родиной в мае 1938 г. от Агриппины Федоровны Трухавой, 59 лет, с. Липовицы, Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Опубликованный вариант: Аст., № 149.

В полевой тетради записано: «Былину вначале поет, а со слов «Оны аще прошли дальше...» — сказывает. Конец поет (с какой строки, не указано — Н. Ч.). Знает текст твердо. Записано с голоса».

За исключением некоторых второстепенных мотивов (разрешение Владимира торговать Дюку «век и до веку» — Аст., № 149) и повторов вариант 1938 г. полностью следует записи А. М. Астаховой. Сравнение вариантов А. Ф. Трухавой позволяет говорить о высокой стабильности текстов. Несмотря на прозаизацию ряда фрагментов текстов, они принадлежат к числу наиболее полных и эпически традиционных (об этом см.: Аст., т. II, с. 743).

№ 23. О Дюке Степановиче (12/136).

Запись А. В. Беловановой (Щемелевой) 30 января 1941 г. от Анны Михайловны Пашковой, 75 лет, д. Семеново, Пудожский р-н.

Опубликованный вариант: Парил.—Сойм., № 10.

В сравнении с текстом 1937 г. текст А. М. Пашковой разросся с 477 строк до 973 за счет включения сюжетообразующих мотивов и целых их комплексов. Вследствие этого вариант превратился в версию. При исполнении в 1941 г. сказительница ввела следующие мотивы: мать Дюка сообщает о трех заставах, которые должен преодолеть Дюк (любопытно, что у Парил.—Сойм., № 10 Пашкова не могла вспомнить этот мотив и другие, связанные с ним.—Парил.—Сойм., с. 470); Дюк преодолевает заставы; Чурила сомневается в подвиге Дюка; Дюк настаивает на своем. В то же время в тексте Парил.—Сойм., № 10 Владимир, а не Чурила бьется

об заклад с Дюком — выезжать в новой одежде и на новых конях в поле. У Парил.— Сойм., № 10 нет серии мотивов, связанных с выездом соперников в поле, а мотивы преодоления Чурилой трех застав в этом варианте призваны заменить мотивы состязания богатырей у Пучай-реки (см. нашу публикацию).

В записи 1941 г. подробно, в духе традиционной эпической обрядности описаны наряды Дюка и Чурилы. Большое умение варьировать текст продемонстрировала сказительница и в отношении словесной его стороны.

Судя по словам самой А. М. Пашковой, эту былину она усвоила из книги (Парил.— Сойм., с. 469), что заметно в некоторых совершенно небылинных мотивах и деталях (например, золотые рыбки в речке у Дюка).

ЕГОРИЙ (МУЧЕНИЯ ЕГОРИЯ)

Исследования: Порфириев, 1869, с. 73—80; Кирпичников, 1879, с. 157—175; Порфириев, 1904, с. 322; Рыстенко, 1909, с. 276—312; Марков А. В. Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении.— БВ, 1910, № 6—8, с. 361; Ляцкий, 1912, с. XIV—XVII; Соколов, 1941, с. 286—288.

Литературным источником «большого» стиха о Егории ученые считали апокрифическое сказание о нем (см., например, «Георгиево мучение».— Тихонравов, 1863, с. 100—111). В стихе Георгий выступает как распространитель христианства на Руси. Его сравнивали с историческими личностями: Ярославом Мудрым, Юрием Долгоруким. Книжные, апокрифические элементы — мучения соединяются с фольклорными мотивами (сидение в «погребах глубоких», поездка через «горы толкующие», «пески зыбучие» — преодоление застав). По справедливому мнению А. Рыстенко, мотивы трех сестер, пасущих стада змеиные-звериные, объясняются функцией Егория в русском обряде, где он выступает покровителем скота (овец, коров, свиней и лошадей). Егорий, защитник скота от зверей и змей, связан с плодородием. Кроме того, он змееборец (см. духовный стих о Егории и змее). Егорьевская обрядность подверглась глубокому изучению в славистике. Из последних работ см.: Иванов — Топоров, 1974, ч. II («Некоторые преобразования основного мифа и соответствующего ритуала в связи с комплексом представлений о плодородии»).

Варианты: Киреевский, 1848, № II; Якушкин, 1860, № I, II, III; Варенц., с. 95, 100; Бесс., № 98—115; Агренева-Славянская, 1889, с. 113—116; Ист.—Ляпунов, (раздел «Духовные стихи», № 4); Ист.—Дютш (раздел «Духовные стихи», № 4); Сперанский, 1901, с. 41—45; Григ, т. I, № 93; Марк., № 24, 89; Сперанский, 1906, № 2; Ляцкий, 1912, с. 98—100; Афанасьев, 1914, с. 103—111; Озар., с. 103—108; Балашов, 1963, с. 194—195. № 38. Про Георгия (23/19, ф. 1422/10).

Запись А. П. Разумовой и Т. И. Сенькиной 1969 г. от Серафимы Степановны Фофановой, 71 г., г. Пудож (род. в д. Подъельники, Заонежский, нын. Медвежьегорский р-н).

Духовный стих о мучениях Егория в исполнении С. С. Фофановой передает лишь мотивы, связанные с наездом Кудрянища на Русь и истязаниями Егория. В варианте нет мотивов освобождения Егория и его христианской миссии на Русь, встречи со змеиными стадами и пр.

№ 44. Егорий святохр(абрый) (35/54).

Запись Т. Величко и И. Сухановой 1956 г. (руков. экспед. К. В. Чистов) от Анастасии Ивановны Ефремовой, 61 год, д. Калгалакша, Кемский р-н.

В варианте сохранены только основные мотивы мучений Егория. Как и в большинстве записей из Поморья, Пудожа и других районов Карелии, в стихе отсутствуют мотивы о встрече Егория со стадами змеиными-звериными, о его христианизации Руси.

ЕГОРИЙ (ЕГОРИЙ И ЗМЕЙ)

Исследования: Афанасьев, т. 2, с. 591—592; Порфириев, 1869, с. 62, 73—80; Кирпичников, 1879, с. 177 и след.; Веселовский, Разыскания, II, VI, XXII; Буслаев, 1887 (Рецензия на сб. «Русских духовных стихов» В. Варенцова и на сб. «Калики переходные» П. Бессонова); Рыстенко, 1909, с. 312—474; Лопарев Х. Новая литература о Георгии Победоносце.— Византийский временник, 1913, т. XX; Сперанский, 1917, с. 383—384; Соколов, 1941, с. 286—287; Аллатов М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси.— ТОДРЛ, т. XII, Л., 1956; Балашов, 1963, с. 27, с. 400; Тодоров Евгений К. Древнотракийско наследство в българския фолклор. Легендата за убиването на дракона от св. Георги.— В сб.: Проблеми на българския фолклор, I. София, 1972; Пропп В. Я. Змееборство Георгия в свете фольклора.— В сб.: Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973; Иванов — Топоров, 1974, с. 200—204.

Thompson, B 11.10 (Жертвоприношение человеческого существа дракону); B 11.11 (Борьба с драконом); R 111.1.3 (Спасение принцессы (невесты) от дракона); A.— A., 300A; Thompson — Aarne, 1964, 300. Index, 2272 (Св. Георгий и дракон).

Духовный стих о Егории и змее восходит к христианской легенде о св. Георгии, победившем дракона и освободившем царскую dochь. Сюжет о Егории и змее и сам тип змееборца-героя находит параллель в апокрифическом житии св. Федора Тирона и в духовном стихе о нем. Любопытно, что стих о Федоре Тироне на Русском Севере не записан.

Уже дореволюционные ученые (А. Рыстенко и в особенности А. Н. Веселовский) рассматривали стих не только на книжном, христианском фоне, но и в связи со змееборческими мотивами в былинах («Добрая и змей», «Михайло Потых»), с мифологическими схемами (бог-громовник). А. Н. Веселовский справедливо указал и на международные аналогии сюжету (Дигенис Акрит, южнославянские песни о змееборчестве), и на отношение Георгия к Егорьевской весенней обрядности у славян.

Более определенно говорил о фольклорных истоках образа Георгия — Егория В. Я. Пропп. Он объяснил русские иконописные сюжеты духовным стихом и его фольклорными параллелями. Православянские черты Егория связаны с мифом о поединке бога грозы и его антагониста змея (Иванов — Топоров, 1974).

Если исходить из древности сюжета о змееборстве и наличии его в былинах, то следует признать, что стих о мучениях Егория, как в основном книжный и христианский, возник позже стиха о Егории и змее.

Чудо о св. Георгии и змее в самых разнообразных художественных воплощениях (иконопись, деревянная скульптура, культовые постройки, их декор, духовные стихи) было чрезвычайно популярно в Европе и на Руси. Варианты: Бесс., № 117—120; Киреевский, 1848, № 3; Якушкин, 1860, № IV; Барсов, 1867, № 6, 7; Агренева-Славянская, 1889, с. 102—105; Ляцкий, с. 101—107.

№ 4. Кудриянище (70/4).

Запись Е. П. Родиной в мае 1938 г. от Петра Григорьевича Горшкова, 63 лет, д. Демидово (нын. д. Космозеро), Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Духовный стих П. Г. Горшкова является контаминацией стиха о мучениях Егория и о Егории и змее. Первая часть сокращена: нет мотива встречи Егория со стадами змеинymi-звериными, мотив христианизации Руси перенесен в конец. Вторая часть — стих о Егории и змее — довольно полная, с сохранением редких мотивов сна Георгия, его пробуждения от слезы Олисафии. Сказитель мотивирует приношение Олисафии в жертву змею тем, что отец и мать ее не любят. Это, разумеется, поздняя моральная трактовка древнего мотива человеческой жертвы змею.

ЖЕНИТЬБА ДУНАЯ И КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Исследования: Аст., т. I, с. 576—577; т. II, с. 735; Пропп, 1958, с. 134—154, 571—574; Пропп — Путилов, 1958, т. I, с. 283—285; Путилов, 1971, с. 128, 133—137; Путилов, 1971 а, с. 79—83; Смирнов, 1974, с. 120 (Сватовство в чужой земле); Добрыня Никитич, с. 383—385; Балашов Д. М. «Дунай». — РФ, т. XVI, Л., 1976, с. 95—114; КД, с. 436.

Thompson, Т 58 (Сватовство к сильной и красивой невесте); F 565 (Женщины-воинны — амазонки); H 345 (Испытание жениха: одолеть принцессу в силе); H 331.4 (Испытание жениха: стрельба); H 332.11 (Испытание жениха: поединок с невестой); Thompson — Аагпе, 1964; 519 (Невеста-богатырша — Брюнхильда).

В былине включаются два сюжета: о поисках невесты для князя Владимира и о встрече Дуная с женщиной-поленицей, его суженой, о их поединке в поле и трагической гибели. Мотив происхождения рек из крови влюбленных является легендарным и очень распространен в фольклоре. В целом былина принадлежит к типу эпических песен о героическом сватовстве, о встрече героя с женщиной-амазонкой, которую он получает в жены лишь одолев в борьбе.

Варианты: Аст., т. I, с. 576—582; т. II, с. 735—739; Пропп, 1958, с. 135; ПФМ, № 228—234; БПЗ, с. 580; Сидельников, 1968, № 36; РНПКП, № 190, Добрыня Никитич, с. 383.

№ 2. Женитьба князя Владимира (70/6).

Запись Е. П. Родиной и Фомкина в мае 1938 г. от Петра Григорьевича Горшкова, 63 лет, д. Демидово (нын. д. Космозеро), Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Опубликованный вариант: Аст., № 158.

«Эту былину чаще всего Петр Григорьевич поет, текст знает твердо. Может пропеть несколько раз одно место, не изменяя» (полевая заметка к тексту). По сообщению собирателей, текст записан с голоса.

В варианте П. Г. Горшкова отсутствуют мотивы чудесных младенцев во чреве Настасьи и образования рек из крови Дуная и Настасьи. Вместе с тем в тексте заметно влияние былины о Чуриле и неверной жене: Бермята сообщает о суженой князю Владимиру, обычно это делает Дунай. Текст 1938 г. (наша публикация) очень близок тексту 1926 г. как на сюжетно-композиционном, так и на словесном уровнях. Характеристика записи 1926 г. применима и к нашей (см.: Аст., т. II, с. 738).

№ 12. О князе Владимире Киевском (72/47).

Запись Г. Кругликовой в феврале 1938 г. от Матвея Егоровича Самылина, 59 лет, д. Артovo (род. в д. Демидово, нын. д. Космозеро), Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Эту былину М. Е. Самылин перенял от шуньгского сказителя А. Т. Плакидина (72/35). Вариант Матвея Егоровича очень краток, нет мотива выявления Дуная как возможного свата, мотива противоборства Дуная и короля Литовского. Отсутствуют мотивы чудесных младенцев и превращения крови возлюбленных в реки. Сжато разработаны и второстепенные мотивы. В силу краткости варианта трудно найти ему близкие параллели.

ИВАН ГОДИНОВИЧ

Исследования: Аст., т. I, с. 585—586; Пропп, 1958, с. 126—134, 571; Пропп — Путилов, 1958, с. 460—461; Путилов, 1971, с. 128—129, 137, 186—189; Смирнов, 1974, с. 118 (Жсна (сестра) переходит на сторону этнического противника); КД, с. 439.

Thompson, B 652.2 (Женитьба на невесте-змее); В 622.1 (Змей-жених); К 1371 (Похищенная невеста).

Былина состоит из двух «сюжетных ходов»: женитьбы героя на невесте из другого мира (змее) и борьбы с соперником героя — змеем. Во второй части былина примыкает к песням о похищении жены героя (в данном случае Ивана Годиновича) соперником, который обычно сватался к неве-

сте до ее замужества (Путилов, 1971, с. 186—189). Былина об Иване Годиновиче и о Михайле Потыке относится к одному типу эпических песен о женитьбе героя на женщине из другого мира (эмсе). Славянские и прочие параллели рассмотрены в работе Б. Н. Путилова, 1971.

Варианты: Аст., т. I, с. 585—587; Пропп, 1958, с. 127; БИЗ, с. 580; ЦФМ, № 225—227; Смирнов, 1976, с. 124—125.

№ 41. Про Ивана Гуденого (2/40).

Запись В. Р. Дмитриченко 1938 г. от Андрея Степановича Логинова, 32 лет, д. Алексеево (род. в д. Мелентьевская), Пудожский р-н.

Вариант А. С. Логинова близок к вариантам Т. Романова (Рыби, № 145), Н. Прохорова (Рыби, № 122; Гильф, № 51), от которого П. А. Логинов (Сок.—Чич, № 4) усвоил былины. Сравнение текстов П. А. Логинова и А. С. Логинова дает основание говорить либо об одном источнике былины, либо об усвоении былины о Иване Годиновиче одним сказителем от другого. Это подтверждается сходством весьма специфических для этих вариантов мотивов стрельбы Кошечки в голубя с голубкой, освобождения Ивана Годинова (сабля сама разрезает путь). Отдельные детали, имена персонажей, например, Ефимка-наромка,— также доказывают генетическую близость вариантов обоих Логиновых.

Вариант А. С., как и Н. А. Логинова, достаточно полный и завершенный.

ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН (МАТЬ ПРОДАЕТ СВОЕГО СЫНА)

Исследования: Аст., т. I, с. 588; Пропп — Путилов, 1958, с. 493—494; Балашов, 1963, с. 405.

Thompson, S 210 и пр. (Проданные или обещанные дети); S 221 (Ребенок, проданный (обещанный) за деньги); Thompson — Aarne, 1964, 756 В (Договор с дьяволом).

Сюжет о продаже сына матерью специально не изучался. По мнению В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, «вся баллада в целом — это песня о горестных сторонах народной жизни», и сложилась она не ранее XVIII в. Исследователь русской народной баллады Д. М. Балашов считает, что баллада возникла в древнем Новгороде и отразила эпизод одного из многочисленных новгородских неурожаев, когда в результате прерванного подвоза хлеба с юга родители, спасаясь от голодной смерти, продавали своих детей заморским купцам «из хлеба» (Балашов, 1963, с. 405). Д. М. Балашов прослеживает дальнейшее развитие этой баллады на Руси и позднейшие переосмысления ее сюжета. В целом существующие сейчас социально-бытовые, исторические трактовки баллады вызывают сомнения. Вероятно, первоначальная основа ее более древняя (об этом свидетельствует легкость обнаружения типа сюжета в указателях Thompson'a и Aarne), как и большинства баллад так называемого семейно-бытового характера («Василий и Софья», «Братья разбойники и сестра» и т. д.).

Варианты: Аст., т. I, с. 588—589; РНПКП, № 194.

№ 53. Иван Гостиный сын (Мать продает своего сына) (58/48).

Запись А. Ф. Соляковой 1948 г. от Евдокии Ивановны Ладиной, 73 лет, с. Кереть, Лоухский р-н.

Вариант Е. И. Ладиной не окончен. Обычно баллада завершается отъездом Ивана и возвращением за матерью либо гибелю героя. В силу неполноты варианта сложно подыскать ему текстовые параллели.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ

Исследования: Аст., т. I, с. 601—602; т. II, с. 758; Пропп, 1958, с. 205; Пропп — Путилов, 1958, с. 122; Илья Муромец, с. 488; КД, с. 459.

Thompson, N 765 (Встреча с разбойничьей шайкой).

Былина о встрече Ильи Муромца с разбойниками входит в состав былины о трех поездках героя. Столкновение с разбойниками относится к первой поездке Ильи Муромца в «ту дорогу, где убиту быть». Часто эта поездка выделяется в самостоятельную былину.

Варианты: Аст., т. I, с. 601—602; т. II, с. 758—761; Илья Муромец, с. 488—489; БПЗ, с. 581; РНПКП, № 178; Смирнов, 1976, с. 126—127.

№ 51. О старом казаке Илье Муромце (56/143).

Запись И. Этиной 1935 г. от Екатерины Ивановны Коноваловой, 67 лет, д. Гридино, Кемский р-н.

Об этой записи сообщено у А. М. Астаховой (Аст., т. II, с. 759). Вариант сохраняет основные мотивы былины. Наибольшее сходство обнаруживается с поморскими вариантами А. В. Ивановой (РНПКП, № 178), А. Г. Рохмистровой (Аст., № 232), Н. А. Ростовцевой (Аст., № 227).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Исследования: Аст., т. I, с. 605—607; Пропп, 1958, с. 237—257, с. 579—580; Пропп — Путилов, 1958, с. 517—518; Илья Муромец, с. 453—455; Путилов, 1971, с. 62—70; Смирнов, 1974, с. 141 (Враг запер дороги); Иванов — Топоров, 1974, с. 164—178; КД, с. 463—454;

Thompson, F 143 (Лес на границе другого мира); F 151 (Вход в другой мир, охраняемый чудовищем); F 661.5.1 (Умелый стрелок стреляет в левый глаз змея); а также В 11.11 (Борьба с драконом). Сюжет как целое: А.—А., *650.1 (Подвиги Ильи Муромца).

Былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике относится к эпическим песням о змееборстве, которые подверглись позднее историзации (Путилов, 1971). Врагом Руси и противником героя является антропоморфное существо, генетически восходящее к образу пернатого змея на дереве (Соловей сидит «на семи дубах, на семи верстах»). Соловей запер дороги, охраняя вход в другой мир и препятствуя въезду в Киев.

В свете реконструкции праславянской мифологии поединок Ильи Муромца (как эпического воплощения громовержца) и Соловья рассматривается как эпическая версия борьбы бога грозы и его антагониста — змея или скотьего бога Велеса — Волоса (Иванов — Топоров, 1974, с. 166 и след.). Имя противника — Соловей истолковывается как результат табуистической метатезы (Соловей — при обратном чтении — Волос), нередкой при переходе высших богов в разряд низших злых существ. Такого рода подход к былине позволяет объяснить многие доселе малопонятные мотивы. Так, например, как змей, так и Илья (рожденный безногим и безруким, как змей), может соединять оба царства — Землю и Небо. Мировое дерево (дуб) связывает миры между собой. Вырывание дубов Ильей, а в белорусской сказке бросание их в реку, после чего разразилась гроза, — объясняется этой чертой героя-громовержца. Так же и во время исцеления Ильи старцами герой чувствует такую силу, что он смог бы схватить небесный столб (вариант мирового дерева) и перевернуть землю и небо.

Более поздние исторические напластования в былине достаточно полно изучены в работах В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова.

Варианты: Аст., т. I, с. 607—609; т. II, с. 762—765; БПЗ, с. 581; Илья Муромец, с. 453—455.

№ 25. Старина (17/92).

Запись А. В. Беловановой (Щемелевой) 17 октября 1945 г. от Александра Андреевича Портнягина, 78 лет, д. Старое Сигово (нын. д. Сигово), Пудожский р-н.

Вариант А. А. Портнягина содержит основные мотивы былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Отсутствует комплекс мотивов, связанных с просьбой жителей города остаться Илье Муромцу в нем, а также мотив высapsulation Ильей у горожан «дороги прямоезжей». Из пудожских вариантов наиболее близки былины И. Фепонова (Гильф., № 57) и А. Л. Фадеевой (Парил.—Сойм., № 53, а также № 32 нашего сборника). № 32. Илья Муромец (8/23).

Запись А. Д. Соймонова 1940 г. от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, 58 лет, д. Ижгора, Пудожский р-н.

Опубликованный вариант: Парил.— Сойм., № 53; неопубликованный вариант (контаминация): (20/77).

В полевой тетради отмечено, что «былина записана с голоса, напев Ремизовский (т. е. Н. А. Ремизова — *H. Ч.*), некоторые места Фадеева плохо помнит».

За исключением ряда второстепенных мотивов варианты 1938 г. (Парил.— Сойм., № 53) и 1940 демонстрируют высокую сюжетно-композиционную стабильность, в то время как словесная сторона былины заметно варьирует. Характеристика сюжетно-композиционных особенностей варианта (Парил.— Сойм., № 53) применима и для публикуемой записи (Парил.— Сойм., с. 496).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ (СВОДНЫЕ БЫЛИНЫ)¹

1. Исцеление Ильи Муромца и получение им силы

Исследования: Аст., т. I, с. 617—618; т. II, с. 765; Пропп, 1958, с. 237—243; Пропп — Путилов, 1958, т. I, с. 516—517; Илья Муромец, с. 449—450; Алексеев Н. И. К истории сюжета об исцелении Ильи Муромца.— Уч. записки Горьковского пед. ин-та, вып. 63, серия литературоведения. Горький, 1966; Путилов, 1971, с. 91—95; Смирнов, 1974, с. 113 (Получение силы); Иванов — Топоров, 1974, с. 166—168.

А. А., *650.1 (Подвиги Ильи Муромца), Thompson, F (Человек без ног), F 515.1 (Человек без рук), V 34.1 (Излечение от болезни святым).

История исцеления Ильи Муромца представляет собой популярный в мировом фольклоре (эпосе, сказке, легенде) мотив богатыря-сидня (А.— А., *650.1), который исцеляется волшебным питьем. «Безрукость-безногость» Ильи, его сидение в гноинце на печке объясняются его «змеиным» происхождением (ср. обратная ситуация: казнь женщины-змеи в былинах происходит путем отрубания у нее рук и ног, т. е. она возвращается к первоначальному «змеиному» состоянию). Мотив небесного столба, которыйгрозится перевернуть Илья, ощущивший гигантскую силу, встречается и в былине о гибели богатырей. Небесный столб является вариантом мирового дерева, соединяющего миры (землю, небо, преисподнюю). Илья Муромец, герой-змееборец, как и змей обладает способностью соединять царства между собой (см. об Илье как громовержце и змееборце — примеч. к былине о Соловьев-разбойнике).

Варианты: Аст., т. I, с. 616—618; т. II, с. 765—766, 746—751; Илья Муромец, с. 449; БПЗ, с. 581; Сидельников, 1968, № 38, 40, 119, 81 (все контам.).

2. Бой Ильи Муромца со Збутом-королевичем

Этот сюжет обычно рассматривается как видоизменение известного сюжета о бое отца с сыном («Илья Муромец и Сокольник») и былин о встрече Ильи Муромца с чужеземным богатырем-нахвалищником. Ученые указывают и на возможные книжные реминисценции (имя Збут). Thompson, N 731.2 (Битва отца и сына).

Исследования: Аст., т. I, с. 610; Илья Муромец, с. 474; Пропп, 1958, с. 261—264; Пропп — Путилов, т. I, с. 524—526; Путилов, 1971, с. 206—212; Путилов, 1971 а, с. 84—90; Алексеев Н. Н. История сюжета о бое Ильи Муромца с сыном. (К вопросу о международных фольклорных сюжетах).— Уч. записки Горьковского пед. ин-та, 1974, вып. 148, серия филолог. наук. Горький, 1974, с. 3—34; Смирнов, 1974, с. 141 (Поединок героя с этническим противником).

Варианты: Аст., т. I, с. 609—614; Илья Муромец, с. 473—475; БПЗ, с. 580—581; РНПКП, № 179, 183.

¹ Описание сюжетов дано в зависимости от обычного места их в контаминации.

3. Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром

Исследования: Аст., т. I, с. 597; Илья Муромец, с. 481—482; Пропп, 1958, с. 289—290, 581; Пропп — Путилов, 1958, т. I, с. 519—520; Жирмунский, 1958, с. 79—82; Путилов, 1971, с. 235—239; Смирнов, 1974, с. 120 (Только сидящий в темнице герой защитит страну).

Thompson, R 41.3 (Заключение в подземной темнице); R 162 (Освобождение дочерью (женой, матерью) захватившего в плен).

По мнению В. М. Жирмунского, мотив заточения богатыря принадлежит к типологическим ситуациям средневековья — ссоре вассала и сюзерена. При нашествии врага освобожденный женой (или дочерью) короля богатырь становится защитником государства. Именно поэтому былина о ссоре Ильи Муромца и князя Владимира часто соединяется с былиной о нашествии царя Калина, который в ряде вариантов прослыпал, что в Киеве нет защитника. Сам по себе мотив заточения в погреб (и его эквиваленты — яма, могила) очень архаичен. Нахождение в нем означает временную смерть, пребывание в ином мире (см. об этом: Неклюдов С. Ю. О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре. — В сб.: Семиотика и художественное творчество. М., 1977).

Варианты: Аст., т. I, с. 597—598; т. II, с. 753; Пропп, 1958, с. 291—292; Илья Муромец, с. 482; БПЗ, с. 580.

4. Илья Муромец, Ермак и Калин-царь

Исследования: Аст., т. I, с. 595—598; т. II, с. 753—757; Пропп, 1958, с. 301—343, с. 581—583; Пропп — Путилов, 1958, т. I, с. 121; Азбелев С. Н. Былины об отражении татарского нашествия («Ермак и Калин», «Кашское побоище», «Илья и Калин»). — РФ, т. XII, с. 162—180; Азбелев С. Н. Мотив убийства вражеского царя в былинах и в косовских песнях. — В сб.: Славянский и балканский фольклор. М., 1971, с. 53—74; Путилов, 1971, с. 287—291; Смирнов, 1974, с. 119—120 (Отражение вражеского нашествия); КД, с. 444.

Былина о нашествии Калина-царя и ряд былин, сформировавшихся вокруг нее, подробно исследованы В. Я. Проппиом (Пропп, с. 301—343 и след.). В исследовании Б. И. Путилова «Русский и южнославянский геронический эпос» приводятся южнославянские параллели к былинам о татарском нашествии. Цет надобности искать в былине о битве с Калином-царем исторические события. По справедливому замечанию Б. И. Путилова (об этом же писал и В. Я. Пропп), «перед нами «модель» исторических событий, построенная в соответствии с народными желаниями и по законам эпической традиции» (Путилов, 1971, с. 284).

Варианты: Аст., т. I, с. 595—601; т. II, с. 753—757; Пропп, 1958, с. 303, Илья Муромец, с. 462—464.

5. Святогор и Илья Муромец

Исследования: Mazon, 1932 (многочисленные международные параллели); Аст., т. I, с. 603—604; Пропп, 1958, с. 75—87, 566—567; Пропп — Путилов, 1958, т. I, с. 20—21, 507—508; Илья Муромец, с. 449—451; Смолинский В. Г. Былина о Святогоре. — В кн.: Проблемы изучения художественного произведения, ч. I, М., 1968, Он же. Былина о Святогоре. — В сб.: Славянский фольклор. М., 1972, с. 71—81; Путилов, 1971, с. 78—86; Смирнов, 1974, с. 113 (Тяга земная).

Thompson, F 531.6.2.1 (Великаны живут в горах или в пещерах); F 531.2.7 (Великан так велик, что конь не может его везти); F 531.5.1.1 (Великан носит человека в своем кармане (перчатке, за пазухой)); F 531.6.8.1 (Великан влюблен в великаншу); G 514.1 (Великаны заманивают в ящик — т. е. гроб — И. Ч.).

А.—А., *650.1 (по классификации Л. Г. Барага — Бааг, 1971); А.—А., №895 (Жена в ларце).

О былине писали давно и много. Ученые находили параллели Илье и Святогору в еврейско-мусульманских апокрифах (Аарон и Моисей открывают гроб с надписью «Я для тех, кому впору»), в Библии, в эпосе разных народов («Нарты» — Батрадз и Сослан), в скандинавской мифологии — Тор и великан Скюммир («Младшая Эдда») и т. д. Былина сближалась и с южнославянскими эпическими песнями о встрече героя и великаны (Путилов, 1971, с. 78—86). Дискуссия шла в основном вокруг мотивов фатального гроба, сумочки — земной тяги и гибели великана, передающего свою силу герою. Несмотря на откровенный международный фольклорный характер ряда мотивов былины (см. Thompson), она как целое по-прежнему очень загадочна.

Варианты: Аст., т. 1, с. 603; Илья Муромец, с. 449—451; ПФМ, № 218; Сидельников, 1968, № 39.

6. Илья Муромец и Идолище

Исследования: Аст., т. I, с. 594—595; т. II, с. 751—752; Пропп, 1958, с. 224—237; Пропп — Путилов, 1958, т. 1, с. 523—524; Илья Муромец, с. 469—471; Путилов, 1971, с. 54—62; Смирнов, 1974, с. 116—117 (Этнический враг на родной земле героя).

Thompson, F 632 (Много едящий); F 633 (Много пьющий); F 510 (Чудовище) и т. д. См. также змееборческие мотивы: А.—А., *650.1.

Былина об Илье Муромце и Идолище и былина об Алеше и Тугарине имеют одинаковую сюжетную схему и генетически связаны с песнями о змееборчестве. В Идолище соединяются черты гигантского прожорливого чудовища, змея и одновременно более поздних персонажей — этнических противников русских — татар. Идолище выступает как насильник-похититель женщин; он хочет взять к себе жену князя Владимира (см. также былину «Идолище сватается к племяннице князя Владимира»). Роль Идолища — похитителя женщин вполне согласуется с происхождением этого образа от змея. Не случайно и противником его выступает герой-змееборец Илья. (См. также Тугарин-змей и змееборец Добрый). В былине заметны реально-исторические напластования, связанные с монголо-татарским игом и его отражением в русском эпосе.

Варианты: Аст., т. I, с. 594—595; т. II, с. 751—752; Шуб., 1950, с. 227; Илья Муромец, с. 471; БПЗ, с. 580; Смирнов, 1976, с. 125—126. № 6. Илья Муромец (76/83).

Запись Г. Ф. Нефедова 1935 г. от Ирины Андреевны Степановой, 78 лет, д. Подъельники, Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

По свидетельству сказительницы, былину «слышала от разных сказителей». Возможны, однако, и книжные источники, на которые указала И. А. Степанова (см. заметку о ней).

Текст является контаминацией следующих былин: 1) Исцеление Ильи Муромца; 2) Встреча Ильи с царевичами под Черниговом (отрывок былины о первых поездках героя); 3) Илья Муромец и Соловей-разбойник; 4) Бой Ильи со Збутом-королевичем; 5) Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром; 6) Илья Муромец и Калин-царь; 7) Илья Муромец и Святогор; 8) Илья Муромец и Идолище; 9) Илья Муромец и нахваливщик.

Перечень различных сводных былин об Илье Муромце: Аст., т. II, с. 746—747.

№ 7. Про Илью Муромца (8/133).

Запись В. Р. Дмитриченко 26—28 июля 1940 г. от Ирины Андреевны Степановой, 83 лет, д. Пяльма (род. в д. Подъельники, Заонежский, нын. Медвежьегорский р-н), Пудожский р-н.

В отличие от варианта 1935 г. (№ 6 нашего сборника) вариант 1940 г. включает меньшее количество сюжетов: 1) Исцеление Ильи Муромца; 2) Встреча под Черниговом с царевичами (отрывок былины о первых поезд-

ках Ильи); 3) Бой Ильи со Збутом-королевичем; 4) Илья Муромец и Соловей-разбойник.

Сопоставимая часть записи 1935 г. и контаминированный вариант 1940 г. очень близки не только в последовательности частей контаминации и в мотивах, но и в словесной стороне: некоторые строки и строфы совпадают почти буквально.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО

Исследования: Аст., т. I, с. 618; т. II, с. 777; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 488; Жирмунский, 1958, с. 128—129; Балашов, 1963, с. 23; Смирнов, 1974, с. 133 (Мать губит сноху в отсутствие сына).

Thompson S 51 (Жестокая свекровь, теща).

С точки зрения большинства исследователей баллада несомненно архаична. Мотив жестокой расправы свекрови с невесткой и ее ребенком, мотив заключения их в колоду, которую пускают в море,— широко известны в международном фольклоре. На эту древнюю сюжетную схему насылились позднейшие семейные коллизии периода феодализма. Баллада очень популярна на Русском Севере, особенно у сказительниц.

Варианты: Аст., т. I, с. 618—619; т. II, с. 777—779; БПЗ, с. 581; РНПКП, № 186, 197, 200, 203.

№ 49. Князь Михайла и жена (35/184).

Запись С. Вавилиной, Л. Лукиной, И. Сухановой, Т. Величко (рук. экспед. К. В. Чистов) в июне—июле 1956 г. от Анастасии Васильевны Ивановой, 76 лет, д. Гридино, Кемский р-н.

Опубликованный вариант: РНПКП, № 186.

Характеристика варианта в РНПКП распространяется и на запись 1956 г. (РНПКП, с. 438). Однако вопреки утверждению комментатора, варианты 1956 г. и 1964 г. очень близки и не обнаруживают тех различий, на которые указано в примечании. В варианте 1964 г. отсутствует только мотив опускания тела Марфиды в колоду. Как и другие тексты А. В. Ивановой, эта баллада свидетельствует о довольно высокой степени стабильности текста при повторном исполнении.

КОЗАРИН

Исследования: Аст., т. I, с. 770; Пропп, 1958, с. 154—167; Пропп — Путилов, т. I, с. 546; Жирмунский, 1958, с. 130—131; Путилов Б. Н. Исторические корни и генезис славянских баллад об инцесте. Доклад для VII МКАЭН. М., 1964; Он же. Деятельность и вымысел в славянской исторической балладе.— В сб.: Славянский фольклор и историческая деятельность. М., 1965; Он же. История одной сюжетной загадки (Былина о Михайле Козарине).— В сб.: Вопросы фольклора. Томск, 1965; Он же. Юнацкая песня «Марко находит сестру» в версиях с Хорватского приморья и островов и былина о Козарине.— Rad XI-og Kongresa Saveza folklorista Jugoslavije i Novom Vinodolskom. Zagreb, 1966; Путилов, 1971, с. 223—230; Балашов, 1963, с. 399; Brewster, 1972 (Непреднамеренный инцест (предотвращенный) брат — сестра); Смирнов, 1974, с. 125 (Освобождение сестры из плена).

Thompson, T 415 (Инцест брат — сестра); N 365.3 (Непреднамеренный инцест брат — сестра).

Сюжет былины долго оставался загадкой. В. Я. Пропп условно причислил его к сюжетам о сватовстве, отвергая, однако, мысль о кровосмешении как основе сюжета. В работах Б. Н. Путилова устанавливается связь былины с фольклорной темой инцеста (предотвращенный инцест брат — сестра). Отлучение героя от семьи (воспитание у бабушки-задворенки) происходит из-за страха кровосмешения. Как и в былинах о сватовстве, герой идет искать свою суженую, «и только эта встреча и узнавание навсегда снимают висевшую над героями былины угрозу инцеста» (Путилов, 1971, с. 229).

В свете этой теории сюжета мотивы татарского полона и освобождения из него девушки оказываются вторичными.

Варианты: Аст., т. II, с. 770—772; Пропп, 1958, с. 155; БПЗ, с. 581; РНПКП, № 185, 198, 204, 205.

№ 42. Про Казалина (35/46).

Запись Т. Величко и И. Сухановой (руков. экспед. К. В. Чистов) в июне — июле 1956 г. от Анастасии Ивановны Ефремовой, 61 год, д. Калгалашка, Кемский р-н.

Опубликованный вариант: РНПКП, № 198.

«Этот стих,— сообщила сказительница,— слышала от бабушки Анны Андреевны Даниловой, которая умерла на 103 году жизни, жила в Летней Реке».

По сравнению с записью 1964 г. (РНПКП, № 198) вариант более полный и расширенный (133 строки по сравнению с 93 строками) за счет повторения ряда мотивов, высматривания Казарином имени-отчества девушки. Некоторые мотивы переставлены (сватовство — угрозы трех татар), некоторые пропущены в записи 1956 г. (дележ добычи татарами). Варьирование текста не привело к существенным изменениям: былина осталась в пределах варианта. Об особенностях былины в исполнении А. И. Ефремовой см.: РНПКП, с. 440.

МИХАЙЛО ПОТЫК

Исследования: Аст., т. I, с. 619—621; т. II, с. 779—780; Пропп, 1958, с. 109—126, 569—571; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 459—461; Путилов, 1971, с. 126, 130, 174—176, 179—180; Иванов — Топоров, 1965, с. 104; Иванов — Топоров, 1974, с. 172; Смирнов, 1974 с. 118 (Жена (сестра) переходит на сторону этнического противника); Балашов, 1975, с. 26—43; КД, с. 443.

Thompson, B 652.2 (Женитьба на невесте-змее); А.—А., 612 (Оживленная неверная жена).

В. Я. Пропп, очень обстоятельно изучивший былину, указал на архаичность сюжета сватовства героя на женщине-оборотне и колдунье. Б. Н. Путилов, сопоставляя былину о Потыке с однотипными южнославянскими эпическими песнями, относит ее к разряду песен о похищении жены героя (имеется в виду соперничество и борьба Михайло Потыка со змеем в могиле, куда герой последовал за умершей женой — так называемый второй сюжетный ход былины).

Былину можно анализировать и на фоне змееборческой традиции, широко разработанной в русском эпосе. Михайло Потык так же, как Илья Муромец и Добрыня, — герой-змееборец, который отправляется в подземный мир, локус антагонистов — змея-соперника и Мары Лебедь Белой. Тип жены — противницы героя — обладает всеми характеристиками противника змееборца: это змея, принимающая облик птицы или человека, живет в подземном мире, имеет жениха змея. Смерть Мары Лебедь Белой (расчленение на части, т. е. возвращение к исходному, змеиному виду) также говорит в пользу вероятности связи этого сюжета с былинами о змееборчестве. Уничтожив колдунью-змею, Потык находит себе настоящую невесту.

Варианты: Аст., т. I, с. 619—621; т. II, с. 779—781; Пропп, 1958, с. 110; РНПКП, № 180; Смирнов, 1976, с. 131.

№ 15. Михайло Потык (68/36-а).

Запись Е. П. Родиной в мае 1938 г. от Агриппины Федоровны Труховой, 59 лет, с. Липовицы, Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Опубликованный вариант: Аст., № 150.

«Начало былины поет, а потом, со слов «Брал туды хлеба, огня...», рассказывает», — сообщила собирательница об исполнении былины А. Ф. Труховой.

Текст А. Ф. Труховой в сравнении с записью 1932 г. (Аст., № 50) не претерпел изменений в сюжете и композиции. Варьируются лишь строки и их компоненты — эпические формулы и лексемы. Это свидетельствует

о высокой степени устойчивости текста. В обоих вариантах довольно четко отмечен переход от пения к сказыванию и к прозе. К публикуемому здесь варианту применима характеристика, данная А. М. Астаховой записи 1932 г. (Аст., т. II, с. 780—781).

№ 47. Потык сын Иванович (35/185).

Запись С. Вавилиной, Л. Лукиной, И. Сухановой, Т. Величко (руков. экспед. К. В. Чистов) в июне — июле 1956 г. от Анастасии Васильевны Ивановой, 76 лет, д. Гридино, Кемский р-н.

Опубликованный вариант: РНПКП, № 180.

В записи 1956 г. отсутствует ряд мотивов, имеющихся в записи РНПКП, № 180: мотив смерти жены Потыка, ее захоронения с Потыком в земле, освобождения героя Ильей Муромцем и т. д. Несмотря на это, варианты очень близки на сюжетно-композиционном уровне, большую свободу демонстрирует А. В. Иванова в выборе словесных средств выражения.

МОЛОДЕЦ И КОРОЛЕВИЧНА

Исследования: Пропп, 1958, с. 145—146; Пропп — Путилов, т. 1, с. 282; т. 2, с. 486; Балашов, 1961, с. 270—286; Балашов, 1963, с. 22, 385.

По вопросу о балладе «Молодец и королевична» и «Дунай и Настасья-королевична» нет единого мнения. В. Я. Пропп полагал, что мотив знакомства Дунае с Настасьей, службы у Литовского короля входил в сюжет о Дунае как начальное звено (см. также с некоторыми корректировками: Пропп — Путилов, 1958, с. 282). Д. М. Балашов считает балладу о молодце и королевичне самостоятельной, лишь позже привязанной к Дунаю. Он различает две версии баллады: первая — «молодца казнят и королевна кончает жизнь самоубийством»; вторая — «королевна спасает своего любовника, выкупая его у палачей» и отправляет на родину (Балашов, 1961, с. 271). Первая версия древнее второй. Баллада традиционно считается семейно-бытовой с коллизией, построенной на социальном неравенстве.

Варианты: Балашов, 1961, с. 275.

№ 21. Старина про удалого молодца (7/54).

Запись Н. Н. Алексеева в феврале 1938 г. от Анастасии Яковлевны Малышевой, 30 лет, д. Семеново, Пудожский р-н.

Опубликованный вариант: Сок.— Чич., № 74.

Текст баллады заметно варьирует по сравнению с текстом 1928 г. (Сок.— Чич., № 74) в основном на уровне строф и строк, некоторые из которых опущены, а другие повторяются. Публикуемый вариант (51 строка) больше, чем вариант Сок.— Чич., № 74 (47 строк), но разница минимальная. Оба варианта А. Я. Малышевой принадлежат к древнейшей версии сюжета, наиболее распространенной в Заонежье, Пудоже и на Кенозере (Балашов, 1961, с. 271).

№ 24. Молодец у Литовского короля (12/130).

Запись М. М. Михайлова 1940 г. от Анны Михайловны Пашковой, 72 лет, д. Семеново, Пудожский р-н.

Опубликованный вариант: Парил.— Сойм., № 12.

Сказительница говорила, что балладу «узнала в девушках, пели на вечерках в великий пост, называли ее стихами (как про Анику-воина, Михаила Архангела и др.)».

Баллада о молодце и королевичне А. М. Пашковой при исполнении в 1940 г. (анализ варианта: Парил.— Сойм., с. 471) оказалась полнее, чем вариант 1937 г., где отсутствует мотив приказания короля вести молодца «позади дворца» королевичны, мотив прохождения молодца под окном возлюбленной. Вместе с тем в варианте Парил.— Сойм., № 12 королевична просит не казнить молодца, о чём не упоминается в записи 1940 г.

Оба варианта предусматривают трагический конец, хотя и не столь определенный, как в более полных вариантах баллады, где королевична кончает жизнь самоубийством (Балашов, 1961, с. 271).

Сравнение двух вариантов баллады А. М. Пашковой свидетельствует о свободном импровизационном отношении ее к тексту.

№ 48. Дунай и Настасья (35/179).

Запись С. Вавилиной, Л. Лукиной, И. Сухановой, Т. Величко (руков. экспед. К. В. Чистов) в июне—июле 1956 г. от Анастасии Васильевны Ивановой, 76 лет, д. Гридино, Кемский р-н.

Опубликованный вариант: РНПКП, № 190.

Баллада не закончена. В варианте 1964 г. (РНПКП, № 190) королевич на выкупает Дуная и оставляет его у себя. Эта версия является позднейшей (Балашов, 1961, с. 271), распространенной в Поморье и в Заонежье. За исключением конца баллады варианты очень близки, особенно на сюжетно-композиционном уровне.

НАЕЗД ЛИТОВЦЕВ

Исследования: Аст., т. I, с. 623; Пропп, 1958, с. 408—419, 588—589; Пропп — Путилов, 1958, т. I, с. 550; Смирнов, 1974, с. 117 (В отсутствие героя враги нападают на его дом и похищают жену (сестру)).

Thompson, T 104 (Иностранный король ведет войну, чтобы принудить царевну выйти за него замуж); R 151.1 (Муж освобождает похищенную жену).

Первоначально основное внимание в былине ученыe уделяли ее военно-героическому содержанию (А. М. Астахова, В. Я. Пропп), которым, однако, не исчерпывается ее смысл. Постепенно предположение о большей архаичности сюжета брало верх. Былина справедливо стала причисляться к эпическим песням о похищении женщины в результате воинского похода (Пропп — Путилов, 1958; Смирнов, 1974; частично об этом пишет и Б. Н. Путилов, 1971, раздел «Эпические песни о похищении жены»). В. Я. Пропп указал на древность образа Романа — князя-оборотня, сходного с Волхом, под влиянием которого и появились мотивы оборотничества в былине о наезде литовцев.

Варианты: Аст., т. I, с. 623—624; т. II, с. 784—785; Шуб, 1950, с. 222—223.

№ 27. Силеван король земли литовскою (17/97).

Запись А. В. Беловановой (Щемлевой) 1947 г. от Александра Андреевича Портнягина, 78 лет, д. Старое Сигово (нын. д. Сигово), Пудожский р-н.

Текст А. А. Портнягина сохранил основные мотивы былины о наезде литовцев. По ряду специфических для данного текста мотивов (опускание жеребьев в воду, формы оборотничества князя Романа) он сближается с былинами пудожских сказителей П. Антонова (Рыбн., № 164), Шальского лодочника (Рыбн., № 152), И. Фепонова (Гильф., № 61).

САДКО

Исследования: Аст., т. I, с. 625—626; т. II, с. 793—794; Пропп, 1958, с. 87—109, 567—569; Пропп — Путилов, 1958, т. I, с. 332, 537; Путилов, 1971, с. 134—135; Путилов, 1972, с. 14—17; Акимова Т. М. Структура былинного цикла о Садко.— В сб.: Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1973; Смирнов, 1974, с. 123—124 (Корабли останавливаются на море; Искусный музыкант и неземная девушка); КД, с. 445—446; НБ, с. 388—396 (здесь же библиография вариантов).

Thompson — Aarne, 1964, 677*; A.—A., *677.1 (Указано: Бараг, 1971).

Былина о Садко в той ее части, где рассказывается о его плавании и путешествии в Морское царство, относится к эпическим песням о сватовстве к девушке из другого мира. Так объясняют этот сюжет фольклористы. Плавание как вариант переправы через воду (символ брака), трудные задачи, которые задает Морской царь Садко — все это непременные мотивы эпических и сказочных сюжетов о сватовстве в чужой земле (в чужом, ином мире).

Былина о состязании в богатстве Садко и новгородцев является гораздо поздней, чем былина о Садко и Морском царе (ср. противоположное общепринятое мнение Т. М. Акимовой).

Варианты: Аст., т. I, с. 625—627; т. II, с. 793—794; Шуб, 1950, с. 230—232; Пропп, 1958, с. 90; БПЗ, с. 581; Смирнов, 1976, с. 134; НБ, № 29, 46, 53.

№ 22. Садко купец богатый (12/16).

Запись Е. П. Родиной в мае 1938 г. от Анны Михайловны Пашковой, 72 лет, д. Семеново, Пудожский р-н.

По сообщению комментаторов сб. «Былины Пудожского края», «текст выучен по хрестоматии Острогорского «Живое слово», III. СПб». Текст близок к книжному, многие стихи совпадают дословно, другие перефразированы, в некоторых местах наблюдается перестановка эпизодов. Пашкова заучила «Садко» в 1938 г., т. е. в год записи от нее былин». (Парил.—Сойм., с. 462).

Вариант А. М. Пашковой включает былины о получении Садко богатства от Морского царя, о состязании героя с Великим Новгородом, о посещении Садко подводного царства.

САУЛ ЛЕВАНИДОВИЧ

Исследования: Пропп, 1958, с. 263—264; Пропп — Путилов, 1958, т. 1, с. 547—548; Путилов, 1971, с. 210; Смирнов, 1974, с. 130—131 (Родственники помогают друг другу; Родственники встречаются в бою); КД, с. 444—445.

Thompson, N 731.2 (Бой отца с сыном).

Былина о Сауле Леванидовиче очень редкая, малонеследованная. Рассматривая ту версию сюжета, где отец (Саул Леванидович) попадает в плен и побеждает в поединке сына, В. Я. Пропп предполагает закономерную связь былины с былиной о бое Ильи Муромца с сыном. О переосмыслении архаической коллизии бой «отца с сыном» в былине «Саул Леванидович» говорит и Б. Н. Путилов в сравнительном исследовании русского и южнославянского героического эпоса (Путилов, 1971, с. 210).

Варианты: Пропп, 1958, с. 264; РНПКП, № 192; Смирнов, 1976, с. 132—133.

№ 46. (Саул Леванидович) (35/57).

Запись Т. Величко и И. Сухановой 1956 г. (руков. экспед. К. В. Чистов) от Анастасии Ивановны Ефремовой, 61 год, д. Калгалакша, Кемский р-н. Опубликованный вариант: РНПКП, № 192.

Текст очень краток. Вариант 1956 г., как и вариант 1964 г. (РНПКП, № 192), не завершен, нет мотивов поединка пленного сына и его отца, освобождения сына и расправы с татарами. Сравнение двух записей от А. И. Ефремовой свидетельствует о довольно высокой стабильности текста на сюжетно-композиционном и словесном уровнях.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Исследования: Аст., т. I, с. 630—631; Пропп, 1958, с. 167—179, 574—575; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 473; Жирмунский, 1958, с. 136; Путилов, 1972, с. 11—14; Позднеев А. В. О сюжете былины о Соловье Будимировиче.— В сб.: Вопросы литературы, вып. 2, Львов, 1969; Виланбаев В. Б. Былина о Соловье Будимировиче в свете географической терминологии.— РФ, т. XII, 1971; Путилов, 1971, с. 142—143; Байбурин А. К. О былине «Соловей Будимирович».— В сб.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1972—1973 (23—26 июля 1974 г.). Л., 1974; Смирнов, 1974, с. 117 (Увоз девушки на корабле); КД, с. 428.

В. Я. Пропп обратил внимание не только на элементы свадебного обряда в былине о Соловье Будимировиче (это делали и дореволюционные ученые),

но и на близость былины сказкам, где жениху задаются трудные задачи (см. мотив построения теремов за ночь в былине). К эпическим песням о сватовстве относит ее и Б. Н. Путилов. Правда, тот факт, что герой сам предлагает строить терема, обосновывается в чужой земле и не особо печется о свадьбе, заставляет предположить, что былина возникла в результате конвергенции нескольких сюжетных типов, например, песен о сватовстве и о завоевании чужой земли пришедшим из-за моря Соловьевом Будимировичем (см. А. К. Байбурина).

Варианты: Аст., т. I, с. 630—632; Пропп, № 958, с. 169; БПЗ, с. 581.

№ 20. Соловей Будимирович (7/55).

Запись Н. Н. Алексеева в феврале 1938 г. от Анастасии Яковлевны Малышевой, 30 лет, д. Семеново, Пудожский р-н.

Опубликованный вариант: Сок.—Чич., № 73.

По сравнению с записью 1928 г. (Сок.—Чич., № 73) текст сокращен в объеме (81 строка — и 120 у Сок.—Чич.) за счет выпадения некоторых второстепенных мотивов, например, приглашения Соловья к Забаве посидеть с ним. Пропущен также ряд строф и строк. Начало былины (до подношения подарков Владимиру и постройки теремов) мало отличается в обоих вариантах. Больше изменений в серии последующих мотивов, их словесного выражения. В целом при повторном исполнении в 1938 г. былина сохранила все черты варианта 1928 г. Конец былины — самопросватанье Забавы и отказ Соловья жениться — сближает ее с другими пудожскими вариантами П. А. Логинова (Сок.—Чич., № 40), Ф. А. Конашкова (Сок.—Чич., № 86).

СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛЬЕВИЧ

Исследования: Аст., т. I, с. 632—633; т. II, с. 794; Пропп, 1958, с. 580—581; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 461—462; Путилов, 1971, с. 149—150, 176—177, 180—181; Ярошенко-Титова Л. В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII—XVIII в. (Характеристика редакций.) — ТОДРЛ, т. XXIX, Л., 1974; Смирнов, 1974, с. 118 (Жена (сестра) переходит на сторону этнического противника).

А.—А., *905 Соломон и его неверная жена (указано в сб.: Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 462).

Сюжет былины об увозе Соломоновой жены восходит, по единодушному мнению фольклористов, к апокрифическим сказаниям о царе Соломоне в различных западноевропейских и восточных версиях, получивших широкое бытование на Руси. Работа А. Н. Веселовского «Славянские сказания о Соломоне и Китовrase и западные легенды о Морольфе и Мерлине». СПб., 1872 — до сих пор сохранила свою актуальность как источник для исследования самой былины и многочисленных сложных по смыслу мотивов, которые могут быть поняты только в свете подробного изучения сказаний о Соломоне (пастушество Соломона, его оборотничество, мотив телеги, на которой везут Соломона на казнь и загадочных слов, произнесенных им при этом). В статье А. В. Ярошенко-Титовой введен дополнительный материал о книжных редакциях Соломоновых сказаний.

Сюжет об увозе Соломоновой жены хорошо прижился в русском эпосе потому, что книжная, в основе своей тоже фольклорная схема, встретилась с известными былинами и балладами о похищении жены героя.

Варианты: Аст., т. I, с. 632—634; т. II, с. 794—797; БПЗ, с. 581; РНПКП, № 199.

№ 26. Соломан и Василий Окулович (17/96).

Запись А. В. Беловановой (Щемелевой) 1947 г. от Александра Андреевича Портнягина, 78 лет, д. Старое Сигово (нын. Сигово), Пудожский р-н.

Текст Портнягина хорошо сохранил большинство основных мотивов былины о Соломане. Некоторая сжатость не позволяет подыскать достаточно близкие параллели к тексту, особенно из Пудожского района, где былина не была столь популярна, как в Заонежье. Правда, по ряду специ-

фических деталей, фразеологизмов вариант А. А. Портнягина сближается с вариантами Е. П. Родиной (Парил.—Сойм, № 61) и А. Сорокина (Рыбн., № 137).

Сказитель использовал в тексте мотивы из других былин: мотив деревянных жеребьев, которые бросают в воду воины Соломана (*«Садко»* или *«Наезд литовцев»* — см. былину № 27 А. А. Портнягина), расправа с Соломанидой, которую привязывают к жеребцам (по традиции ее кладут в третью петельку). *«Топонимика»* былины также заимствована из других былин: Василий живет в царстве Кудриянском (духовный стих о Егории), Соломан приезжает к Пучай-реке (*«Добрыня и змей»*, *«Дюк»*).

СТАВР

Исследования: Аст., т. I, с. 638; Пропп, 1958, с. 580; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 467—468; Жирмунский, 1958, с. 129—130; Кржижановский Ю. Девушка-воин (К истории мотива «перемена пола»). — РФ, т. VIII, М.—Л., 1963, с. 62—64; Путилов, 1971, с. 244—250; Бадалик Йосии. Кон творечките постапки на руската и хрватската народна епика (Былината *«Ставр Годинович»* и хрватската далматинска епска песна *«Ni za sam život ljuba se ne zamjenjuje»*). — С сб.: Македонски фолклор. Списание за Институт за фолклор, год. VI, број II. Скопје, 1973, с. 21—26; Смирнов, 1974, с. 132—133 (Освобождение мужа из темницы).

Thompson, R 152.1 (Переодетая жена помогает мужу бежать из тюрьмы); А.—А., 880 А (Жена выручает мужа); Thompson — Аагпе, 1964, 880 (Муж хвастает своей женой).

По единогласной оценке ученых, в основе былины лежит международный фольклорный сюжет о жене, которая, переодевшись мужчиной, выдерживает «испытание пола» и освобождает своего мужа из заточения. Былина имеет много параллелей в других традициях, особенно в юнославянской (см.: Путилов, 1971; Бадалик, 1973; Смирнов, 1974). Обращает на себя внимание финал былины: жена Ставра побеждает всех киевских поединщиков, против нее выставляют Ставра (одна из редакций былины). Б. Н. Путилов предположил, что «в основе этой мотивировки лежит известный эпосу разных народов, в том числе и русскому, мотив: в роли поединщика, который один может спасти город, выступает узник; в ходе поединка открывается родство узника и нахваливщика» (Путилов, 1971, с. 246; см. некоторую близость ситуаций — *«Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром»*, *«Илья Муромец и Калин-царь»*, *«Саул Леванидович»*).

Варианты: Аст., т. I, с. 637—639; т. II, с. 797—800; БПЗ, с. 581.
№ 3. О Сталоверсте Гардинове (70/5).

Запись Е. П. Родиной в мае 1938 г. от Петра Григорьевича Горшкова, 63 лет, д. Демидово (нын. д. Космозеро), Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Опубликованный вариант: Аст., № 159.

«Эту былину сказитель слышал и «понял» от дедушки Павла Перфиьевича Горшкова. Поет однотонно, скорее рассказывает — медленно, тягуче. При повторении текст почти не изменяет».

Вариант П. Г. Горшкова в сюжетно-композиционном отношении повторяет запись 1926 г. (Аст., № 159). Опущен лишь мотив испытания жены Ставра в бане. Высокая стабильность текста обнаруживается и на уровне строф и строк. Анализ варианта Аст., № 159 справедлив и для публикуемого варианта (Аст., т. II, с. 799).

№ 13. Про Ставра сына Годиновича (72/48).

Запись Г. Кругликовой в феврале 1938 г. от Матвея Егоровича Самылина, 59 лет, д. Артово (нын. д. Космозеро), Заонежский (нын. Медвежьегорский) р-н.

Опубликованный вариант: Аст., № 161.

Текст 1938 г. незначительно отличается от записи 1926 г. (характеристика ее — Аст., т. II, с. 799). Изменения затронули в основном строфы и строки.

В сравнении с вариантом 1926 г. большая часть текста, судя по записи, сказывается, хотя былина лишь в отдельных местах перешла в прозу.

№ 17. Ковер Единович (68/35-а).

Запись Е. П. Родиной в мае 1938 г. от Агриппины Федоровны Труховой, 59 лет, с. Липовицы, Заонежский (нын. Медвежьевогорский) р-н.

Опубликованный вариант: Аст., № 151.

В публикуемой записи, по сравнению с вариантом А. М. Астаховой, отсутствуют мотивы игры Ставра на гуслях и состязания его жены с богатырями в стрельбе. За исключением этих мотивов и ряда повторов в варианте 1938 г. оба текста очень близки друг другу на всех структурных уровнях. Характеристика варианта 1932 г. применима и к данной записи (Аст., т. II, с. 799).

№ 34. Про Ставра Годиновича (20/75).

Запись А. В. Беловановой (Щемелевой) 1955 г. от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, 73 лет, д. Ижгора (род. в д. Сарозеро), Пудожский р-н.

Опубликованный вариант: Парил.— Сойм., № 58.

Вариант 1955 г. схематичнее, чем вариант Парил.— Сойм., № 58: выпали мотивы выспрашивания князем Владимиром имени-отчества жены Ставра, мотивы состязания жены Ставра с борцами и некоторые второстепенные мотивы. Еще большему высыпыванию подверглась словесная сторона былины. В примечаниях к записи 1938 г. скомканность текста объясняется занятостью сказительницы во время исполнения. Сведений об условиях сказывания былины в 1955 г. нет, поэтому можно предположить, что былина вообще была слабо усвоена А. Л. Фадеевой и со временем все больше забывалась.

ХОТЕН БЛУДОВИЧ

Исследования: Аст., т. I, с. 639—641; Пропп, 1958, с. 427—442, 590; Пропп — Путилов, 1958, т. 2, с. 475; Путилов, 1971, с. 161; КД, с. 439—440; НБ, с. 426—433.

В. Я. Пропп относит былину к позднейшим былинам о сватовстве, в которых архаические коллизии уступают место мотивам социального неравенства жениха и невесты и конфликта их на этой почве. Этой же точки зрения придерживается и Б. Н. Путилов, привлекая много южнославянских параллелей к былине о Хотене Блудовиче. «...Хотен,— пишет Б. Н. Путилов,— нежеланный жених, которому отказывают по соображениям сословного порядка» (Путилов, 1971, с. 161).

Варианты: НБ, с. 427 (новая публикация, № 68).

№ 50. (Хотен Блудович) (35/178).

Запись С. Вавилиной, Л. Лукиной, И. Сухановой, Т. Величко (руков. экспед. К. В. Чистов) в июне—июле 1956 г. от Анастасии Васильевны Ивановой, 76 лет, д. Гридино, Кемский р-н.

Опубликованный вариант: РНПКП, № 182.

В варианте 1956 г. пропущены финальные мотивы просьбы-угрозы Хотена Офимье отдать племянницу замуж, согласия на это Офимы. В остальном текст варьирует незначительно. Оба варианта очень краткие и содержат лишь основные мотивы былины (характеристика варианта — РНПКП, № 182, с. 437).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ПУБЛИКАЦИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Агренева-Славянская, 1889 — Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными в 3-х частях О. Х. Агреневой-Славянской, ч. III, СПб., 1889.

А.—А.—Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

Аст., 1927 — Астахова А. М. Былины в Заонежье.— В сб.: Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера, вып. 1. Л., 1927.

Аст.—Былины Севера, т. I. Мезень и Печора. Записи, вступ. статья и комментарий А. М. Астаховой. М.—Л., 1938, т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. М.—Л., 1951.

Афанасьев — Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу, т. 2, М., 1868; т. 3, М., 1869.

Афанасьев, 1914 — Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М., 1914.

Багизбаева, 1977 — Багизбаева М. М. Фольклор семиреченских казаков, ч. 1. Алма-Ата, 1977.

Балашов, 1961 — Балашов Д. М. Из истории русской баллады («Молодец и королевна», «Худая жена, жена верная»).—РФ, т. VI. М.—Л., 1961.

Балашов, 1963 — Балашов Д. М. Народные баллады. Вступ. статья, подготовка текста и примечания Д. М. Балашова. М.—Л., 1963.

Балашов, 1975 — Из истории русского былого эпоса («Потык» и «Миккула Селянинович»).—РФ, т. XV. Л., 1975.

Бараг, 1971 — Бараг Л. Г. Сюжеты и мотивы белорусских волшебных сказок (Систематический указатель).— В сб.: Славянский и балканский фольклор. М., 1971.

Барсов, 1867 — Барсов Е. Из обычаев обонежского народа.—ОГВ, 1867, № 12.

Бунаков, 1859 — Бунаков. Два образчика изустного старорусского эпоса.—РС, 1859, № 1, отд. III.

Буслаев, 1861 — Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Древнерусская народная литература и искусство, т. 2. СПб., 1861.

Буслаев, 1861а — Буслаев Ф. И. Волот Волотович.— В его кн.: Русская народная поэзия, т. 1. СПб., 1861.

Буслаев, 1887 — Буслаев Ф. И. Русские духовные стихи (Рецензия на «Сборник русских духовных стихов», сост. В. Варенцовым. СПб., 1860, и на сб. «Калики перехожие» П. Бессонова, М., 1861).— В его кн.: Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887.

Бесс.—Бессонов П. Калики перехожие. Сб. стихов и исследования, вып. I—V. М., 1861.

БПЗ — Былины Печоры и Зимнего Берега (Новые записи). Отв. ред. А. М. Астахова. М.—Л., 1961.

Варенц.—Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. Веселовский, 1872 — Веселовский А. Н. Калики перехожие.—ВЕ, 1872, т. 2, кн. 3.

- Веселовский, 1872а — Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872.
- Веселовский, Разыскания — Веселовский А. Н. Разыскания в области русских духовных стихов, I, вып. 1, 1880; II, вып. 2, 1880; III—V, вып. 3, 1881; VI—X, вып. 4, 1883; XI—XVII, вып. 5, 1889; XVIII—XXIV, вып. 6, 1891.
- Веселовский, 1875 — Веселовский А. Н. Отрывки византийского эпоса в русском.— ВЕ, 1875, апрель.
- Гильф.— Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., изд. 4-е, т. I. М.—Л., 1949; т. II. М.—Л., 1950; т. III, М.—Л., 1951.
- Григ.— Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, т. I. М., 1904; т. II. Прага, 1939; т. III, СПб., 1910.
- Грузинский, 1890 — Грузинский А. Е. Духовные стихи.— ЭО, 1890, № 3.
- Добрыня Никитич — Добрыня Никитич и Алёша Попович. Изд. подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974.
- Жирмунский, 1958 — Жирмунский В. М. Этническое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958.
- Иванов — Топоров, 1965 — Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
- Ивачов — Топоров, 1974 — Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей (Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов). М., 1974.
- Илья Муромец — Илья Муромец. Подготовка текстов, статья и комментарии А. М. Астаховой. М.—Л., 1958.
- Ист.— Дютш — Песни русского народа. Собранны в губернии Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894.
- Ист.— Ляпунов — Песни русского народа, собранные в Вологодской, Вятской и Костромской губерниях в 1893 г. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. СПб., 1899.
- Карнаухова, 1927 — Карнаухова И. В. Сказочники и сказка в Занежье.— Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера, вып. 1. Л., 1927.
- КД — Древние российские стихотворения, собранные Кишею Даниловым. 2-е доп. изд., подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.
- Киреевский, 1848 — Русские народные песни, собранные П. Киреевским, ч. 1. Русские народные стихи.— Чтения, 1848, № 9.
- Кир.— Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I—Х. М., 1860—1874.
- Кирпичников, 1879 — Кирпичников А. И. Св. Георгий и Егорий храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды. СПб., 1879.
- Лавровский, 1864 — Лавровский. Обозрение ветхозаветных апокрифов.— ДВ, 1864, т. IX.
- Линтур, 1968 — Линтур П. В. Украинские балладные песни и их восточнославянские связи.— РФ, т. XI. М.—Л., 1968.
- Ляцкий, 1912 — Ляцкий Е. А. Стихи духовные. Словеса золотые. СПб., 1912.
- Марк.— Марков А. В. Беломорские былины. М., 1901.
- Морозов, 1888 — Морозов П. О. Очерки из истории русской драмы XVII—XVIII в. СПб., 1888.
- Никольский, 1878 — Никольский А. М. Стихи нищей братии.— Изв. ИО ЛЕАЭ, 1878, т. XXX, вып. II, кн. 5.
- Новиков, 1976 — Новиков Ю. А. Этническая традиция Пудожского края. Минск, 1976 (АКД).
- НБ — Новгородские былины. Изд. подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978.
- Озар.— Озаровская О. Э. Бабушкины старины. Пгр., 1916.
- Онч.— Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904.
- Парил.— Сойм.— Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья

и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисловие и ред. А. М. Астаховой, 1941.

Порфириев, 1869 — Порфириев И. Я. Народные духовные стихи и легенды.— ПС, 1869, ч. III.

Порфириев, 1904 — Порфириев И. Я. История русской словесности, ч. 1. Казань, 1904.

Пропп, 1958 — Пропп В. Я. Русский героический эпос. Изд. 2-е. М., 1958.

Пропп — Путилов, 1958 — Былины в 2-х томах. Подготовка текста, вступ. статья и комментарии В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958.

Путилов, 1971 — Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971.

Путилов, 1971а — Путилов Б. Н. Сюжетная замкнутость и второй сюжетный план в славянском эпосе.— В сб.: Славянский и балканский фольклор. М., 1971.

Путилов, 1972 — Путилов Б. Н. Об эпическом подтексте.— В сб.: Славянский фольклор. М., 1972.

ПФМ — Песенный фольклор Мезени. Изд. подготовили Н. П. Колпакова, Б. М. Доброльский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузолов. Л., 1967.

Пыпин, 1857 — Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857.

Пыпин, 1860; Пыпин, 1862 — Памятники старинной русской литературы, изд. графом Г. Кушелевым-Безбородко, вып. 2. СПб., 1860; вып. 3. (Ложные и отреченные книги русской старины, собр. А. Н. Пыпина). СПб., 1862.

РНПКП — Русские народные песни Карельского Поморья. Составители А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Л., 1971.

РНСКП — Русские народные сказки Карельского Поморья. Составители А. П. Разумова и Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974.

РПК — Русские плачи Карелии. Подготовка текстов и примечания М. М. Михайлова. Статьи Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова. Под ред. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1940.

РНПП — Русские народные песни Поморья. Составитель и собиратель С. Н. Кондратьева. М., 1966.

Рожд.— Успенский — Песни русских сектантов-мистиков. Сб. составлен Г. С. Рождественским и М. И. Успенским. СПб., 1912.

Рудин, 1923 — Рудин Б. Духовные стихи (из этнографических записей 1904 г.).— Труды КНО, вып. XXIX, 3-й этногр. сборник. Кострома, 1923.

Рыбн.— Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2-е, т. I. М., 1909; т. II. М., 1910.

Рыстенко, 1909 — Рыстенко А. В. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах.— Записки император. Новороссийского ун-та, 1909, т. 112, № 4—5.

Сидельников, 1968 — Сидельников В. М. Былины Сибири. Томск, 1968.

Смирнов, 1974 — Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М., 1974.

Смирнов, 1976 — Смирнов Ю. И. Эпические песни Карельского берега Белого моря по записям А. В. Маркова.— РФ, XVI. Историческая жизнь народной поэзии. Л., 1976.

Соколов, 1941 — Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941.

Сок.— Чич.— Опежские былины. Подбор и науч. ред. текстов Ю. М. Соколом. Сперанский, 1917 — Сперанский М. Н. Русская устная словесность. М., 1948 (Госуд. литер. музей. Летописи, кн. 13).

Сперанский, 1901 — Сперанский М. Н. Духовные стихи из Курской губернии.— ЭО, 1901, кн. L.

Сперанский, 1904 — Сперанский М. Н. Курский лирник Т. И. Семенов.— ЭО, 1906, кн. LXVIII — LXIX, № 1—2.

Сперанский, 1917 — Сперанский М. Н. Русская устная словесность. М., 1917.

Срезневский, 1867 — Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках.— Сб. ОРЯС, т. I. СПб., 1867.

Тихонравов, 1863 — Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы, т. II. М., 1863.

Фридрих, 1936 — Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда, кн. I. Собранны И. Д. Фридрихом. Рига, 1936.

Шуб, 1950 — Шуб Т. А. Былины русских старожилов низовьев реки Индигирки.— РФ, т. I. М.—Л., 1950.

Якушкин, 1860 — Якушкин П. И. Русские песни из собрания П. И. Якушкина.— ОЗ, т. CXXIX, 1860, кн. 4.

Bossy, 1976 — Bossy M. A. Medieval debates of body and soul.— Comparative literature. Eugene, 1976, vol. 28, N 2.

Brewster, 1972 — Brewster, Paul, G. The incest theme in folksong.— FFC, N 212, vol. LXXX₂. Helsinki, 1972.

Index — Index explonorum. A handbook of medieval religious tales by F. C. Tubach.— FFC, N 204, vol. LXXXVI. Helsinki, 1969.

Jagic, 1876,— Jagic V. Die christlichmythologische Schicht in der russischen Volksepik.— Archiv für slavische Philologie, I Berlin, 1876.

Mazon — Mazon A. Svjatogor ou saint-Mont le Céant.— Revue des études slaves, 1932, t. XII, fasc. 34.

Thompson — Thompson S. Motif-index of folk literature.— FFC, N 106—109, 116—117. Helsinki, 1932—1936.

Thompson — Aarne, 1964 — The Types of the Folktale. S. Thompson — A. Aarne.— FFC, N 184, vol LXXV. Helsinki, 1964.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

БВ — Богословский вестник.

Беседы — Беседы в обществе любителей российской словесности.

ВЕ — Вестник Европы.

ДВ — Духовный вестник.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ЖС — Живая старина.

Записки РГО — Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии.

Изв. АН СССР, СЛЯ — Известия АН СССР, серия литературы и языка.

Изв. ИО ЛЕАЭ — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (Труды этнограф. отделения).

Изв. ОРЯС — Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности.

ОГВ — Олонецкие губернские ведомости.

ОЗ — Отечественные записки.

ПС — Православный собеседник.

РБ — Русская беседа.

РС — Русское слово.

Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности.

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы (Пушкинский дом).

Труды КНО — Труды Костромского научного общества по изучению местного края.

РФ — Русский фольклор. Материалы и исследования (Пушкинский дом).

Чтения — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.

ЭО — Этнографическое обозрение.

СПИСОК СКАЗИТЕЛЕЙ

- Горшков Петр Григорьевич*, Заонежье, д. Демидово, № 1—4.
Егорова Степанида Яковлевна, Пудож, д. Малая Пога, № 19.
Ефремова Анастасия Ивановна, Карельское Поморье, д. Калгалакша № 42—46.
Иванова Анастасия Васильевна, Карельское Поморье, д. Гридино, № 47—50.
Коновалова Екатерина Ивановна, Карельское Поморье, д. Гридино, № 51—52.
Ладина Евдокия Ивановна, Карельское Поморье, с. Кереть, № 53.
Логинов Андрей Степанович, Пудож, д. Мелентьевская, № 40—41.
Малышева Анастасия Яковлевна, Пудож, д. Семеново, № 20—21.
Мыхина Фекла Ивановна, Карельское Поморье, д. Колежма, № 55.
Пашкова Анна Михайловна, Пудож, д. Семеново, № 22—24.
Портнягин Александр Андреевич, Пудож, д. Старое Сигово, № 25—27.
Ремизова Ксения Егоровна, Пудож, д. Алексеево, № 28—30.
Самылин Матвей Егорович, Пудож, д. Артово, № 11—14.
Степанова Ирина Андреевна, Заонежье, д. Подъельники, № 5—10.
Трухавая Агриппина Федоровна, Заонежье, д. Середка, № 15—18.
Фадеева Анастасия Леонтьевна, Пудож, д. Ижгора, № 31—34.
Фофанов Иван Терентьевич, Пудож, д. Климово, № 35—36.
Фофанова Серафима Степановна, г. Пудож. № 37—39.

СПИСОК БЫЛИН, БАЛЛАД И ДУХОВНЫХ СТИХОВ

Алексей человек божий, № 30, 45.

Аника-воин, № 19.

Братья-разбойники и сестра, № 14.

Василий и Софья, № 10, 37.

Волх Всеславьевич (контам. с «Вольгой и Микулой»), № 5.

Голубиная книга, № 54.

Два Лазаря, № 29, 39, 52.

Дмитрий и Домна, № 43.

Добрыня и Алеша, № 1, 11, 28, 33.

Добрыня и Василий Казимирович (контам. с «Добрыней и Алешей»), № 40.

Добрыня и змей, № 16, 31, 35.

Добрыня (сводная былина: «Первый бой Добрыни со змеем»; «Второй бой»; «Женитьба Добрыни»; «Добрыня и Алеша»), № 9.

Добрыня и Маринка, № 36.

Дюк Степанович, № 8, 18, 23.

Егорий (Мучения Егория), № 38, 44.

Егорий (Егорий и змей), № 4 (контам. с «Мучениями Егория»).

Женитьба Дуная и князя Владимира, № 2, 12.

Иван Годинович, № 41.

Иван гостинный сын, № 53.

Илья Муромец и разбойники, № 51.

Илья Муромец и Соловей-разбойник, № 25, 32.

Илья Муромец (сводные былины: «Исцеление Ильи Муромца»; «Бой Ильи Муромца со Збутом-королевичем»; «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь», «Святогор и Илья Муромец», «Илья Муромец и Идолище»), № 6, 7.

Князь Михайло, № 49.

Козарин, № 42.

Михайло Потык, № 15, 47.

Молодец и королевична, № 2, 24, 48.

Наезд литовцев, № 27.

Садко, № 22.

Саул Леванидович, № 46.

Соловей Будимирович, № 20.

Соломан и Василий Окульевич, № 26.

Ставр, № 3, 13, 17, 34.

Хотен Блудович, № 50.

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И СТАРИННЫХ СЛОВ

А

Ащé — еще

Б

Балхóн — балкон.

Барашничать — торговать с прибылью.

Барыши — прибыль, нажива.

Басá — краса, украшение, красота.

Бáять — говорить.

Белойровая (пшеница) — лучший сорт пшеницы.

Бесéдушка, беседа — зд.: «общий сбор» («Собирайтесь-ко, пожалуйста,/В один круг, в одну беседушку:/Что нам делать теперь с морским царем?»).

Блáдень — младенец (см. также младень).

Больши́й — 1) лучший («Не заслужил я у тебя места большего»); 2) старший («Младший тулится за большего»).

Булынь-трава — от булынька, булынья — былинка (?) или искаж. полынь (?) («Дак ты ставай, Добрый, со булынь-травы»).

Буржамéцкий (копье буржамецкое) — вместо мурзамецкий — татарский, восточный, от слова «мурза».

Бусарманин (вм. басурманин) — 1) безбожник, неверующий человек; 2) разбойник. («А есть у меня шубка бусарманьска,/С бусарманина снята»).

В

Вдовá пáшенька — см. также (пáшенька) — бедная, несчастная вдова (от пáшной — несчастный, бедный, бесталанный).

Вéрхний (конец стола) — «почетный», «красный» конец стола.

Верхóвище — зд.: макушка головы, теменная часть («Да на головушке да у Добринюшки/Было родимое знадебко на верховище»).

Взапрекú — неприятно, досадно («Это слово королю да взапреку прishlo»).

Вздрадавáться — возрадоваться.

Виловáтая (береза) — извилистая, искривленная.

Владáть — владеть, обладать.

Волчíя — вероятно, от: «волочить по земле» («Все богатыри собиралися.../Васютка-полы волчия,/Гришка роду боярского». Ср.: «Кому ехать на нахвальщину:/А ехать Васютке-полы долги,/На борьбы полы заплётутся...»).

В осбíну, в осбíцу — особо, отдельно («Князю-солнышку он клонитсе в осбíну»).

Втóпаться — зд.: упасть (простореч.— шлепнуться). («Щурила поехал, да и середки реки в воду втопился»).

Выстáть — встать на ноги («Как выстал Добринюшка на запеcek»).

Г

Гым — им.

Гля — для («Оставь ты нам Щурилушки гля памяти»).

Гоголь — вид утки («Жеребья пловут да будто гоголи»).

Голевая (парча) — парча из чистого золота («На нем шубонька да головой парчи»).

Голь — голытьба, беднота.

Горносталик — горностай.

Гораз(д) — зд.: искусен, ловок, сведущ. («Он горазд играть на музыки»).

Горница — светелка, комната над избой.

Гостебище — пир, участие в пире, пребывание в гостях («Выходила его тут родная доць,/И звала его во гостебище»).

Гостиный ряд — купеческий торговый ряд.

Грай — воронье карканье, птичий крик («Вот ты, сила, слухай грай церного ворона»).

Гряновитые палаты — 1) грановитые, отделанные граненым камнем; 2) расписные, с рисунком.

Гридня — особое помещение или строение в княжеских дворцах, где пировал князь с дружиной.

Грйт — говорит.

Д

Даваться — (см. также подаваться) просить позволения (в данном случае ехать). («Ен у матушки уж да давается»).

Далеко — в знач.: где уж там («А уж оны друг друга не знают. Далеко узнатъ»).

Дёл — добыча, которую предстоит делить («На первой мы дел положим скатно золото,/На второй мы дел положим чисто серебро...»).

Дивиться — удивляться («Не дивую я Чуриле Пленкову,/А я дивую солнышку Владимиру»).

Добротушка — ласкательное слово по отношению к женщине-родственнице, к матери («У моей добротушки у матушки»).

Догадки — хитрости («Золотой казной, грит, не выкупить,/Надо выкупить мне догадками женскими»).

Долгомерное (копье) — длинное копье, ратовище.

Донижаться — упрашивать, умолять («Я у свекровушки подавалася,/У свекровушки донижалася»).

До правы узнатъ — узнать правду («А послал своего слугу верного до правы узнатъ»).

Дорбдный — хороший, красивый, видный (дородный добрый молодец).

Дребезды — дребезги («Розлетелась доска на мелкие дребезды»).

Дайна — тетка («Это, дайна, не буря, не падаря...»), жена дяди.

Е

Е — быть, находиться («Пучай-река да е жестокая»).

Ествица (ед. ч.— ёствице) — еда, кушанье («Садись-ко за столы ты задубовые,/За тыи скатереточкишелковые,/За ествица ты за сахарные»).

Ж

Жадный (или жаждный) — зд.: испытывающий жажду («Накорми-тко, братец, голого меня,/Напой-ко, братец, жадного меня»).

Животинки, живёт — имение, имущество («Дак ты не хвастай животниками вдовскими, сиротскими»).

Жупить — кричать (о птицах). («Вдруг прилетает черен ворон,/Он жупит же Добрыню Микитица,/Жупит он по-птичьему,/Говорит по-человичьему»).

3

Забедно пало — обидно стало («Казалину забедно пало и за конфуз большой»).

Забудущий (питья забудущие) — вызывающий забытье, опьяняющий (о напитках).

Завёт — обет, обещание, уговор («И завет у меня положен»).

Загрять, грать — закаркать (о воронах, галках, грачах).

Задворыще — 1) задняя улица деревни; 2) двор («Уезжал в чисто поле на запольице,/К доброй бабушке на задворыще»).

Задворенка (бабушка-задворенка) — женщина, живущая на задворыце, в задней улице деревни или в одиночко стоящей избушке.

Задыхнуть, задыхаться — зд.: становиться затхлым, застойным («Задохли напитоцьки»).

Заколодеть (о дороге) — стать непроезжей, заваленной упавшими деревьями, колодами («Прямоезжая дорожка заколодела»).

Закон, након — раз («Ен стуцит-гримит да во первой закон»).

Заманывать — обманывать («Не хвастай, молодец, не заманывай»).

Замуравелся — зарости мелкой густой травой («Заколодела дорожка, замуравелся»).

Заносливо — заносчивое («Дитятко заносливо»).

Запечек — 1) место, промежуток между печкой и стеной, к которой она примыкает; 2) настил из досок в пространстве между печкой и стеной («Как выстал Добринюшка на запечек»).

Запольице — 1) место, участок земли, расположенный за полями; 2) дальние полосы пахотной земли («И садился Дюк да на добра коня,/Уезжал в чисто поле на запольице»).

Застенуться, застегнуться (о пуговках Дюка: «Как застенется, дак зашипят...»).

Захлопина — холоп («И ты ай же ты, захлопина боярская»).

Заштывший — жестяной, обитый жестью («У вас церькви деревянные, крыши сосновые, кресты заштывные»).

Здё — здесь.

Здох — вздох («Выпил чару на единый здох»).

Здынуть — поднять («Он здынул кулак да выше головы»).

Земя, зень — земля («Да мать сыра земя колыблеется»; «А с вышины как ена на зень тут тронулась»).

Знáдебка — знак, отметина.

Зобать — есть («Они зоблют кони пшено да белоярову»).

Зáблый — мерзлый, поврежденный морозом («Тут насыпано овсишко зяблоей»).

И

Изгóда — невзгода («Ты здесь со своей дружиной забавляешься,/А про себя изгоды не ведаешь...»).

Инной, юдной — иной, другой («Инной хвастает добрым конем»; «Юдной хвастает да молодой женой»).

Исть — быть, являться («А от добрых людей не есть хвала молодецкая»).

К

Калéки, калíки — средневековые странники (от лат. caligae — обувь паломников).

Калённый — стальной (о стреле с прокаленным металлическим наконечником).

Кáюци — диал. форма от *каются* («Стоят-то уж тут люди, богу молятся,/Стоят каюци да приглашаюци»).

Клюхá-шевы́га подорожная — (клюка-шалыга) — дорожная палка, посох; см. также «шалыга», «шевыга» («Вот он сын да ей приказывают/Нести же шапку-мурманку,/И шапку-мурманку во сорок пуд,/Клюху-шевыгу подорожную, и тоже во сорок пуд»).

Ключник — лицо, заведующее съестными припасами дома, княжеского двора, монастыря и т. д. («У короля в Литвы да у Литовского.../Я три года служил ключником»).

Колода — долблenny гроб из цельного дерева («Полагала беляну во колоду»).

Колько — сколько.

Кольчуживать — надевать кольчугу (о богатыре).

Кóрба (карел.) — чащоба («Проехать путь-дорожку прямоезжую,/Через тыи корбы дремумции»).

Косица, косиця — висок (У Дюка было: «По косицам часты звездоцьки»).

Краснá (лицом) — красива.

Крёжицек — зд.: земля, край земли, обрыва («А праведны-то душеньки по крежицку идут»).

Крестовый (брат) — названный брат, поменявшийся тельным крестом.

Крупнýчатый, крупнýщатый (калачик) — крупчатый, из лучшей пшеничной муки.

Кўмпы — церковные купола («Кресты и кумпы позолочёнын»).

Куревá, куревка — пыль от подымаемого в воздухе песка или сухой земли («Только куревка во полюшке прокурила»).

Л

Лáдиться — готовиться, собираться («Как раз протрублю в турьей рог,/Как ты бы, сила, ладилась кольчуживать»).

Лéжня — спальня («Прочтай трижды Иисусову молитву/И поди сходи в свою лёжню,/Там лежит твоя княгина трудна-больная»).

Лáпина — дверной или оконный косяк («А Илья Муромец осторонился,/Ножик в липину стал»).

Лопáтник — дворовый слуга.

Лóзья-колóдья — прутья (ветки) и бревна («И зарыть его лозьямы-колодьямы»).

Лúда — каменистая мель, выступающий из воды камень («Щупайте по Волге-реки, в широки, глубоки,/Нет ли где не луды, да не камени»).

Луз — диал. форма «луга» («А выезжал богачий да во лузя гулять»).

Лызгать (очевидно: мызгать) — лаять («Лызгает Соловей тут пособацьему»).

Лáцкий, лиховéцкий — литовский («Я есть посол земли ляцкие»).

М

Матёрая — пожилая («Сидит жона матерая»).

Медвяни́ца — вареный мед («Святой медвяницей выпаивай»).

Медвáйный — медовый, сладкий, душистый подобно меду.

Межáнныи, межéнныи (день) — летний жаркий длинный день («Как межанный день идет ко вечеру»).

Метать — 1) бросать, складывать; 2) быстро, с удовольствием есть («Стали они калачики метать»).

Мечáть — см. метать (бросать).

Метéльник — слуга, подметающий двор.

Млáдень — см. бладень (младенец).

Модрýвый — мудрый («Еду я от модривого Соломана/К прекрасному царю Василию Окульеву»).

Мóла — мель («...по Волге-реке/Нет нигде ни луда, ни каменя,/Ни маленькой не молы перемельчены»).

Монéстовка — от: монисто, зд.: деньги («Помнишь ли, Ставер, когда мы с тобой вместе грамоте учились,/В золотую монестовку поигрывали,/В серебряное колечко попадывали?»).

Мурáвленый (о печке) — глазированный, облицованный глазурью.

Мурáшецька — муравей.

H

Нáва-птичина — птица («великая», «страховитая»). («Есть ли из вас таких молодцы:/Овернуться навой-птичиной»).

Наддáтком — впридачу («Она в руку трех и в другу трех/И седьмого наддатком»).

Надлыгáться — надрываться враньем, издеваться. См. также: подлыгаться («Во глазах мужчина насмехается,/Над тобой мужчина надлыгается»).

Назаворáчивать — наловить («Обвернуться левом/И назаворачивать соболей, кунц, чернобурых лисиц»).

Нázим, назéм — навоз («Уж как есть ведь у нас дедков конь,/Во назыму стоит да призарошенный»).

Нáиспаши — с размаху, в сторону, мимо («Он вина не пьет, да вылил наиспашь»).

Накóн — раз («Во-первы након она не слышала»).

Налáдить — договориться («И надумали да наладили/Промеж собой да кинуть жеребий»).

Налúчик, налúник — чехол для лука («Не вынять бы туга лука с налущника»).

На окóль — вокруг, по краю («Он мхи-болота промеж ног спускал,/А синее море на околь бежал»).

Напослéди — напоследок («Напоследи-то ведь сказала Дюкова матушка»).

Насéтка — наговор («Отправляет тут Добрынюшку Никитича/Еще в туюто во землю Ляховитску/По насетке-то Чурилушки Пленковича»).

Настрéльник — чехол для стрел, колчан («Не вынять бы туга лука с налущника,/А каленою стрелы со настрельника»).

Начáльный (город) — относящийся к началу бытия, город городов (Иерусалим считался «пупом земли», первым городом мира: «Поезжал Оника-воин ко начальному граду Ерусалиму»).

Ненавíждеть — ненавидеть.

Несméточна, несмéтоцьна (силушка, войско) — несметная.

Невдалéчу — недалеко («Невдалечу завидла часовенку»).

Нé мочи — нельзя («Уж какой-то богатырь наехау Дюк Степанович,/Что не мочи его ничим уштрафити»).

Неумíльные (речи) — невежливые, неприятные («Посадить Сталоверста Гардинова/Во погреба глубокие за речи неумильные»).

Нýжний (конец стола) — противоп.: верхний (конец стола) — непочетный («У того стола конца у нижнего,/Там сидел-то старый Вермята сын Васильевич»).

Нýньку, нýнь — нынче, сейчас.

Нынеку — см. нуньку.

Нырkóм — нырнув под воду («Как в краю нырком пойдет — другому вынырнет»).

O

Обгáнивать (коня) — объезжать («Поехал Самсонушко коня обганивать,/Обганивать, обхлыстывать»).

Обжá — оглобля у сохи («Подъехал ратай-ратаюшко,/Схватил сошку за обжу»).

Обзадориться — раззадориться, войти в задор («А молодой Чурилушка тут Пленкович/Он обзадорился, не успокоился»).

Обнадёжить — помочь, зд.: одеть («Обнадежь, обуй, братец, босого меня»).

Обрадётъ — обрадоваться.

Обрать — убрать, вобрать («И обери-тко ты да всю-то кровь поганую» — Добрыня обращается к «матушке сырой земле»).

Одвá — еда.

Одина́кий — 1) одинаковый («Тридцать три молодца, все одинакие»); 2) единственный («У этой у вдовушки у пашенки/Было девять сыновей, одинака дочь»).

Одино́цовый — из цельного куска материала («А по тем мосточкам по кленовым/А положены ковры да одинцовье»).

Окóленьки, окóленки, окóнница — оконные рамы («Терема-то только вси зашаталися,/А околеньки вси посыпались»).

Окóль — вокруг («Околь силушки заушку не обскакать»).

Окóльный — 1) о дороге: объездная дорога, в противоположность прямой, 2) скамеечки: находящиеся рядом с чем-либо.

Окольчуживать, см. также *кольчужить* — 1) надевать на коня сбрую с попоной из металлических колец («Выводил коня да на широкий двор,/Стал заседывать да окольчуживать»); 2) надевать на себя кольчугу, снаряжаться («Одевает он одежду богатырскую,/Вооружился да окольчужился»).

Омёшки, бмёшки — лемех, сошник, железное острие у сохи («Сошка поскрываивает,/Омешки о камешки прочиркивают»).

Онное — некоторое («Проходило время онное»).

Опáрубки, пárобы, пárомки — слуги («Тут опарубки боярские догадливы:/Принимали у гостей да коней добрых»).

Опочíв (держать) — почивать, спать («Ты ложись-ка спать да опочив держарь»).

Оставлéнице — наследник («Оставилоси оставленьице,/Что Егорий-свет да он семнадцать лет»).

Отомнуть — отомкнуть, отпереть («Он велел тебе отомкнуть да кованы ларцы»).

Отмýривать — зд., судя по контексту, — освобождаться из темницы («Стал с подлоба поглядывать, отмуриваться»).

Отрóдье — потомство («Он просил у господа отродья,/Хоть мужьского или полу женьского»).

Отсóль — отсюда.

Оттúль — оттуда.

Отцина — вотчина, земля, состоящая во владении, родовое имение («Что послал господь нам посланицька,/Оцистил нашу отчину»).

Очёстовать, учёстовать — оказывать почет, внимание («А приехал — вы меня не очёстовали...»).

П

Пáдара, пáдеро — буря, выuga («Не было ни бури, ни падари,/Терем пал, виноград сломал»).

Пáдше — паче, лучше («Он же мне да падше брата родного»).

Пáсть (о вести) — дойти («Пала весть Роману Митриевичу»).

Пáлица — дубина.

Пáрубок, см. опарубок, паромок — слуга.

Пáромок, см. опарубок, парубок — слуга.

Пáсточки — ловушки для птиц («Вей веревочкишелковыи,/Ставьте пасточки дубовые»).

Пáшенька, пáшица — бедная, несчастная.

Перéное (крыльцо) — крыльцо с перилами.

Пересéльское (село) — от: *пересéльщик* — переселяющийся куда-либо («Попленили два села пересельских»).

Печёрочки, пецёрочки — пещеры («печерочки змеиные»).

Плуживья — от *плутьво* — поплавок для рыболовных сетей («Невода вяжи шелковыи,/Кладите плуживья серебряны»).

Победушка — беда, несчастье («А победушки ты над собой не ведаешь»).

Победный — несчастный («Вы останьтесь-то, вы победные»).

Повысмекать — постичь, подсчитать («Так не могли глазами повысмекать,/А не только повыписать»).

Подаваться — 1) спрашивать, проситься; 2) проситься спать в выражении: «Вот у царя подавались к ночи, и ён пустил».

Подать — подарить («И подать мни на память гусли звонкие»).

Подбекрениться — поставить руки в бока («А как увида молодушки —/Так подбекренются»).

Подкрестовый (брат) — см. крестовый.

Подлыгаться — издеваться, лгать («Ведь он говорит да подлыгается,/Да над тобою насмехается»).

Подорожные (мужики) — грабители на дорогах, разбойники («Там мужики ты подорожныи,/Просят деньги подорожныи»).

Поединщик — один из двух противников-бойцов («...Наастасья-королевична/Ездит во чистом поли, полякует,/Ищет себе поединщиков»).

Поезджать — поезжать.

Поезд — отъезд («Уж как дала Добрыни на поезде родна маменька»).

Покляп(ый) — 1) пригнутый книзу, понурый (о человеке) («Ой сутул-горбат, наперед покляп»); 2) дерево с кривым стволом, обычно в былинах — береза.

Поладиться — войти в привычку, поверить («Никому это слово не поверится,/И никому это слово не поладится», т. е. с ним не будут соглашаться, считаться).

Полёница, полёница — женщина-богатырка.

Полон — плен.

Полбахать — пугать, тревожить, переполошить («Не пугай, не полохай людей добрых»).

Полудённый — южный.

Полушки, полушки — дань («Отправил ёго в города за полуцками»).

Поляковать — ездить в поле воевать («Ездит во чистом поли, полякует»).

Помитуситься — покривиться («Терем пал, виноград приломал,/Малые теремки помитусилисе»).

Пораздираться — занемочь, разболеться («И она с вечера да взяла породзилась,/Ко полуночи да й порасхорилася»).

Позакладываться — побиться об заклад, поспорить на что-либо («Не хощешь ли с нашим Щурилой Щаплёнковичем позакладываться?»).

Полустолье, полуперье — в выражении: «Уж стол-то был во полу-столье,/А пер-то был в полупере» — т. е. пир (и угождения) наполовину прошел.

Пометельщики, см. метельщики («У моей у милой матушки/На дворе ее пометельщики»).

Помялышко — помело для обметания печи перед посадкой хлеба «Дровца-то у вас еловый,/А помялышки сосновыи»).

Порядбовые (соседи) — близкие, от «порядок» — ряд домов по одной стороне деревенской улицы.

Посёлье — поселенье, деревушка («Приехали в поселье соловьиное»).

Постельник — прислужник в спальне.

Постолье, подстолье — место под столом («Кобели по подстолью похаживают,/Крошечки убогому посырывают»).

Посуконщики — торговцы сукном.

Потничек — подстилка под седло («Он положил войлучки,/А на войлучки положил потнички,/А на потнички седельце черкацкое»).

Потолкучие, толкучие (о горах) — раздвигающиеся и вновь сходящиеся горы.

Потребить — уничтожить, погубить («Моего мужа в воду бросили,/А младенчика взяли потребили»).

Потрёсклиться — попасть (*«Зашел в божью церковь,/Оны испугали-
се,/Некоторы в окно потросклисе».*)

Похмáтки — ухватки, повадки (*«У ней есть вси похматки женския».*)

Почевáльня — опочивальня, спальня.

Преставиться, перестáвиться — умереть.

Прибрать — выбрать (*«Вы приберите ко мне невесту хорошую».*)

Приворóтники — слуги, охраняющие ворота (*«Приворотников да он не
спрашивал».*)

Придвéрники — слуги, охраняющие вход в дом (*«Всех придверникov да
прочь отталкивал».*)

Приглашающи — форма от глаг.: голосить, причитывать (*«Стоят-то уж
тут люди, богу молятся,/Стоят каючи да приглашающи,/На войну-то уж ёны
отправляются».*)

Пригодйтъся — в знач.: оказаться (*«А с собой у меня струночек не при-
годилося».*)

Признатъ, отзять, призять — поднять (*«Возьми-ка ты этого заюшка
скакучего да прыгучего,/Брось-ка его через правое плечо»./Алешенька Попо-
вич и признать не мог»).*

Призять — см. признать (*«А Никитушка Добрынюшка/Только от земи
чуть призял» (о зайце).*)

Приобматереть — постареть (*«Через пять-то лет Микита бородой оброс
да приобматерел».*)

Припéчек, припéчек-1 — место перед печью; 2) лежанка на печи
(*«Пришел он да на почестен пир,/Сел на печку на припечек».*)

Припутить — пленить (от «пути»?) (*«Прирубил, припутил всех тата-
ровьев».*)

Присёлок — небольшое селенье, деревня, которая приселилась к большей
со стороны (*«Завоюю девять сел с приселками».*)

Присбóшек — сошная лопаточка для отворота земли.

Пристáть — начать (*«Как пристала тут искать да Олисафия».*)

Приужáхнуться — ужаснуться, испугаться (*«Как увида красны девушки,
Так приужахнутся».*)

Прогрязнуть — провалиться в грязь (*«Эта дивица да нунь да прогрязну-
ла,/Во подпольи нунь да глубокии».*)

Пýданы — пядь, мера в четверть аршина, расстояние между большим
и указательным пальцами (*«Чудо Идолище страшное,/Голова с пивной ко-
тел,/Промеж ушами пýданы с локотью».*)

Пятерíца — число «пять» (*«Над воротами икон семь десятков с пяте-
ричкою».*)

P

Раздёрнуть — начать, открыть (*«У ласкова князя у Владимира/Роздер-
нут как был почестен пир».*)

Раскорáкою, раскорáкою — растопырив руки и ноги (*«Был я в моло-
ду пору,/И находился от Романа Митриевича раскоракою».*)

Растóлнуться (о горах) — раздвинуться (*«Только горушки растоунулись,
не стоунулись».*)

Рáтаться, рáтиться — ратовать, воевать (*«Он вчерась-то день билсе со
змеем, рателся».*)

Ретíвый — горячий, пылкий на дело (*«А угодил в серыце ретивое».*)

Решíть — убить, погубить (*«Тут-то она и сказала, что решиу, верно,
свою младую головушку».*)

Рóвня — 1) чета, пара под стать; 2) сверстник, сверстница (*«Ой чим мне,
дяденька, хвастать не похвастати:/Ой ровня во Киеви жениласи,/Ой равны
подружки замуж ушли».*)

Рогáч — рукоятка у сохи.

Родíмное (знадебко) — отметина от рождения (*«Да на головушке да
у Добрынюшки/Было родимное знадебко на верховище».*)

Рубечóк — бороздка, царапина, след от раны, зд.: примета («У моего-то роженого дитятко/Была родимная знадебка-рубечок»).

Рýшать — резать на части пирог, хлеб, птицу («Хлеба-соли да откуса-ти,/Белой лебеди порушати»).

Рýбина (кроваточка) — из кости моржа («Приходили как к кроваточ-ки рыбиной»).

Рýтый (бархат) — с цветами, узорами, вытисненными по ворсу.

Рýчáть — кричать («И зарычи-то ты да там да ясным ясаком»).

Рýхнуть — рявкнуть, крикнуть, заорать.

C

Сбáвить — избавить («Спасибо тебе, молодой Добрынюшка Микитьи-нич,/Сбавил нас от победы великою»).

Свалýться — зд.: лечь («свалиться спать»).

Сватух — сват («Это не посол ли чужой земли,/Не сватух ли моей пле-мянницы?»).

Сверстná (умом) — 1) догадливая, сообразительная («Чтоб была умом сверстна и лицом красна»). Добавочное значение — 2) под стать умом.

Седáтый — седоватый, с проседью («старичок седатенький»).

Сéнные (девушки) — служанки («А потом пойдут да сенны девушки»).

Сáнцы — сени.

Скáтный (жемчуг) — крупный, круглый.

Сколыбáться — заколебаться, задрожать («земля сколыбаласе»).

Скорýтесь — взмолиться («Скорилсе тут Соломон-царь»).

Скоропíвчатый — написанный скорописью, скорописчатый («Он писал да скоропивчатую грамотку»).

Скошевáться — образоваться, собраться («Вдруг его сила скошеваласе»).

Скрóзь — сквозь.

Смолýтесь — взмолиться.

Содержáвшка, сдержáвшка — глава дома, муж, хозяин («Милая моя ты ладушка,/Дорогая моя содержавушка»).

Сойtí — приди («Стопим байну, дак сойдет, дак мы увидим,/Что муж-чина али женщина». — Об «испытании пола» переодетой в мужчину жены Ставра).

Соловáя (кобылка) — желтоватой масти.

Сорокóвка (бочки-сороковки) — бочка сороковая, мерная, в 40 ведер.

Срыцáть — см. рычать, кричать.

Стáв — станок для тканья («Как одна сижу за ставом да запою...»).

Стáрица — монахиня («Мы во старици да тебя постригем»).

Стегнó — бедро («Не выдай меня, дивчину, за женщину,/У ней походоч-ка в ногах частенькая,/Стегно жмет и товар бережет»).

Стойка — дверной столб, на который навешивали двери. («Он ведь две-ри со стойками выдергивал»).

Стóлнуться — сдвинуться, столкнуться («Только горушки растоунулись — не стоунулись»).

Столовáнище — званый обед, пир («Был почетный пир да столо-ванище»).

Столóп — столб («столоп до небушка»).

Стольник — смотритель за царским (княжеским) столом («Я три года служил стольником»).

Стóльный — столичный город.

Сторóдливо — осторожно («Ангела вокруг его похаживают,/Как горько и вольно и стородливо/Душу его вынимати...»).

Стóснуться — стосковаться («Она год жила — не стоснуласи»).

Стойáтый — 1) выдержаный, долго стоявший (о медах); 2) эпитет ко-нююши, где есть стойла; 3) эпитет береженых, кормленых, холеных (о ко-нях). («Впрягали коней стоялых»).

Страховитый — страшный, опасный («Как Пучай-река-то есте страхо-витая»).

Стретать — встречать («Как стретала нунь эта дивича»).

Сыть — еда, пища, зд.: бранное слово: («Ах ты, волчья сыть да травяной мешок»).

Сычёный (мед) — разварной мед на воде («А княгина потчуэт Ильюшу мёдом сычёным со своих рук»).

Съехать — приехать («Съедете, так кланяйтесь/Моей маменьке Меуфе Тимофеевной»).

Т

Тавлеи — древняя игра в кости («Ей не угодно ли сесть играть да в шашки шахманные,/В тыи тавлеи золоченые»).

Тая — та («Тая за тебя замуж не пойдет»).

Ти, те — тебе.

Тоé — те, то («А купци да торговыци — тое дружья мои»).

Тропнуться — удариться («А с вышины как ёна на зень нунь тропнулась»).

Тулиться — прятаться («А передней тулился за середнего»).

Тўлово — туловище.

Тын — забор («Подведи к тыну высокому»).

Тý — тебя.

У

Угбжество — красота («А не для красы-басы, угожества»).

Угрáживать — угрожать («И уж как этим ты меня да не уграживай»).

Удумать — надумать, решить («Это ты удумал биться о велик заклад»).

Ужáхнуться, приужахнуться — ужаснуться, испугаться («Ужахнулся верный богатырский конь»).

Укрéпа — крепость, сила («Как не гля-ради красы-басы да молодецкой,/А гля-ради укрепы богатырской»).

Устрíч (волосы) — остречь.

Уконуть(ся) — упросить(ся), умолить(ся), зд.: согласиться («Палачи на деньги не уконулись»).

Улáн — татарский сановник, мурза.

Урбчное, урёцное (время) — положенное («Прошло урёцное время,/Принесла ему княгина-жона сына»).

Уштрафить — устрашить («Что не мочи его ничим уштрафити»).

Ф

Фалá — хвала.

Фатítь — схватить.

Х

Хорóбрый — храбрый.

Ц

Церьнёзенка — искаж.: черкес («Поглядел в трубку подзорную,/Увидел в поле церьнезенку»).

Ч

Чáяться — надеяться, ожидать («А супруга его, молода жона,/Не начая-ласи, не дождаласи»).

Червлéный, черлéный (корабль, вяз) — темно-красный, багряный.

Черкальский, черкацкий — черкасский, черкесский («седельце черкацкое»).

Чёрнь — черенок, рукоятка («С горя хватил он ножищо-кинжалищо,/Ой поставил он чернем вниз, кверху носом вострыим»).

Честна (вдова) — уважаемая, почитаемая.

Чоботный (мастер) — сапожник («У меня, грит, сидит триста чоботных мастеров»).

Чудиться — удивляться («Они чудушку да чудуются»).

Чумбур, чембур — повод, уздечка («На чумбурах на шелковых/Привязано два жеребца неезженых»).

Ш

Шалыга, шевыга и т. д.— клюка, дорожная палка, дубина, металлический прут («Как он начал тут по комнатам поваживать,/Вот уж начал он шалыгой поколачивать»).

Шапка-мурманка — шапка особого покроя, от слова мурманский («Вот он сын да ей приказыват/Нести же шапку-мурманку»).

Шашки-шахманки — шашки, шахматы.

Шахманная (доска) — шахматная.

Шпенёк — щип («У меня во гусельшках яровчатых.../Ах шпенечки все да поломалисе»).

Щ

Щап — щеголь.

Щапливый — щеголеватый, франтоватый («А на походочку нет щапли-вее Чурилы Пленковича»).

Щобот, чобот — сапог.

Э

Этто — здесь («Этто много есть Дюковых прислуг вам ходить»).

Ю

Ю — её («Повез он ю во Киев-град»).

Я

Яловый — из ели («А обручики да есть ведь тут яловые»).

Ярлык — письмо, грамота («И пиши ярлыки золотой строкой»).

Яровчатый (гусельшки) — яворчатый из дерева явора, род чинары или платана.

Ясак — голос, крик («И зарычи-тко ты да там да ясным ясаком»).

Яства — кушанья («яствушки сахарные»).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
О былинных сказителях Карелии	8

ЗАОНЕЖЬЕ

Петр Григорьевич Горшков	
1. Добрыня и Олёша	33 268
2. Женитьба князя Владимира (Женитьба Дуная и князя Владимира)	36 276
3. О Сталевёрсте Гардинове	43 288
4. Кудрянище (Мучения Егория, Егорий и змей)	48 275
Ирина Андреевна Степанова	
5. Вольга Всеславьевич (Волх Всеславьевич, Вольга и Микула)	53 265
6. Илья Муромец	58 281
7. Про Илью Муромца	72 281
8. Боярин Дюк Степанович	79 273
9. Про Добрыню	86 272
10. Про Софью (Василий и Софья)	99 253
Матвей Егорович Самылин	
11. О Добрыне Никитиче (Добрыня и Алёша)	101 259
12. О князе Володимере Киевском (Женитьба Дуная и князя Владимира)	104 276
13. Про Ставра сына Годиновича	107 288
14. (Братья-разбойники и сестра)	111 263
Агриппина Федоровна Трухавая	
15. Михайло Потык	113 283
16. Бой Добрыни со змеем	116 271
17. Ковёр Единсвич (Ставр Годинович)	121 288
18. Дюк Степанович	123 273

¹ Первая колонка цифр обозначает страницу текста, вторая — примечания.

ПУДОЖ

Степанида Яковлевна Егорова		
19. Про Онику-воина	135	262
Анастасия Яковлевна Малышева		
20. Соловей Гудимирович	139	284
21. Старина про удалого молодца (Молодец и королевична)	140	
Анна Михайловна Пашкова		
22. Садко купец богатый	141	286
23. О Дюке Степановиче	152	273
24. Молодец у Литовского короля (Молодец и королевична)	172	284
Александр Андреевич Портнягин		
25. Старина (Илья Муромец и Соловей-разбойник)	174	278
26. (Соломан и Василий Окулович)	177	287
27. Силеван король земли Литовскою (Наезд литовцев)	181	285
Ксения Егоровна Ремизова		
28. Про Добрынюшку (Добрыня и Алеша)	185	269
29. Про Лазарей	188	267
30. Ефимьян князь великой (Алексей человек божий)	190	261
Анастасия Леонтьевна Фадеева		
31. Про Добрыню (Добрыня и змей)	195	271
32. Илья Муромец (Илья Муромец и Соловей-разбойник)	197	278
33. (Добрыня и Алеша)	201	270
34. Про Ставра Годиновича	205	288
Иван Терентьевич Фофанов		
35. (Добрыня и змей)	207	272
36. Про Добрыню (Добрыня и Маринка)	213	272
Серафима Степановна Фофанова		
37. (Василий и Софья)	216	262
38. Про Георгия (Мучения Егория)	217	274
39. (Два Лазаря)	218	267
Андрей Степанович Логинов		
40. Про Добрыню Микитица, как везли дань (Добрыня и Василий Казимирович, Добрыня и Алеша)	220	270
41. Про Ивана Гуденога (Иван Годинович)	226	277
КАРЕЛЬСКОЕ ПОМОРЬЕ		
Анастасия Ивановна Ефремова		
42. Про Казалина	233	283
43. Дмитрий-князь (Дмитрий и Домна)	236	268
44. Егорий святохр(абрый) (Мучения Егория)	237	274
45. Жил-был Ефимьян князь богатый (Алексей человек божий)	239	262
46. (Саул Леванидович)	241	286
Анастасия Васильевна Иванова		
47. Потык сын Иванович : : : : :	242	284

48. Дунай и Настасья (Молодец и королевична)	246	285
49. Князь Михайла и жена	247	282
50. (Хотен Блудович)	249	288
Екатерина Ивановна Коновалова		
51. О старом казаке Илье Муромце (Илья Муромец и разбойники)	252	278
52. (Два Лазаря)	253	268
Евдокия Ивановна Ладина		
53. Иван Гостиный сын (Мать продает своего сына)	256	277
Фекла Ивановна Мыхина		
54. (Голубиная книга)	258	266
Примечания		
Список сокращений		261
Список сказителей		290
Список былин, баллад и духовных стихов		295
Словарь диалектных и старинных слов		296
		297